

ISSN 2587-9510 (print)
ISSN 2782-4632 (online)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

№ 3 (58) 2025

- Лингвистика
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

№ 3 (58) 2025

- Linguistics
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-70532 от 25.07.2017.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал выходит четыре раза в год.

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» 34121.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – С.А. Скуридина, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Н.Б. Бугакова, доктор филологических наук

Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминева** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Л.Н. Верховых** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Великий Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **С.М. Махмудова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Р.О. Муталов** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.С. Обухова** – доктор филологии – Скопье, Северная Македония; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Р.Б. Унарокова** – доктор филологических наук – Майкоп, Россия; **Е.А. Шаронова** – доктор филологических наук – Саранск, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия; **Г.Н. Ягафарова** – доктор филологических наук – Уфа, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal «Actual Issues of Modern Philology and Journalism» is included into the list of leading scientific publications which publishes the results of thesis for the degree of doctor of science and PhD.

The subscription index in the United catalog "Press of Russia" is 34121.

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology

Deputy chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology

N.B. Bugakova, doctor of philology

Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **L.N. Verkhovyykh** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Ereemeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Velikiy Novgorod, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **E.O. Kuzminykh** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **D. Lesnevska** – PhD – Sophia, Bulgaria; **S.M. Makhmudova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **R.O. Mutalov** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.S. Obukhova** – doctor of philology – Skopje, Northern Makedonia; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **Yu.S. Popova** - PhD in philology – Voronezh, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtogytkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **R.B. Unarokova** – doctor of philology – Maykop, Russia; **E.A. Sharonova** – doctor of philology – Saransk, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia; **G.N. Yagafarova** – doctor of philology – Ufa, Russia.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Address of the founder and publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

© Voronezh State Technical University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Скуридина С.А.</i> Вступительное слово главного редактора.....	8
Лингвистика	
<i>Андреас Е.А.</i> Семантический анализ новых англоязычных аббревиаций в рамках «глубокого обучения»: академический дискурс.....	9
<i>Свиридова Т.Н.</i> Словообразовательный потенциал неологизмов в англоязычном финансово-экономическом дискурсе.....	16
<i>Гирфанова Э.М.</i> Проблемы развития навыков языковой догадки у изучающих русский язык как иностранный.....	25
<i>Вохминцева А.В.</i> Терминология родства: аспекты изучения.....	33
<i>Вострокнутова Н.Н., Шехватова А.Н.</i> Дисциплина «Культура речи» в медицинском вузе: задачи и перспективы.....	41
<i>Малыхина Т.М., Боева Е.А.</i> Двухкомпонентная географическая лексика (прил.+сущ.) в курской топонимике.....	50
<i>Недоступова Л.В.</i> Своеобразие речевого портрета жительницы села Скупая Потудань.....	61
<i>Воронина Л.В.</i> «Упаковочные» явления смысла: к вопросу о способах коммуникативно-прагматического выдвижения смысла «цель» в современном русском политическом дискурсе.....	69
Аспекты изучения художественного текста	
<i>Чуйков П.Л.</i> Гоголевский контекст в повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон».....	77
<i>Воронова Т.А.</i> Имя и творчество композитора Н.А. Римского-Корсакова в структуре романа И.В. Головкиной «Лебединая песнь».....	83
<i>Струкова Т.Г., Фомина А.М.</i> Сопоставительный анализ образа книги как цивилизационного символа в романах Р. Брэдбери «451° по Фаренгейту» и У. Эко «Имя Розы».....	90
<i>Сулемина О.В., Саратов М.В.</i> Репрезентация антифашистской проблематики в современной медиаиндустрии.....	95
<i>Бугакова Н.Б., Ревякина Т.Л.</i> Топонимикон романа А. Платонова «Счастливая Москва».....	100
<i>Макарова В.Ф.</i> Литературная игра в современной татарской драматургии.....	107
<i>Скуридина С.А.</i> Личные имена <i>Федор</i> и <i>Павел</i> в антропонимной модели романа «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского.....	119
<i>Наумцев И.И.</i> «Пчелиный» текст в творчестве Е. Блажеевского.....	126
Писатели-юбиляры: А.П. Чехов и С.А. Есенин	
<i>Новикова М.В.</i> Музыкальные мотивы в поэзии С. Есенина.....	133
<i>Сулемина О.В., Попова Ю.С.</i> Страх в «святочных» рассказах А.П. Чехова (на примере рассказов «Сон» и «Страшная ночь»).....	141
Лингвокультурология	
<i>Губанов С.А.</i> Когнитивная эпитетация в текстах М. Цветаевой: зооморфный код.....	146
<i>Бутенко Е.Ю.</i> Объективация понятия «the establishment» /«истеблишмент» в английской эмоциональной картине мира.....	155
Межкультурная коммуникация	
<i>Гурина В.И.</i> Особенности культурной адаптации в переводе (на примере киноперевода франшизы «Шрек» и советского фильма «Бриллиантовая рука»).....	164
<i>Гордеева М.Н.</i> Аксиологическое восприятие массовой смерти в англоязычных стендап-выступлениях.....	172
Журналистика в историко-теоретическом аспекте	
<i>Чжан Ю.</i> Инициатива «Один пояс – один путь» в китайских и российских средствах массовой информации: критический дискурс-анализ.....	180
<i>Бугакова Н.Б., Осипов В.В.</i> Индивидуальные трансляции как основной жанр киберспортивной журналистики.....	192
<i>Самойленко Н.С., Сухова К.И.</i> Особенности коммуникативного этикета в IT-компаниях с применением технологий удаленного взаимодействия.....	201
<i>Бугакова Н.Б., Клепов М.Д.</i> Информационно-развлекательный подкаст как жанр конвергентной журналистики.....	206

Язык СМИ

Кузьминых Е.О., Андреева А.А. Любительские отзывы к экранизации М. Локшина «Мастер и Маргарита» как способ ее оценки..... 220

События, обзоры, рецензии

Ковалева Л.В. Когнитивная теория языка: философские основания и направления исследований (обзор монографии Л.А. Манерко)..... 227

Белова А.В. Штрихи к портрету: Александр Павлович Чехов..... 233

Бугакова Н.Б., Скуридина С.А. Итоги IV Всероссийской научно-практической конференции «Дух, душа и тело в мировой культуре» (Воронеж, ВГТУ, 10 сентября 2025 г.)..... 239

Правила оформления статей..... 245

CONTENTS

<i>Skuridina S.A.</i> Opening remarks of the chief editor	8
Linguistics	
<i>Andreas E.A.</i> Semantic analysis of new English abbreviations in the framework of “deep learning”: academic discourse.....	9
<i>Sviridova T.N.</i> The word-formation potential of neologisms in English financial-economic discourse.....	16
<i>Girfanova E.M.</i> Problems of developing language guessing skills for students of Russian as a foreign language.....	25
<i>Vokhmintseva A.V.</i> Kinship terminology: study aspects.....	33
<i>Vostroknutova N.N., Shekhvatova A.N.</i> Culture of speech as a discipline at the medical university: problems and prospects.....	41
<i>Malykhina T.M., Boeva E.A.</i> Two-component geographical vocabulary (adj. + noun) in Kursk toponymy.....	50
<i>Nedostupova L.V.</i> The peculiarities of the speech portrait of a village woman from Skupaya Potudan.....	61
<i>Voronina L.V.</i> “Packaging” phenomena of sense: revisiting the communicative-pragmatic foregrounding of the purpose semantics in contemporary Russian political discourse.....	69
Literary text: aspects of study	
<i>Chuykov P.L.</i> Gogol's context in F.M. Dostoevsky's novel «Uncle's Dream» (1859).....	77
<i>Voronova T.A.</i> The name and works of composer N.A. Rimsky-Korsakov in the structure of I.V. Golovkina's novel “The last song”.....	83
<i>Strukova T.G., Fomina A.M.</i> Comparative analysis of the image of book as a civilizing symbol in the novels by F.R. Bradbury “Fahrenheit 451” and U. Eco “Ill nome della Rosa”.....	90
<i>Sulemina O.V., Saratova M.V.</i> Representation of antifascist problems in modern media.....	95
<i>Bugakova N.B., Revyakina T.L.</i> Toponymicon of A. Platonov's novel “Happy Moscow”.....	100
<i>Makarova V.F.</i> Literary play in modern Tatar drama.....	107
<i>Skuridina S.A.</i> The personal names of <i>Fedor</i> and <i>Pavel</i> in the antroponymic model of the novel “The Karamazov brothers” by F.M. Dostoevsky.....	119
<i>Naumtsev I.I.</i> The “bee” text in the work of E. Blazheevsky.....	126
Jubilee writers: A.P. Chekhov and S.A. Yesenin	
<i>Novikova M.V.</i> Musical motifs in S. Yesenin's poetry.....	133
<i>Sulemina O.V., Popova Yu.S.</i> Fear in A.P. Chekhov's “Yulitide” stories (on the example of stories “A dream” and “A terrible night”).....	141
Language and culture studies	
<i>Gubanov S.A.</i> Cognitive epithetation in M. Tsvetaeva's texts: zoomorphic code.....	146
<i>Butenko E.Yu.</i> Objectification of the concept of “the establishment” in the English emotional worldview.....	155
Intercultural communication	
<i>Gurina V.I.</i> Features of cultural adaptation in translation (using the example of the film translation of the Shrek franchise and the Soviet film “The diamond arm”).....	164
<i>Gordeeva M.N.</i> Axiological apprehension of mass death in Anglo-Saxon stand-up shows.....	172
Journalism in historical and theoretical aspect	
<i>Zhang Y.</i> “One belt, one road initiative” in Chinese and Russian media: critical discourse analysis.....	180
<i>Bugakova N.B., Osipov V.V.</i> Individual translations as the main genre of cybersport journalism.....	192
<i>Samoilenko N.S., Sukhova K.I.</i> Peculiarities of Communicative Etiquette in IT Companies in the Context of Remote Communication Technologies.....	201
<i>Bugakova N.B., Klepov M.D.</i> Information and entertainment podcast as a genre of convergent journalism....	206

Language of mass media

Kuzminykh E.O., Andreeva A.A. Amateur reviews on M. Lokshin's film adaptation of "The Master and Margarita" as a way to evaluate it..... 220

Events and reviews

Kovaleva L.V. Cognitive theory of language: philosophical grounds and directions of research (review of L.A. Manerko's monograph)..... 227

Belova A.V. Strokes to the portrait: Alexander Pavlovich Chekhov..... 233

Bugakova N.B., Skuridina S.A. Results of the IV all-Russian scientific and practical conference "Spirit, soul and body in world culture" (Voronezh, VSTU, 10th September, 2025)..... 239

Layout of the articles..... 245

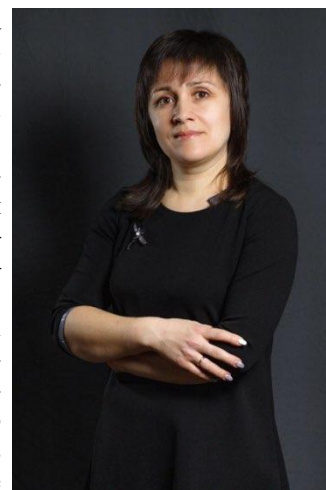
Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей пятьдесят восьмой выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Лингвистика», II «Аспекты изучения художественного текста», III – «Писатели-юбиляры: А.П. Чехов и С.А. Есенин», IV – «Лингвокультурология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Концептология», VII – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VIII – «Язык СМИ», IX – «События, обзоры, рецензии».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 30 научных работ. Раздел «Лингвистика» включает статьи, представляющие семантический анализ новых англоязычных аббревиаций в рамках «глубокого обучения» (*Е.А. Андреас*), выявляющие словообразовательный потенциал неологизмов в англоязычном финансово-экономическом дискурсе (*Т.Н. Свиридова*), анализирующие проблемы развития навыков языковой догадки у изучающих русский язык как иностранный (*Э.М. Гирфанова*), рассматривающие аспекты изучения терминологии родства (*А.В. Вохминцева*), обозначающие задачи и перспективы преподавания дисциплины «Культура речи» в медицинском вузе (*Н.Н. Вострокнутова*, *А.Н. Шехватова*), рассматривающие двукомпонентную географическую лексику (прил.+сущ.) в курской топонимике (*Т.М. Мальхина*, *Е.А. Боева*), описывающие своеобразие речевого портрета жительницы села Скупая Потудань (*Л.В. Недоступова*) и обращающиеся к вопросу о способах коммуникативно-прагматического выдвигания смысла «цель» в современном русском политическом дискурсе (*Л.В. Воронина*). Раздел «Аспекты изучения художественного текста» содержит статьи, авторы которых выявляют гоголевский контекст в повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» (*П.Л. Чуйков*), рассматривают имя и творчество композитора Н.А. Римского-Корсакова в структуре романа И.В. Головкиной «Лебединая песнь» (*Т.А. Воронова*), проводят сопоставительный анализ образа книги как цивилизационного символа в романах Р. Брэдли «451° по Фаренгейту» и У. Эко «Имя Розы» (*Т.Г. Струкова*, *А.М. Фомина*), обращаются к репрезентации антифашистской проблематики в современной медиаиндустрии (*О.В. Сулемина*, *М.В. Саратова*), исследуют топонимикон романа А. Платонова «Счастливая Москва» (*Н.Б. Бугакова*, *Т.Л. Ревакина*) и личные имена Федор и Павел в антропонимной модели романа «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского (*С.А. Скуридина*), описывают литературную игру в современной татарской драматургии (*В.Ф. Макарова*), определяют специфику «пчелиного» текста в творчестве Е. Блажеевского (*И.И. Наумцев*). Раздел «Лингвокультурология» содержит работы, представляющие когнитивную эпитетацию зооморфного кода в текстах М. Цветаевой (*С.А. Губанов*) и объективацию понятия «the establishment» / «истеблишмент» в английской эмоциональной картине мира (*Е.Ю. Бутенко*). В разделе «Межкультурная коммуникация» выявляются особенности культурной адаптации в переводе (на примере киноперевода франшизы «Шрек» и советского фильма «Бриллиантовая рука» (*В.И. Гурина*) и объясняется аксиологическое восприятие массовой смерти в англоязычных стендап-выступлениях (*М.Н. Гордеева*). В разделе «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» представлена инициатива «один пояс – один путь» в китайских и российских средствах массовой информации (*Ю. Чжан*), рассмотрены индивидуальные трансляции как основной жанр киберспортивной журналистики (*Н.Б. Бугакова*, *В.В. Осипов*) и информационно-развлекательный подкаст как жанр конвергентной журналистики (*Н.Б. Бугакова*, *М.Д. Клепов*), описаны особенности коммуникативного этикета в IT-компаниях с применением технологий удаленного взаимодействия (*Н.С. Самойленко*, *К.И. Сухова*). В разделе «Язык СМИ» анализируются любительские отзывы к экранизации М. Локшина «Мастер и Маргарита» как способ ее оценки (*Е.О. Кузьминых*, *А.А. Андреева*). В разделе «События, обзоры, рецензии» представлен обзор монографии Л.А. Манерко (*Л.В. Ковалева*) и штрихи к портрету Александра Павловича Чехова (*А.В. Белова*), а также подведены итоги IV Всероссийской научно-практической конференции «Дух, душа и тело в мировой культуре» (Воронеж, ВГТУ, 10 сентября 2025 г.) (*Н.Б. Бугакова*, *С.А. Скуридина*). В отдельный раздел вошли статьи, исследующие творчество писателей-юбиляров 2025 года: анализируются музыкальные мотивы в поэзии С. Есенина (*М.В. Новикова*) и универсалия «страх» в «святочных» рассказах А.П. Чехова (на примере рассказов «Сон» и «Страшная ночь») (*О.В. Сулемина*, *Ю.С. Попова*).

Содержащиеся в выпуске 3 (58) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, концептологии, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ. Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук

С.А. Скуридина

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 81'373.43

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.001

Кубанский государственный университет
Преподаватель кафедры
английской филологии
Андреас Е.А.
Россия, г. Краснодар
тел. +7(918)661-30-45
e-mail: andreas.ekaterina@mail.ru

Kuban State University
The chair of English philology
Lecturer Andreas E.A.
Russia, Krasnodar
tel. +7(918)661-30-45
e-mail: andreas.ekaterina@mail.ru

Е.А. Андреас

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НОВЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АББРЕВИАЦИЙ В РАМКАХ «ГЛУБОКОГО ОБУЧЕНИЯ»: АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

В данной статье рассматриваются новые лексические единицы, использующиеся в рамках глубокого изучения, аспект академического дискурса. Материалом для исследования являются неологизмы, отобранные при помощи метода сплошной выборки из электронных словарей. В статье отмечается, что появление искусственного интеллекта (ИИ) в настоящее время многократно упрощает механические действия, ранее производимые человеком. Созданные программы вводят в лексический состав языка новое понятие – глубокое обучение, являющееся набором алгоритмов и методов машинного обучения. Обновление и расширение функционала ИИ при помощи глубокого обучения позволяет производить анализы текстов, создавать аудиовизуальные материалы для обучения, формировать новые лингвистические конструкции и платформы для обучения. В данной статье производится анализ неологизмов в академическом дискурсе, связанных с появлением нового направления «глубокое обучение». Материалом служат аббревиатуры как пример унификации используемых языковых средств, которые возникли в процессе развития глубокого обучения. В статье рассматриваются базисные компоненты аббревиации, производится их анализ с лингвистической точки зрения. Приводится описание новейших технологий и их вклад в развитие языка. Ключевая функция ИИ в рамках глубокого обучения – это формирующаяся способность «механического мозга» создавать и подвергать анализу информацию любой категории сложности, а также понимать и обрабатывать естественный язык и делать анализ эмоциональной окраски текста. Данный функционал расширяет возможности обучения и показывает синтез машины и человека, что, в свою очередь, делает процесс обучения многогранным и положительно влияет на лексический состав языка.

Ключевые слова: неологизмы, глубокое обучение, искусственный интеллект, академический дискурс, аббревиация.

Е.А. Andreas

SEMANTIC ANALYSIS OF NEW ENGLISH ABBREVIATIONS IN THE FRAMEWORK OF “DEEP LEARNING”: ACADEMIC DISCOURSE

This article examines new lexical units used in deep learning, an aspect of academic discourse. The material for the study is neologisms which were selected using the continuous sampling method from electronic dictionaries. The article notes that the emergence of artificial intelligence (AI) currently greatly simplifies mechanical actions previously performed by humans. The created programs introduce a new concept into the lexical composition of the language - deep learning, which is a set of algorithms and methods of machine learning. Updating and expanding the functionality of AI using deep learning allows you to analyse texts, create audiovisual materials for training, and form new linguistic structures and platforms for training. This article analyses neologisms in academic discourse associated with the emergence of a new direction “deep learning”. Examples include abbreviations as a sample of the unification of the used

language tools that arose in the process of developing deep learning. The article considers the basic components of an abbreviation and analyses them from a linguistic point of view. The article describes the latest technologies and their contribution to the development of language. The key function of AI in deep learning is the emerging ability of the “mechanical brain” to create and analyse information of any complexity level, as well as to understand and process natural language and analyse the emotional colouring of the text. This functionality expands the learning capabilities and shows the synthesis of machine and human, which, in turn, makes the learning process multifaceted and has a positive effect on the lexical composition of the language.

Keywords: neologisms, deep learning, artificial intelligence, academic discourse, abbreviation.

Развитие языка осуществляется посредством непрерывного обогащения его лексической составляющей. «Новые слова являются неотъемлемой частью лексики языка. Неологизмы придают динамичность языку, так как лексика меняется с течением времени, словарный запас постоянно пополняется» [1; с. 34]. Расширение словарного состава языка происходит посредством обновления его лексического состава. Данный процесс является показателем процесса развития общества и формирует потребность номинации новых терминов. Исследователи подчеркивают, что «членение внешнего мира, осуществляемое с помощью языка, отражается, прежде всего, в лексике. Лексикализация понятия свидетельствует о его особой значимости для данной культуры. Следовательно, лексика языка играет особую роль в формировании языковой картины мира» [2; с. 207].

Материалом исследования являются данные Cambridge Online Dictionaries New Words [3]. В этой научной работе проводится классификация выбранных данных и их анализ.

В данной научной работе рассматривались материалы следующих учёных, занимающихся тематикой нейросетей, искусственного интеллекта и неологией в академическом дискурсе: С.Э. Гусева [4], Л.К. Ефимиади [5], А.Г. Карипиди [5], В.В. Катермина [1, 2], С.Х. Липириди [6], А.С. Мусаева [7] и др.

Непрерывный процесс обновления лексического состава языка, являющийся следствием возникновения новых понятий, раньше не существовавших в природе, на данный момент происходит в одной из самых быстро развивающихся областей – технологии. Создание определённых инструментов и специальных программ для их работы обогащает язык и привлекает внимание лингвистов, особенно тех, кто специализируется в неологии.

Неологизмы – основной объект изучения неологии – являются определённым видом лексического состава языка, формирующимся как под влиянием его внутрисистемного развития, так и под воздействием различных экстралингвистических факторов. «Изучение лексических новаций позволяет более отчетливо проанализировать активные в тот или иной период языковые процессы» [5; с. 306]. Данные процессы необратимо влияют и на язык, и на восприятие мира человеком, который использует неологизмы в коммуникации. Для определения степени влияния на язык новых языковых единиц необходимо подвергнуть анализу сам процесс неологизации и определить его место в системе языка.

Появление новых лексических единиц в языке объясняется определённой особенностью его системы, потому что его лексический состав представляет собой «наиболее изменчивую и подвижную сферу языка, отражающую ключевые изменения общественно-политического и культурного характера жизни общества» [8; с. 38]. Соответственно, в ходе развития языка наблюдается непрерывный процесс образования новых лексических терминов, которые представляют собой «лексическую единицу данного языка, представленную в виде слова, словосочетания, аббревиатуры, символа, сочетания слова и букв-символов, сочетания слова и цифр-символов, которая имеет специальное терминологическое значение, соответствующее научному понятию, т.е. единице логико-понятийной системы в плане выражения» [9; с. 187].

Неологизмы, занимающие определённый пласт в языковой системе, отражают и описывают процессы, уже ставшие реалиями в современном мире. Одна из новых реалий в настоящее время является появление и распространение искусственного интеллекта (ИИ), который охватывает большую часть различных сфер деятельности человека, включая сферу

образования. Новые языковые единицы ИИ преобладают в формировании у индивидуума понимания и мыслительного процесса в контексте обсуждения искусственного интеллекта. ИИ является важным инструментом для создания и обработки неограниченного количества новой информации, что, в свою очередь, существенно влияет на все сферы деятельности человека: «Значимость искусственного интеллекта в нашем лексическом словарном обороте подчеркивается тем, что словарь Collins Dictionary выбрал «искусственный интеллект» словом года в 2023 году» [4; с. 309].

ИИ в академическом дискурсе – новое понятие, которое осваивают учёные, лингвисты, представители сферы образования и обучающиеся в школах и университетах. Существует немало позитивных отзывов об ИИ; с его помощью можно быстрее анализировать тексты по разным аспектам, создавать требуемые программой аудиовизуальные вспомогательные материалы для обучения, формировать новые языковые конструкции и конструировать образовательные платформы.

Принимая во внимание степень распространения ИИ в современном обществе следует отметить, что, несмотря на обширный охват данной технологии во всех сферах жизнедеятельности человека, включая сферу образования, возникают негативные стороны данного процесса. Доказательством служит появление нового термина “AIgiarism” (assisted plagiarism) – “the practice or process of using AI tools to write essays or answer exam questions and pretending that it is your own work” [3]. Перевод данного термина – процесс или практика использования ИИ инструментов для написания ответов на экзаменационные вопросы или сочинений, выдавая их за свою собственную работу. Процесс создания нового текста с помощью введённых ключевых слов может занимать примерно от двух до пяти минут, в зависимости от его сложности и направления. Результат такого механически сконструированного текста может быть приближён к «человеческому», исключая при этом орфографические и логические ошибки. Соответственно, появление этого неологизма показывает, что ИИ может быть использован и в негативном ключе.

Несмотря на негативные факторы, использование ИИ помогает в составлении словарей, в которых содержится вся необходимая информация по определённому виду терминам. Этот трудоёмкий процесс значительно сокращается и экономит время, затраты и усилия человека. Рассматривая в данной статье новый концепт «глубокого обучения» (“deep learning, DL”) в академическом дискурсе, следует обратить внимание, что он является «созданием» ИИ.

Глубокое обучение – это подвид машинного обучения (machine learning, ML), основывающийся на базе искусственных нейронных сетей. «Обучение может быть контролируемым, полуконтролируемым (semi-supervised) или неконтролируемым. Использование в глубоком обучении рекуррентных нейронных сетей (recurrent neural networks), позволяет эффективно решать задачи в областях компьютерного зрения, распознавания речи, обработки текстов на естественном языке, машинного перевода, биоинформатики и др.» [3].

Следовательно, глубокое обучение – один наиболее динамично развивающихся аспектов искусственного интеллекта, основывающийся на искусственных нейронных сетях. В отличие от традиционных методов машинного обучения, которые требуют тщательной обработки данных и ручной настройки параметров, глубокое обучение применяет многоуровневые структуры, позволяющие автоматически извлекать нужные единицы информации из больших объемов данных. Его основная идея заключается в создании и обучении многослойных нейронных сетей, где каждый слой отвечает за выявление различных уровней абстракции информации. Это позволяет моделям выполнять сложные задачи, такие как распознавание изображений, обработка естественного языка и прогнозирование. Основным компонентом глубокого обучения — это нейронные сети. Каждое соединение имеет вес, который модифицируется в процессе обучения, что позволяет системе адаптироваться к вводимым данным.

Новые лексические единицы могут быть охарактеризованы посредством особенности их образования. В настоящее время одним из самых распространённых способов является

сокращение или аббревиация. Они используются как в устной, так и в письменной речи, имеют определённую закономерность в их формировании и представляют немалый интерес для многих учёных-лингвистов. Для того чтобы проанализировать выбранные неологвистические термины-аббревиатуры, следует выделить особенность их структуризации, а также выявить и описать ядро неологизма.

«Специфика этого способа словообразования определяется компонентами аббревиатуры, которые существуют в особой взаимосвязи между собой. Популярность данного словообразовательного способа связана и с актуальной для современного общества тенденцией к универсализации, проявляющейся и на уровне унификации языковых средств выражения смысла» [10; с. 62]. В связи с довольно быстрым темпом современной жизни существует тенденция к сокращению, что позволяет людям экономить своё время в устной и письменной речи, используя аббревиацию, основанную на определённых базисах для более успешной коммуникации. В языковой системе аббревиация рассматривается как способ словообразования, при помощи которого создаются неологизмы с особенной структурой, которая обращает на себя внимание многих исследователей.

Основной процент использования аббревиатур связан с технологической сферой, в которую входит рассматриваемый в данной научной статье термин DL (Deep Learning). Введение в область глубокого обучения невозможно без определения множества ключевых терминов и сокращений, которые активно используются в литературе и исследовательской практике. Среди них можно выделить основные технические термины: метод машинного обучения (Machine Learning, ML), свёрточная нейронная сеть (Convolutional Neural Network, CNN), рекуррентная нейронная сеть (Recurrent Neural Network, RNN), сеть долгой краткосрочной памяти (Long Short-Term Memory, LSTM).

ML – процесс автоматического обучения и совершенствования поведения системы искусственного интеллекта на основе обработки массива обучающих данных без явного программирования. Данный процесс является основным для создания базы DL. CNN и RNN – аббревиатуры, содержащие в себе ядро «нейронная сеть», а также LSTM (связующий компонент), при помощи которых происходит функционирование ИИ.

Рассматривая ML как базу для системы ИИ, были выделены его компоненты, входящие в состав основного термина: AML (Adversarial Machine Learning), AutoML (Automated Machine Learning). AML – система, создающая оптимизированные модели ML, AutoML – технология, позволяющая обрабатывать данные, выбирать модели, их оптимизировать и давать определённую оценку.

На основе этих технических данных был создан определённый пласт новой лексики, представленный в виде аббревиатур, в основе которых находятся базисные компоненты, которые позволяют их проанализировать с лингвистической точки зрения.

GAN (Generative Adversarial Network) – генеративно-сопоставительная сеть [3]. С её помощью возможно генерировать фотографии, которые воспринимаются человеческим зрением как натуральные изображения. Компонент “generative” также содержится в GPT-3 (Generative Pre-trained Transformer 3) – это одна из лучших на сегодняшний день языковых моделей ИИ. Сгенерированный текст при помощи GPT-3 крайне сложно отличить от «человеческого» благодаря его обширному функционалу. Основные функции данной модели включают в себя: создание, анализ, перевод, завершение текста любой сложности и формулирование ответов на вопросы, предоставляя при этом релевантную информацию.

Несмотря на превосходство ИИ в скоростной обработке информации, процесс работы данных систем невозможен без человека и его способности мыслить. Аббревиатура HITL (Human-in-the-Loop) содержит в себе языковую единицу «человек», что наглядно демонстрирует симбиоз работы человеческого и искусственного мозга. При использовании данной модели машинного обучения система ИИ и команда людей совместно работают над реализацией задачи.

Выполнение любых задач требует автоматизированного процесса, который осуществляется при помощи роботов: RPA (Robotic Process Automation – роботизированная автоматизация процессов) [3]. Этот вспомогательный инструмент увеличивает скорость обработки документации в несколько раз, что позволяет людям исключить рутинную работу и оптимизировать рабочий процесс.

Одни из основных направлений ML, привлекающих внимание учёных-лингвистов – обработка естественного языка (Natural Language Processing, NLP) и понимание естественного языка (Natural Language Understanding, NLU). NLP находится на стыке науки и техники, ИИ и лингвистики, и имеет определённую задачу – дать возможность компьютерам понимать и обрабатывать естественный язык. Его функционал включает в себя распознавание речи, определение смысла слова (после семантического анализа), генерация естественного языка (перевод из табличных данных в текст), анализ эмотивной окраски текста (извлечение субъективных эмоций из текста). При помощи этих данных может осуществляться «перевод образовательных материалов, таких как учебники, лекции, курсы и брошюры, посвященных как самому искусственному интеллекту, так и возможностям применения технологий ИИ в сфере науки и образования. ... благодаря переводу расширяется доступ к знаниям для разноязычной аудитории, модернизируется программа обучения и повышается вовлеченность обучающихся» [11; с. 547].

В свою очередь NLU фокусируется на интерпретации, анализе и извлечении смысла из человеческого языка в его естественном виде. Он позволяет компьютерам понимать определённые нюансы, намерения и контекст лингвистически сложных и неструктурированных текстовых или речевых данных. Области применения NLU: классификация текста, ответы на вопросы, анализ коннотаций, резюмирование, автоматический перевод с сохранением контекста. Языковая единица “natural”, входящая в состав NLP и NLU, демонстрирует развивающуюся способность машины думать и анализировать как человек.

Антоним к лексеме “natural” (естественный) – “artificial” (искусственный), присутствует в аббревиатуре AIoT (Artificial Intelligence of Things). AIoT – слияние Интернета вещей и ИИ, а именно технологии с технологией. Интернет вещей – система взаимосвязанных устройств, подключённых к платформам сети Интернет [10]. ИИ дополняет данную систему, помогая собирать данные устройств и с большой скоростью обрабатывать весь массив информации.

В контексте академического дискурса глубокого обучения были выделены следующие неологизмы: обучение с учителем (Supervised Learning, SL), обучение без учителя (Unsupervised Learning, UL), полубучение (Semi-Supervised Learning, SSL), обучение с подкреплением (Reinforcement Learning, RL), обучение на большом объёме данных (Big Data, BD), параллельное обучение (Parallel Computing, PC) и трансферное обучение (Transfer Learning, TL) [3]. Данные языковые единицы содержат в себе основной компонент – «обучение», являющийся основной задачей, выполняемой при помощи ИИ.

Анализируемые в данной научной работе неологизмы отражают интеграцию машинного и человеческого мышления. Вследствие этого, распределение неологизмов на определённые категории происходит в соответствии с человеческими ценностями и влечёт за собой результат связи культуры и языка. Появление данной связи отражает успешные попытки и возможности человека привнести в механический «мозг» задачи, которые в недавнем прошлом могли быть решены только при помощи человеческой способности думать, мыслить, анализировать и делать выводы, что прямым образом влияет на увеличение словарного состава языка посредством новых лексических единиц.

Библиографический список

1. Катермина В.В. Искусственный интеллект и цифровые технологии в англоязычном неологическом дискурсе // Язык в эпоху цифровых трансформаций и развития искусственного интеллекта : сб. науч. ст. по итогам междунар. науч. конф., Минск, 23-24 окт. 2024 г. / редкол.: Н. Е. Лаптева (отв. ред.) [и др.]. Минск: МГЛУ, 2024. С. 32-40.
2. Катермина В.В., Воробьева И.В. Лингвостилистические особенности функционирования аббревиатурных неологизмов в англоязычном дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 9. С. 206-210.
3. Cambridge Dictionary New Words [Electronic resource]. URL: <https://dictionaryblog.cambridge.org/2023/02/06/new-words-6-february-2023/> (дата обращения: 21.10.2024).
4. Гусева С.Э. Семантико-аксиологический потенциал английских неологизмов дискурса искусственного интеллекта // Язык в эпоху цифровых трансформаций и развития искусственного интеллекта : сб. науч. ст. по итогам междунар. науч. конф., Минск, 23-24 окт. 2024 г. / редкол.: Н.Е. Лаптева (отв. ред.) [и др.]. Минск: МГЛУ, 2024. С. 308–318.
5. Ефимиади Л.К., Карипиди А.Г. Исследование лингвистических методик транслатологии и заимствования в IT-сфере // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. №1 (52). С. 96-102.
6. Липириди С.Х. Характеристика неологизмов в области IT технологий (на материале русского и английского языков // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. №2 (53). С. 131-137.
7. Мусаева А.С. Общезыковой субстрат терминологии искусственного интеллекта (на примере терминов-словосочетаний) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. №3 (46). С. 12-18.
8. Даминова Л.Г. Специфика английских неологизмов в сфере компьютерных технологий // LINGUISTICA JUVENIS. 2020. №22. С. 36-44.
9. Каменева Н.А. Анализ лексических особенностей английского и русского языков в сфере информационных технологий // Вестник Российского университета дружбы народов. 2019. №.1. С. 185-199.
10. Вишнякова Е.А. Место аббревиации в словообразовательной системе современного английского языка // Научные ведомости. 2014. №6. С. 62-66.
11. Бражникова Д.Ю. Особенности перевода терминологии в сфере искусственного интеллекта // Молодой ученый. 2024. № 20. С. 547-550.

References

1. Katermina V.V. Artificial intelligence and digital technologies in the English-language neological discourse // Language in the era of digital transformations and the development of artificial intelligence: collection of scientific articles based on the results of the international. scientific conf., Minsk, October 23-24, 2024 / editorial board: N.E. Lapteva (editor-in-chief) [et al.]. Minsk: Moscow State Linguistic University, 2024. P. 32-40.
2. Katermina V.V., Vorobyova I.V. Lingvostylistic features of the functioning of abbreviated neologisms in the English-language discourse // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2019. No. 9. Pp. 206-210.
3. Cambridge Dictionary New Words [Electronic resource]. URL: <https://dictionaryblog.cambridge.org/2023/02/06/new-words-6-february-2023/> (date of application: 21.10.2024).
4. Guseva S.E. Semantic and axiological potential of English neologisms in the discourse of artificial intelligence // Language in the era of digital transformations and the development of artificial intelligence: collection of scientific articles based on the results of the international. scientific

conf., Minsk, October 23-24, 2024 / editorial board: N.E. Lapteva (editor-in-chief) [and others]. Minsk: Moscow State Linguistic University, 2024. pp. 308–318.

5. Efimiyadi L.K., Karipidi A.G. Research of linguistic methods of translatology and borrowing in the IT sphere // Current issues of modern philology and journalism. 2024. Iss. 1 (52). P. 96-102.

6. Lipiridi S.Kh. Characteristics of neologisms in the field of IT technologies (based on the Russian and English languages // Current issues of modern philology and journalism. 2024. Iss. 2 (53). P. 131-137.

7. Musaeva A.S. General language substrate of artificial intelligence terminology (based on term-phrase expressions) // Current issues of modern philology and journalism. 2022. Iss. 3 (46). P. 12-18.

8. Daminova L.G. Specificity of English Neologisms in the Sphere of Computer Technologies // LINGUISTICA JUVENIS. 2020. Iss. 22. P. 36-44.

9. Kameneva N.A. Analysis of Lexical Features of the English and Russian Languages in the Sphere of Information Technologies // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. 2019. Iss. 1. P. 185–199.

10. Brazhnikova D.Y. Features of translation of terminology in the field of artificial intelligence // Young scientist. 2024. Iss. 20. P. 547-550.

11. Vishnyakova E.A. The place of abbreviation in the word-formation system of the modern English language // Scientific news. 2014. Iss. 6. P. 62-66.

УДК 81'373.611=111

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.002

*Кубанский государственный университет
Аспирант кафедры английской филологии
Свиридова Т.Н.*

Россия, г. Краснодар

тел. +79384248427

e-mail: autumn.86@mail.ru

Kuban State University

*Postgraduate student of the Department of
English Philology*

Sviridova T.N.

Russia, Krasnodar

tel. +79384248427

e-mail: autumn.86@mail.ru

Т.Н. Свиридова

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается потребность в номинации новых объектов и процессов для успешной человеческой коммуникации, уточняется понятие неологии, приводится двойственное отношение к появлению в языке новых слов, варианты дальнейшей судьбы неологизмов в языке, демонстрируются способы образования неологизмов, такие, как аффиксация, блендинг, словосложение, аббревиация. В статье описывается финансово-экономический дискурс как разновидность институционального дискурса, а также влияние стремительно развивающейся сферы финансов на необходимость номинации актуальных финансовых процессов и явлений. Цель работы заключается в классификации неологизмов англоязычного финансово-экономического дискурса по способам их образования и определении самого продуктивного из них. Предметом исследования выступают неологизмы современного финансово-экономического дискурса, отобранные методом сплошной выборки. В качестве материала исследования выступает электронный лексикографический источник Cambridge Dictionary Online Blog. Актуальность исследования состоит в важности глубокого изучения особенностей коммуникативного взаимодействия участников современного финансово-экономического дискурса. В результате проведенного исследования было установлено, что в анализируемом дискурсе самым продуктивным способом образования новых слов является словосложение, наименьшее количество неологизмов сформированы посредством аббревиации. Проведенный анализ выявил колоративный, отпредметный, демонический и антропоморфный компоненты в составе новых слов, что говорит об эффективности образного мышления при формировании неологизмов. Было также отмечено, что существенная часть неологизмов содержит экономические термины, такие, как «экономика», «инфляция», «налогообложение», процессы и операции, связанные с «криптовалютами», что подтверждает важность данных категорий для современных участников финансово-экономического дискурса.

Ключевые слова: англоязычный финансово-экономический дискурс, неологизм, аффиксация, блендинг, словосложение, аббревиация.

T.N. Sviridova

THE WORD-FORMATION POTENTIAL OF NEOLOGISMS IN ENGLISH FINANCIAL-ECONOMIC DISCOURSE

The article considers the necessity in naming new objects and processes for the sake of successful people's communication, specifies the concept of neology, provides the ambivalent attitude to the emergence of new words in the language, variants of the neologisms' further way in the language and the methods of neologisms' formation such as affixation, blending, compounding, abbreviation. The article describes financial-economic discourse as a kind of institutional discourse and also the influence of rapidly developing financial sphere on the necessity for nominating actual processes and phenomena. The purpose of the work is to classify the neologisms in English financial-economic discourse according to the methods of their formation and identify which of them is the most productive. The subject of the research is neologisms in the modern financial-economic discourse selected by a continuous sampling method. The research material is an electronic lexicographical source Cambridge Dictionary Online Blog. The relevance of the re

search lies in the importance of the deep learning the peculiarities of the communicative interaction of the modern financial discourse's participants. As a result of the examination, it is found out that in the modern considered discourse compounding is the most productive method of neologisms' formation, the least of new words are formed by abbreviation. This analysis specifies colourative, objective, demonic and anthropomorphic components in the composition of new words, that demonstrates the efficiency of figurative thinking in neologisms' formation. It is also noticed that the essential part of the neologisms contains such economic terms as 'economy', 'inflation', 'taxation', processes and operations connected with 'cryptocurrency', that proves the importance of these categories for modern participants of financial-economic discourse.

Key words: English financial-economic discourse, neologism, affixation, blending, compounding, abbreviation.

На сегодняшний день изменения во всех сферах общественной жизни происходят стремительными темпами: значимых открытий больше не приходится ждать десятилетиями, и современный человек каждый день сталкивается с новыми изобретениями, новыми категориями и понятиями, новыми процессами в различных областях. Каждый день человеку приходится изучать и анализировать массивы информации о происходящих трансформациях окружающей его действительности, которые он получает через Интернет, мессенджеры и социальные сети. Появление новых предметов, явлений или процессов неизбежно влечет за собой необходимость их номинации: всё новое находит отражение в языке. Он представляет собой пластичную структуру, которая активно реагирует на инновации. В силу того, что главной функцией языка является коммуникативная функция, то его репозиторий должен постоянно пополняться и обновляться, чтобы участники общения имели достаточный инструментарий для понимания друг друга. Как отмечает М.А. Кронгауз, «язык, который существует в меняющемся мире и не меняется сам, перестает выполнять свою функцию. Мы не сможем говорить на нем об этом мире просто потому, что у нас не хватит слов» [1; с. 8].

Повышенный интерес ученых-лингвистов к новой лексике, способам ее образования и ценностному компоненту привел к выделению новой отрасли теории языка – неологии. Неология занимается изучением возникновения новых слов и выражений в языке, рассматривает его как сложный процесс взаимодействия носителя языка с постоянно изменяющейся окружающей действительностью. Отметим М.В. Избицкую, В.В. Катермину [2], С.Х. Липириди [3], С.Э. Гусеву [4], в числе которых есть труды, посвященные неологии и неологизмам. По справедливому замечанию В.В. Катерминой, изучение новых слов «находится в кругу важнейших вопросов современной лингвистики, поскольку исследование состава новообразований, их структурных особенностей, функционального предназначения способствует решению многих проблем лексикологии, словообразования, грамматики, стилистики» [5; с. 84].

По М.В. Избицкой, изучение неологизмов должно отражать соотношение демократизирующейся нормы и узуса в современном языке [6; с. 18-19]. Языку присуще стремление к краткости и выразительности, поэтому неологизм как основная единица неологии призван обозначать новые жизненные реалии, не прибегая к описанию их посредством нагромождения уже имеющихся в языковом арсенале лексем.

Отношение к новым словам со стороны языковедов и простых носителей языка всегда было неоднозначным. Многие считают, что в современном мире все чрезвычайно непостоянно, и слова, проникающие в язык, чтобы в очередной раз обозначить новое кратковременное понятие или явление, только «захламляют» его, уводя в пассив действительно значимые лексические единицы. Дэн Клейтон высказывается о процессе активного проникновения в язык новых слов как об «упадке», «вырождении», «разрушении» английского языка (“decline, decay and collapse”) [7; с. 86-87]. Другие отмечают, что язык является структурой, способной по истечении времени оставлять действительно продуктивные лексемы, необходимые для успешной коммуникации людей, и, наоборот, исключать те, которые перестали выполнять свою прагматическую функцию. В своей статье А.Р. Ахметзянова указывает на то, «что в заимствованиях нет ничего плохого и что русскому языку ничего не угрожает, так как он умеет очищаться, избавляться от ненужного, в том числе и от избыточных иноязычных слов» [8; с.30]. В свою очередь М.А. Кронгауз отмечает, что «наличие слова само по се-

бе очень сильное свидетельство важности действия, всего того, что им названо, для говорящих на этом языке» [1; с. 54]. Дальнейшая судьба каждого неологизма уникальна: новое слово может выйти из обихода после того, как предмет или явление, которые оно обозначает, вышли из употребления; новая лексема иногда претерпевает трансформации в силу того, что изменились определенные параметры или характеристики номинируемого этой лексемой; слово может перестать быть неологизмом и перейти в основной лексический состав языка. В независимости от того, закрепится ли неологизм в языке или нет, язык должен быть открыт для новшеств, так как именно «неологизмы представляют собой результат динамических процессов, отражающих адаптацию языка к трансформациям, происходящим в политической, экономической и социальной сферах деятельности» [9; с.105].

Новые слова могут появляться путем заимствования из других языков, но довольно часто язык обладает собственным инструментарием для формирования новых языковых единиц: аффиксация, словосложение, блендинг, аббревиатуры, акронимы и т.д. По мнению В.И. Заботкиной, в 1960–1970 гг. аффиксация выступала главным способом образования новых слов, в 1980-х гг. большинство новых слов были образованы путем словосложения. В конце XX столетия наиболее продуктивными языковыми способами являлись словосложение (29,5 % от всего корпуса неологизмов), аффиксация (24 %) и конверсия (3 %) [10; с. 28].

На сегодняшний день значительное число работ лингвистов посвящено исследованиям различных видов дискурса. Дискурс является сложным, многомерным феноменом, за которым до сих пор не зафиксировано единого определения и классификации. При изучении дискурса для ученых представляет интерес рассмотрение контекста в рамках определенной коммуникативной ситуации с целью установления соответствия между сказанным и тем, что изначально планировалось сказать. При тематическом подходе к исследованию дискурса, который посвящен анализу того, о чем говорят, среди прочих был выделен финансово-экономический дискурс. Финансово-экономическому дискурсу посвящены исследования таких ученых-лингвистов, как К.Г. Апресяна (2020), А.А. Степановой (2018), А.А. Чугунова (2014), К.В. Томашевской (2000) и др. На наш взгляд, в рамках финансово-экономического дискурса есть ряд вопросов, которые еще не исследованы учеными. Одним из таких вопросов является возникновение неологизмов в финансовой сфере и способы их образования.

В современном мире развитие финансовой сферы происходит стремительными темпами: появляются новые финансовые активы, инструменты, услуги и операции, наблюдаются постоянные изменения на финансовых рынках и в финансовых отношениях между субъектами. Подобное развитие сферы финансов неизбежно влечет за собой возникновение в языке новых слов для номинации актуальных финансовых процессов и явлений. Финансово-экономический дискурс следует рассматривать как разновидность институционального дискурса, который адресован массовой аудитории и которому присущи аналитизм, информативность и системность. В финансово-экономическом дискурсе используется специфический языковой материал, который относится к финансовой проблематике [11].

Материалом исследования послужили следующие электронные лексикографические источники: Cambridge Dictionary Online Blog [12]. Результаты проведенного анализа показали, что значительное количество новых слов и терминов в области финансов образованы путем словосложения. Все неологизмы, отобранные в ходе нашего исследования и имеющие отношение к финансово-экономическому дискурсу, преимущественно образованы одним из следующих способов: аффиксация, блендинг, словосложение и аббревиация. Удельный вес каждого из вышеупомянутых способов представлен нами в виде диаграммы (Рис. 1).

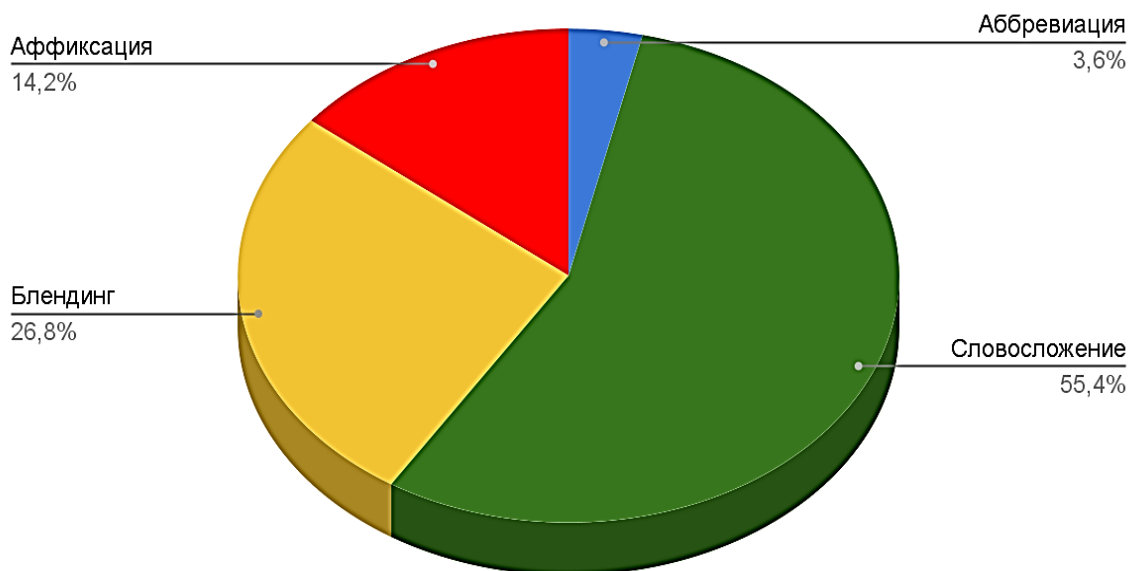

Рис. 1 – Способы образования неологизмов в современном финансово-экономическом дискурсе

Так, из диаграммы видно, что среди выявленных нами способов словообразования неологизмов доминирует словосложение – 55.4%. По сравнению со словосложением неологизмов, образованных посредством блендинга, нами отмечено в два раза меньше – 26.8%. Третье место занимает аффиксация – 14.2%, а наименьшим удельным весом обладает аббревиация – 3.6%.

В рамках исследования было установлено, что в настоящее время префиксальный и суффиксальный методы имеют место, что доказывает сохранение продуктивности аффиксации.

Так, единиц с суффиксами *-less* и *-ing* было выявлено 3.6%:

-less: *cashless* – *not using or allowing the use of cash payments* (безналичный – не принимающий наличные деньги либо не позволяющий произвести оплату с помощью наличных денежных средств); *contactless* – *refers to a system of debit or credit cards which are waved over a sensor and do not require pin numbers* (бесконтактный – о системе дебетовых и кредитовых карт, которые необходимо поднести к терминалу, чтобы произвести оплату, и не вводить при этом PIN-код).

Слова с данным суффиксом отражают тенденцию современного мира упростить процесс оплаты за приобретенные товары или потребленные услуги, сделать его наименее затратным по времени, что отвечает требованиям ведения бизнеса в настоящее время: во-первых, не упустить ни одного клиента, а во-вторых, обслужить как можно больше клиентов.

-ing: *stoozing* – *the practice of borrowing money on a credit card with a 0% interest rate and then investing the same money in a bank account that pays a high interest rate so that a profit can be made when the original loan is repaid* (стузинг – это практика получения кредитной карты в банке с 0 процентной ставкой и дальнейшего вложения этих денег в банк на счет под высокую процентную ставку, что в дальнейшем приводит к получению прибыли после выплаты первоначального займа по кредитной карте).

Суффикс *-ing* высокоэффективен (5.4% от общего количества отобранных единиц) в финансово-экономическом дискурсе, так как сфера финансов представляет собой совокупность действий и процессов, изобретения новых схем зарабатывания денег и новых способов мошенничества и финансовых преступлений. Так, один из способов пассивного заработка получил название *стузинг*: клиенту в банке выдают кредитную карту с 0 процентной ставкой

на определенный период времени, а он в свою очередь кладет эти деньги на расчетный счет, но уже под проценты, таким образом приумножая свое состояние, но не прилагая при этом никаких усилий.

Неологизмы с данным суффиксом описывают новые виды преступлений, возникшие в результате внедрения в жизнь банкоматов и их широкого использования населением. Если раньше преступники грабили банки и выслеживали клиентов, которые сняли в отделении крупную сумму денег, то теперь злоумышленники взламывают банкоматы или похищают их целиком, а людей, которые обналичивают большую сумму денег, подстерегают возле банкоматов.

В ходе анализа нами были отмечены следующие префиксы.

Mis-: *mis-sell* – *to sell something (esp. a financial product) to someone who doesn't need it* (недобросовестно продавать – продавать что-либо (особенно финансовый продукт) тому, кто в нем не нуждается).

Появление такого неологизма в языке отражает недобросовестное поведение участников финансового рынка, которые преследуют цель извлечения прибыли и пытаются всеми способами навязать населению свои продукты, такие, как кредитные карты и ипотечные кредиты.

De-: *derisk* – *to remove risk, especially financial risk, from a situation or process* (снижать риски – исключать риски, особенно финансовые, из ситуации или процесса).

Возникновение данного неологизма неслучайно, поскольку финансовая деятельность всегда в той или иной мере сопряжена с рисками.

Under-: *undercapacity* – *when an organization can increase their output without adding on to their facilities* (недостаточная мощность – ситуация, когда организация не может увеличить выпуск продукции, не прибегая к приобретению дополнительного оборудования).

Удельный вес неологизмов с вышеуказанными префиксами составил 5.4%.

Значительно больше в нашей выборке неологизмов, образованных с помощью блендинга, который представляет собой способ образования новых слов путем соединения двух слов целиком либо их частей. В силу того, что определенные экономические явления вызывают повышенную обеспокоенность среди населения, в языке появляются новые слова, связанные с этими явлениями. Одним из них является инфляция, представляющая собой рост цен и обесценивание денег, утрату их покупательной способности. 10.7% от общего количества неологизмов имеют отношение к инфляции: *shrinkflation* – *when the size of a product is reduced whilst the price is retained* (шринкфляция – ситуация, при которой производитель уменьшает размер выпускаемого продукта, а цена при этом остается неизменной); *skimpflation* – *the situation when the price of a product or service stays the same but the quality becomes worse* (скимпфляция – ситуация, когда цена продукта или услуги остается неизменной, но качество при этом ухудшается).

Стоит отметить, что выделенные нами слова, характеризующие те или иные виды инфляции, представляют собой соединение первого слова целиком для номинации причин и характеристик роста цен и усечения слова “*inflation*”. Но не всегда первая часть характеризует причину роста цен, который лежит в основе инфляции с классической точки зрения. Современные владельцы компаний в своей ценообразовательной политике прибегают к определенным хитростям и уловкам: не желая вызвать возмущения покупателей по поводу увеличения цен на товары или услуги и тем самым потерять клиентов, они оставляют цены на прежнем уровне, но при этом либо уменьшается размер товара или объем услуги, либо ухудшается их качество. Некоторые предприимчивые бизнесмены и вовсе используют рост инфляции в стране в качестве оправдания ничем не обоснованного роста цен на свои товары или услуги.

Финансово-экономическому дискурсу присуще появление неологизмов, характеризующих проводимую правительствами стран экономическую деятельность или последствия такой деятельности. В основе таких слов лежит слияние слова “*economics/economy*” с други-

ми словами. 7.1% анализируемых неологизмов связаны с понятием «экономика»: *fearonomics – the negative impact of fear and anxiety on economic activity; the use of fear to sell products and services* (экономика страха – негативное воздействие страха и тревоги на экономическую деятельность; использование страха с целью продать товары и услуги); *sleeponomics – the money that is spent on products, techniques, etc. that are designed to help people sleep better* (экономика сна – деньги, потраченные на товары и технологии, разработанные с целью помочь людям лучше спать).

Отмеченные нами слова также образованы с помощью присоединения первого слова в полном объеме и усечения слова “*economics/economy*”.

Часть анализируемых единиц, а именно 5.3%, представляют собой слияние первого слова полностью с усеченной частью второго: *funemployment – enjoyable unemployment* (забавная безработица – безработица, приносящая удовольствие).

3.5% слов есть соединение двух усеченных слов: *vishing (voice fishing) – the practice of dishonestly obtaining details of bank accounts, etc. with the intention of stealing from them* (вишинг (мошенничество с применением голоса) – схема получения подробностей о банковских счетах (и не только) обманным способом, с целью похитить деньги, находящиеся на этих счетах).

Продуктивным способом образования новых слов является словосложение. Процессы, связанные с экономикой, банками, денежными средствами, налогами, играют первостепенную роль в жизни граждан, поэтому номинации новых явлений и фактов уделяется повышенное внимание.

Значительная часть сформирована путем сложения термина “*economics/economy*” со словами, которые отражают, на что направлена та или иная проводимая экономическая политика государства. Удельный вес подобных единиц составил 17.9%: *kindness economy – an economic system that is based on businesses focusing less on profit and more on the interests and values of their customers, employees and society in general* (экономика доброты – экономическая система, основанная на том, чтобы внимание предприятий было сфокусировано не на получении прибыли, а на интересах и ценностях их покупателей, сотрудников и общества в целом); *circular economy – an economic model that prioritises the longevity of goods, for instance by sharing or recycling them* (циклическая экономика – экономическая модель, в рамках которой отдается предпочтение длительному жизненному циклу товаров, который достигается за счет передачи товаров другим лицам или их переработки); *homebody economy – the money spent and earned through the production and sale of products, such as takeaway foods, aimed at people who mostly stay at home in the evenings* (экономика домоседов – деньги, потраченные и заработанные путем производства и продажи продуктов, таких, как еда на вынос, для людей, которые в основном остаются дома по вечерам).

Данные неологизмы отражают такие современные явления, как экологическая ответственность руководителей стран, коллаборация в отношении проводимой экономической политики на международном уровне среди разных стран, а также определенный сектор экономики, в котором наняты на работу исключительно фрилансеры.

Налогообложение является неотъемлемой частью финансовой системы, так как грамотная фискальная политика государства способна значительно увеличить благосостояние страны. Поэтому естественно возникновение в языке новых слов, имеющих отношение к налогам. Единицы, связанные с налогообложением, составили 12.5% от общего количества: *latte levy – a tax paid on disposable, non-recyclable coffee cups the aim of which is to encourage customers to bring their own cup and therefore reduce waste* (латте-сбор – это налог, выплачиваемый за одноразовые, неперерабатываемые кофейные стаканы; цель данного налога – приучить людей приносить свои собственные кружки и таким образом уменьшить количество отходов); *hamburger tax – a tax on unhealthy food* (налог на гамбургеры – налог на вредную пищу).

Неологизмы, имеющие отношение к налогообложению, описывают современные тен-

денции развития общества: прежде всего дружественное отношение к окружающей среде, проявляющееся в введении налога на использование одноразовых стаканов для кофе и направленное на использование своих многоразовых стаканов, а также дополнительный налог на те приобретенные товары, которые сложно перерабатывать; получила отражение и обеспокоенность глав государств по поводу чрезмерного потребления населением вредной пищи; гендерное разделение также имеет место, что прослеживается через введение налога, который платят только мужчины, и налога, который варьируется в зависимости от того, кто покупает – мужчина или женщина.

Новые финансовые технологии, связанные с криптовалютами, криптобиржами и криптофондами, нашли свое отражение в английском языке для описания процессов и операций с виртуальной валютой. В нашем исследовании мы рассматриваем “*crypto*” в составе неологизмов как компонент сложного слова. В Collins Dictionary “*crypto – a combining form meaning “hidden,” “secret,” used in the formation of compound words*” [12] (крипто – компонент сложного слова, означающий «скрытый», «секретный», используемый в образовании сложных слов).

Неослабевающий интерес к инвестированию в различные виды криптовалют способствует возникновению в языке все новых и новых слов. Единицы, имеющие отношение к какой-либо виртуальной валюте и операциями с ней, составили 5.3%: *cryptowinter – a situation when the price of cryptocurrency falls and remains very low for a long period of time* (крипто-зима – ситуация, когда цены на криптовалюту падают и остаются очень низкими на протяжении длительного периода времени).

Было отмечено, что часть неологизмов (7.1%) образована с использованием колоративов: *Green Friday – an alternative to Black Friday, when consumers are encouraged to shop less and/or to buy sustainable products instead* (зеленая пятница – альтернатива «черной пятнице», которая призывает покупателей покупать меньше и/или покупать экологически безвредные продукты).

Сегодня в мире остро стоит проблема чрезмерного и безрассудного потребления среди людей, поэтому в противовес «черной пятнице» появляется «зеленая пятница», потому что зеленый цвет в том числе ассоциируется с гармонией и спокойствием.

Сфера финансов всегда содержала «темную» сторону в виде теневого сектора, поэтому среди финансовых неологизмов преобладает демонический компонент: *zombie debtor – a person with a debt that they do not have a hope of paying off because the interest on it is so high* (должник-зомби – это человек, у которого нет ни малейшей надежды выплатить свой долг, потому что проценты по нему чрезвычайно высоки).

Процент неологизмов, образованных с использованием колоративов и демонического компонента, оказался на одном уровне и составил 8.9%.

Человеку свойственно проводить аналогии с предметами, окружающими его в повседневной жизни, поэтому существует ряд неологизмов, содержащих отпредметный компонент: *lottery mentality – the desire to obtain money without working for it; the belief that a large sum of money can solve a person’s problems* (лотерейный склад ума – это желание получать деньги, при этом не работая; убеждение, что крупная сумма денег способна решить человеческие проблемы).

Несмотря на то, что в современном словообразовании наметилась тенденция к краткости, а аббревиатуры служат прекрасным инструментом для достижения данной цели, удельный вес аббревиации в нашей выборке составил 3.5%: *HENRY – high earner not rich yet; refers to a person with an income between \$100,000 and \$250,000* (ГЕНРИ – человек, который много зарабатывает, но пока еще не богат; имеет отношение к человеку с доходом между 100 000 и 250 000 долларов).

Стоит отметить, что данный неологизм, помимо того, что образован путем аббревиации, также содержит в себе антропоморфный компонент.

Итак, проведенное исследование подтвердило, что словообразование является мощ-

нейшим инструментом при выполнении языком познавательной функции: словотворчество позволяет человеку постигать новые реалии современного мира и овладевать новыми знаниями и опытом. Язык имеет в своем арсенале достаточное количество инструментов и способов для номинации новых предметов и явлений. Возникновение неологизмов в финансово-экономическом дискурсе представляет собой многогранный процесс: посредством различных способов словообразования появляются новые морфологические единицы; в ряде слов фигурирует образная составляющая, что свидетельствует о выстраивании человеком ассоциативных рядов при попытке дать название новому финансовому объекту или процессу; среди неологизмов анализируемого дискурса внушительную долю занимают экономические термины, которые отражают как оптимизацию, так и негативные явления в современной сфере финансов. Наше исследование показало, что самым продуктивным способом образования неологизмов в финансово-экономическом дискурсе выступает словосложение – его удельный вес в выборке составил 55.4%. Значительная доля исследуемых неологизмов, около $\frac{1}{4}$, образована при помощи блендинга, что говорит о его эффективности в качестве способа формирования новых слов. Доказательством сохранения суффиксально-префиксальным способом своей продуктивности, является то, что 14.2% неологизмов появились в языке благодаря аффиксации. Наименьшим удельным весом, несмотря на стремление современных участников коммуникации к лаконичности и рациональному управлению временем, обладает аббревиация – 3.6% от общего числа исследуемых единиц.

Библиографический список

1. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак: Языки славянских культур, 2007. 232 с.
2. Катермина В.В. Английские неологизмы с суффиксом -ism: семантический и стилистический потенциал // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 1 (48). С. 7-12.
3. Липириди С.Х. Характеристика неологизмов в области IT технологий (на материале русского и английского языков) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. №2 (53). С. 131-137
4. Гусева С.Э. Англоязычные неологизмы дискурса компьютерных технологий: словообразовательный аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 3 (50). С. 78-87.
5. Катермина В.В. Культурно-интерпретирующий потенциал массмедийных неологизмов в английском дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 1. С. 84-90.
6. Избицкая М.В. Современные тенденции в неологии: типология образования неологизмов и лексикографическая практика (на материале новой английской лексики из сферы «Культура» в электронных волонтерских словарях): дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2020. 214 с.
7. Clayton D., Giovanelli M. Knowing about language. London, New York: Routledge, 2016. 248 p.
8. Ахметзянова А.Р. Неологизмы в русском языке // Русский язык и литература. 2016. № 4 (64). С. 29-32.
9. Катермина В.В., Соловьева Н.С. Аксиология неологизма Brexit в англоязычном массмедийном дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 3. С. 103-111.
10. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. Москва: Высшая школа, 1989. 126 с.
11. Шакирьянов Л.М. Логико-семантическая категория контраста в финансово-экономическом медиа-дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2014. 21 с.
12. Cambridge Dictionary Online [Электронный ресурс]. URL:

<https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 14.10.2024).

13. Collins Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 12.10.2024).

References

1. Krongauz M.A. The Russian Language is on the Verge of the Nervous Breakdown. Moscow, 2007. 232 p.

2. Katermina V.V. English Neologisms with suffix -ism: Semantic and Stylistic Potential // Philological sciences. Theoretical and practical questions. 2023. Vol. 1 (48). P. 7-12.

3. Lipiridi S.H. Characteristics of Neologisms in the field of IT technologies (based on the material of the Russian and English languages // Actual issues of modern philology and journalism. 2024. Vol. 2 (53). P. 131.

4. Guseva S.E. English Neologisms in the Discourse of Computer Technologies: world-building aspects // Philological sciences. Theoretical and practical questions. 2023. Vol. 3(50). P. 78-87.

5. Katermina V.V. Cultural-interpretive Potential of the Mass media Neologisms in English Discourse // The questions of cognitive linguistics. 2017. Vol. 1. P. 84-90.

6. Izbitskaya M.V. Modern Tendencies in Neology: Typology of Neologisms' Formation and Lexicographical Practice (on the material of the new English lexis from the sphere "Culture" in the electronic voluntary dictionaries): thesis ... PhD in Philology. Ivanovo, 2020. 214 p.

7. Clayton D., Giovanelli M. Knowing about language. London, New York: Routledge, 2016. 248 p.

8. Ahmetzyanova A.R. Neologisms in the Russian Language // The Russian Language and Literature. 2016. Vol. 4 (64). P. 29-32.

9. Katermina V.V., Solovyeva N.S. The Axiology of the Neologism Brexit in English Mass media Discourse // Actual problems of philology and pedagogical linguistics. 2019. Vol. 3. P. 103-111.

10. Zabotkina V.I. New lexicology of Modern English. Moscow, 1989. 126 p.

11. Shakiryaynov L.M. Logical-semantic Category of the Contrast in Financial-economic Discourse: abstract of the thesis ... PhD in Philology. Ufa, 2014. 21 p.

12. Cambridge Dictionary Online [Electronic text]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (date of application: 14.10.2024).

13. Collins Dictionary [Electronic text]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (date of application: 12.10.2024).

УДК: 811.161.1:376.68

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.003

Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова
заведующий кафедрой русского языка как иностранного
кандидат педагогических наук, доцент,
Гирфанова Э. М.
Россия, Санкт-Петербург,
+79219767744,
Yelmira.Girfanova@szgmu.ru

North-Western State Medical University
named after I. I. Mechnikov
Head of the Department of Russian as a Foreign Language,
PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Girfanova E. M.
Russia, St. Petersburg,
+79219767744,
Yelmira.Girfanova@szgmu.ru

Э.М. Гирфанова

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ ЯЗЫКОВОЙ ДОГАДКИ У ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ

В статье рассматриваются понятие языковой догадки, являющейся частью компенсаторной и, шире, коммуникативной компетенции, различные типы языковой догадки, выделяемые исследователями в зависимости от того, что являлось семантической опорой языковой догадки (были ли эти опоры вербализованными или невербализованными, внеязыковыми, межъязыковыми или внутриязыковыми, контекстуальными или словообразовательными), и отмечается, что традиционно формирование навыков языковой догадки у изучающих иностранный язык является важной частью работы преподавателя. Также в статье анализируются проблемы формирования у изучающих иностранный язык навыков языковой догадки с использованием различных семантических опор, в том числе недостаточная сформированность у некоторых обучающихся таких общих психофизиологических механизмов, как восприятие, узнавание, логическое понимание, вероятностное прогнозирование и других. Подробно описывается проведенный диагностический эксперимент по выявлению сформированности навыков языковой догадки у иностранных обучающихся с уровнем владения языком, близком к В1, принципы подбора языкового материала для проведения этого эксперимента. Анализируя результаты диагностического эксперимента, автор статьи делает вывод о том, что уровень развития навыков языковой догадки у изучающих русский язык как иностранный является недостаточным, так как высказать верную языковую догадку смогли только 33,3% участников эксперимента. Выдвигается предположение о том, что в настоящее время происходит изменение набора используемых обучающимися компенсаторных стратегий, причиной которого может быть широкое распространение различных компьютерных программ-переводчиков, и это изменение, вероятно, ведет к постепенному уменьшению количества изучающих иностранный язык, считающих способность к языковой догадке полезным и актуальным для себя навыком.

Ключевые слова: языковая догадка, русский язык как иностранный, формирование навыков языковой догадки, семантические опоры языковой догадки, компенсаторная компетенция, актуальность навыка языковой догадки.

E.M. Girfanova

PROBLEMS OF DEVELOPING LANGUAGE GUESSING SKILLS FOR STUDENTS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The article examines the concept of linguistic guess, which is part of compensatory and, more broadly, communicative competence, various types of linguistic guess, distinguished by researchers depending on what was the semantic support of the linguistic guess (whether these supports were verbalized or non-verbalized, extra-linguistic, interlanguage or intra-linguistic, contextual or word-formation) and notes that traditionally, the formation of language guessing skills among foreign language learners is an important part of the teacher's work. The article also analyzes the problems of formation of language guessing skills in foreign language learners using various semantic supports, including the lack of formation of such general psychophysiological mechanisms as perception, recognition, logical understanding, probabilistic forecasting and others in some students. The conducted diagnostic experiment to identify the

formation of language guessing skills in foreign students with a level of language proficiency close to B1, the principles of selecting language material for this experiment are described in detail. Analyzing the results of the diagnostic experiment, the author of the article concludes that the level of development of language guessing skills among students of Russian as a foreign language is insufficient, since only 33.3% of the participants in the experiment were able to make a correct linguistic guess. It is suggested that there is currently a change in the set of compensatory strategies used by students, the reason for which may be the widespread use of various computer translation programs, and this change probably leads to a gradual decrease in the number of foreign language learners who consider the ability to guess a useful and relevant skill for themselves.

Keywords: language guess, Russian as a foreign language, formation of language guess skills, semantic supports of language guess, compensatory competence, relevance of language guess skill.

Как известно, языковая догадка является одним из способов семантизации (точнее, самостоятельной семантизации) неизвестных слов, а формирование у обучающихся навыков языковой догадки – одной из целей работы преподавателя иностранного языка (в том числе, и русского как иностранного). Э. Г. Азимов и А. Н. Шукин в своем «Словаре методических терминов» определяют языковую догадку как «способность раскрыть значение незнакомого слова (словосочетания) через контекст, строится на использовании знаний в области словообразования, сочетаемости слов, умении понять уже известные многозначные слова в новых значениях, на знании интернациональных слов родного и изучаемого языков» [1; с. 406].

Проблема формирования навыков языковой догадки у изучающих иностранный язык не перестает привлекать внимание исследователей, остается она актуальной и для современных ученых-методистов.

Нам представляется важным понимание языковой догадки как составной части компенсаторной (стратегической) компетенции, то есть способности обучающегося иностранному языку тем или иным способом компенсировать недостаточное знание изучаемого языка (в случае использования языковой догадки – при рецептивных видах речевой деятельности). Компенсаторная компетенция, в свою очередь, является структурным элементом коммуникативной компетенции, что подчеркивает значимость развития навыков языковой догадки в процессе овладения иностранным языком, на что указывает, например, М. В. Абрамова [2; с. 407-408].

Отметим, что для формирования способностей и навыков языковой догадки у обучающихся требуется сформированность у них (что бывает не всегда на достаточном уровне) ряда общих психофизиологических механизмов. Так, М. Н. Пашкова и Е. С. Михайлова, анализируя психофизиологические механизмы языковой догадки, делают вывод о том, что у изучающих иностранный язык должны быть сформированы механизмы восприятия, узнавания, категорийных возбуждений, логического понимания, вероятностного прогнозирования, интуиции, догадки, ретроспекции [3; с. 303-308].

Существуют различные мнения о том, что может быть опорой для языковой догадки и как можно развивать у обучающихся навыки языковой догадки.

Многие исследователи, следуя определению, данному Ю. А. Кулешовой [4; с. 86], говорят о том, что языковая догадка является развиваемым лингвистическим навыком, который базируется как на учебном, так и на жизненном опыте обучающихся и реализуется с помощью вербализованных или невербализованных опор, и предлагают для развития навыков языковой догадки (при обучении различным иностранным языкам) свои системы специальных упражнений – как это делают, например, Н. Н. Поддубная [5; с. 94-95], А. Р. Заболотская и Н. Ю. Мадякина [6; с. 104-106], Д. Д. Дмитриева [7; с. 23-25], И. И. Языков [8; с. 144-147]. Ю. А. Кулешова и Э. Г. Скибицкий предлагают педагогическую технологию развития языковой догадки, определяют её цели и функции, анализируют её структуру и содержание и демонстрируют этапы её построения [9; с. 172-175].

А. С. Картон выделяет (что уже стало практически «классикой») три группы помогающих языковой догадке семантических опор: внеязыковые, межъязыковые и внутриязыковые [10; с. 182-183]. И многие исследователи соответственно выделяют три вида языковой догадки (причем различая в рамках внутриязыковой догадки ещё два «подвида»: контекстуально-

языковую догадку и внутрисловесную, опирающиеся соответственно на контекст или анализ словообразовательных морфем). Об этом пишут, например, Е. Ю. Линкер и О. В. Кирюшина [11; с. 138-139].

Также исследователи отмечают важную роль контекста, так, например, Berrin Manga Çetinavcı пишет о том, что контекстуальная насыщенность влияет на возможность угадывания значения слова, что для успешного угадывания контекст должен содержать 2-3 «подсказки», а единственной контекстуальной «подсказки» может оказаться недостаточно для верной языковой догадки и что результаты угадывания значения слова в «богатом» и в «бедном» контексте существенно различаются [12; с. 2671-2673].

Существуют исследования, содержащие нетипичные и неожиданные представления о природе языковой догадки и, шире, о связи языка и мышления. Так, S. Hayakawa и V. Marian предполагают, что люди могут догадываться о значении неизвестных им иностранных слов только по звучанию этих слов, выявляя ассоциативные связи между звуками и значением слов, что существует кажущаяся произвольная связь между фонологической формой и значением и что возможность языковой догадки зависит от того, насколько последовательно звуки коварируют со значениями в разных языках [13; с. 2-3, 14].

Нам близка точка зрения Н. Г. Большаковой и О. В. Низкошапкиной, которые отмечают, что одним из основных приемов при формировании у обучающихся навыков языковой догадки является опора на словообразовательную модель слова, на умение проводить морфемный и словообразовательный анализ, что подразумевает такие действия, как опознание известной части слова на основе имеющегося языкового опыта, выделение аналогичных примеров частей слов, отнесение слова к определенной части речи, понимание значения неизвестного слова. При этом учащиеся должны понимать смысл и последовательность действий, необходимых для получения результата [14; с. 57-58]. Иначе говоря, требуется высокая степень осознанности процесса, который может привести к верному угадыванию значения неизвестного слова. Однако эти же авторы отмечают, что «студенты не всегда могли осознанно переносить уже известное на аналогичные случаи, правильно и целенаправленно опираться на уже известные словообразовательные модели, выделять в них знакомые элементы и соотносить с аналогичными в незнакомом слове» [14; с. 61]. Вероятно, это связано с тем, что не все психофизиологические механизмы, нужные для успешной языковой догадки, были сформированы у обучающихся в достаточной степени.

В целом можно сказать, что традиционно в обучении русскому языку как иностранному практически на всех этапах присутствует работа, направленная на развитие навыков языковой догадки. Чтобы оценить эффективность и результативность такой работы, нами был проведен диагностирующий эксперимент. Эксперимент проводился в форме анкетирования (ограничение по времени – 15 минут) в группах иностранных обучающихся-нефилологов, уровень владения русским языком которых был близок к уровню В1. В эксперименте приняли участие 60 иностранных обучающихся из стран так называемого «дальнего зарубежья».

Участникам анкетирования было предложено следующее задание: *В этих предложениях есть слова, которые вы не знаете, попытайтесь по контексту и известным вам частям слов (корни, суффиксы, префиксы) предположить их значение без помощи словаря/телефона/друга.*

В задании было всего три предложения. Первое из них:

В начале весны в лесу расцветают подснежники.

Подснежник – это...

Было высказано только 21 правильное предположение (35% обучающихся). Причем следует отметить, что из этих 21 ответа 18 состояли из одного слова: *цветы* или *цветок*, то есть догадка была сделана, видимо, с опорой на корень в глаголе *расцветают* (то есть с опорой на анализ контекста, полагаем, наличие слов *лес* и *весна* тоже сыграло свою роль), а морфемный состав слова *подснежники* обучающиеся не пытались анализировать. Только 3 участника анкетирования (5%) попытались дать развернутый ответ с опорой на анализ мор-

фем слова подснежник и контекст уровня предложения. Были получены следующие ответы (здесь и далее воспроизводим их с сохранением авторского написания): 1) *цветок в лесу, развивается под снегом*, 2) *цветы, которые выросли первые из снега*, 3) *цветки, растут под снегом*.

Неверных предположений было 8 (13%): *трава* (2 предположения, не учитывающие корень глагола *расцветают*), *жёлтые листья, когда падает снег, когда упадет снег* (видимо, неверные предположения все же связаны с идеей «под снегом»), *снег, лес; растения, которые остаются под снегом зимой*. И 31 участник анкетирования (51,6%) вообще не дали никакого ответа.

Второе предложенное участникам эксперимента предложение было таким:

Они ехали на машине целый день, обедали в придорожной забегаловке.

Придорожная забегаловка – это...

При попытке определить значение данного словосочетания также было высказано только 21 правильное предположение (35% обучающихся). Из них 14 догадок, очевидно, были сделаны с опорой только на глагол «обедали» (то есть, опять с опорой на контекст): *кафе* (6 ответов), *ресторан* (4 ответа), *как столовая* (1 ответ), *fast food* (1 ответ), *место, где можно пообедать* (1), *место, где можно есть* (1). Кроме того, было 2 ответа *плохое кафе*, видимо, обусловленные имеющимися у обучающихся лингвокультурологическими знаниями и, возможно, знакомством с реалиями российской действительности. Только 5 участников эксперимента (8%) попытались связать значение словосочетания с понятием *дорога/путь* и дали следующие ответы: *ресторан на дороге* (2 ответа), *столовая у дороги* (1 ответ), *ресторан на пути* (1 ответ), *место находится на пути транспорта, чтобы отдыхать и кушать* (1 ответ).

Неверных предположений было 8 (13%). Четыре из них были связаны с идеей остановки и отдыха, но не учитывали, что там обедали: *остановка; место на улице, чтобы отдохнуть; дорога где машины не ездят, где есть природа; место, где можно остановить машину, когда путь длинный*. Два предположения, вероятно, опирались на информацию первой части данного предложения (*Они ехали на машине целый день*) и были связаны с идеей движения: *они отправились в путь; они снова ехали на машине после обеда*. Было высказано также предположение *там нет хорошей еды* (при этом не указывалось, где именно «ТАМ»), и ничем, на наш взгляд, не мотивированное предположение *свет*. И 51,6% участников анкетирования (31 человек) вообще не дали никакого ответа.

Третье предложение, в котором участникам эксперимента предлагалось высказать догадку о значении слова, было следующим:

По улице медленно ехал огромный лесовоз.

Лесовоз – это...

Обучающимися было высказано всего 18 верных предположений (30%), из которых 8 опирались на глагол «ехал»: *машина* (4 ответа), *большая машина* (1 ответ), *транспорт* (2 ответа), *машина, грузовик* (1 ответ). 10 участников анкетирования, видимо, все же использовали морфемный анализ сложного слова и дали следующие ответы: *машина, которая возит лес* (4 ответа), *машина в которой везут дрова* (2 ответа), *большой грузовик, который собирает деревья* (1 ответ), *грузовик, который перевозит дрова с деревьев* (2 ответа), *большая машина, которая транспортирует лес* (1 ответ).

Неверных предположений было 7 (12%), по одному разу каждое: 1) *машина, которая едет в лес*; 2) *дерево*; 3) *машина, что содержит деньги*; 4) *человек, который носит дрова, рубит дрова и носит людям*; 5) *лес или лист*; 6) *много людей*; 7) *большая машина, которая везёт тяжелую вещь* (последнее предположение можно считать частично правильным, однако мы отнесли его к неверным, так как обучающиеся этого уровня владения языком, безусловно, должны знать слово «лес»). 35 участников эксперимента (58%) не высказали предположений о значении предложенного слова.

Отметим также, что выбор слов для приведенных заданий на языковую догадку не был абсолютно произвольным, он был сделан с учетом той работы по анализу морфемного состава слов и семантизации новых слов с помощью такого анализа, которая предполагалась в процессе обучения для достижения определенного уровня владения языком (причем не только в аспекте общего владения, но и в профессиональной сфере общения, в нашем случае – в сфере медицинского образования).

Так например, слово *подснежник* было выбрано в связи с предполагаемым знанием обучающихся о значении предлога *ПОД* и префикса *ПОД-* (кстати, также и *НАД-*) и их участии в словообразовании: в программе обучения есть конструкция *ПОД чем?* со значением локализации, а в изучаемых текстах профессионального модуля присутствовали (и семантизировались или комментировались с помощью морфемного анализа) такие слова, как *поджелудочная железа, подбородок, надколенник, надпочечный*. Кроме того, обучающиеся должны быть уже знакомы со словами «снег» и «цветы», а также с чередованием согласных г/ж (хотя бы на примере известных им слов: друг/дружба, строгий/строже и др.)

Значение словосочетания *придорожная забегаловка* предположительно могло быть угадано учащимися, так как слово *дорога* им известно (и входит в лексический минимум I сертификационного уровня), Программа I сертификационного уровня по русскому языку как иностранному предусматривает также знание о том, что основным значением приставки *ПРИ-* является конец движения, что подразумевает приближение/близость к объекту, знание глагола бегать, и того, что префикс *ЗА-* с глаголами движения имеет значение недолгого пребывания субъекта в каком-либо месте по пути к цели движения. Кроме того, в лексический минимум I сертификационного уровня входят глаголы и образованные от них с помощью суффикса *-К-* существительные (*остановить – остановка, подготовиться – подготовка*), а в процессе изучения основ научного стиля речи и профессиональной лексики обучающиеся знакомятся с подобными парами «глагол – существительное»: *транспортировать – транспортировка, обработать – обработка, переработать – переработка, глотать – глотка, перевязать – перевязка*.

Мы полагали, что обучающиеся смогут догадаться о значении слова *лесовоз*, так как в лексический минимум I сертификационного уровня входят (а значит изучаются и комментируются с точки зрения словообразования) сложные слова подобного типа: *самолёт, самовар, теплоход, экскурсовод*, а в список изучаемой лексики профессионального модуля входят такие сложные слова, как *пищевод, кровеносный, жизнедеятельность* и др.

Иначе говоря, на протяжении обучения велась целенаправленная работа по формированию и развитию у обучающихся навыков морфемного анализа слова.

Кроме того, в процессе обучения чтению разного типа (просмотровому, изучающему) проводилась работа по формированию способности предположить значение слова по контексту.

Однако результаты проведенного нами небольшого описанного выше диагностического эксперимента показывают, что уровень развития навыков языковой догадки у изучающих русский язык как иностранный нельзя назвать высоким.

Приведем средние (по трем заданиям) цифры результатов нашего эксперимента. Высказать верную языковую догадку в среднем смогли 20 человек из 60 (33,3%) – только одна третья часть обучающихся, причем из них только 6 человек (10%) пытались опираться на морфемный анализ неизвестного слова, о значении которого нужно было догадаться. Неверные предположения высказали в среднем 8 человек (13,3%). Не дали ответа на задания в среднем 32 человека (53,3%). Иначе говоря, более половины обучающихся не имеют навыков языковой догадки, несмотря на проводимую преподавателями работу по формированию и развитию этих навыков.

Кроме того, хотелось бы отметить, что в результатах эксперимента наиболее важной цифрой для понимания происходящих в обучении процессов нам представляется количество участников, которые даже не попытались дать ответ (напомним, это более 50% обучающихся).

ся). Причиной этого, вполне вероятно, является то, что обучающиеся – участники эксперимента – это поколение, выросшее в так называемую «эпоху гаджетизации». Уже общеизвестным фактом стал эффект Google (цифровая амнезия), негативно влияющий на когнитивные способности человека, отмечается наличие у этого поколения проблем с долговременной памятью. Если говорить о том, как всеобщая «гаджетизация» отражается именно на проблеме формирования языковой догадки у изучающих иностранный язык, то в первую очередь нужно говорить о влиянии получивших широкое распространение различных компьютерных программ-переводчиков (современные технологии позволяют обучающимся при использовании смартфонов практически моментально получать перевод не только печатного, но и звучащего текста). К сожалению, на качество и точность этого перевода внимание обращается очень мало, ценится сама возможность коммуникации при отсутствии знания языка этой коммуникации. Преподаватели-практики отмечают рост количества обучающихся, вообще не считающих нужным запоминать иностранные слова, так как у них «есть телефон» и полагающих, что их гаджет всегда поможет им при коммуникативных затруднениях. С большой долей вероятности, как нам кажется, можно предположить, что в настоящее время происходит изменение набора используемых обучающимися при коммуникации на иностранном языке компенсаторных стратегий, которые постепенно сводятся к одной: использовать программу-переводчик. Применительно к рассматриваемой в данной статье проблеме, можно отметить, что это изменение, вероятно, ведет к постепенному уменьшению количества изучающих иностранный язык, считающих способность к языковой догадке полезным и важным для себя навыком.

Безусловно, наш эксперимент, проведенный с участием относительно небольшого количества обучающихся, не позволяет делать обобщающие выводы, однако демонстрирует наличие проблемы и необходимость её дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб: «Златоуст», 1999. 472 с.
2. Абрамова М. В. Развитие языковой догадки на уроках русского языка как иностранного на предвузовском этапе // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2014. № 5. С. 407-410.
3. Пашкова М. Н. Особенности развития психофизиологических механизмов языковой догадки при обучении иностранных учащихся рецептивным видам речевой деятельности на русском языке / М. Н. Пашкова, Е. С. Михайлова // Многоуровневая языковая подготовка в условиях поликультурного общества : Материалы VIII международной научно-практической конференции, Казань, 11 июня 2021 года. Казань: Казанский государственный институт культуры, 2021. С. 300-308.
4. Кулешова Ю. А. Развитие языковой догадки при изучении английского языка студентами технического вуза // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 10. С. 85-90.
5. Поддубная Н. Н. Развитие языковой догадки в процессе обучения иностранному языку в неязыковом вузе // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2022. № 1(42). С. 94-95.
6. Заболотская А. Р. Языковая догадка и ее формирование у студентов неязыковых специальностей / А. Р. Заболотская, Н. Ю. Мадыкина // Казанский лингвистический журнал. 2018. Т. 1, № 2. С. 99-109.
7. Дмитриева Д. Д. Языковая догадка и способы её развития при обучении русскому языку как иностранному // Региональный вестник. 2018. № 5(14). С. 23-25.
8. Языков И. И. Трансформационный текст как инструмент формирования языковой догадки при обучении русскому языку как иностранному // Преподаватель XXI век. 2020. № 3-1. С. 142-148.

9. Кулешова Ю. А. Педагогическая технология развития языковой догадки студентов при изучении иностранного языка в неязыковом вузе / Ю. А. Кулешова, Э. Г. Скибицкий // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 4(35). С. 171-178.
10. Картон А. С. Роль догадки в процессе пользования языком и в процессе обучения языку // Методика преподавания иностранных языков за рубежом. М. 1976. Вып. II. С. 181-183.
11. Линкер Е. Ю. Особенности развития языковой догадки в обучении лексическому аспекту иностранного языка / Е. Ю. Линкер, О. В. Кирюшина // Образовательная система: вопросы современного этапа развития научной мысли: сборник научных трудов. Казань: ООО "СитИвент", 2019. С. 136-143.
12. Berrin Manga Çetinavcı, Contextual Factors in Guessing Word Meaning from Context in a Foreign Language, *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, Volume 116, 2014, Pages 2670-2674.
13. Hayakawa S., Marian V. Sound-meaning associations allow listeners to infer the meaning of foreign language words. *Commun Psychol* 1, 30 (2023), pages 1-15.
14. Большакова Н. Г. Обучение языковой догадке на основе словообразовательного анализа в процессе самостоятельного чтения / Н. Г. Большакова, О. В. Низкошапкина // Научно-педагогическое обозрение. 2019. № 2(24). С. 56-65.

References

1. Azimov E. G., Shchukin A. N. Dictionary of methodological terms (theory and practice of language teaching). St. Petersburg: Zlatoust, 1999. 472 p.
2. Abramova M. V. The development of linguistic guesswork in the lessons of Russian as a foreign language at the pre-university stage // Bulletin of the Pskov State University. Series: Social, humanitarian, psychological and pedagogical sciences. 2014. No. 5. pp. 407-410.
3. Pashkova M. N. Features of the development of psychophysiological mechanisms of linguistic guessing in teaching foreign students receptive types of speech activity in Russian / M. N. Pashkova, E. S. Mikhailova // Multilevel language training in a multicultural society: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, Kazan, June 11, 2021. Kazan: Kazan State Institute of Culture, 2021. pp. 300-308.
4. Kuleshova Yu. A. The development of linguistic guesswork in the study of English by students of a technical university // Siberian Pedagogical Journal. 2010. No. 10. pp. 85-90.
5. Poddubnaya N. N. The development of linguistic guesswork in the process of teaching a foreign language in a non-linguistic university // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 1(42). Pp. 94-95.
6. Zabolotskaya A. R. Linguistic guess and its formation among students of non-linguistic specialties / A. R. Zabolotskaya, N. Y. Madyakina // Kazan Linguistic Journal. 2018. Vol. 1, No. 2. pp. 99-109.
7. Dmitrieva D. D. Linguistic guess and ways of its development in teaching Russian as a foreign language // Regional Bulletin. 2018. № 5(14). Pp. 23-25.
8. Yazykov I. I., Transformational text as a tool for forming linguistic guesswork when teaching Russian as a foreign language // Teacher XXI century. 2020. № 3-1. pp. 142-148.
9. Kuleshova Yu. A. Pedagogical technology for the development of students' linguistic guesswork when learning a foreign language in a non-linguistic university / Yu. A. Kuleshova, E. G. Skibitsky // The world of science, culture, and education. 2012. № 4(35). Pp. 171-178.
10. Carton A. S. The role of guesswork in the process of using language and in the process of language learning // Methods of teaching foreign languages abroad / M. 1976. Issue II. pp. 181-183.
11. Linker E. Y. Features of the development of linguistic guesswork in teaching the lexical aspect of a foreign language / E. Y. Linker, O. V. Kiryushina // Educational system: issues of the

modern stage of the development of scientific thought: a collection of scientific papers. Kazan: SitIvent LLC, 2019. pp. 136-143.

12. Berrin Manga Çetinavcı, Contextual Factors in Guessing Word Meaning from Context in a Foreign Language, *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, Volume 116, 2014, Pages 2670-2674.
13. Hayakawa S., Marian V. Sound-meaning associations allow listeners to infer the meaning of foreign language words. *Commun Psychol* 1, 30 (2023), pages 1-15.
14. Bolshakova N. G. Teaching a linguistic guess based on word-formation analysis in the process of independent reading / N. G. Bolshakova, O. V. Nizkoshapkina // *Scientific and pedagogical Review*. 2019. № 2(24). Pp. 56-65.

УДК 316.74

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.004

*Воронежский государственный
технический университет
ассистент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации*

Вохминцева А.В.

Россия, г. Воронеж, тел. +7-952-104-85-09

e-mail: v.alya140177@gmail.com

*Voronezh State Technical University
assistant of the department Russian lan-
guage and cross-cultural communication*

Vokhmintseva A.V.

Russia, Voronezh, +7-952-104-85-09

e-mail: v.alya140177@gmail.com

А.В. Вохминцева

ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА: АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Термины родства выступают важным объектом всестороннего научного исследования и охватывают широкий спектр вопросов, связанных с различными аспектами социальной жизни общества. Изучение семантики понятий, традиционно используемых для обозначения родственных связей, позволяет определить их функциональную нагрузку в языке, оценить влияние данной терминологической системы на процесс индивидуального и коллективного мировосприятия, а также механизмы взаимодействия индивидов друг с другом и обществом в целом. Статья рассматривает ключевые направления изучения терминов родства как особого явления культурной и социальной природы, возникновение и эволюция которого были обусловлены множеством исторических, этнокультурных и социально-психологических факторов. Так, в работе освещены идеи А. Г. Харчева, Л.Г. Моргана и других. Особое внимание уделено историческим изменениям в составе терминов родства. Помимо этого, подробно рассмотрены работы О.Ю. Николенко, О.М. Барсуковой-Сергеевой, Л.Е. Адысовой, посвященные использованию терминологии родства в политической коммуникации. Также в статье рассмотрены материалы различных исследователей, изучающих термины родства в литературных произведениях, афоризмах и поговорках. Изучением терминологии родства в говорах и диалектах разных регионов занимаются многие ученые. В настоящей статье рассмотрены основные работы, посвященные данной теме. Таким образом, категория родства сегодня является важным полем для исследования сразу нескольких гуманитарных наук, включая лингвистику, антропологию, социологию и даже философию сознания.

Ключевые слова: родственный код, термины родства, категория родства, кровное родство, семья, семейные ценности.

A.V. Vokhmintseva

KINSHIP TERMINOLOGY: STUDY ASPECTS

Kinship terms are an important object of comprehensive scientific research and cover a wide range of issues related to various aspects of social life. Studying the semantics of concepts traditionally used to denote family ties allows us to determine their functional load in the language, assess the influence of this terminological system on the process of individual and collective worldview, as well as the mechanisms of interaction of individuals with each other and society as a whole. The article considers the key areas of studying kinship terms as a special phenomenon of cultural and social nature, the emergence and evolution of which were conditioned by many historical, ethnocultural and socio-psychological factors. Thus, the work highlights the ideas of A.G. Kharchev, L.G. Morgan and others. Particular attention is paid to historical changes in the composition of kinship terms. In addition, the works of O.Yu. Nikolenko, O.M. Barsukova-Sergeeva, L.E. Adyasova, devoted to the use of kinship terminology in political communication. The article also examines the materials of various researchers studying kinship terms in literary works, aphorisms and proverbs. Many scientists are engaged in the study of kinship terminology in dialects and dialects of different regions. This article examines the main works devoted to this topic. Thus, the category of kinship today is an important field for research in several humanities at once, including linguistics, anthropology, sociology and even philosophy of consciousness.

Keywords: kinship code, kinship terms, kinship category, consanguinity, family, family values.

Согласно хрестоматийному определению А.Г. Харчева, семья – это «социальный ин-

ститут и, одновременно, малая социальная группа, объединенная кровным родством, совместным ведением хозяйства и взаимной моральной ответственностью» [1, с. 10]. Термины родства представляют собой важный элемент языка, образующий родственный код, который, помимо семейных связей, отражает культурные, социальные и исторические аспекты. Они используются для обозначения отношений между членами семьи, а также играют важную роль в формировании социальных норм и ценностей, передающихся из поколения в поколение.

Одним из первых исследователей, обративших внимание на систему обозначений, используемую для описания семейных отношений, был американский ученый, этнограф, социолог и историк Л.Г. Морган. Он считал, что «изучение терминов родства, которые находятся в противоречии с реальными отношениями, может помочь узнать о ранних этапах истории семейных отношений» [2, с. 12]. Его работы стали основой для последующих исследований в области антропологии и социологии семьи.

В современном мире происходит модификация традиционных представлений о родственных связях. Этому способствует географическая мобильность, расширение социальных контактов и т.д. Изучение терминов родства настоящее время становится особенно актуальным, в том числе в таких областях как лингвистика, социология и психология.

Одним из ключевых направлений в изучении терминов родства является их функционально-семантический анализ. Х.Х. Эгамназаров отмечает, что термины родства и термины свойства образуют своеобразные микросистемы, которые помогают понять, как язык отражает социальные отношения [3, с. 216]. Исследование основывается на сравнительном методе. Автор сопоставляет отдельные термины и их значения в лексике двух близкородственных, но, тем не менее, самостоятельных языков (таджикского и узбекского), с последующим анализом сходств и различий. Одним из основных отличий является наличие «родства по крови» в семантике терминов родства. Они указывают на биологическую связь между индивидами, в то время как термины свойства определяют социальные отношения, которые возникают в результате брака или усыновления.

Исторические изменения в составе терминов родства также представляют интерес для исследователей. Г.А. Беляев, анализируя изменения парадигматических отношений с течением времени в подсистемах кровного родства и свойства, обращает внимание на наличие или отсутствие корней, обозначающих родственные связи в историческом аспекте, а также на динамику количества производных слов, сохраняющих ту же семантическую функцию. Исследователь выделяет две основные тенденции исторической трансформации терминов кровного родства: во-первых, в современном русском языке наблюдается расширение лексического поля, которое посвящено родственникам прямой линии; во-вторых, терминология, которая описывает родственников по боковой линии, напротив, утратила актуальность, значительно сократив при этом синонимические варианты употребления и уменьшительные формы слов [4, с. 327], что, полагаем, связано с уходом от такого понятия, как «большая семья» и закреплением в сознании стереотипа современной нуклеарной семьи с одним-двумя детьми. Как отмечает Ю.С. Борцов, «историческая эволюция форм семейной жизни имеет общее магистральное движение от крупных семейных групп к их постепенному уменьшению за счет отпадения определенной группы родственников», что приводит «к сужению круга лиц, ведущих совместное хозяйство в рамках малой социальной группы, а также обладающих моральной ответственностью друг перед другом» [5, с. 28].

Ю.А. Зеремская, используя сравнительно-исторический подход и метод компонентного разложения в изучении лексики родства и свойства, рассматривает, как культурные различия влияют на восприятие и использование терминов родства, что помогает ей выявить классификационную и описательную системы. В основе первой лежит различительный признак «*поколение*», а в основе второй – «*линия родства*». Эти принципы помогают систематизировать родственные связи [6, с. 100].

Важным аспектом изучения лексем родственного кода является влияние терминов родства на формирование базовых семейных ценностей у подрастающего поколения. Е.А. Зарубина подчеркивает значимость раннего знакомства с ними для формирования отношения к семье как к высшей ценности, а также для развития духовно-нравственных ценностей с малых лет [7, с. 47].

Значимость лексем родственного кода проявляется в том, что терминология родства выходит за рамки личных отношений и находит свое применение в политической коммуникации. О.Ю. Николенко исследует, как лексем категории родства используются для создания образа единства и сплоченности, а также для формирования установки важности семьи. Автор анализирует различные виды обращений глав СССР и РФ к народу на разных исторических этапах. Количество текстов, которые затрагивают реальные семейные отношения, увеличивается, вместе с этим растет и разнообразие используемых терминов родства. При этом область метафорического употребления снижается [8, с. 25]. О.М. Барсукова-Сергеева рассматривает варианты метафорического использования терминов родства в советской риторике идеологической направленности. Она отмечает, что в советские годы общество идеализировало образ вождя и стремилось приблизить его к себе, неосознанно выстраивая неформальные отношения через обращения. Облик политических лидеров формировался через призму культурных традиций. Так, в советские годы существовало доброе, ласковое именованье «*дедушка Ленин*», от которого появилось производное «*внуки Ленина*». Строгим же, властным и справедливым представляли существительное «отец». Сталина называли «*отцом народов*», отводя ему роль главы большой советской социалистической семьи. Термин родства «брат» также нашло отражение в советской идеологии. «*Братский народ*» - так называли всех граждан коммунистического лагеря. Модель семейных отношений была не только удобной и понятной при структуризации общества, но и соответствовала коренным особенностям русской ментальности, где семейные отношения стоят на первом месте [9, с. 73]. Об употреблении термина «брат» в политическом дискурсе говорит и Л.Е. Адысова. Проанализировав особенности его функционирования в материалах Национального корпуса русского языка, основных информационных агентств, а также интернет-ресурсов, автор приходит к выводу о том, что метафора родства «*братья*» амбивалентна и является эффективным средством манипуляции в современных средствах массовой информации [10, с. 9].

Отдельное место в области лингвистики занимает изучение терминов родства на основе говоров и диалектов разных регионов. Большое количество исследователей изучают лексические различия в обозначении родственников и стремятся выявить закономерности в выражении семейных отношений различных культур. Так, И.Б. Качинская, исследуя на материале архангельских говоров, как термины родства отражают языковую картину мира, акцентирует внимание на связи лексем родственного кода с предметным миром [11]. Т.Н. Казаковой представлена классификация понятий, которые относятся к родственным связям у населения Низовой Печоры, включающая такие категории, как кровное родство, отношения через брак, условное и приемное [12]. Автор проводит комплексный анализ терминов родства, обращаясь к их происхождению и рассматривая в гендерном аспекте. В работе А.Я. Хусаиновой анализируются термины, обозначающие родственные отношения, возникающие в результате брака каргалинского, бугурусланского, шарлыкского говоров, образовавшихся в Оренбуржье после появления переселенцев из центральных областей России [13]. Специфические черты диалектной лексики, отражающие родственные и брачные связи на лексическом, фонетическом и семантическом уровнях в мокшанских говорах представлены в исследовании В.П. Гришуниной [14]. Особенности терминологии родства и свойства в заболотном говоре тоболо-иртышского диалекта татарского языка изучаются Р.С. Барсуковой, М.Р. Булатовой, З.А. Мухаевой, Л.Р. Исламовой [15].

Многие исследователи обращают внимание на изучение терминов родства через призму литературных произведений. Э.Г. Оздоева и А.А. Полонкоева на материале произведений ингушского автора А. Бокова рассматривают категорию родства в ингушском языке. Авторы

анализируют не только понятия, обозначающие брачные отношения, но и лексику некровного родства [16]. На материале романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» Е.А. Морозкина и Ш. Чжу исследуют перевод терминов родства с русского языка на китайский. Авторы подчеркивают, что различия между системами терминологии родства в двух языках очень значительны, что необходимо учитывать при переводе художественной литературы [17]. Н.Б. Бугакова, С.А. Скуридина и Е.О. Кузьминых изучают функции антропонимов и терминов родства в рассказе А. Платонова «Никита», отмечая, что именно эти текстовые единицы являются ключевыми для понимания художественного замысла А. Платонова, поскольку выводят произведение на онтологический уровень [18]. Е.Г. Постникова анализирует, как и с какой целью М.Е. Салтыков-Щедрин использует термины родства для описания русской мифологии власти. Автор статьи говорит о том, что взаимодействие между правителями и теми, кто находится под их управлением, строится либо по матрице «материнства», либо по матрице «отцовства» [19]. Г.А. Оганисян проводит лексико-семантический анализ антропонимов в романах армянского писателя Д.К. Демирчяна и устанавливает, что продуктивными являются имена с позитивной коннотацией человека, но также встречаются теофорные, зооморфные и фитофорные именованья, свидетельствующие о тотемистических представлениях, пережитках древних языческих верований. Кроме того, выделяются имена, отражающие национальные концепции, связанные с религией, мировосприятием, характером и менталитетом народа [20].

Паремии и афоризмы русского и английского языков, в которых содержатся термины родства, анализирует А.Л. Кормильцева. Она говорит о том, что единицы, включенные в эту группу, различаются по признаку женский/мужской и могут выполнять функцию гендерного индикатора, что позволяет увидеть, как язык может отражать гендерные стереотипы и культурные нормы [21]. Пословичную концептуализацию мира рассматривают в своей статье Ф.Г. Фаткуллина и Н.З. Исакова. Проведя сопоставительный анализ таких разноструктурных языков, как русский, английский и башкирский, авторы приходят к выводу о том, что термины родства являются одним из древнейших пластов лексики, который отражает различные изменения в укладе общества [22]. О.В. Чёха рассуждает о том, как единицы греческого народного календаря представлены в народных верованиях и фольклорных текстах. Автор отмечает, что месяцы и некоторые праздники персонифицируются родственниками. Так, месяцы являются братьями, а календарный год – это семья. При этом, в некоторых паремиях январь назван старшим братом, так как в этот период начинает увеличиваться световой день. В других – данный месяц именуют отцом, потому что народная этимология возводит название месяца к глаголу «рожать, рождать», а также из-за порядкового номера в календаре [23, с.186].

Об этноспецифической особенности русской коммуникативной культуры говорит Д.С. Цахуева. Рассматривая термины родства как наиболее употребительную форму обращения к незнакомым людям, автор отмечает, что подобное использование номинации родственных связей является уникальным, потому что даже в близкородственных языках аналогичное разнообразие не встречается [24].

М.С. Черкасова обращается к терминам родства, встречающимся в челобитных, публичных и частноправовых актах XVI-XVII веков. Интересно, что, кроме привычных понятий, обозначающих жену сына (невестка/сноха), мужа дочери (*зять*), брат мужа (*шурин*), брат жены (*деверь*) и т.д., встречаются также наименования следующих родственных связей: женщин, которые из-за болезни расторгали брак и становились монахинями, называли «*посестриши/подружии*», поступивших в монахи мужей именовали «*побратимами*», умершего законного мужа могли называть «*сожитель*», а незаконную жену – «*ворница/подворница*» и т.п. [25].

Е. С. Узенёва рассматривает термины родства, обозначающие отношения родства после свадьбы в Болгарских традициях. Она выделяет кровное, ритуальное и родство по сватовству. Автор отмечает, что у болгар свадебные чины не только обозначают отдельных участни-

ков обрядов, но и целые группы. Помимо этого, существует общее название всех участников свадьбы и отдельные наименования для ряженных [26].

Семантическое поле терминов родства описывает в своей статье Чжу Хун. Исследователь анализирует смысловые отношения между людьми и делит понятия, обозначающие родственные отношения, на такие группы как «родство по прямой линии», «родство по боковой линии», «родство по браку», «духовное родство (близкие неродственные отношения)». Автор отмечает, что семантическое поле терминов родства основано на таких главных признаках, как «брак» и «родство» [27].

О.Н. Горева, рассматривающая внутриязыковые и внешняязыковые факторы, которые лежат в основе фразообразовательной активности лексем, участвующих в образовании фразеологизмов, говорит о фразообразовательной активности терминов родства в русском языке. По мнению исследователя, наиболее распространенными компонентами в составе фразеологических единиц являются термины «мать», «сын», «брат» [28].

Т.Е. Владимирова определяет ценностные ориентиры и этико-культурные принципы, присущие русскому коду бытия, а также способы его языкового выражения, характерные для русской ментальности. Исследователь, изучая предысторию русского языка как уникального этнопсихолингвистического явления и анализируя его индоевропейские и общеславянские корни, и сосредоточившись на древних терминах, которые связаны с родством, отмечает изменения в значении терминов родства относительно их первоначальной формы до появления в современном русском языке [29].

Как видим, термины родства не только обозначают биологические связи между людьми. Их всестороннее исследование способствует пониманию языковых механизмов, позволяет изучить культурные представления о семье, гендерных ролях и социальных иерархиях, а также помогает выявить культурные и социальные изменения, которые происходят в обществе.

Библиографический список

1. Харчев А.Г. Брак и семья в ССР. Опыт социологического исследования. М., 1979. 465 с.
2. Морган Л.Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации // 2-е изд., стер. Ленинград: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935.
3. Эгамназаров Х.Х. Термины свойства и термины родства как одни из своеобразных функционально-семантических микросистем словарного состава // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. 2022. № 2(267). С. 215-218.
4. Беляев Г.А. Исторические изменения в составе терминов кровного родства и свойства // Филологические этюды. 2024. № 27. С. 326-330.
5. Борцов Ю.С. Социализация семей в нуклеарных семьях: проблемы внутрисемейной коммуникации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. №6-7. С. 26-29.
6. Зеремская Ю.А. Подходы к изучению терминов родства в разных языках // Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы: Сборник научных трудов и материалов. Том Выпуск 3. Томск: Томский государственный педагогический университет, 2007. С. 97-104.
7. Зарубина Е.А. Формирование базовых семейных ценностей младших школьников на примере изучения терминов родства, представленных в УНТ // Технологии образования. 2020. № 3(9). С. 46-49.
8. Николенко О.Ю. Использование терминов родства в политической коммуникации: дискурс «Глава государства – нация» // Речевая коммуникация в современной России: тезисы докладов VI Международной научной конференции. Омск: 2021. С. 42-44.

9. Барсукова-Сергеева О.М. Метафорическое употребление наименований родства в советской идеологической риторике // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. №2 (49). С. 71-75.

10. Адясова, Л.Е. Метафора родства в современном российском политическом дискурсе: слот «братья» // Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура: Сборник статей по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе», Нижний Новгород, 01–03 декабря 2017 года / Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород. 2018. С. 3-10.

11. Качинская И.Б. Термины родства и предметный мир (Термины родства и языковая картина мира. По материалам архангельских говоров) // Материалы и исследования по русской диалектологии. Том 3 (9). Москва. 2008. С. 265-283.

12. Казакова Т.Н. Термины родства в русских говорах Низовой Печоры* // Вестник Коми государственного педагогического института. 2010. № 8. С. 14-21.

13. Хусаинова А.Я. Термины свойственного родства в татарских говорах Оренбуржья // Вестник ВЭГУ. 2013. № 4(66). С. 208-211.

14. Гришунина В. П. Лексические варианты названий родства в мокшанских говорах (лексикографический и лингвогеографический аспекты) // Финно-угорский мир. 2014. № 4(21). С. 54-60.

15. Барсукова Р.С., Булатова М.Р., Мухаева З.А., Исламова Л.Р. Особенности терминологии родства и свойства в татарских говорах: на примере заболотного говора // Казанская наука. 2024. № 5. С. 227-229.

16. Оздоева Э.Г., Полонкоева А.А. Термины, обозначающие некровное родство в произведениях А. Бокова // Рефлексия. 2020. № 4. С. 35-37.

17. Морозкина Е.А., Чжу Ш. Термины родства в переводе романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» на китайский язык // Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки: материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора, Заслуженного работника образования Республики Башкортостан, Почетного работника ВПО РФ, действительного члена РАЕН Фаткуллиной Флюзы Габдуллиновны, Уфа, 28 апреля 2023 года. Том 1. 2023. С. 232-241.

18. Бугакова Н.Б., Скуридина С.А., Кузьминых Е.О. Антропонимикон и термины родства в рассказе А. Платонова «Никита» // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2024. Т. 43, № 2. С. 199-205.

19. Постникова Е.Г. ВЛАСТЬ В ТЕРМИНАХ РОДСТВА (по роману М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города») // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 4(15). С. 51-56.

20. Оганнисян Г.А. Лексико-семантическая классификация антропонимов (на материале романов Д.К. Демирчяна «Вардананк» и Х. Абовяна «Раны Армении») // Восточнославянская филология. Языкознание. 2021. № 13(39). С. 106-113.

21. Кормильцева А.Л. Термины родства как гендерный маркер в поговорках и афоризмах русского и английского языков // Вестник филологических наук. 2023. Т. 3, № 11. С. 118-123.

22. Фаткуллина Ф.Г., Исхакова Н.З. Сопоставительный анализ терминов родства в поговорках и поговорках (на материале русского, английского и башкирского языков) // Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки: Материалы X Международной научно-практической конференции. Уфа. 2024. С. 179-181.

23. Чёха О.В. Категория рода и родства в греческом народном календаре // Категория родства в языке и культуре. 2009. С. 184-191.

24. Цахуева Д.С. Особенности употребления терминов родства в роли обращений в русской лингвокультуре // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 39, № 1. С. 53-59.

25. Черкасова М.С. Семья и термины родства в источниках XVI-XVII веков // Историческая демография. 2020. № 1(25). С. 4-8.
26. Узенёва Е.С. Терминология родства в словаре болгарской свадьбы // Категория родства в языке и культуре. 2009. С. 129-148.
27. Чжу Хун Семантическое поле терминов родства в современном русском языке // Вопросы филологических наук. 2012. № 3. С. 26-31.
28. Горева О.Н. Фразеобразовательная активность компонентов-терминов родства в русском языке // Филологические и лингвистические аспекты межкультурной коммуникации: Сборник научных трудов. Курган: Курганский государственный университет, 2010. С. 22-27.
29. Владимирова Т.Е. К истокам русского языка и русской ментальности (на материале терминов родства) // Вопросы русской филологии и методики преподавания русского языка и литературы. Москва: Инновационный научно-образовательный и издательский центр «Ал-мавест», 2014. С. 191-217.

References

1. Kharchev A.G. Marriage and family in the SSR. Experience of sociological research. Moscow, 1979. 465 p.
2. Morgan L.G. Ancient society or the study of lines of human progress from savagery through barbarism to civilization // 2nd ed., reprinted. Leningrad: Publishing house of the Institute of the Peoples of the North of the Central Executive Committee of the USSR, 1935.
3. Egamnazarov H.H. Terms of property and terms of kinship as one of the unique functional-semantic microsystems of vocabulary // Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. Department of Social Sciences. 2022. No. 2 (267). P. 215-218.
4. Belyaev G.A. Historical changes in the composition of terms of consanguinity and property // Philological studies. 2024. No. 27. P. 326-330.
5. Bortsov Yu.S. Socialization of families in nuclear families: problems of intra-family communication // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2016. No. 6-7. P. 26-29.
6. Zeremskaya Yu.A. Approaches to the study of kinship terms in different languages // Comparative-historical and typological studies of language and culture: problems and prospects: Collection of scientific papers and materials. Volume Issue 3. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University, 2007. P. 97-104.
7. Zarubina E.A. Formation of basic family values of primary school students on the example of studying kinship terms presented in the UNT // Educational technologies. 2020. No. 3 (9). P. 46-49.
8. Nikolenko O.Yu. Using Kinship Terms in Political Communication: The Discourse “Head of State – Nation” // Speech Communication in Modern Russia: Abstracts of the VI International Scientific Conference. Omsk: 2021. Pp. 42-44.
9. Barsukova-Sergeeva O.M. Metaphorical Use of Kinship Terms in Soviet Ideological Rhetoric // Actual Issues of Modern Philology and Journalism. 2023. No. 2 (49). Pp. 71-75.
10. Adyasova, L.E. Kinship Metaphor in Modern Russian Political Discourse: The “Brothers” Slot // National Codes in Language and Literature. Language and Culture: Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific Conference “National Codes in Language and Literature”, Nizhny Novgorod, December 1–3, 2017 / National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. N.I. Lobachevsky. Nizhny Novgorod. 2018. P. 3-10.
11. Kachinskaya I.B. Kinship terms and the objective world (Kinship terms and the linguistic picture of the world. Based on the materials of Arkhangelsk dialects) // Materials and research on Russian dialectology. Vol. 3 (9). Moscow. 2008. P. 265-283.
12. Kazakova T.N. Kinship terms in the Russian dialects of Nizhnaya Pechora* // Bulletin of the Komi State Pedagogical Institute. 2010. No. 8. P. 14-21.

13. Khusainova A.Ya. Terms of inherent kinship in the Tatar dialects of the Orenburg region // *Bulletin of VEGU*. 2013. No. 4 (66). P. 208-211.
14. Grishunina V. P. Lexical variants of kinship names in Moksha dialects (lexicographical and linguogeographic aspects) // *Finno-Ugric world*. 2014. No. 4 (21). P. 54-60.
15. Barsukova R. S., Bulatova M. R., Mukhaeva Z. A., Islamova L. R. Features of the terminology of kinship and property in Tatar dialects: on the example of the Zabolotny dialect // *Kazan science*. 2024. No. 5. P. 227-229.
16. Ozdoeva E. G., Polonkoeva A. A. Terms denoting non-blood relationship in the works of A. Bokov // *Reflection*. 2020. No. 4. P. 35-37.
17. Morozkina E.A., Zhu Sh. Kinship terms in the translation of I.S. Turgenev's novel "Fathers and Sons" into Chinese // *Theoretical and practical problems of development of modern humanitarian science: materials of the IX International scientific and practical conference dedicated to the anniversary of Doctor of Philological Sciences, Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, full member of the Russian Academy of Natural Sciences Fatkullina Fluza Gabdullinovna, Ufa, April 28, 2023*. Vol. 1. 2023. Pp. 232-241.
18. Bugakova N.B., Skuridina S.A., Kuzminykh E.O. Anthroponymicon and kinship terms in A. Platonov's story "Nikita" // *Issues of journalism, pedagogy, linguistics*. 2024. Vol. 43, No. 2. P. 199-205.
19. Postnikova E.G. POWER IN TERMS OF KINSHIP (based on the novel by M.E. Saltykov-Shchedrin "The History of a City") // *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*. 2011. No. 4 (15). P. 51-56.
20. Oganisyan G.A. Lexical and semantic classification of anthroponyms (based on the novels by D.K. Demirchyan "Vardanank" and H. Abovyan "Wounds of Armenia") // *East Slavic Philology. Linguistics*. 2021. No. 13 (39). P. 106-113.
21. Kormiltseva A.L. Kinship terms as a gender marker in proverbs and aphorisms of the Russian and English languages // *Bulletin of Philological Sciences*. 2023. Vol. 3, No. 11. Pp. 118-123.
22. Fatkullina F.G., Iskhakova N.Z. Comparative analysis of kinship terms in proverbs and sayings (based on the Russian, English and Bashkir languages) // *Theoretical and practical problems of the development of modern humanitarian science: Proceedings of the X International scientific and practical conference*. Ufa. 2024. Pp. 179-181.
23. Chekha O.V. The category of gender and kinship in the Greek folk calendar // *The category of kinship in language and culture*. 2009. Pp. 184-191.
24. Tshahueva D.S. Features of the use of kinship terms as forms of address in Russian linguoculture // *Bulletin of Dagestan State University. Series 2: Humanities*. 2024. Vol. 39, No. 1. Pp. 53-59.
25. Cherkasova M.S. Family and kinship terms in the sources of the 16th-17th centuries // *Historical demography*. 2020. No. 1(25). Pp. 4-8.
26. Uzeneva E.S. Kinship terminology in the dictionary of the Bulgarian wedding // *The category of kinship in language and culture*. 2009. Pp. 129-148.
27. Zhu Hong Semantic field of kinship terms in the modern Russian language // *Issues of philological sciences*. 2012. No. 3. P. 26-31.
28. Goreva O. N. Phrase-formation activity of kinship terms-components in the Russian language // *Philological and linguistic aspects of intercultural communication: Collection of scientific papers*. Kurgan: Kurgan State University, 2010. P. 22-27.
29. Vladimirova T. E. To the origins of the Russian language and Russian mentality (based on kinship terms) // *Issues of Russian philology and methods of teaching Russian language and literature*. Moscow: Innovative scientific, educational and publishing center "Almavest", 2014. P. 191-217.

УДК: 811

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.005

Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова
доцент кафедры русского языка как иностранного,
кандидат филологических наук
Вострокнутова Н.Н.,
Российская Федерация, Санкт-Петербург,
+79516852723,
e-mail: kultura17@mail.ru

North-Western State Medical University
named after I.I. Mechnikov
Associate Professor of the Department of Russian as a foreign language,
Candidate of Philological Sciences
Vostroknutova N.N.,
Russian Federation, St. Petersburg,
+79516852723,
e-mail: kultura17@mail.ru

Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова
доцент кафедры русского языка как иностранного,
кандидат филологических наук
Шехватова А.Н.,
Российская Федерация, Санкт-Петербург,
+79112627438,
e-mail: arina_sheh@mail.ru

North-Western State Medical University
named after I.I. Mechnikov
Associate Professor of the Department of Russian as a foreign language,
Candidate of Philological Sciences
Shekhvatova A.N.,
Russian Federation, St. Petersburg,
+79112627438,
e-mail: arina_sheh@mail.ru

Н.Н. Вострокнутова, А.Н. Шехватова

ДИСЦИПЛИНА «КУЛЬТУРА РЕЧИ» В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ: ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье представлен краткий обзор истории возникновения культуры речи как учебной дисциплины; анализируются актуальные проблемы преподавания «Культуры речи» в негуманитарных вузах, рассматриваются задачи и перспективы внедрения в систему медицинского образования этой дисциплины; рассказывается об опыте преподавания дисциплины «Культура речи как основа успешной профессиональной коммуникации» в Северо-Западном государственном медицинском университете им. И.И. Мечникова в рамках программы бакалавриата по направлению подготовки «Сестринское дело», приводится описание рабочей программы с указанием разделов, соотношения часов аудиторной и самостоятельной работы, средств текущего контроля освоения обучающимися учебного материала по тематическим блокам. Особое внимание уделяется принципам разработки учебных материалов по культуре речи для студентов-медиков на кафедре русского языка как иностранного, а именно: необходимости включения профессионально-ориентированных заданий; заданий, направленных на развитие навыка поиска в интернете достоверных и авторитетных источников информации о нормах русского литературного языка и формирование навыка работы с ними; наполнение заданий контентом, расширяющим кругозор обучающихся. Приводятся примеры практических заданий с несколькими «горизонтами» обучающего контента и общие рекомендации к составлению учебных пособий по культуре речи для негуманитарных профессиональных учебных заведений. В заключении делаются выводы о необходимости включения дисциплины «Культура речи» в основные профессиональные образовательные программы специалитета по медицинским специальностям на федеральном уровне, поскольку совместно с другими дисциплинами социально-гуманитарного модуля «Культура речи» играет важную роль в формировании личности обучающегося – будущего врача.

Ключевые слова: русский язык, культура речи, медицинский вуз, учебники по культуре речи, рабочая программа по культуре речи.

N.N. Vostroknutova, A.N. Shekhvatova

CULTURE OF SPEECH AS A DISCIPLINE AT THE MEDICAL UNIVERSITY: PROBLEMS AND PROSPECTS

The article provides a brief overview of the history of Culture of Speech as an academic discipline. There are discussed tasks and prospects of introducing this discipline into the medical education system. The article describes the experience of teaching Culture of Speech as the Basis for Successful Professional Communication discipline at the North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov. Special attention is paid to the principles of developing educational materials on culture of speech for medical students at the Department of Russian as a Foreign Language, namely: the need to include professionally oriented tasks; tasks aimed at developing the skill of searching the Internet for reliable and authoritative sources of information about the norms of the Russian literary language and the formation of the skill of working with them; filling tasks with content, expanding the "horizons" of students. Examples of practical tasks with several "horizons" of educational content and general recommendations for the preparation of textbooks on culture of speech for non-humanitarian vocational educational institutions are given. Summing up, conclusions are drawn about the need to include Culture of Speech in the main professional educational programs of the specialty at the federal level, since together with other disciplines of the socio-humanitarian module Culture of Speech plays an important role in shaping the personality of a student – a future doctor.

Keywords: Russian language, Culture of Speech, medical university, textbooks on culture of speech, work program on culture of speech

Термин «культура речи» начинает широко употребляться в русском языкознании в 1920-е годы, что, в первую очередь, связано с деятельностью Научно-исследовательского института речевой культуры (1925-1933). Для понятия речь «существенным является представление о речевой деятельности, в процессе которой происходит функционирование языковых структур» [1; с. 1]. До XX века активно использовался термин «риторика» и речевая деятельность рассматривалась как публичное общение. Возвращение к риторике произошло в 1990-х годах, термин этот был не столько воссоздан, сколько переосмыслен. Культуре публичного общения начали обучать с позиций целеполагания: чаще всего – с точки зрения воздействия на слушателей как путем аргументации, так и приемами психологической (эмоциональной) суггестии.

Несмотря на то, что в 1920-70-е годы культура речи рассматривалась, главным образом, с ортологических позиций, выдающиеся лингвисты этого периода развития языкознания (Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, Б.В. Томашевский, Б.А. Ларин, Г.О. Винокур, Л.П. Якубинский, Е.Д. Поливанов и мн. др.) обращались к широким проблемам стилистики, риторики и речевой культуры. Профессор С.И. Ожегов стал основателем сектора культуры русской речи в Институте русского языка АН СССР (1952). Ученые этого сектора активно следили «за современным состоянием живого и развивающегося литературного языка с тем, чтобы наиболее адекватно отражать эти знания в трудах Института» [1; с. 11].

В 1970-80-е годы большое внимание уделялось не столько кодификации языка, сколько описанию и осмыслению языковой нормы в ее динамике. В это время пишут свои монографии Л.И. Скворцова и Л.К. Граудина. Выпускается целый ряд сборников «Культура русской речи». Одновременно с этим ученые поднимают вопрос о том, что речевая культура не может быть сведена только к нормам произношения и правилам грамматических сочетаний. Культуру речи понимают как понятие многозначное. Одной из основных задач культуры речи Л.К. Граудина и Е.Н. Ширяев с 1990-х годов обозначают следующую: «это охрана литературного языка, его норм», поскольку «литературный язык – это именно то, что в языковом плане объединяет нацию» [1; с. 12]. Литературный язык сознательно кодифицируется. Среди исследователей культуры речи последней трети XX века следует отметить Т.Г. Винокура, Б.Н. Головина, Д.Н. Шмелёва, Д.Э. Розенталя, Н.С. Валгину, М.И. Формановскую, Л.А. Введенскую, В.М. Шаклеина, М.В. Горбаневского.

Нельзя в полной мере согласиться с мнением О.Ю. Стародубовой, которая утверждает: «Первостепенная задача культуры речи как учебной дисциплины – не столько научиться искусству оперировать речью, сколько не делать грубых речевых ошибок, следуя принципу

«все беды человека от его языка»» [2; с. 88]. Отметим глубокую уверенность Л.К. Граудиной в том, что у культуры речи есть еще один аспект – этический [1; с. 15]. Данный тезис можно понимать следующим образом: язык воспитывает нравственные нормы, а нравственные нормы формируют язык. В целом, в качестве «рабочего» принимаем следующее определение культуры речи: «культура речи представляет собой такой выбор и такую организацию языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач» [1; с. 16].

Исходя из вышесказанного, можно обозначить цель учебного курса «Культура речи» в высшем учебном заведении: это формирование языковой личности специалиста (в нашем случае – медицинского работника), речь которого соответствует нормам русского литературного языка, характеризуется такими признаками, как уместность, доступность для слушателя, выразительность, красота и богатство речевых средств. Таким образом, изучение дисциплины «Культура речи» способствует формированию коммуникативной компетенции.

В современных условиях достичь быстрых и глубоких результатов непросто. Начиная с конца 1990-х годов дисциплина «Русский язык и культура речи» преподавалась на всех факультетах университетов, но с 2010-х годов дисциплина носит факультативный характер и во многих случаях не включается в рабочие программы негуманитарных специальностей. А между тем, в обществе происходят процессы, которые ведут к снижению общего уровня речевой культуры. В частности, можно отметить такие процессы, как:

- жаргонизация речи (даже арготизация);
- «бытовизация» речи: несоответствие речевой ситуации и средств ее речевого представления (описания), т.е. о высоком говорится сниженной, порою обцененной лексикой;
- наводнение речи абстрактной лексикой, иноязычными словами (особенно из сферы психологических наук): не каждый человек знает точное значение слов, которые употребляет;
- усиление тенденции к экономии языковых средств в сторону усечения словесных форм, что разрушает эстетику речи;
- формирование языка субкультур;
- информационная перегруженность, в связи с этим невнимательность к речевому выражению/восприятию.

Обучающиеся чаще всего не осознают этих процессов. Актуализировать это знание – одна из основных задач преподавателя.

Одной из самых серьезных проблем современного образования является проблема преемственности в условиях ступенчатого образования: от средней до высшей школы. Школьная программа ориентирована на письменный текст, в вузе больше учат говорить. Нацеленность на ЕГЭ в школьном обучении приводит к ослаблению (или утрате) компонента «привязанности» языка к общекультурным знаниям, а также к личному языковому вкусу обучающегося. Студенты 1-го курса в большинстве своем уверены, что культура речи – это свод орфо- и пунктограмм (по результатам анкетирования, это 90% обучающихся в группе специальности Сестринское дело). Обучающиеся негуманитарных специальностей часто не знают элементарных лингвистических понятий, таких как синонимия, антонимия, омонимия, синтаксис, языковые уровни [3; с. 139].

Преподаватель курса «Культура речи» должен осознавать и передавать это понимание обучающимся, что «оценка человека по его речевым характеристикам – одна из самых важных после физических, социальных и умственных параметров» [3; с. 139], более того – все параметры могут быть кумулированы в речевых характеристиках или же резко противостоять им. Иными словами, токарь с хорошим литературным языком воспринимается как человек образованный, интеллигентный, а врач с низким уровнем коммуникативной компетентности может вызывать неприятие у пациента. Обучающиеся должны прийти к мысли о роли языка в развитии личности. Умение выразить себя, свою мысль, свой мир создает условия

для формирования уверенности, чувства собственного достоинства, самодостаточности, при этом – уважения к другим, толерантности.

Согласимся с позицией И.С. Папуша: «Главной задачей всех языковых дисциплин в высшем учебном заведении для студентов-нефилологов /.../ должна стать задача развития когнитивного понимания с рефлексией и достижение языковой личностью уровня адекватного выбора» [4; с. 51]. Более того, добавим, в медицинском вузе медицина и русская культура в пределах дисциплины «Культура речи» должны быть сопряжены, а не просто существовать параллельно. Эта дисциплина «выполняет коммуникативную, образовательную, гуманитарную, профессионально ориентирующую и другие функции» [5; с. 232]. Высокая культура речи помогает работнику медицинской сферы завоевать авторитет в глазах пациентов. Здесь стоит сослаться на воспоминания знаменитого российского хирурга Федора Углова, который, применив силу слова в кругу необразованных товарищей команды карбаса, читая им строки Пушкина, Шиллера наизусть, воспринял всю мощь благодарности слушателей: «Мои слушатели, как зачарованные, долгое время сидели неподвижно и молчали. Наконец старший из рабочих подошел ко мне и со словами: «Спасибо, друг! Вот ты, выходит, какой!» – крепко пожал мне руку. И другие тесно обступили, услышал я много добрых слов. Просили меня что-нибудь еще почитать...» [6; с. 56]. А ведь «в первый же день за то, что не употреблял бранных слов и ко всем обращался предупредительно-вежливо», он был «прозван «мазунчиком» и «салагой»», над ним «стали издеваться и даже грозились, если уткнемся в мель, бросить вместе с лощманом за борт!» [6; с. 55]. Д.Э. Розенталь пишет: «культура речи – это в конечном счете культура мысли» [7; с. 5], а культура мысли тесно связана с успешностью в жизни. Концепт «успех» в современном мире имеет большое значение, и обучающиеся об этом знают. Таким образом, культура речи тесно соприкасается с философией и психологией. Междисциплинарный подход помогает формировать личность многогранную, незаурядную.

В Северо-Западном государственном медицинском университете им. И.И. Мечникова с 2018 года в рамках основной профессиональной образовательной программы бакалавриата по направлению подготовки «Сестринское дело» (34.03.01) была введена дисциплина «Культура речи как основа успешной профессиональной коммуникации». Дисциплина является элективной, общая трудоемкость дисциплины при очной форме обучения составляет 72 академических часа (2 зачетные единицы), из которых 48 отводится на контактную работу обучающихся с преподавателем (в том числе 2 часа на проведение зачета) на практических занятиях и 24 часа отводится на самостоятельную работу обучающихся, при очно-заочной форме обучения 72 часа поровну разделены между контактной (36 часов) и самостоятельной (36 часов) работой обучающихся.

Дисциплина включает в себя семь разделов: Язык и мышление; Язык, речь и речевая деятельность; Стили речи; Культура речевого общения и языковая норма; Текст и его свойства; Учебно-научная коммуникация; Служебная документация. Текущий контроль изучения учебного материала по каждой теме практического занятия с целью экономии аудиторного времени и максимальной эффективности его использования проводится в формате тестов в системе дистанционного обучения (СДО) университета (www.sdo.szgmu.ru) в часы самостоятельной работы и в формате контрольных аудиторных работ по тематическим блокам: первая работа охватывает темы первых трех разделов, вторая посвящена самому большому разделу Культура речевого общения и языковая норма; третья – оставшимся темам. В ходе самостоятельной работы обучающиеся готовят сообщение на одну из предложенных тем и презентуют свое сообщение на практическом занятии, результат презентации сообщения входит в балльно-рейтинговую систему учета достижений освоения дисциплины. Промежуточная аттестация по дисциплине проводится в форме зачета (выполнение тестовых заданий).

Целью освоения дисциплины «Культура речи как основа успешной профессиональной коммуникации» является формирование у обучающихся универсальных компетенций УК-1 и

УК-4, развитие навыков и умений эффективного речевого поведения в различных ситуациях профессионального общения. Составители рабочей программы дисциплины стремились добиться того, чтобы в результате участия в практических занятиях, последовательного изучения тем и выполнения учебных заданий обучающиеся расширили объем полученных в школе знаний о нормах русского литературного языка и научились применять имеющиеся знания на практике в сфере своей профессиональной коммуникации, познакомились с тенденциями в формировании и изменении языковых норм, сформировали представление о природе языка, о том, что язык является неотъемлемой частью культурного наследия нации, расширили свой кругозор, получили стимул к дальнейшему постоянному повышению уровня культуры речи и общей культуры. Такая мультизадачность и стремление интенсифицировать учебный процесс в рамках ограниченного количества учебных часов и сделать его интересным с профессиональной точки зрения обучающихся, лично значимым для них и эффективным в плане общекультурного развития повлияли на подготовку учебных материалов [8], создаваемых коллективом кафедры русского языка как иностранного для методического обеспечения дисциплины.

Обязательным условием эффективности изучения разделов дисциплины является последовательное практическое применение теоретических знаний на материале, интересном с профессиональной или личностной точки зрения обучающихся. Для достижения этой цели учебные материалы каждого раздела должны сопровождаться практическими профессионально-ориентированными заданиями.

Преподавание культуры речи в профессиональных учебных заведениях должно опираться на язык конкретной профессии, поэтому для медицинского контингента обучающихся при формировании лексического наполнения заданий, состоящих из набора слов (например, задания к теме Орфоэпические нормы или Акцентологические нормы), предпочтение следует отдавать высокочастотной лексике с включением медицинской лексики и минимизацией включения малочастотной лексики.

Для заданий, направленных на отработку орфоэпических, акцентологических, морфологических, орфографических и лексических норм, на уровне предложения необходимо выходить за рамки медицинской тематики и наряду с предложениями на темы, близкие к медицине, необходимо включать предложения, на материале которых возможно формирование «элементов страноведческой и культурологической компетенций, фоновых знаний, связанных преимущественно с когнитивной доминантой» [9; с. 328].

Например, в заданиях по теме Склонение числительных обучающимся можно предложить прочитать вслух или написать предложения, содержащие факты из истории медицины и мировой культуры: 1. В папирусе Смита по хирургии и большом медицинском папирусе Эберса, относящихся примерно к 1550 году до н. э., изложены наиболее полные сведения о медицине Древнего Египта. 2. Из дошедших до нас египетских медицинских папирусов самый древний был написан около 1800 года до н. э. 3. Европейцы начали использовать общую анестезию во время операций в начале XIX века, спустя 1600 лет после изобретения Хуа То чайной смеси «Ма-фэй-сана». 4. Древнеримский учёный-энциклопедист Корнелий Цельс считал, что по возрасту хирург не должен быть старше 35–40 лет.

Для заданий, направленных на работу с текстом, желательно подбирать как тексты, близкие по содержанию к медицине (например, тексты, написанные писателями – врачами, или тексты с интересными фактами из истории медицины), так и тексты, расширяющие знания обучающихся о природе языка, об истории русского языка, о русской культуре. Например, в тему Орфографические нормы можно включить текст о Дитмаре Ильяшевиче Розентале, в раздел о словарном запасе русского языка – текст о толковом словаре Сергея Ивановича Ожегова и его переизданиях, о заимствованиях – текст об этимологическом словаре Макса Фасмера.

Расширение круга тем для текстов, на материале которых проводится изучение дисциплины, наделяет учебные материалы неограниченным обучающим и воспитательным потен-

циалом и дает составителям учебных пособий широкое поле для реализации их педагогических и творческих идей с учетом интересов и потребностей контингента обучающихся и направлением их специализации (сестринское дело, педиатрия, стоматология, лечебное дело, медико-профилактическое дело).

Примеры заданий:

1. Прочитайте отрывок об Александровском лазарете из книги Антона Павловича Чехова «Остров Сахалин». Подчеркните сложные, на ваш взгляд, места с точки зрения соблюдения современных морфологических, акцентологических и орфоэпических норм. Объясните свой выбор.

2. Прочитайте рассказ Юрия Крелина «Первая резекция». Проанализируйте диалог и определите, какие особенности диалогической речи представлены в нем.

3. Определите по толковому словарю значения историзмов и узнайте, что их объединяет. А. Шушпан, кика, понёва, повойник. Б. Зауряд-врач, лейб-отиатр, гоф-медик.

Учебные материалы к курсу «Культура речи» для студентов-медиков должны обеспечивать освоение обучающимися литературно-языковых норм и развитие навыков и умений эффективного речевого поведения в различных ситуациях профессионального общения и способствовать решению задач воспитания и расширения кругозора обучающихся. Количество часов, отведенное на изучение дисциплины, ограничивает количество заданий, которое можно выполнить при изучении каждой темы, поэтому рекомендуется включать в пособия задания с несколькими «горизонтами» работы:

- выполнение задания по теме занятия;
- обсуждение контента задания (информация);
- аудиторная или самостоятельная работа с факультативным материалом к заданию (ссылка на сайт, приложение и т.п.), направленная на расширение кругозора обучающихся и знакомство с достоверными и авторитетными источниками информации в интернете по обсуждаемой теме.

При комплексном подходе к подготовке учебных материалов задание может совмещать несколько содержательных и обучающих уровней.

Примеры комплексных заданий:

1. В разделе Текст и его свойства заключительное задание по теме Виды плана включает в себя текст о берестяных грамотах и представленные в виде таблицы вопросный и назывной планы к тексту. Обучающиеся заполняют последнюю часть таблицы и составляют тезисный план текста. Это задание первого «горизонта» (уровня). По тезисному плану один из обучающихся пересказывает текст, и затем проходит обсуждение содержания текста – это второй «горизонт». В тексте присутствует ссылка на достоверный источник информации: Сейчас познакомиться с берестяными грамотами можно не выходя из дома. В 2006 году фотографии, прориси и переводы большинства берестяных грамот и библиография по ним размещены в Интернете на сайте «Древнерусские берестяные грамоты». В факультативном задании обучающиеся получают сведения о порядке работы с материалом на сайте: На сайте «Древнерусские берестяные грамоты» найдите грамоту №43 (нажмите внизу страницы с фотографией грамоты «показать перевод») и ответьте на вопрос: «Что Борис попросил у Настасьи?». Это возможность выйти за рамки учебной дисциплины и расширить знания обучающихся о русской культуре.

2. В разделе «Стили речи» в теме Социальные и территориальные разновидности русского языка последнее задание содержит небольшой фрагмент расшифровки записи интервью с жительницей деревни. Обучающиеся при помощи таблицы с основными особенностями южнорусского и севернорусского наречий должны определить, на каком наречии говорит жительница деревни. На следующем уровне можно познакомиться с полным текстом расшифровки беседы с жительницей Калужской области Екатериной Ивановной Р. 1908 г.р., в которой она рассказывает о том, как она слух потеряла, о деревенской медицине и своем лечении и обсудить тему медицины в тексте. Факультативное задание содержит ссылку на

расшифровку записи и саму аудиозапись (<http://nffedorov.ru/dialect/index.html> Калужская область, Екатерина Ивановна Родина 1908 г.р.).

При подготовке сообщений (учебно-научный подстиль) также целесообразно предоставлять обучающимся возможность выходить за пределы тем дисциплины. Возможность использовать список тем по разделам дисциплины или предложить свою тему в соответствии со своими интересами стимулирует речевую активность обучающихся. Когда учебный материал оказывается лично значимым для студентов, они в большей степени готовы творчески подходить к выполнению стандартных, на первый взгляд, заданий. За период реализации дисциплины студентами, выбравшими свободную тему, были подготовлены и представлены сообщения: «Искусственные языки Джона Толкина», «Медицинские фразеологизмы», «Сленг судебного врача», «Профессионализмы в речи медицинских сестер», «Лыжники, шпагоглотатели и утконосы. Проблемы этики в языке медицинских работников», «Как работает мозг полиглотов» и даже «План спасения русского языка» и «Мои идеи по реформе русской орфографии». Такой творческий подход обучающихся подтверждает предположение о том, что выход курса «Культура речи» за пределы чисто лингвистического знания и расширение тематического общекультурного и медицинского поля дисциплины повышает обучающий и воспитательный потенциал дисциплины «Культура речи» в медицинском образовании, обогащает языковую личность обучающихся, которая «играет важную роль в процессе обучения, самостоятельно определяя и прогнозируя пределы и условия предстоящего профессионального роста» [10; с. 29].

Преподавание культуры речи в образовательных учреждениях медицинского профиля сталкивается с общей проблемой преподавания данной дисциплины в негуманитарных учебных заведениях: стереотипное представление обучающихся о том, что дисциплина «Культура речи» дублирует школьную программу по русскому языку.

При разработке рабочей программы дисциплины «Культура речи» и учебных пособий необходимо избегать крайностей, при которых содержание курса «Культура речи» представляет собой упрощенный курс «Культуры речи» для филологов или узкоспециальный курс, в котором нормы культуры речи презентуются исключительно на материалах, не выходящих за рамки профессиональной (например, медицинской) тематики. Необходимо стремиться к тому, чтобы на каждом занятии была возможность практически применить теоретические знания на интересном с профессиональной или личной точки зрения обучающихся материале. В процессе освоения литературно-языковых норм и развития навыков и умений эффективного речевого поведения в ситуациях профессионального общения обучающиеся должны познакомиться с авторитетными интернет-ресурсами по актуальным нормам современного русского литературного языка (например, <https://orfo.ruslang.ru>, <https://oross.ruslang.ru>, <https://gramota.ru> и др.), получить навык работы с ними и выработать привычку обращаться к авторитетным ресурсам в случае возникновения затруднений или сомнений в сфере норм русского языка. Необходимость таких знаний и навыков для обучающихся негуманитарных высших учебных заведений отмечают также преподаватели технических вузов [11; 12; 13; 14].

Мы убеждены в необходимости включения на федеральном уровне дисциплины «Культура речи» в основные профессиональные образовательные программы специалитета по направлениям подготовки «Лечебное дело», «Стоматология», «Педиатрия» и «Медико-профилактическое дело». Изучение культуры речи в рамках профессионального образования повышает мотивацию обучающихся к самообразованию, является стимулом и средством для роста личностного осознания обучающимися важности постоянного повышения уровня своего культурного развития, как в плане культуры речи, так и в плане общей культуры человека, своего творческого потенциала в профессиональной деятельности. Совместно с другими дисциплинами социально-гуманитарного модуля дисциплина «Культура речи» играет важную роль в формировании личности обучающегося – будущего врача.

Библиографический список

1. Культура русской речи: учебник для вузов / [Виноградов С.И., Платонова О.В., Граудина Л.К. и др.]; отв. ред. Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Норма, 2005. 560 с.
2. Стародубова О.Ю. Культура речи – культура сознания // Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 4(31). С. 88-89.
3. Гагарина Н.Н. Некоторые причины трудностей обучения русскому языку в высшей школе // Парадигмы образования. Материалы научной сессии в рамках конференции «Парадигмы образования» / под ред. Г.С. Трофимовой. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2006. Т. 1. С. 138-139.
4. Папуша И.С. «Культура речи» как базовая дисциплина в обучении студентов-нефилологов // Педагогическое образование и наука. 2019. № 1. С. 50-53.
5. Семенова М.А. Формы и методы обучения культуре речи в техническом вузе // Педагогические науки. 2006. № 4(19). С. 232-233.
6. Углов Ф.Г. Сердце хирурга. М.: Изд-во АСТ, 2022. 512 с.
7. Розенталь Д.Э. Культура речи. М.: Изд-во МГУ, 1964. 140 с.
8. Шехватова А.Н. Русский язык. Практикум по культуре речи для студентов-медиков: В 2 частях. Министерство здравоохранения Российской Федерации, Северо-Западный государственный медицинский университет имени И.И. Мечникова, Кафедра русского языка. Том Часть I. Санкт-Петербург: Северо-Западный государственный медицинский университет имени И.И. Мечникова, 2020. 96 с.
9. Гирфанова Э.М. Грамматическое упражнение как источник страноведческой и культурологической информации // Воспитание языкового вкуса студентов в процессе преподавания русской словесности: Материалы докладов и сообщений XXIV международной научно-методической конференции, Санкт-Петербург, 08 февраля 2019 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2019. С. 326-330.
10. Павловская О.Е. Формирование языковой личности студента в условиях мультикультурализма и полилингвальности // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 3(46). С. 25-31.
11. Токарева Г.В. Изучение орфоэпических и лексических норм в техническом вузе // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 3(46). С. 38-43.
12. Ульянова Э.Ф. Формирование речевой культуры студентов технических вузов в рамках дисциплины «Русский язык и культура речи» // Педагогика и психология: вопросы теории и практики. 2021. № 6. С. 13-19.
13. Белоусова О.А. Компетентный подход в преподавании дисциплины «Культура речи и деловое общение» в техническом вузе // Kant. 2021. № 3(40). С. 189-194.
14. Базарова И. Русский язык и культура речи в технических вузах // Матрица научного познания. 2024. № 9-2. С. 117-119.

References

1. Culture of Russian speech: textbook for universities / [Vinogradov S.I., Platonova O.V., Graudina L.K., etc.]; ed. by L.K. Graudin, E.N. Shiryayev; Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Language named after V. V. Vinogradov. M.: Norma, 2005. 560 p.
2. Starodubova O.Y. Culture of speech – culture of consciousness // Questions of the humanities. 2007. № 4(31). Pp. 88-89.
3. Gagarina N.N. Some reasons for the difficulties of teaching the Russian language in higher education // Paradigms of education. Materials of the scientific session within the framework of the

conference "Paradigms of education" / edited by G.S. Trofimova. Izhevsk: Udmurt State University, 2006. vol. 1. Pp. 138-139.

4. Papusha I.S. "Culture of speech" as a basic discipline in teaching non-philological students // Pedagogical education and science. 2019. No. 1. Pp. 50-53.

5. Semenova M.A. Forms and methods of teaching speech culture in a technical university // Pedagogical sciences. 2006. № 4(19). Pp. 232-233.

6. Uglov F.G. The surgeon's heart. M.: AST Publishing House, 2022. 512 p.

7. Rosenthal D.E. Culture of speech. M.: Publishing House of Moscow State University, 1964. 140 p.

8. Shekhvatova A.N. Russian language. Workshop on Culture of Speech for medical students: In 2 parts; Ministry of Health of the Russian Federation, North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikova, Department of Russian Language. Volume Part I. St. Petersburg: North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov, 2020. 96 p.

9. Girfanova E.M. Grammar exercise as a source of country studying and cultural information // Cultivating the linguistic taste of students in the process of teaching Russian literature: Materials of reports and communications of the XXIV International Scientific and Methodological Conference, St. Petersburg, February 08, 2019. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 2019. P. 326-330.

10. Pavlovskaya O.E., Sakhno O.S. Student's linguistic personality formation in the context of multiculturalism and multilingualism.// Actual issues of modern philology and journalism. № 3 (46). 2022. P. 33-37.

11. Tokareva G.V. Studying orthoepic and lexical norms at engineering university // Actual issues of modern philology and journalism. № 3 (46). 2022. P. 38-43.

12. Ulyanova E.F. Formation of speech culture of students of technical universities within the framework of the discipline "Russian language and culture of speech" // Pedagogy and psychology: issues of theory and practice. 2021. No. 6. Pp. 13-19.

13. Belousova O.A. Competence-based approach in teaching the discipline "Culture of speech and business communication" at a technical university // Kant. 2021. № 3(40). Pp. 189-194.

14. Bazarova I. Russian language and speech culture in technical universities // Matrix of scientific knowledge. 2024. No. 9-2. Pp. 117-119.

УДК 81`373.6

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.006

*Курский государственный университет
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка*

Малыхина Т.М.

Россия, г. Курск

Тел. +7(4712)511444

e-mail: etnolingv@mail.ru

*Курский государственный университет
студент 3 курса направления
«Отечественная и зарубежная филология»*

Боева Е.А.

Россия, г. Курск

Тел. +79513216348

e-mail: dronkat.boeva@mail.ru

*Kursk State University Candidate of Philo-
logical Sciences, Associate Professor of
the Department of Russian Language*

Malykhina T.M.

Russia, Kursk

Tel. +7(4712)511444

e-mail: etnolingv@mail.ru

Kursk State University

3rd year student

“Domestic and Foreign Philology”.

Boeva E.A.

Russia, Kursk

Tel. +79513216348

e-mail: dronkat.boeva@mail.ru

Т.М. Малыхина, Е.А. Боева

ДВУКОМПОНЕНТНАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА (ПРИЛ. + СУЩ.) В КУРСКОЙ ТОПОНИМИКЕ

Географическая лексика является неисчерпаемым источником, культурным кодом древнейшего Курского региона. В ряде случаев она более точно и предметно раскрывает содержание географического объекта, природного явления. Топонимы – это символы, в значении которых заключены понятия, устанавливающие связь между явлениями действительности. Этимологический анализ региональной гидронимии воссоздает самобытность Курского края, и в частности Посемья. Статья содержит этимологическое исследование в области гидронимии Курского региона. На примере водных объектов *Белый Колóдезь*, *Становой Колóдезь*, *Ржáвый Колóдезь* и *Моховой Колóдезь* рассматривается их связь с ландшафтом, особенностями почвы, а также другими ойконимами и потамонимами с похожими названиями. Анализ семантической структуры гидронимов показал, что в значении гидронимов заключен ряд признаков окружающего его пространства, являющихся общими с апеллятивами, от которых и образован тот или иной гидроним, а прилагательное, входящее в состав имени собственного, указывает, какими именно признаками обладает водный объект. Посредством диахронического, сопоставительного, сравнительно-исторического метода и этимологического комментария авторам удалось установить родственность корней и лексем по значению и доказать влияние природных условий на номинацию гидронимов.

Ключевые слова: этимология, язык, семантика, гидронимы, потамонимы, ойконимы, лексема, ландшафт.

Т.М. Malykhina, E.A. Boeva

TWO-COMPONENT GEOGRAPHICAL VOCABULARY (ADJ. + NOUN) IN KURSK TOPONYMY

Geographical vocabulary is an inexhaustible source, a cultural code of the ancient Kursk region. In some cases, it more accurately and specifically reveals the content of a geographical object, a natural phenomenon. Toponyms are symbols, the meaning of which contains concepts that establish a connection between phenomena of reality. Etymological analysis of regional hydronymy recreates the originality of the Kursk region, and in particular Posemya.

The article contains an etymological study in the field of hydronymy of the Kursk region. Using the example of water bodies *Bely Kolodez*, *Stanovoy Kolodez*, *Rzhavy Kolodez* and *Mokhovoy Kolodez*, their connection with the landscape, soil features, as well as other oikonoms and potamonoms with similar names is considered. The analysis of

the semantic structure of hydronyms showed that the meaning of hydronyms includes a number of features of the surrounding space, which are common with the appellatives from which this or that hydronym is formed, and the adjective included in the proper name indicates what features the water body has.

Using the diachronic, comparative, comparative-historical method and etymological commentary, the authors managed to establish the kinship of roots and lexemes by meaning and prove the influence of natural conditions on the nomination of hydronyms.

Key words: etymology, language, semantics, hydronyms, potamonyms, oikonoms, lexeme, landscape.

Необходимой составляющей культуры каждой нации является язык, который формируется исторически. Каждое слово – это символ, в значении которого заключены понятия, устанавливающие связь между явлениями действительности.

Самобытность Курского края, и в частности Посемья, заключена в топонимике которая является культурным кодом древнейшего региона.

Для того чтобы правильно истолковать географическую лексику, следует обратиться к этимологическому анализу, благодаря которому мы сможем понять, какая сема заключена в названии, почему наши предки именовали гидронимы именно так, а не иначе.

Материалом для нашего исследования послужили гидронимы, зафиксированные в Гидронимическом словаре Посемья А.И. Яценко. Научный интерес вызвали многочисленные составные наименования (прилагательное+существительное) потамонимов, с главным словом *колодезь*: *Белый Колодезь, Богатый Колодезь, Борзов Колодезь, Брусовой Колодезь, Вискольский Колодезь, Гахов Колодезь, Гремячий Колодезь, Грязный Колодезь, Деев Колодезь, Добрый Колодезь, Долгий Колодезь, Дорожный Колодезь, Дубровый Колодезь, Дунайский Колодезь, Дятлов Колодезь, Жестяной Колодезь, Жилин Колодезь, Журавин Колодезь, Журагин Колодезь, Захаров Колодезь, Зерин Колодезь, Каменный Колодезь, Ключевой Колодезь, Кобылий Колодезь, Кременной Колодезь, Кривецкий Колодезь, Лазарев Колодезь, Липовый Колодезь, Лисий Колодезь, Лубяной Колодезь, Любичский Колодезь, Малахов Колодезь, Мармыжёвский Колодезь, Медведков Колодезь, Медвенский Колодезь, Мелихов Колодезь, Молотычёв Колодезь, Моховой Колодезь, Нагольный Колодезь, Обчий Колодезь, Паровой Колодезь, Праворотный Колодезь, Рагозецкий Колодезь, Роговой Колодезь, Ржа'вый Колодезь, Савинский Колодезь, Сороковой Колодезь, Сторожевой Колодезь, Сухой Колодезь, Теплый Колодезь, Толстый Колодезь, Трасильный Колодезь, Холодный Колодезь, Цветов Колодезь, Черный Колодезь, Яблонов Колодезь [20; с. 43–45].*

М. Фасмер слово *колодезь* возводит к древнегерманскому **kalding-*, а также обращает внимание на финское слово *kaltio* в значении 'источник' [17; с. 293]. В древнерусском языке зафиксирована словоформа *колодязь* с этим же значением [17; с. 293].

П.Я. Черных предполагает заимствование лексемы *колодезь* из германских языков, однако праформа остается неясна [19; с. 413].

В «Полном церковнославянском словаре» зафиксирована лексема *кѡліа* в значении 'колодец', в структуре слова обнаруживается корневая морфема *кол/коло*, в которой заложена сема 'круг, окружность'. Сравним однокоренные слова *кольцо, колесо, колобок, Колизей, колокол, около, околоток, околица, коловорот, колобродить, колода, Коледа* (варианты слова: *кол-Ъда, коло-Ъда, Ъда в круговую*, у древних славян была *Ъда, тир въ круговую*, где каждый из круга платил свою часть; последние значения исследуемого слова сохранились в сербском слове *коледа* – 'кружок, компания')» [9; с. 260].

В «Словаре русских народных говоров» зафиксирована лексема *кѡлок* со значением 'круг в степи, тайге и пашне', 'круглая прибрежная отмель, выступающая на морском мелководье и поросшая камышом', а также слово *колодезь (колодесь, колодец)* с многочисленными значениями: 'круглая форма дымохода', 'название хороводной игры (в форме круга)', 'ямки под ребрами коровы (в виде круга)'; 'Южная Корона, или Южный венец – небольшое созвездие Южного полушария, окруженное созвездиями», 'родники, которые сливаясь вместе, дают начало реке', 'не заросший травой провал в болоте, заполненный водой; окно'» [13; с. 155–163].

Таким образом, что лексема *колодезь* произведена от **kolo* – ‘круг’ и обозначает ‘слияние многих ключей, образующих круг, в один ручей, впадающий в реку и дающий ей начало’.

На примере гидронимов *Бёлый Колóдезь*, *Становой Колóдезь*, *Ржáвый Колóдезь* и *Моховой Колóдезь*, образованных по модели прил.+сущ., мы определим связь между географической составляющей водного объекта и его этимологией.

Бёлый Колóдезь – ручей, правый приток Белички, начало берет южнее хутора Белый Ключ Конышевского, там же впадает [20; с. 12].

А.И. Ященко разделяет гидроним на отдельные компоненты *белый* и *колодезь*, объясняя наличие первого для различения тождественных гидронимов по аналогии пары типа Белый... – Черный... [20; с. 12]. Данная точка зрения не является убедительной, поскольку у каждого водного объекта в корне (или другой морфеме) содержится определенное значение, которое появляется на основе признаков, характеризующих состояние воды реки\ручья, а также рельеф.

Попробуем доказать, действительно ли прилагательное отражает суть водного объекта.

В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» под редакцией П.Я. Черных находим апеллятив *бёлый*, обозначающий объект цвета мела при естественном, дневном освещении, либо имеющий оттенок светлого, бледного. Апеллятив образован от праформ **bělъ* (-а, -о), **belyjъ* (-аја, -оје). Индоевропейская основа данного слова выступает с формантом -l- : **bhel(ə)* (**bhēl* | **bhol*) в значении ‘блестеть, блестящий, светлый, белый’ [19; с. 84].

Сближение с семантической составляющей можем обнаружить и в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера, где *белый* является исконородственным др.-индийскому слову *bhālam* в значении ‘блеск’, *bhāti* – ‘светит, сияет’, литовскому *boiūoti* – ‘отливать белым, белеть’, латышскому *bāls* – ‘бледный, блеклый’, литовскому *balas* – ‘белый’, греческому *φαλός* – ‘светлый, белый’, др.-исландскому *bál* – ‘огонь’ [16; с. 149].

В «Словаре русских народных говоров» диалектные слова с корнем *бел-* имеют следующие значения:

«– *белізна* ‘исключительная чистота’;

– *белізь* ‘светлая полоса, пятно’;

– *белік* ‘всякая светлая почва: глина, суглинок, песчаная/светло-серый слой подпочвы, из которого выделяется кирпич-сырец или супесчаная почва/слой глинистых пород светло-серого цвета, часто тонколистоватых’;

– *бёлики* ‘поля, почва которых перемешана глиной с известью’» [12; с. 211-213].

Итак, корень *бел-* содержит семантику ‘цвет’, которая осталась отчасти неизменной во многих языках. Мы видим, что цветовая гамма по-своему интерпретировалась у людей. Так, белый оттенок ассоциируется с чем-то светлым, добрым, положительным, чистотой, аккуратностью (ср. *белізна*). Почва тоже получала характеристику в зависимости от ее цвета (ср. *белік*, *бёлики*).

Одного лишь переносного значения для трактовки названия гидронима недостаточно, поэтому мы обратим внимание на ландшафт вокруг ручья.

Бёлый Колóдезь является правым притоком реки *Белічки* (она же Белица), которая в свою очередь – левый приток Свапы. Берет начало в селе Яцено Конышевского района и впадает на территории того же района [20; с. 12]. Известно, что «река Свапа течет в пределах Среднерусской возвышенности по долине с редкими холмами. Местность содержит земли, пригодные для сельского хозяйства, а также богата перелесками и отдельными лесами. Поля и луга чередуются с сосновыми рощами на песчаных холмах и дубравами» [10; <https://vsereki.ru/atlanticheskij-ocean/bassejn-chyornogo-morya/dnepr/desna/sejm/svara> (дата обращения: 26.01.2025)].

Рельеф территории Конышевского района волнистый, преобладают пологие и покатые склоны водоразделов. Из почв распространены серые лесные. «Песчаные и супесчаные поч-

вы прилегают к поймам рек Свапы и Сейма. Южнее и восточнее этого участка расположены легкосуглинистые и среднесуглинистые по механическому составу почвы по всей остальной территории района» [4; Konyshevsky district [Electronic resource]. URL: <https://www.mke.su/doc/KONYShEVSKII%20RAION.html> date of address: 23.01.2025)].

Рис. 1. Ландшафт Конышевского района

Рис. 2. Берег Белички

Как мы отмечали выше, близ Свапы расположены песчаные почвы. Беличка является одним из притоков реки, следовательно, имеет похожую местность. На основе вышесказанного предполагается, что рельеф Белички отличается пологими склонами с песчаными и меловыми грядами. Светлая почва (глина, суглинок, песчаная; белесоватый средний подзолистый суглинок; слой глинистых пород светло-серого цвета, белая глина), по всей видимости, придает воде ручья белесый оттенок.

Становой Колóдезь (он же *Становой*) – ручей, правый приток Тима, начало берет в овраге *Становом*, восточнее села Чернянки, Черемисиновского района и впадает на территории того же района. [20; с. 112].

Лексему *стан* находим в «Этимологическом словаре русского языка» под редакцией М. Фасмера, где перечислены несколько форм из разных славянских языков: «сербохорватское слово *stān* в значении 'жилье; ткацкий станок; (воен.) ставка', словенское *stān* – 'строение, жилище, загон; туловище; состояние', чешское, словацкое *stan* – 'шатер, палатка', польское *stan* – 'состояние, положение;', в.-лужицкое, н.-лужицкое *stan* – 'палатка'. Отмеча-

ется наличие старославянской основы на -и, родственной литовской лексеме *stónas* в значении 'состояние', др.-индийское слово *sthānam* – 'место, место пребывания', авестийское, др.-персидское *stāna-* – 'стойка, место, стойло', нов.-персидское *sitān* (откуда образовались туркменские имена собственные: *Türkistan, Türkmenistan*)» [18; с. 745]. Сюда же можем отнести такие слова как остановка, остановиться, становиться (без префикса).

В «Словаре народных географических терминов» Э.М. Мурзаева отмечено, что *стан* представляет собой лагерь, кочевье, приют, шалаш. Автор словаря ссылается на И.М. Дурова, где пишет, что «*стан* – это 'дощатый домик в одну-две комнаты с сенцами, построенный для рыбаков на время тресковых промыслов'. Такой стан заготавливался в селениях Поморья и в разобранном виде на судах перевозился на Мурман, где собирался. Ряд таких домиков образует становище – промысловый поселок» [8; с. 365]. Там же зафиксировано существительное «*станец* в значении 'военное поселение' на укрепленной защитной линии в Западной Сибири. Вспомним также *становье* – 'временный лагерь' и *станицу* – 'большое село' донских, кубанских и терских казаков: станица Вешенская на Дону, станица Лабинская на Кубани. Все указанные термины, характеризующие разные типы населенных мест, связаны со словами *стать*, *стоять*, *остановиться*, *застава*. Здесь в качестве примера можем привести *стан* – 'фигура', 'тело'. Интересны соответствия в классических языках, где греч. *stabis* – 'место', 'положение', 'постоянство' (в русском языке *стабильный*); латин. *status* (в русском языке *статус*); греч. *statos*, санскр. *sthitas-* 'стояние', 'положение', 'позиция' и *sthanam* – 'место'; латин. *statio* – 'стоянка', 'местопребывание', 'рейд', 'пост' (по аналогии *станция, стация*); авест. *stana* – 'место', 'стойло'» [8; с. 365].

Подтверждение тому обнаруживаем в «Словаре русских народных говоров», где *стан* (в третьем значении) трактуется как:

«– 'пункт для остановки проезжающих и смены лошадей; станция' (Северо-вост. Сиб., Волог.);

– 'поселок из временных построек на берегу моря, озера для рыбаков' (Арх., Волог.);

– 'небольшая постройка для временного проживания на месте работы или для отдыха в пути' (Арх. Перм., Урал, Горно-Алт.);

– 'постройка для временного содержания скота на выгоне, крытый сарай' (Арх., Новосибир., Иркут.)» [18; с. 44-45].

Сравним там же некоторые из значений однокоренных лексем:

«-*станок* в значении 'остановка в пути с ночлегом где-либо';

-*становище* – 'удобное для расположения кого-, чего-л. место', удобное, тенистое место для отдыха скота';

-*становье* – 'стан, стоянка, место временного приюта, привала, ночлега (обоза, путешественников, промышленников)';

-*станбище* – 'место временного пребывания, убежище';

-*становать* – 'останавливаться на ночлег где-л.; устраивать временную стоянку («становали на чужом берегу»); 'стоять станом в поле, табором; кочевать'; 'делать привал

на пути, дневку для отдыха';

-*станово* – 'удобное для отдыха место';

-*становой* – 'постоянный, устойчивый, становой берег', 'настоящий, кряжевый берег русла реки, в межень, не в половодье и не в сухмень («Становой берег уже тутока, который не затопляется. Село на становом берегу, тут сенокосы, пашни. Скота выгоняют на становой берег, он высокий, возвышенный»)» [18; с. 45, 50, 55–58, 61].

В книге «Дела давно минувших дней...» за авторством Н.В. Стремоухова было найдено одно из топонимических преданий, где рассказывается история деревни Становое Черемисинского района. Упоминаются и водные объекты, в том числе *Становой Колодезь*. Данное предание было записано со слов жителя деревни Дремова Я.И. в 1976 году: «Речка наша начинается чуть ли ни от Расховецкого леса, в котором, как говорили старики, когда-то два озера небольших было. А между лесом этим и нашей речкой шлях Муравский проходил. В

далекие времена по нему целое лето татары с ногайцами к русским рубежам шли. Грабить, значит... Шлях этот, дорогу большую, так проложили, что никаких препятствий на пути татары не встречали: все лога да балки разве что своими верхами к дороге этой подходили, но не пересекали ее. Как раз посредине, между реками Тим и Кшень, и лежала эта дорога. Все мелкие ручейки да речушки, что в Тим и Кшень впадали, раньше называли *колодезьями*. Так вот, нашу речку *Становым Колодеземь* и называли. Почему *Становым*? Да просто. Нигде так близко не находилась вода от Муравского шляха: и ручей, и озёрца. Есть где лошадей напоить, да и выпасы большие... Поэтому и останавливались тут после набегов большим станом: отдыхали, коней и оружие в порядок приводили... Понятно теперь, почему ручей наш – *Становой Колодезь...*» [15; с. 153-154].

Из всего вышесказанного можно предположить, что первый компонент ручья *Становой Колодезь* восходит к апеллятиву *стан*, обозначающему место для остановки после долго пути, стоянку, временный привал, ночлег, удобное, тенистое место для отдыха. В прошлом татары с ногайцами (если верить преданию) использовали водный объект для отдыха после набегов. Затем ручей положил начало целой деревне.

Ржáвый Колóдезь – вариант ручья *Ржавéц*, являющегося левым притоком Моркости, берущего начало восточнее села Басово Золотухинского района и впадающего на территории того же района [20; с. 102-103].

Для понимания семантики гидронима обратимся к «Этимологическому словарю русского языка» под редакцией М. Фасмера, где обнаруживаем лексему *ржа*. В славянских языках она представлена следующим образом: «ст.-слав. *ржда*, словен. *rjǎ, rǎǎ*, чеш. *rez*, др.-чеш. *rzě*, словц. *hrdza*, польск. *rdza*, в.-луж. *zerz, zra* ж., н.-луж. *rza*. Отсюда *ржáвый, ржáвётъ, ржáвёю*» [18; с. 480]. М. Фасмер выводит «праславянскую форму *гъдĭā, *гъдĭāvъ и отмечает ее связь с *рудá, рдетъ, рёдрый*. Можно сравнить с литовским словом *rūdas*, ср.-в.-немецким *rot.*, латинским *ruber*, греческим *έρυθρός, έρυσίβη*, др.-индийским *rudhirás*, готским *rauþs*, причем семантика слов будет варьироваться от ржавчины до красного цвета» [18; с. 480]. Мы видим, что слово *ржа* обозначает разновидность красного – рдяный оттенок. Возможно, ручей получил свое наименование в соответствии с цветом водоема. Тогда следует понять, почему вода в ручье имеет такой цвет.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» под редакцией В.И. Даля существительное *ржа* имеет значение 'окисел, вольное сгорание крушца, металла, утрата им вида и свойства, через соединенье с кислородом воздуха, при содействии сырости' (сравните ржавчину на железных предметах). От данного корня образуется апеллятив *ржáвец*, семантику которого В.И. Даль определяет как 'ржавое болото, родники из-под буро-железной руды, железистый ручеек из ржавого болота, в результате чего *ржавцем* зовут вообще ключ, родник, живец, ручей' [2; с. 96].

Лексема *ржáвец* с похожим значением зафиксирована в Словаре народных географических терминов под редакцией Э.М. Мурзаева, причем для каждой местности дается свое название, например:

« – 'стоячее болото с застойной и ржавой водой; ручей из такого болота; источник, дающий воду с окислами железа; низкие болотистые поймы или побережья озер с красно-бурой водой' (общее значение лексемы ржавец) (ср. с др.-рус. *ржавьць* – 'ржавое болото', 'топь');

– *аржавец* (Смоленская область), *ржавчина* (Горьковская область) – 'стоячее болото', 'место с выходом окислов железа';

– *ржавец (ржавка)* (черноземный регион) – 'ключ, ручей, болотце с ржавой водой';

– *ржавченик* (Карелия) – 'низкое, мокрое, красноглинистое место по берегам реки или озера'» [8; с. 330].

В «Словаре русских народных говоров» *ржáвец* – вязкое, топкое место, болото, покрытое красновато-бурым налетом (от наличия в них железистых пород); железистый источник,

либо же ручеек, вытекающий из болота со ржавой водой; болотная вода с красновато-бурым оттенком (от содержащихся в ней окислов железа)' [13; с. 93-94].

Обратим внимание, что семантически апелляция соотносится не только с цветом, но и с болотом, где грязная вода напоминает ржавчину. Из этого следует, что при этимологическом анализе упор нужно делать на окружающий ландшафт.

Мы упоминали, что ручей *Ржáвый Колóдезь* начало берет на северной окраине Золотухинского района и на территории того же района впадает, относится к реке *Моркость*, которая является левым притоком Сновы. Гидроним в совокупности с блоком других однокоренных слов уже был исследован нами ранее и представлен на междисциплинарной научной конференции в Московском городском педагогическом университете «В поисках смыслов...» (Москва, 7 октября 2024 г.). Наблюдения приводят к выводу, что корень *-мок-* и его алломорфы: *мак-/морк-/марк-/мрак-/мрач-/мороч-* – имеют одну и ту же семантику: 'влага, болото, болотистая почва, грязность водоема'.

Ржáвцы были известны еще с древнейших времен. Так называли либо грязные заболоченные ручьи, либо сами болота. Сравните запись «Росписи польским дорогам»: «А за речку за Ворскол царь и большие люди не хаживали для того, что по Ворсклу по обе стороны Карпова сторожевья пришли леса большие и **ржавцы**, и **болота** есть, и на крымсково царя и на людей мочно приходити на походе или на станех из-за Ворскла из лесов и из крепостей...» [1; с. 82-109].

Рис. 3. Ржавцы

Таким образом, ручей *Ржáвый Колóдезь* тесно связан с болотистой местностью, придающей водоему рдяный оттенок.

Моховóй Колóдезь – еще один гидрообъект, представляющий наш научный интерес. Это ручей, правый приток *Ворожбы*, начало берет северо-западнее *Махова Колодезя* Суджанского района, где и впадает. Гидроним представлен несколькими вариантами: *Махов Колодезь*, *Моховое Болото* [20; с. 78].

Корень *мох-* зафиксирован у А.И. Яценко в ручье *Моховóм*, который располагается в Черемисиновском районе [20; с. 78]. Попробуем доказать наличие этимологического родства указанных водных объектов.

Апеллятив *мох* в словаре В.И. Даля указан как ‘бесцветное, пресмыкающееся растение множества родов и видов, близкое к ягелям, лишаям’. Приводятся однокоренные слова с чередованиями гласного с нулем звука и переходом *х* в *ш*: «*мишина, моховина, мишара, мишрина, мишва, мишарь, мишарник, моховище* – ‘мшистое болото, кочкарник, поросший мохом, мох по топи, где негниющий мох нарастает саженными пластами’» [2; с. 947]. Заметим, что в Толковом словаре... употреблено и существительное *мзга* в значении ‘гниль, цвиль, тля; трухлявость, дряблости; затхлость, промзглость’. Отсюда в русском языке глагол *мзгнуть*, т.е. ‘загнить, портиться изнутри, затхлеть’ [2; с. 231].

Связь *мзги* с мхом объяснял П.Я Черных в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка». Так, было указано, что *з* образовано из *с* перед звонким согласным, а *-га* – суффикс [19; с. 545]. В том же словаре *мох* является представителем стелющегося сплошным пластом спорового растения без корней и цветков, растущего на земле, деревьях, камнях, в сырых местах. Отмечается древнерусское *мъх* (с XII в.). П.Я. Черных возводит общеславянскую форму **тъсхъ*, где индоевропейский корень **теу-*, **тй-* имеют семантику ‘сырой, влажный’ [19; с. 545].

У М. Фасмера в «Этимологическом словаре русского языка» находим слова, родственные *мху*: литовское слово *mūšos*, род. п. *mūšų* ‘плесень’, вост.-литовское *mūšas*, зап.-литовское *mūšai* – то же, д.-в.-немецкое *mos* – ‘мох, болото’, англосаксонское *mēos* – ‘мох’, древневерхнемецкое *mios, mies* – ‘мох’, латинское *muscus* – ‘мох’» [17; с. 665].

Таким образом, корень *-мох-* имеет значение предметности, конкретного растения, произрастающего либо на земной поверхности, либо в сырых местах.

В «Словаре народных географических терминов» под редакцией Э.М. Мурзаева *мох* относится скорее к заболоченной местности, нежели к растению. Так, «*мох* – ‘болото; торфяное болото, сфагновое болото; топь, поросшая мхом; болото с редкими деревьями; лес на болоте’. *Моховой, Моховица, Мошок* – названия небольших ручьев и речек в заболоченных местах, обычно с покровом из мха. *Моховые озера* – ‘болота, возникающие на месте озер и зарастающие зелеными, реже сфагновыми мхами’. *Мох* в значении ‘болото’ развился из лексем *мох* – ‘сфагнум’; словенское слово *tah* – ‘мох’, ‘болото’; латинское *muscus* – ‘мох’; литовское *mūšos* – ‘плесень’ [8; с. 237]. Получается, что корень *--мох-* и производные от него слова заключают в себе дополнительную сему ‘болото’. Подтверждение этому находим в Словаре русских народных говоров, где сема ‘растение’ уходит на второй план:

- «– «*мох* – ‘болото (лишь иногда поросшее мхом)’;
- *моховик* – ‘место, моховое болото’;
- *моховище* – ‘болото, поросшее мхом’» [14; с. 308-312].

Гидроним *Моховое болото* расположен и на территории лесного массива в Новобураском районе Саратовской области, где схожий неровный с небольшими кочками рельеф. [7; [Электронный ресурс]. URL:

[https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5_%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%BE_\(%D0%B7%D0%B0%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5_%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%BE_(%D0%B7%D0%B0%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA)) (дата обращения: 27.01.2025)].

Рис. 4. Моховое болото Саратовской области

Итак, анализ гидронима *Моховой Колодезь* с точки зрения этимологии и географии показал, что прилагательное, восходит к корню *мох-*, содержит две семы: 'растение' и 'болото'. Аппеллятив *мох* претерпел фонетические трансформации (ср. корни *-мох-/мош-/мх-/мш-/мз-*), при этом значение его осталось прежним.

Из этого следует, что ручьи Моховой Колодезь (Суджанский район) и Моховой (Черемисиновский район) будут этимологически родственными, так как в обоих случаях речь идет о заболоченной местности, покрытой мхом.

Таким образом, колодезь представляет из себя источник воды. Прилагательное, входящее в состав имени собственного, указывает, какими именно признаками обладает водный объект.

Анализ семантической структуры гидронимов указывает на то, что в значении гидронимов заключен ряд признаков окружающего его пространства, являющихся общими с аппеллятивами, от которых и образован тот или иной гидроним.

Библиографический список

1. Бурцев И.Г., Дедук А.В. Два описания южных земель Русского государства конца XVI в. // Историко-географический журнал. 2023. Т. 2. № 3. С. 82-109.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах. СПб.; М.: Типография М.О.Вольфа, 1880-1882. Т. 1–4.
3. Деревня Пески Коньшевского района Курской области [Электронный ресурс]. URL: <https://www.komandirovka.ru/cities/peskisl/> (дата обращения: 24.01.2025).
4. Коньшёвский район [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mke.su/doc/KONYShEVSKII%20RAION.html> дата обращения: 23.01.2025).
5. Малыгина Т.М., Ларина Л.И., Писарева Л.Е. Микрогидронимы с лексемой *колодезь* в Курской топонимике. // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2015. № 2 (18). С. 33-38.
6. Махов Колодезь [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D1%85%D0%BE%D0%B2_%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%B7%D1%8C (дата обращения: 27.01.2025).
7. Моховое болото [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5_%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%BE_\(%D0%B7%D0%B0%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5_%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%BE_(%D0%B7%D0%B0%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA)) (дата обращения: 27.01.2025).

8. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов.- М.: Мысль, 1984.- 653 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.protobulgarians.com/Polezni%20knigi/MURZAEV%20-%20Geographic%20terms%20in%20Russia.pdf> (дата обращения: 25.01.2025).
9. ПЦСС – Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М.: Московский патриархат, 1993. 1128 с.
10. Свапа [Электронный ресурс]. URL: <https://vsereki.ru/atlanticheskij-ocean/bassejn-chyornogo-morya/dnepr/desna/sejm/svapa> (дата обращения: 26.01.2025).
11. Сергеев Ф. Псёл – река детства [Электронный ресурс]. URL: <https://ok.ru/group/70000006194165/topic/159394551006709> (дата обращения: 24.01.2025).
12. СРНГ – Словарь русских народных говоров. В 52-х вып. / Гл. ред. Ф.П. Филин, ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: изд-во «Наука», 2002. Вып. 1. 376 с.
13. СРНГ – Словарь русских народных говоров. В 52-х вып. / Гл. ред. Ф.П. Филин, ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: изд-во «Наука», 2002. Вып. 14. 376 с.
14. СРНГ – Словарь русских народных говоров. В 52-х вып. / Гл. ред. Ф.П. Филин, ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: изд-во «Наука», 2002. Вып. 18. 367 с.
15. Стремоухов Н.В. «Дела давно минувших дней...»: предания земли Черемисиновской. – Курск: ИП Бабкина Г.П., 2024. – 298 с.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. // СПб.: Терра – Азбука, 1996. Т.1. 573 с.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. // СПб.: Терра – Азбука, 1996. Т.2. 671 с.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. // СПб.: Терра – Азбука, 1996. Т.3. 831 с.
19. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х тт. М.: Рус. яз. Медиа; Дрофа, 2009. Т. 1. 621 с.
20. Яценко А. И. Гидронимический словарь Посемья// Проблемы ономастики/ отв. ред. А.И. Яценко. Вологда: Волог. гос. пед. ин-т, 1974. С. 3 – 118.

References

1. Burtsev I.G., Deduk A.V. Two descriptions of the southern lands of the Russian state at the end of the 16th century // Historical and geographical journal. 2023. Vol. 2. No. 3. Pp. 82-109.
2. Dahl V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes. SPb.; M.: Printing house of M.O. Wolf, 1880-1882. Vol. 1 - 4.
3. Village Peski, Konyshesky district, Kursk region [Electronic resource]. URL: <https://www.komandirovka.ru/cities/peskisl/> (date of access: 01/24/2025).
4. Konyshesky district [Electronic resource]. URL: <https://www.mke.su/doc/KONYShEVSKII%20RAION.html> access date: 23.01.2025).
5. Malykhina T.M., Larina L.I., Pisareva L.E. Microhydronyms with the lexeme well in Kursk toponymy. // Theory of language and intercultural communication. 2015. No. 2 (18). P. 33-38.
6. Makhov Well [Electronic resource]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D1%85%D0%BE%D0%B2_%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%B7%D1%8C (date of access: 27.01.2025).
7. Moss bog [Electronic resource]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5_%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%BE_\(%D0%B7%D0%B0%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5_%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%BE_(%D0%B7%D0%B0%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA)) (date of access: 01/27/2025).

8. Murzaev E.M. Dictionary of folk geographical terms. - M.: Mysl, 1984. - 653 p. [Electronic resource]. URL: <https://www.protobulgarians.com/Polezni%20knigi/MURZAEV%20-%20Geographic%20terms%20in%20Russia.pdf> (date of access: 25.01.2025).
9. PCSS - Dyachenko G. Complete Church Slavonic Dictionary. Moscow: Moscow Patriarchate, 1993. 1128 p.
10. Svapa [Electronic resource]. URL: <https://vsereki.ru/atlanticheskij-okean/bassejnychornogo-morya/dnepr/desna/sejm/svapa> (date of access: 26.01.2025).
11. Sergeev F. Psyol - the river of childhood [Electronic resource]. URL: <https://ok.ru/group/70000006194165/topic/159394551006709> (date of access: 24.01.2025).
12. SRNG – Dictionary of Russian Folk Dialects. In 52 issues / Ed.-in-chief F.P. Filin, ed. F.P. Sorokoletov. St. Petersburg: Nauka Publishing House, 2002. Issue 1. 376 p.
13. SRNG – Dictionary of Russian Folk Dialects. In 52 issues / Ed.-in-chief F.P. Filin, ed. F.P. Sorokoletov. St. Petersburg: Nauka Publishing House, 2002. Issue 14. 376 p.
14. SRNG – Dictionary of Russian Folk Dialects. In 52 issues / Ed.-in-Chief F.P. Filin, ed. F.P. Sorokoletov. SPb.: Publishing House "Nauka", 2002. Issue 18. 367 p.
15. Stremoukhov N.V. "The Affairs of Long-Gone Days...": Legends of the Cheremisinskaya Land. - Kursk: IP Babkina G.P., 2024. - 298 p.
16. Fasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. // SPb.: Terra - Azbuka, 1996. Vol. 1. 573 p.
17. Fasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. // SPb.: Terra-Azbuka, 1996. Vol. 2. 671 p.
18. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes // SPb.: Terra-Azbuka, 1996. Vol. 3. 831 p.
19. Chernykh P. Ya. Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 volumes. Moscow: Rus. lang. Media; Drofa, 2009. Vol. 1. 621 p.
20. Yashchenko A. I. Hydronymic dictionary of the Family // Problems of onomastics / ed. A. I. Yashchenko. Vologda: Vologda state ped. in-t, 1974. Pp. 3 – 118.

УДК 811.161.1+81'282

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.007

*Воронежский государственный
технический университет
Канд. филол. наук, доцент кафедры русско-
го языка и межкультурной коммуникации
Недоступова Л.В.
Россия, Воронеж,
тел. 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and
Intercultural communication
PhD, associate professor
Nedostupova L.V.
Russia, Voronezh,
tel. 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

Л.В. Недоступова

СВОЕОБРАЗИЕ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ЖИТЕЛЬНИЦЫ СЕЛА СКУПАЯ ПОТУДАНЬ

В данной статье представлены черты одного из северо-западных говоров Воронежского края. Объектом работы выступает речевой портрет В.П. Шаталовой. Предметом исследования становятся фонетические, грамматические и лексические особенности речи респондента. Целью исследования является установление характерных признаков, воссоздающих речевой портрет носителя народного языка села Скупая Потудань Воронежской области и его диалектное своеобразие. В процессе анализа обнаружены черты, составляющие речевой портрет долгожителей Нижнедевицкого района: аканье; диссимилятивное яканье; еканье; произношение ударного [о] на месте [е]; сохранение этимологического *е, не перешедшего в [ʔо]; диереза; возникновение гласного на конце слова; утрата начального согласного; γ фрикативного образования; сохранение [j] в интервокальной позиции; полная ассимиляция согласного; диссимиляция согласного; [хв] на месте [ф]; звук [в] как губнозубной [в] и [у] неслоговой; отличающиеся аффрикаты [ч] и [ц]; упрощение отдельных гласных и/или согласных звуков и их групп; ударение, отличающееся от литературного языка; изменение в склонении у существительных женского рода; флексия -ею у местоимения в творительном падеже в форме единственного числа, флексия -е у личного местоимения 1-го лица в родительном падеже; отсутствующая флексия -т у глаголов 3-го лица единственного числа и флексия -ть на конце глаголов 3-го лица единственного и множественного числа; постфикс -ся на месте -сь, -си на месте -ся в возвратных глаголах; наличие особой лексики и мн. др. Установлено, что речь диалектоносительницы понятна, эмоциональна, последовательна. Респондент вежлив, общителен, открыт для диалога; его словарный запас включает литературные (в том числе устаревшие), диалектные, разговорные и просторечные лексемы. Заключено, что своеобразие речевого портрета респондентки состоит также в том, что в нём сочетаются черты южнорусского диалекта и единичные особенности украинского говора.

Ключевые слова: речевой портрет, фонетические черты, грамматические особенности, лексикон сельчанки, своеобразие говора.

L.V. Nedostupova

THE PECULIARITIES OF THE SPEECH PORTRAIT OF A VILLAGE WOMAN FROM SKUPAYA POTUDAN

This article presents the features of one northwestern dialect of the Voronezh region. The object of the work is the speech portrait of V.P. Shatalova. The subject of the study are phonetic, grammatical and lexical features of the respondent's speech. The purpose of the scientific essay is to establish the characteristic features that recreate the speech portrait of a native speaker of the vernacular of the village of Skupaya Potudan', Voronezh region, and its dialect uniqueness. In the process of research activities, the qualities that make up the portrait of a long-liver of the Nizhnedevitsky district were discovered, such as: akanye; dissimilative yakanye; ekanye; pronunciation of stressed [o] in place of [e]; preservation of the etymological *e, which has not turned into [ʔo]; dieresis; the occurrence of a vowel at the end of a word; loss of the initial consonant; γ fricative formation; preservation of [j] in an intervocalic position;

complete assimilation of a consonant; dissimilation of a consonant; [хв] in place of [ф]; the sound [в] as a labiodental [в] and a non-syllabic [y]; different affricates [ч] and [ц]; simplification of individual vowels and/or consonants and their groups; stress that differs from the literary language; change in declension of feminine nouns; inflection -ею of a pronoun in the instrumental case in the singular, inflection -е of a first person personal pronoun in the genitive case; missing inflection -т of 3rd person singular verbs and inflection -ть at the end of 3rd person singular and plural verbs; postfix -ся in place of -сь, -си in place of -ся in reflexive verbs; presence of special vocabulary, etc. It has been established that the speech of a native dialect speaker is understandable, emotional, consistent. The respondent is polite, sociable, open to dialogue; its vocabulary includes literary (including obsolete), dialectal, colloquial and vernacular lexemes. It is concluded that the uniqueness of the speech portrait of the village woman also includes the combination of the southern Russian dialect features and individual features of the Ukrainian dialect.

Key words: speech portrait, phonetic features, grammatical peculiarities, vocabulary of a village woman, peculiarities of speech.

В третьем десятилетии XXI столетия внимание многих лингвистов обращено к феномену языковой личности. Интерес к исследовательской деятельности обусловлен многоаспектностью проявления особенностей речи человека в диалектном пространстве разных территорий России.

Любопытные грани языка отдельной личности отражены в работах Е.В. Иванцовой [1]; О.А. Казаковой [2]; Е.В. Прокофьевой [3]; Т.В. Карасёвой [4]; А.Н. Сперанской [5]; С.В. Волошиной, А.В. Шевчик [6] и др. В региональной диалектологии такие изыскания имеют большое значение. Известно, что «познание человека невозможно без изучения его языка, а понять природу языка можно лишь исходя из человека» [7; с. 232]. По сути, «исследуя говоры сельских поселений или отдельных языковых личностей, мы получаем любопытную информацию о жизни предшествующих поколений, свидетельствующую о прошлом региона, нашей истории в целом, необходимую как память и бесценный опыт для понимания в новом тысячелетии» [8; с. 328].

Обратим внимание на то, что «в процессе проводимых исследований нами описаны особенности речевого портрета жителей: села Щучье Лискинского района Воронежской области, села Борщёво Хохольского района Воронежской области, села Юрьевка Губкинского района Белгородской области, посёлка Высокого Таловского района Воронежской области» [9; с. 100], а также села Берёзово Рамонского района Воронежской области [9], села Четвериково Калачеевского района Воронежской области [10] и др. Несмотря на имеющиеся изыскания по данной тематике, ещё сотни сельских поселений российских регионов остаются неизученными. Мы также вносим свой вклад в эту работу.

Интересные сведения получены нами в маленьком населённом пункте Центрального Черноземья. Представляем их в настоящей статье.

Языковым материалом исследования послужила речь Шаталовой Варвары Павловны (1935 года рождения) – коренной жительницы села Скупая Потудань Нижнедевицкого района Воронежской области. Речь зафиксирована в полевых условиях в процессе длительных бесед.

Объектом настоящей работы выступает речевой портрет диалектоносительницы. Предметом статьи являются фонетические, грамматические и лексические особенности речи респондента.

Целью научного исследования является установление признаков, характерных для речевого портрета носителя народного языка села Скупая Потудань, и его своеобразия.

Обратимся к историческим материалам: «Село Скупая Потудань, населённый пункт в составе Скупопотуданского сельского поселения Нижнедевицкого муниципального района Воронежской области. <...> Основано в конце XVIII века крестьянами села Истобное Нижнедевицкого уезда у реки Скупая Потудань. Ранее село Скупая Потудань делилась на 2 части: казенную (в ней жили однодворцы из села Истобное) и крепостную (Харкеевка), принадлежавшую помещикам Харкеевичам. В 1860 году в селе Скупая Потудань построена деревянная Успенская церковь. В 1900 году здесь имелись 2 общественных здания, церковно-приходская школа, 5 водяных мельниц, 4 лавки. В июле 1942 года – январе 1943 года село Скупая Потудань была оккупирована немецко-фашистскими войсками» [11].

Известно, что «удалённость от Нижнедевицкого района – 45 км в южном направлении. Самая южная точка района и самое малонаселённое поселение» [12]. Подчеркнём, «на 1 мая 2025 численность населения села Скупая Потудань составляет 244 человека, <...> долгожителей села старше 80 лет – 13 человек» [13].

Рассмотрим основные характеристики речевого портрета В.П. Шаталовой как диалектоносительницы старшей возрастной группы.

Из **фонетических особенности** речи прежде всего следует упомянуть своеобразное использование **гласных звуков**:

1. *Аканье* ([a] и [o], совпадающие в безударном положении): [*зимава́ли, здарове́це, калекти́в, калхо́з, кане́ц, каня́, канча́ть, карми́ла, каро́ва, каро́че, каси́ла, крупна́рауа́тый, лажи́ца, маи́х, маладе́жи, малдава́ни, малоденька́я, масквича́, наси́ли, никауда́, никауо́, паабеда́ю, паббе́, пакину́л, пакупа́ть, павара́чвал, павязла́, пае́хал, пазваню́, пайдём, паканча́юца, пакой́ник, пакры́ли, пакупа́е, палави́на, пало́ла, палта́ра, панауа́л, памно́уа, памядо́рки, парта́че, пасади́ла, па-старинна́му, пасяли́л, пато́м, патпуска́ли, плаха́я, прабы́л, праведён, правля́, прадава́ца, прада́ть, праду́кт, пражилá, прапа́л, пратя́ня, праши́ло, прибалéл*] и др.

2. Диссимилятивное *яканье* (в первом предударном слоге): [*ня ссо́рилась, пятна́цать, рязи́ла, справядли́вая, спяши́, сядмо́уа, уяре́т, уяжжа́ть*] и др.

3. *Еканье* (в первом предударном слоге): [*свенáрня, сезо́н, Семёна́вка, тежéлые, текла́, теля́т, тилехо́н, тренáцать*] и др. Между прочим, «в XIX веке еканье было произносительной нормой литературного языка (старшая произносительная норма)» [14].

4. Произношение ударного [o] на месте [e]: [*сваёй, унёго*] – своей, у него. И, наоборот, *сохранение этимологического *e*, не перешедшего в [’o]: [*пайдём, приде́*] – пойдём, придёт и др.

5. *Диереза* – выпадение гласного звука: [*павара́чвал, перхадит́ь*] – поворачивал, переходить и др.

6. *Ассимиляция* гласного звука: [*тады́, чауо́, чаты́ри*] – тогда, чего, четыре и др.

7. Появление гласного на конце слова: [*ту́та, वो́та*] – тут, вот и др.

Из особенностей употребления **согласных звуков** в речи диалектоносительницы наблюдаются следующие.

1. *Утрата начального согласного*: [*он*] – вон.

2. Звук *у* – *фрикативного образования*: [*пятауа, разува́ривал, рува́ть, сбéуая, страува́тый, сядмо́уа, трица́тауа, трудо́уа, уува́ривать, ууна́ли, чауо́, этауа*] и др. Как известно, данная особенность свойственна южнорусским говорам.

3. Сохранение [j] в интервокальной позиции (между гласными): [*рабо́таја, свајо́й, старáжица*] – работает, своей, старается и др.

4. Полная ассимиляция согласного: [*шишита́й, прия́жжа́л*] – считай, приезжал и др.

5. Диссимиляция согласного: [*кто*] – кто.

6. На месте [ф] замечен [хв]: [*хве́рма*] – ферма.

7. Звук [в] в положении перед согласными используется в 2-х разновидностях: как губно-зубной [в] и как [у] неслоговой: [*свой, в Остри́нке; усё равно*] и др. В данных примерах «картина реализации [в] <...> свидетельствует о столкновении двух систем – русской литературной и южного наследия восточнославянского языка, включая украинскую ветвь» [15; с. 70].

8. *Аффрикаты* [ч] и [ц] отличаются: [*ча́ста, ча́сть, чаты́ри, че́твера, чу́жя́я; прадава́ца, три́цать, цы́плята*] и др.

9. *Диереза* – выпадение в середине слова согласного звука: [*када́, сретсв, то́ка*] – когда, средств, только и др.

Вместе с тем, в речи респондента отмечены и другие фонетические особенности. В первую очередь к ним следует отнести:

1. *Увеличение основы слова* из-за появления гласных и/или согласных звуков: [*дава́ють, не е́здиють*] – дают, не ездят и др.

2. *Упрощение отдельных гласных и/или согласных звуков* и их групп: [*милёны, ты́щица, хто зне*] – миллионы, тысяча, кто знает и др.

3. Ударение, отличающееся от литературного языка (диалектное ударение): [*не ви-да́ли, при́де, су́паросные, ша́вель*] – не ви́дели, приде́т, супоро́сные, ша́вель и др.

Грамматические особенности речи диалектоносительницы включают следующие **морфологические черты**.

1. У существительных 3-го склонения женского рода в именительном падеже в форме единственного числа зарегистрировано изменение в склонении (1 скл.) – окончание -я на месте нулевого: [*Жи́зня ка́да а́на праи́шла. Ну э́та плаха́я ба́лезня*] и др.

2. У местоимения в творительном падеже в форме единственного числа на месте -ей используется флексия -ею: [*Паба́лакаем там немно́жка с не́ю*] и др.

3. Личное местоимение 1-го лица в родительном имеет на конце -е: [*Ба́ила у менé а́на. Памядо́рки у менé. У менé уря́дачки. У менé не получи́лася*] и др.

4. У большинства глаголов 3 лица единственного числа на конце отсутствует флексия -т: [*Пакупа́е мне. Ба́льши́м нача́льникам рабо́тая. Бо́ля десяти́ дней не пра-тя́ня. Кто зёрнушка всы́пе. Кто буха́нку хлё́ба атре́же. Ла́ду не дам хто зна́е. Мне па-ле́кшае мо́же. У ней рабо́тае муж*] и др.

5. В ряду глаголов 3-го лица единственного и множественного числа зафиксирована флексия -ть на конце: [*Щас есь ссо́рюца, матюка́ють. Как уля́нишь – бяжи́ть. Жи́вуть бау́ата. Не е́здють дру́гой уот. Пёнсию́ щас дава́ють*] и др.

6. В возвратных глаголах постфикс -ся отмечен на месте -сь: [*При́ехали пася́лилися ту́та. Хади́л пня́ком суды́, труді́лися*] и др.

7. В возвратных глаголах постфикс -си – вместо -ся: [*Я распи́сывае́си. Скот аста́лси*] и др.

8. Предлог «у» функционирует на месте «в»: [*У калхо́зе выпалня́ли тада́. Павязла́ я у Стар Аско́л на знако́мству. Е́здила я у Ленину́радска́й о́бласть. Две до́чери у Ве́рхнем Ма-мо́не. Хоть у ма́йх уада́х*] и др.

9. Предлог «до» замечен в сочетании с личным местоимением в дательном падеже: [*И вот я да ней пазва́ню*]. В литературном языке, как известно, в его употреблении нет необходимости: [*И вот я ей позвоню*].

10. Используются служебные части речи: частицы -то и ж: [*Мне ещэ́ во́семдися́т-та не́ту. Так-та харо́шая*] и др.

11. Употребляются междометия: [*Ды вот табé! Ды хто зна́е*] и др.

Среди **синтаксических черт** в речи респондента заметно выделяются следующие.

1. Использование диалектного и просторечного сочетаний: предлога «с» + родительный падеж: [*С Бе́луарада зво́не. С Рауа́чива атте́да прие́зжае*] и др.

2. Порядок слов в предложениях чаще всего свободный: [*Де́ти бы́ли че́твера. И ууавари́ла памау́ала а́на ту́та мне. Ну жи́вуть бау́ата а́ни. У де́ньуах распи́сыва́ца пло́ха*] и др.

Среди **лексических особенностей** речевого портрета селянки отмечено употребление слов, отличных от литературного языка. Рассмотрим некоторые из них.

Лексическая единиц *побала́кать* функционирует в значении поговорить: [*И вот я да ней пазва́ню, как паба́лакаем там немно́жка*]. Заметим, что в «Словаре украинских говоров Воронежской области» (СУГВО) лексема приведена в названном значении. Территориями распространения указаны сёла: Гармашевка Кантемировского района, Лыково Подгоренского района, Старотолучеево Богучарского района [16; т. 2; с. 112]. Причём Нижнедевицкий район не отмечен, хотя в речи респондента зафиксировано представленное слово. Из уст диалектоносительницы стало известно, что [*ради́тели ма́йи с Бе́луарада, там то́же ху́таро́к ши́еся́т мест. Перхади́ли суды́ с Рауа́чива*]. Этим, на наш взгляд, и объясняется наличие в лексиконе информатора названного выше слова.

Добавим, лексема *побала́кать* в Малом академическом словаре (МАС) приводится с пометой *областное* в значении: балакать некоторое время. В «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) она не отражена, зато представлена лексическая единица *побалакивать* – ‘петь’ [17, вып. 27, с. 185] с указанием Свердловской области. В данном говоре она не используется.

В речи носителя народного языка зарегистрирована лексема *отхájивать* в значении 'лечить, помогать выздороветь': [*Тут анá менé атхájивала*].

В СРНГ находим: «*отхájивать* – 1. Ходить определённым образом с целью избавиться от болезни, неприятностей и т.п. *Даль*. 2. Лечить (обычно заговорами, ворожбой). *Пск., Смол., Курск., Ворон., Калуж., Моск. Симб., Самар., Енис.* // Ворожить, производить какие-либо действия, направленные, по суеверным представлениям, на улучшение состояния посевов, качества урожая. *Смол.*» [17, вып. 24, с. 350]. В МАС рассматриваемое слово представлено с пометой *разговорное* в толковании: 'заботливым уходом добиться выздоровления, улучшения состояния здоровья кого-л. и т. п.' [18].

Кроме того, в лексиконе респондента присутствует сложное слово *мáло-малéнько* в значении 'немного': [*И мáла-малéнька вастанави́ли дом*]. Данное наречие не отражено в используемых словарях, однако мы обнаружили лексему *маленько* с пометой *просторечное* в значениях: '1. Немного, чуть-чуть, слегка. 2. Непродолжительное время' [18].

В речи В.П. Шаталовой зафиксировано слово *ны́не* в значении 'сегодня': [*Ны́не вй́йди, а зáвтра астáнисси*]. В СРНГ находим: «ныне, нареч. 1. В этом году. *Даль* [без указ. места]. *Нижегор., Ряз., Арх.* 2. Недавно, немного времени тому назад. *Том.,* Слов. карт. ИРЯЗ. 3. В сочетаниях, ныне-завтра. Скоро, вот-вот. *Ряз.* // С ныне до веку. С давних пор, всегда. *Пск.*» [17, вып. 21, с. 322], однако названные значения несколько отличаются от выявленного нами.

В МАС лексема *ныне* представлена с пометами *устаревшее* и *просторечное* в толковании 'сегодня', что соответствует функционирующему в говоре респондента.

Продемонстрируем лексические единицы *трóшки* и *трохи*, отмеченные в речи диалектоносительницы в значениях: 'чуть-чуть, немного': [*Па трóшки там дашь. Так и трóшки прибáвиласе. Дабавля́ют на трóхи пенсию*]. Обратимся к данным СРНГ: «*трошки*, нареч. 1. Немного, небольшое количество чего-л. *Ряз., Калуж., Брян., Смол., Зап., Южн., Орл., Курск., Юго-зап., Дон., Казаки-некрасовцы, Ворон., Измаил, Кубан., Азерб. ССР, Самар., Краснояр.* 2. Непродолжительное время, недолго. *Смол., Новг., Карел.* 3. Едва, чуть-чуть. *Азерб. ССР*» [17, вып. 45, с. 140]. Как видим, в словаре местом распространения лексемы указывается и воронежский ареал.

Помимо этого, следует обратить внимание на слово *оптаго́кать* в значении 'закрывать': [*У менé печь ру́ссия, Боу с не́ю. Тря́пками трóхи аптауо́кала*]. Интересно, что в используемых нами словарях данная единица не представлена, что позволяет считать её собственно лексическим диалектизмом, имеющим локальное распространение.

Слово *нехай* в говоре информанта отмечено в значении 'пусть': [*Нехай а́нá стайи́ть*]. Приведём сведения из словарных статей. В частности, в СРНГ оно представлено как многозначное: «Нехай, мн. О людях, которые откладывают дело до другого времени, говоря «нехай» *Курск*»; «нехай, частица. 1. Пусть. *Курск., Брян., Смол., Калуж., Орл. Ряз., Тамб., Ворон., Пенз., Сталингр., Волгогр., Дон., Приазовск., Крым., Кубан., Краснодар., Ставроп., Астрах., Казаки-некрасовцы, Омск., Новосиб. Краснояр., Перм., Вят., Нижегор., Влад., Русские на Буковине, Азерб. ССР.* <...> 2. В знач. сказ. Не трогай. *Курск., Пенз., Симб. Перм.*» [17, вып. 21, с. 201]. Действительно, данные словаря подтверждают большую территорию распространения слова в русских говорах, а также и наши результаты. Добавим, что в МАС рассматриваемая лексема тоже отражена: «нехай, *частица. Обл. Пусть*» [18].

В качестве следующей иллюстрации особенностей речи респондента выступает слово *по́мерли* (от «помереть»), зафиксированное в значении 'умерли': [*Щас часть пауи́ли в друго́й мир, ну по́мерли*]. В СРНГ находим такое толкование: «помереть, сов. 1. Помереть чем-л. Умереть от чего-л. *Перм.* // Помереть красками. Умереть от послеродового кровотечения. *Вят.* // Помереть местом. Умереть во время родов (от невыхода последа). *Вят.* // Помереть в муках. Умереть во время родов. *Вят.* 2. В сочетаниях: Жить как померши. Жить замкнуто. *Пск., 1967.* // Кто-л. помер есть. Кто-л. умер. *Олон.* // Сейчас помереть. *Иван.*» [17, вып. 29, с. 205-206]. Интересно, что в МАС лексическая единица «помереть» даётся с пометой *просторечное* в том же значении умереть' [18].

Ещё об одном слове необходимо сказать на страницах этой работы. Лексема *нако́й* используется информатором в роли наречия 'зачем': [*Маши́нка нако́й-та есть*]. В СРНГ показаны места функционирования названной лексической единицы в приведённом значении: говоры *Моск., Калуж., Ряз., Пенз., Самар., Саратов., Терск., Дон., Смол., Новг., Ленингр., Волог., Урал., Омск., Тул. областей* [17, вып. 21, с. 333]. Можно заметить, воронежский ареал не указывается, что противоречит нашим результатам.

Подводя итоги, уместно привести слова Т.И. Вендиной о современном состоянии народных говоров: «Русские диалекты не утратили своего лексического своеобразия. Несмотря на интенсивный процесс влияния литературного языка, следствием которого является нивелирование диалектных различий, в русских говорах сохраняется огромное количество диалектизмов, успешно противостоящих тенденции к стандартизации» [19; с. 84]. Важным оказывается и то, что «литературный язык при этом не только расшатывает систему диалекта, но и обогащает диалект, особенно на лексическом уровне» [20; с. 84].

Таким образом, нам удалось установить особенности диалектной речи жительницы Скупой Потудани, относящиеся ко всем уровням языка. Отметим также, что речь диалектоносительницы понятна, эмоциональна, последовательна. Респондент вежлив, искренен, общителен, открыт для диалога, легко идёт на контакт. Словарный запас информатора включает как литературные (в том числе устаревшие), так и диалектные, и разговорные, и просторечные лексемы.

В результате проведённой исследовательской работы мы приходим к выводу о том, что своеобразие речевого портрета жительницы Скупой Потудани отчасти состоит в сочетании черт южнорусского диалекта и единичных (отдельных) особенностей украинского говора, унаследованных от родителей, рождённых в Белгородской области, которая, как известно, граничит с Украиной.

Примечание: в статье применена русская упрощённая транскрипция.

Библиографический список

1. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. 312 с.
2. Казакова О.А. Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 23 с.
3. Прокофьева Е.В. Диалектная языковая личность на Алтае: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2012. 21 с.
4. Карасёва Т.В. Фонетические и грамматические диалектные черты в речи жительницы города Елец Липецкой области // Научный вестник ВГАСУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Выпуск №10, 2013. С. 31-41.
5. Сперанская А.Н. Индивидуальный речевой портрет жительницы Северного Приангарья // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 4 (11). С. 97-115.
6. Волошина С.В., Шевчик А.В. Фрагмент речевого портрета жителя современного русского села // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 3. С. 20-32.
7. Вендина Т.И. Н.И. Толстой и антропология диалектного слова (к столетию со дня рождения) // Славянский альманах. 2023. № 3-4. С. 230-245.
8. Недоступова Л.В. Фонетические особенности говора села Борщёво Хохольского района Воронежской области (на материале речевого портрета одного носителя) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2022. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 323-330. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50424275> (дата обращения: 01.05.2025).
9. Недоступова Л.В. Особенности портрета речи жительницы Рамонского района Воронежской области // Теория и практика коммуникации: материалы II Международной научно-практической конференции. Тирасполь, 2024. С. 99-107. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68493777> (дата обращения: 01.05.2025).

10. Недоступова Л.В. Речевой портрет жительницы села Четвериково Воронежской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2023. СПб.: ИЛИ РАН, 2023. С. 300-311.

11. Скупая Потудань, село. URL: <https://vrnency.ru/vol-1/ve-1-s/a-00098-s> (дата обращения: 01.05.2025).

12. Название населённого пункта, поселения, административного округа Скупопотуданское сельское поселения Нижнедевицкого муниципального района Воронежской области. URL: <https://skupopotudanskoe-r20.gosweb.gosuslugi.ru/o-munitsipalnom-obrazovanii/naselennye-punkty/nazvanie-naseleennogo-punkta-poseleniya-administrativnogo-okruga/> (дата обращения: 01.05.2025).

13. Население села Скупая Потудань Нижнедевицкого района Воронежской области. URL: <https://bdex.ru/naselenie/voronejskaya-oblast/n/nijnedevickiy/skupaya-potudan/> (дата обращения: 01.05.2025).

14. Структура старых русских диалектов. URL: http://dialekt.vspu.ru/sites/dialekt.vspu.ru/files/lekciya_3.1_0.pdf (дата обращения: 01.05.2025).

15. Черенкова А.Д. Фонетические особенности русской речи воронежского хохла. Диалектологический альманах. Вып. 2. Воронеж: ВГПУ, 2015. С. 66-71.

16. Словарь украинских говоров Воронежской области Текст: в 2 т. / М.Т. Авдеева; Воронежский гос. ун-т, Филологический фак., Каф. славянской филологии, Лаб. Воронежского лингвокраеведения им. проф. В. И. Собинниковой А - М Т. 1. 2008-.

17. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-2. М.; Л.: Наука, 1965-1966. Вып. 3-26. Л.: Наука, 1968-1991. Вып. 27-52. СПб.: Наука, 1992-2021. URL: <https://iling.spb.ru/vocubula/srng/srng> (дата обращения: 01.05.2025).

18. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. Исследований / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999 (электронная версия): [Фундаментальная электронная библиотека](https://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp). URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp> (дата обращения: 01.05.2025).

19. Вендина Т.И. Русская диалектная лексика в ареальном аспекте // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2024. СПб.: ИЛИ РАН, 2024. С. 81-106.

20. Черенкова А.Д. Развитие диалекта в условиях диглоссии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 1. С. 122-128.

References

1. Ivantsova E.V. Phenomenon of Dialectal Linguistic Personality. Tomsk: Tomsk University Press, 2002. 312 p.

2. Kazakova O.A. Linguistic Personality of a Dialect Speaker in the Genre Aspect: abstract ...PhD in Philology. Tomsk, 2004. 23 p.

3. Prokofieva E.V. Dialectal Linguistic Personality in Altai: : abstract ...PhD in Philology. Barnaul, 2012. 21 p.

4. Karaseva T.V. Phonetic and Grammatical Dialectal Features in the Speech of a Resident of Yelets, Lipetsk Region // Scientific Bulletin of VSUACI. Linguistics and Intercultural Communication. 2013. Iss. 10. P. 31-41.

5. Speranskaya A.N. Individual speech portrait of a resident of the Northern Angara region // Ecology of language and communicative practice. 2017. Iss. 4 (11). P. 97-115.

6. Voloshina S.V., Shevchik A.V. Fragment of a speech portrait of a resident of a modern Russian village // Ecology of language and communicative practice. 2018. Iss. 3. P. 20-32.

7. Vendina T.I. N.I. Tolstoy and the anthropology of the dialect word (on the centenary of his birth) // Slavic almanac. 2023. Iss. 3-4. P. 230-245.

8. Nedostupova L.V. Phonetic features of the dialect of the village of Borshchevo, Khokholsky district, Voronezh region (based on the speech portrait of one speaker) // Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2022. St.-Petersburg: Institute of Languages of the Russian Academy of Sciences, 2022. P. 323-330. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50424275> (date of application: 01.05.2025).
9. Nedostupova L.V. Features of the speech portrait of a resident of the Ramonsky district of the Voronezh region // Theory and practice of communication: materials of the II International scientific and practical conference. Tiraspol, 2024. P. 99-107. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68493777> (date of application: 01.05.2025).
10. Nedostupova L.V. Speech portrait of a resident of the village of Chetverikovo, Voronezh region // Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2023. St.-Petersburg: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2023. P. 300-311.
11. Skupaya Potudan, village. URL: <https://vrnency.ru/vol-1/ve-1-s/a-00098-s> (date of application: 01.05.2025).
12. The names of the populated area, settlement, administrative district of Skupaya Potudan rural settlement of Nizhnedevitsky municipal district of the Voronezh region. URL: <https://skupopotudanskoe-r20.gosweb.gosuslugi.ru/o-munitsipalnom-obrazovanii/naselennye-punkty/nazvanie-naselennogo-punkta-poseleniya-administrativnogo-okruga/> (date of application: 01.05.2025).
13. Population of the village of Skupaya Potudan, Nizhnedevitsky district, Voronezh region. URL: <https://bdex.ru/naselenie/voronejskaya-oblast/n/nijnedevickiy/skupaya-potudan/> (date of application: 01.05.2025).
14. Structure of old Russian dialects. URL: http://dialekt.vspu.ru/sites/dialekt.vspu.ru/files/lekciya_3.1_0.pdf (date of application: 01.05.2025).
15. Cherenkova A.D. Phonetic features of the Russian speech of the Voronezh Khokhol. Dialectological almanac. Iss. 2. Voronezh State Pedagogical University, 2015. P. 66-71.
16. Dictionary of Ukrainian dialects of the Voronezh region Text: in 2 volumes / M.T. Avdeeva; Voronezh State University, Department of Philology, the chair of Slavic Philology, Lab. of the Voronezh Linguistic and Regional Studies named after prof. V.I. Sobinnikova. A – M. Vol. 1. 2008.
17. Dictionary of Russian folk dialects. Issue 1-2. M.; L.: Nauka, 1965-1966. Issue 3-26. L.: Nauka, 1968-1991. Issue 27-52. SPb.: Nauka, 1992–2021. URL: <https://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng> (date of access: 01.05.2025).
18. Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / RAS, Institute of Linguistic Studies; Ed. by A.P. Evgenyeva. 4th ed., reprinted. Moscow, 1999; (electronic version): Fundamental Electronic Library URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp> (date of application: 01.05.2025).
19. Vendina T.I. Russian dialectal vocabulary in the areal aspect // Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2024. St.-Petersburg, 2024. P. 81-106.
20. Cherenkova A.D. Development of dialect in the conditions of diglossia // Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication. 2024. Iss. 1. P. 122-128.

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.008

*Московский университет МВД России имени
В.Я. Кикотя (Рязанский филиал)
Доктор филологических наук,
профессор кафедры
социально-гуманитарных дисциплин
Воронина Л.В.
Россия, г. Рязань
тел.: 8(951) 102 23 76*

*Moscow University of the MIA of Russia named
after V.Y. Kikot (Ryazan branch)
The chair of social and humanitarian disciplines
Doctor of Philology, full professor
Voronina L.V.
Russian Federation, Ryazan
tel.: 8(951) 102 23 76*

Л.В. Воронина

«УПАКОВОЧНЫЕ» ЯВЛЕНИЯ СМЫСЛА: К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ВЫДВИЖЕНИЯ СМЫСЛА «ЦЕЛЬ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В фокусе внимания настоящего исследования находится прагматический слой семантики сообщающих о цели текстовых единиц, функционирующих в современной диалогически ориентированной политической коммуникации. С целью выявления особенностей коммуникативно-прагматического выдвижения смысла «Цель» на материалах интервью с российскими политическими лидерами методом сплошной выборки был выделен корпус языкового материала, исследованы фокусы осознанности, контраста, прагматической важности, перспективы, в рамках которых невербальная информация о цели получает свое коммуникативное усиление или редукцию. Объект и предмет исследования, погруженные в плоскость текстологии и когнитологии, обусловили привлечение комплекса методов, включая интроспекцию, разговорный и дискурс-анализы, а также лингвистическое описание, обеспечивших валидность результатов настоящей научной работы. В ходе исследования были установлены лингвистические способы нетипичных реализаций фокуса перспективы (параметр «out/in»-группа) в диалогически ориентированном дискурсе, их *de dicto* vs *de re* ракурсы, осуществлена проекция на аксиологическую плоскость. Особое внимание уделено лингвистическим показателям статуса осознанности информации, исследована динамика статусов сознания участников интеракции относительно первичной референции к событию в коммуникативной ситуации политического интервью, представлены модели их референциального взаимодействия, обозначены возможные перспективы референциального конфликта. Выявлены паралингвистические маркеры оформления контрастивных высказываний о цели, а также корреляции компонентов ее семантической структуры. Исследован фокус важности (принцип приоритета), устанавливающий зависимость лексико-грамматической оформленности смысла «Цель» в составе высказывания от ее коммуникативной значимости для субъекта речи.

Ключевые слова: текстовые единицы, семантика цели, коммуникативная организация, фокус осознанности, прагматическая важность, перспектива, контрастивность.

L.V. Voronina

«PACKAGING» PHENOMENA OF SENSE: REVISITING THE COMMUNICATIVE-PRAGMATIC FOREGROUNDING OF THE PURPOSE SEMANTICS IN CONTEMPORARY RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE

The present article deals with the pragmatic level of text units with purpose semantics, functioning in modern dialogically oriented political communication. In order to identify the features of the communicative-pragmatic foregrounding of the purpose semantics in the materials from interviews with Russian political leaders using a unselected sampling, a corpus of linguistic material was identified, the foci of awareness, contrastiveness, pragmatic importance, and the point of view within which non-verbal information about the purpose receives its communicative reinforcement or reduction were investigated. The object and subject of the study, immersed in the plane of textology and cognitive science, determined the use of a set of methods, including introspection, conversational and discourse analysis, as well

as linguistic description, which ensured the validity of the results of this scientific work. In the course of the study, linguistic methods of atypical realizations of perspective (the «out/in»-group parameter) in dialogically oriented discourse and their *de dicto* vs *de re* perspective were made clear, a projection onto the axiological plane was carried out. Particular attention is paid to linguistic indicators of the cognition status; the dynamics of the statuses of interaction participants relative to the primary reference to the event in the communicative situation of a political interview is investigated, models of their referential interaction are presented, possible prospects of referential conflict are outlined. Paralinguistic markers of the design of contrastive statements about the purpose, as well as correlations of the components of its semantic structure are revealed. The focus of importance (priority principle) is investigated, establishing the dependence of the lexical and grammatical design of the purpose semantics in the composition of the statement on its communicative significance for the subject of speech.

Key words: text units, purpose semantics, communicative organization, focus of awareness, pragmatic importance, point of view, contrastiveness.

Генерация, осуществляемая в сознании, и экспликация, представляющая собой реализацию суждений в речи, объективируют антропоцентрический ракурс настоящего научного исследования: зарождаясь в сознании человека, идея, проходя все ступени вербализации – процесса, понимаемого в данной работе широко как состоящего из трех этапов [1, с. 38–39] и включающего в себя собственно экспликацию в качестве конечного, – выходит в коммуникативное пространство, становясь достоянием всех участников общения. Таким образом, генерация и экспликация суждений представляют собой феномены субъектного.

В центре внимания настоящего исследования находятся текстовые единицы с семантикой цели, функционирующие в современном русском политическом дискурсе. Под термином «текстовые единицы» понимаются не общепринятые рубрикации текста, но «коммуникативно значимые единицы, обладающие многоаспектным динамическим содержанием различных информационных разновидностей» [2, с. 60].

Цель данной статьи – выявить специфику коммуникативной организации смысла «цель» в рамках высказываний, функционирующих в жанре интервью современного русского политического дискурса – реализуется в исследовании фокусов осознанности, контраста, важности, перспективы, которые без привлечения средств субъективной модальности позволяют коммуникативно выделить целевую семантику и ее компоненты в естественном потоке речи.

Объект настоящего исследования – текстовые единицы с семантикой цели – лежит в плоскости теории текста и лингвистической семантики: наше понимание текста и текстовых единиц коррелирует с лингвистической концепцией С.В. Пискуновой [2], анализ двух слоев семантики текстовой единицы – информативного и прагматического – осуществляется в соответствии с лингвистическими взглядами Н.С. Болотновой [3, 4]. В целом рассмотрение способов коммуникативного выдвижения смысла «цель» базируется на лингвистической теории И.М. Кобозевой о трех слоях семантики (пропозициональном, прагматическом и коммуникативном) [5] и на представлениях У.Л. Чейфа об «упаковочных» явлениях смысла [6, 7], которые «в первую очередь связаны со способом передачи сообщения и лишь потом с сообщением как таковым» [6, с. 278–279], которые находят свое уточнение на материале русского языка в исследованиях отечественных лингвистов, в числе которых И.М. Кобозева [5], М.Б. Бергельсон и А.А. Кибрик [8, 9].

Невербальная информация, находящаяся в сознании индивида, структурируется в суждение и реализуется в языке посредством известных единиц речи – высказываний, становясь тем самым компонентом коммуникации и организуя ее.

Включаясь в интеракцию, код – словесная реализация идеи – воспринимается и осознается адресатом, который расшифровывает и интерпретирует его в соответствии с имеющимся опытом, эмоционально-психическим состоянием на момент коммуникации, собственными установками на общение и проч. На этапе структурирования суждения наряду со смысловым посылом осуществляется особая работа, направленная на коммуникативную организацию суждения в соответствии с прагматическими установками коммуниканта на максимальное речевое воздействие, или его [суждения] «упаковка» (термин У.Л. Чейфа). Подчеркнем, речь идет не о выборе наиболее оптималь-

ной с точки зрения адресанта языковой формы кода – в фокусе внимания находится коммуникативная конфигурация смысловой организации высказывания.

Итак, коммуникативный ракурс организации смысла высказывания осуществляется посредством так называемых «упаковочных» явлений. В их числе данное / новое, контрастивность, определенность, эмпатия, важность, известное / неизвестное и др. [1; 5; 6]. Как отмечают современные исследователи [1, 5; 6], список «упаковочных» явлений открыт, однако применительно к способам выдвижения семантики цели применимы не все из вышеперечисленных. Более того, некоторые из них в связи с особенностями целевого значения реализуются нетипично.

Так, фокус эмпатии, или перспектива, коррелирует с понятием субъекта цели, со стороны которого подается информация, и имеет ряд объективных осложнений в случае реализации высказывания в диалогически ориентированной речи. В целевых контекстах фокус эмпатии соотносится с известным «архетипическим символом», «иконическим образом категоризации окружающей действительности» [10, с. 1593] (параметр «in/out-группа» [11]) и проецируется в дихотомии *de dicto vs de re*. В первом случае принадлежность субъекта «in/out-группе» в политическом дискурсе определяется близостью его позиций взглядам коммуникатора, что в конечном счете перемещает целевой контент в плоскость наивной аксиологии: цели «in-группы» признаются положительными (пример 1), цели «out-группы» – негативными (пример 2):

1) *Для нас задача заключается только в этом – чтобы люди, которые и так пострадали, и так прошли через тяжёлые иссимволом»,пытания, чтобы они решили свои фундаментальные задачи* [12] vs 2) *Они [бывший канцлер ФРГ, бывший президент Франции] же сказали публично, что не собирались выполнять Минских соглашений, а только подписали, для того чтобы вооружить Украину и создать условия для продолжения боевых действий* [13].

С другой стороны, монолитный (синтетический) характер субъекта целевых конструкций, когда позиции субъекта целеполагания (в его сознании зарождается целевая установка), агенса, обладающего необходимыми ресурсами для достижения цели, и бенефактора, в интересах которого осуществляются действия, совпадают, исключают интерпретативность. Напротив, в случае разделения позиции субъекта речи и позиции логического субъекта (подлежащего) точка зрения первого выступает ракурсом *de dicto* и требует проверки на истинность, поскольку субъекту цели (= подлежащее) *приписываются* действия и цели, которые таковыми могут не являться:

М. Захарова: *Уверены, что ни К. Келлог, ни Д. Трамп не желают такого развития событий [эскалации конфликта]* [14].

Фокус осознанности, несмотря на то, что имеет прямое отношение к идеальному – сознанию человека, – имеет также лингвистическую фиксацию. Его показатели – средства референции, используемые коммуникантами в процессе интеракции. Логика такова: как только невербальная информация осознается, она получает свою реализацию в речи средствами прямой референции (лексемы-квалификторы цели типа *цель, задача, намерение* и др.) или косвенной референции (реляторы) к событию. Полуактивную стадию осознанности маркируют средства вторичной референции:

С. Чупшева: *Утром произошла атака беспилотников на Москву и Московскую область. Можете дать оценку тому, что произошло, и какие меры необходимо принять, чтобы этого больше не повторилось и как нам на это реагировать?*

В. Путин: *<...> Во-первых, хочу сказать, что система ПВО Москвы сработала штатно, удовлетворительно, хотя есть над чем работать* [15].

Когнитивная модель представленного выше речевого взаимодействия представлена в формуле 1:

$$\text{Ref}_1(\text{P}) \rightarrow \text{Ref}_2(\text{P}) \rightarrow \text{Ref}_2(\text{P}) \rightarrow \text{Ref}_2(\text{P})$$

$$\text{Ref}_0(\text{P}),$$

где Ref_1 – первичная номинация цели P, Ref_2 – средство повторной номинации, Ref_0 – нулевая группа референции. (Формула 1)

Показательно движение фокусов сознания обоих коммуникантов: если первый удерживает в сознании информацию о референте события незначительное количество времени (показателем тому полунулевая референциальная группа), то между манифестацией события и реакцией на него второго коммуниканта проходит около 5 минут – все это время исходная информация удерживается им в сознании (показателем чего выступает нулевая референциальная группа), на фоне которой осуществлялась первичная референция к не менее чем 15 событиям (если обратиться к фрагменту текста в полном объеме).

Более сложное референциальное взаимодействие при актуализации семантики цели представлено в дискурсивном фрагменте ниже:

Х. Гэмбл: *А на Ваш взгляд, какая самая серьёзная проблема на сегодняшний день¹?*

В. Путин: *Для нас самая главная проблема¹ и самая главная задача, которую мы должны решить, – это подъём доходов граждан страны¹. Это наша главная, основная задача¹, и мы не собираемся решать² её¹ простыми линейными методами. Для этого² мы должны обеспечить рост темпов развития экономики и изменение её качества... Мы и собираемся решать основные социальные задачи, в том числе увеличение доходов российских граждан¹ и решение второй очень важной для нас проблемы – демографической [16].*

Когнитивная модель интеракции (формула 2) включает в себя взаимодействие референций к двум событиям, имеющим отношение к смыслу «Цель»: под индексом «1» представлено собственно событие цели (P₁), под индексом «2» – пропозиция «Ресурсы» (P₂):

Ref₁(P₁)

Ref₁(P₁) → Ref₁(P₁) → Ref₂(P₁) Ref₁(P₂) → Ref₂(P₂) Ref₁(P₁)

(Формула 2)

Сложность заключается в характере перемещения фокуса сознания с одного события на другое и последующий возврат к первому событию цели, которое все это время удерживалось в зоне полуактивности сознания.

Референциальное взаимодействие организуется разными способами и определяется, во-первых, движением фокуса осознанности идеи (события цели) субъекта речи из одного статуса в другой и, во-вторых, спецификой перемещения фокусов осознанности (референций) в рамках интеркции обоими участниками. Так, в примерах выше представлены два вида перемещения референции: формула 1 демонстрирует уровневую организацию референции, когда одно событие получает 3 референциальных ракурса (формула 3):

Ref₁(P) → Ref₂(P)

→ Ref₂(P)

→ Ref₂(P)

(Формула 3)

Формула 2 демонстрирует линейный характер референции, изменение ее статуса от максимальной активности к полуактивной осознанности и финальной активации.

Сопредельное фокусу осознанности понятие фокуса внимания (термин Б.А. Гудмана), который обеспечивает общий центр внимания участников диалога» [17, с. 220], имеет собственно прагматическое значение и функционирует в плоскости взаимодействия участников интеракции, обеспечивая понимание адресатом исходной интенции коммуниканта. Это означает, что адресат должен не только правильно декодировать исходную идею субъекта речи, но и удерживать ее в сознании в активном (первичная номинация события цели) или полуактивном (вторичные средства номинации) статусе в процесс коммуникации, а затем эксплицитировать суждение как ответную реакцию, позволяющую субъекту речи убедиться в успешности коммуникативного намерения.

Провоцирующим фактором коммуникативных сбоев могут выступать референциальный конфликт [9, 18] или несовпадение фокусов внимания в связи с неодинаковыми темпами

смещения фокусов сознания коммуникантов с одного события на другое, вызывающие интерпретативность исходного кода. Так, пропуск звена Ref₁(P₂) в формуле 2 неизбежно приведет к нерелевантности референций коммуникантов.

Коммуникативную значимость события цели маркирует выбор способа ее лингвистической фиксации. Независимые простые предложения, содержащие квалификаторы цели – лексические средства прямой референции к целевому событию (*цель, намерение, задачи* и под.), – показатели коммуникативного усиления смысла *цель*. Синтаксические конструкции, имеющие реляторы дифференцирующего типа (*с целью*) или типичный для целевой семантики союз *чтобы* также маркируют прагматически значимую цель, в отличие, например, от бессоюзных конструкций или имплицатур цели. Иными словами, чем большую коммуникативную значимость имеет тот или иной смысл, тем более развернутое лексико-грамматическое оформление он получает. Подтверждением тому – ранжирование языковых примеров ниже:

Наша цель – защита интересов Родины.

Необходима мобилизация всех ресурсов с целью защиты интересов Родины.

Необходима мобилизация всех ресурсов, чтобы защитить интересы Родины.

Необходима мобилизация всех ресурсов для защиты интересов Родины.

Необходима мобилизация всех ресурсов.

Заметим, что имплицатура цели отнюдь не означает ее отсутствия: в контекстах нужды целевая семантика зачастую не эксплицируется, но ощущается носителями языка, поскольку провоцирующим фактором генерации целеустановки выступает именно практическая необходимость [19]: *нужно защитить Родину*, следствием чего выступает *мобилизация*.

Оценить коммуникативную выделенность того или иного смысла в составе целостного высказывания позволяет фокус контраста, который предполагает использование в первую очередь паралингвистических средств – громкости голоса, темпа говорения, интонации, паузы и т.д.:

Для того чтобы угрожать, нужно иметь необходимые инструменты, для того чтобы осуществить свою угрозу, – это первое. И второе – нужно быть готовым применить эти силы и средства, для того чтобы их реализовать [20].

Контраст – это всегда альтернатива: *угрожать / не угрожать, быть готовым / быть не готовым*. Кроме того, на поверхности взаимосвязь между выделяемыми смыслами в составе высказывания, которая коррелирует с семантической структурой цели и подчеркивает взаимообуславливающий характер ее компонентов – цели и ресурсов.

Коммуникативная организация смысла высказывания – феномен надсемантического порядка, не имеющий ничего общего с выражаемым языковой конструкцией значением, степенью его размытости или обобщенности. При неизменности денотативного слоя семантики текстовой единицы ее коммуникативная составляющая может усиливаться или, напротив, проявлять тенденции к ослаблению в рамках текстового фрагмента в целом в соответствии с прагматическими установками субъекта речи. В его арсенале корпус лексико-грамматических средств, маркирующих способы коммуникативно-прагматического выдвигания смысла – его «упаковку», перечень которых на сегодняшний день остается открытым.

Как показало исследование, коммуникативное усиление смысла «цель» в текстовых единицах, функционирующих в современном политическом дискурсе, обеспечивают следующие «упаковочные» феномены:

1) фокус эмпатии, устанавливающий перспективу денотата цели – ракурс на целевое событие с позиций «in/out-группы» – и как следствие необходимость его (события) верификации в оппозиции *de dicto vs de re*;

2) фокус осознанности, который в диалогически ориентированном дискурсе позволяет проследивать смену статусов сознания участников коммуникации относительно события цели в ходе их речевого взаимодействия и имеет лингво-психологические перспективы исследования в рамках антецедентно-анафорических комплексов, позволяющие выявить статусы передвижения референции коммуникантов, установить эффективность интеракции, а также причины неуспешности (референциальный конфликт, несовпадение фокусов внимания);

3) фокус важности (приоритета), в соответствии с которым коммуникативно значимая информация о целевом событии получает максимальную языковую реализацию в виде независимых простых предложений с квалификаторами цели; придаточные и псевдопридаточные предложения цели, предложные, беспредложные и бессоюзные конструкции замыкают перечень языковых средств оформления семантики цели;

4) фокус контраста, актуальность которого в устной форме диалогически ориентированного дискурса подчеркивается в первую очередь использованием корпуса паралингвистических средств, участвующих в перераспределении коммуникативной нагрузки между смыслами высказывания в целом.

Библиографический список

1. Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XII. Прикладная лингвистика. М. : Радуга, 1983. С. 35-73.

2. Пискунова С.В. Тайны поэтической речи (грамматическая форма и семантика текста). Москва; Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 408 с.

3. Болотнова Н.С. О соотношении прагмем и информем в поэтическом тексте как форме коммуникации (по данным экспериментов) // Художественный текст и языковая личность: проблема изучения и обучения. Томск, 2001. С. 16-28.

4. Болотнова Н.С. Прагматика текста и ее изучение в коммуникативной стилистике // Русская речевая культура и текст: Материалы XII Международной научной конференции. Томск, 2022. С. 71-77.

5. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

6. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М.: Прогресс, 1982. С. 276-315.

7. Чейф У. На пути к лингвистике, основанной на мышлении // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 69-88.

8. Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е. Прагматический «Принцип Приоритета» и его отражение в грамматике языка // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М.: Наука, 1987. С. 52-63.

9. Кибрик А.А. Референция и рабочая память: о взаимодействии лингвистики с психологией и когнитивной наукой // Материалы первой российской интернет-конференции по когнитивной науке. М.: 2004. С. 29-43.

10. Муравлева В.Р. Романов А.С., Клименко М.Б. Дихотомия СВОЙ-ЧУЖОЙ: ценностные детерминанты семантики (на материале русского и английского языков) Филологические науки. Вопросы теории практики. 2024. Том 17 (№5). С. 1590-1595.

11. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.

12. Ответы на вопросы журналистов. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/75974 (дата обращения: 20.05.2025).

13. Встреча с руководителями международных информагентств. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/74223> (дата обращения: 20.05.2025).

14. Ответ официального представителя МИД России М.В.Захаровой на вопрос СМИ в связи с заявлением спецпосланника Президента США К.Келлога. режим доступа: https://mid.ru/ru/press_service/spokesman/answers/2014622/ (дата обращения: 20.05.2025).

15. Ответ официального представителя МИД России М.В.Захаровой на вопрос СМИ в связи с заявлением спецпосланника Президента США К.Келлога. URL: https://mid.ru/ru/press_service/spokesman/answers/2014622/ (дата обращения: 20.05.2025).

16. Ответ на вопрос о налёте беспилотников на Москву и Московскую область. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/71256> (дата обращения: 20.05.2025).
17. Гудман Б.А. Идентификация референта и связанные с ней коммуникативные неудачи // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXIV. Компьютерная лингвистика. М. : Прогресс, 1989. С. 209-258.
18. Буров Э.Е. Факторы, влияющие на употребление анафорического местоимения 3-го лица после неопределенного местоимения «кто-то» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Том 15. Выпуск 3. С. 776-781.
19. Проект корпусного описания русской грамматики. URL: <http://rusgram.ru/> (дата обращения: 20.05.2025).
20. Ответы на вопросы журналистов. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/76736 (дата обращения: 20.05.2025).

References

1. Chafe W. Memory and Verbalization of Past Experience // New in Foreign Linguistics. Issue XII. Applied Linguistics. Moscow, 1983. P. 35-73.
2. Piskunova S.V. Secrets of poetic speech (Grammar forms and semantics of the text). Moscow; Tambov: Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2002. 408 p.
3. Bolotnova N.S. On the Relationship between Pragmemes and Informemes in a Poetic Text as a Form of Communication (Based on Experimental Data) // Fiction Text and Language Personality: The Problem of Studying and Teaching. Tomsk, 2001. P. 16-28.
4. Bolotnova N.S. Text pragmatics and its study in communicative stylistics // Russian speech culture and text: Proceedings of the XII International scientific conference. Tomsk, 2022. P. 71-77.
5. Kobozeva I.M. Linguistic semantics. Moscow, 2000. 352 p.
6. Chafe W. Given, contrastiveness, definiteness, underlying, topics and point of view // New in foreign linguistics. Iss. XI. Modern syntactic theories in American linguistics. Moscow, 1982. P. 276-315.
7. Chafe W. Towards linguistics based on thinking // Language and thought: modern cognitive linguistics. Moscow, 2015. P. 69-88.
8. Bergelson M.B., Kibrik A.E. Pragmatic «Priority Principle» and its reflection in the grammar of language // Modeling of language activity in intelligent systems. Moscow, 1987. P. 52-63.
9. Kibrik A.A. Reference and working memory: on the interaction of linguistics with psychology and cognitive science // Proceedings of the first Russian Internet conference on cognitive science. Moscow, 2004. P. 29-43.
10. Muravleva V.R., Romanov A.S., Klimenko M.B. FRIENDLY-FOELY dichotomy: value determinants of semantics (based on the Russian and English languages) // Philological sciences. Questions of the theory of practice. 2024. Vol. 17 (Iss. 5). P. 1590-1595.
11. Van Dijk T. Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication. Moscow, 2013. 344 p.
12. Answers to journalists' questions. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/75974 (date of application: 20.05.2025).
13. Meeting with heads of international news agencies. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/74223> (date of application: 20.05.2025).
14. Response of the official representative of the Russian Foreign Ministry M.V. Zakharova to a media question in connection with the statement of the special envoy of the US President K. Kellogg. URL: https://mid.ru/ru/press_service/spokesman/answers/2014622/ (date of application: 20.05.2025).
15. Response of the official representative of the Russian MFA M.V. Zakharova to a media question in connection with the statement of the special envoy of the US President K. Kellogg. URL: https://mid.ru/ru/press_service/spokesman/answers/2014622/ (date of application: 20.05.2025).

16. Response to a question about the drone attack on Moscow and the Moscow region. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/71256> (date of application: 20.05.2025).

17. Goodman B.A. Identification of the referent and related communicative failures // New in foreign linguistics. Issue XXIV. Computer linguistics. Moscow, 1989. P. 209-258.

18. Burov E.E. Factors influencing the use of the 3d person anaphoric pronoun after the indefinite pronoun «someone» // Philological sciences. Theoretical and practical issues. 2022. Vol. 15. Iss. 3. P. 776-781.

19. Project of corpus description of Russian grammar. URL: <http://rusgram.ru/> (date of application: 20.05.2025).

20. Answers to journalists' questions. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/76736 (date of application: 20.05.2025).

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.009

*ФГК ВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства Обороны Российской Федерации
кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры № 8 (языкознания и литературы)*

Чуйков П.Л.

Россия, г. Москва, тел. 8(909)6961916

e-mail: chuikovpav@yandex.ru

FGK HEU HE «Military University named after Prince Alexander Nevsky» of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Candidate of Philological Sciences, teacher of the Department No. 8 (Linguistics and Literature)

Chuykov P.L.

Russia, Moscow, 8(909)6961916

e-mail: chuikovpav@yandex.ru

П.Л. Чуйков

ГОГОЛЕВСКИЙ КОНТЕКСТ В ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ДЯДЮШКИН СОН»

В статье рассматривается творческий диалог Ф.М. Достоевского с Н.В. Гоголем в повести «Дядюшкин сон». В этом произведении прослеживается аналогия «князь К. – Хлестаков». «Миражную интригу» повести «Дядюшкин сон» символизирует само его название, Ф.М. Достоевский же активно использует приемы и стиль Н.В. Гоголя, в частности способ построения комического сюжета и конфликта, близкий автору «Ревизора». На жанрово-типологическом уровне прослеживается связь: «Мертвые души» Н.В. Гоголя – авантюрный роман – «Дядюшкин сон» Ф.М. Достоевского. В статье анализируется авантюрно-приключенческая основа повести Ф.М. Достоевского. Так, сцена отъезда Павла Мозглякова из города (пейзаж, обстоятельства) сопоставляется с финальной картиной первого тома поэмы «Мертвые души», когда Русь сравнивается с летящей птицей-тройкой. Проводятся параллели и с другими произведениями Н.В. Гоголя (повестями «Вий», «Невский проспект», «Старосветские помещики») и доказывается, что Мозгляков выбрал вариант судьбы не Чичикова, а Хома Брута и ему подобных героев Н.В. Гоголя.

Ключевые слова: Достоевский, «Дядюшкин сон», Гоголь, «Ревизор», «Мертвые души», Русь, птица-тройка.

P.L. Chuykov

GOGOL'S CONTEXT IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL «UNCLE'S DREAM» (1859)

The article examines the creative dialogue between F.M. Dostoevsky and N.V. Gogol in the story «Uncle's Dream». In this work, the analogy of «Prince K. – Khlestakov» can be traced. The «mirage intrigue» of the story «Uncle's Dream» is symbolized by its very name, while F.M. Dostoevsky actively uses Gogol's techniques and style, in particular, a way of constructing a comic plot and conflict that is close to the author of «The Inspector-General». At the genre-typological level, there is a connection: Gogol's «Dead Souls» is an adventurous novel – Dostoevsky's «Uncle's Dream». The article analyzes the adventurous-adventure basis of Dostoevsky's story. Thus, the scene of Pavel Mozglyakov's departure from the city (landscape, circumstances) is compared with the final picture of the first volume of the poem «Dead Souls», when Russia is compared with a flying bird-three. Parallels are drawn with other works of N.V. Gogol (the novels «Viy», «Nevsky Prospekt», «The Old World Landowners») and it is proved that Mozglyakov chose the fate of not Chichikov, but Homa Brutus and similar heroes of N.V. Gogol.

Key words: Dostoevsky, «Uncle's Dream», Gogol, «The Inspector-General», «Dead Souls», Rus, the troika bird.

В 1859 году выходит повесть Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон». В доме первой дамы города Мордасова, Марьи Александровны Москалевой, мечтающей выдать замуж свою дочь Зинаиду за Павла Мозглякова, останавливается пожилой князь К., которого все принимают за слабоумного. По воспоминаниям А.Г. Достоевской, во время работы над произведением имели место такие случаи: «... Федор Михайлович принимал на себя роль “молодящегося старичка”. Он мог целыми часами говорить словами и мыслями своего героя, старого князя, из “Дядюшкиного сна”. Высказывал он чрезвычайно оригинальные и неожиданные мысли, говорил весело и талантливо ...» [1, с. 107]. Как видим, писателю была свойственна самоирония.

В повести прослеживается аналогия «князь К. – Хлестаков». Жителям города кажется странным, что князь живет один в своем имении, словно затворник. Они видели в этом что-то таинственное, прислушиваясь к сплетням, подобно чиновникам из пьесы Н.В. Гоголя «Ревизор» (1836): «... с этой эпохи история князя становится туманною и фантастическою. <...> иные прибавляли, что его хотели даже посадить в сумасшедший дом ...» [2, с. 301]. Небывалая «фантастичность» была свойственна не только гоголевскому лжереvizору, о князе К. тоже высказываются различные догадки, у жителей Мордасова возникает зависть и соперничество.

Имеет место и сходство князя с Хлестаковым в безынициативности характера, в «легкости мыслей необыкновенной». Он быстро меняет собственное мнение, например, рассуждая о Наполеоне: «... мне даже жаль, что с ним так строго поступили... анг-ли-чане. Конечно, не держи его на цепи, он бы опять на людей стал бросаться. Бешеный был человек! <...> Я бы его посадил на не-о-би-таемый остров...

– Почему же на необитаемый? – спросил Мозгляков рассеянно.

– Ну, хоть и на о-би-таемый, только не иначе, как благоразумными жителями. Ну и разные разв-ле-чения для него устроить: театр, музыку, балет – и всё на казенный счет. <...> Он бы у меня и рас-ка-ялся...» [2, с. 366]. Стоило Мозглякову усомниться в справедливости высказывания князя, как он сразу изменил свою точку зрения на противоположную.

Князь говорит Мозглякову, что сделал предложение хозяйской дочери, но жениться не может, и прямо спрашивает совета, что ему теперь делать? Испугавшись слов Мозглякова, будто родственники объявят князя сумасшедшим и посадят под надзор, «жених» струсил и сразу согласился, что совершил этот безрассудный поступок во сне: «Я душевно тебе благодарен, что ты меня вра-зу-мил» [2, с. 367]. Тем не менее, в разговоре с Зинаидой спустя время князь, желая угодить ей, скажет: «Но я женюсь на вас, *ma belle enfant* (Прелестное дитя. – П. Ч.), если уж вы так хоти-те, <...> и это для меня будет боль-шая честь!» [2, с. 386]. И Хлестаков стоит на коленях перед Марьей Антоновной, но когда Анна Андреевна их застаёт и прогоняет дочь, он просит уже руки ее матери: «Если вы не увенчаете постоянную любовь мою, то я недостоин земного существования» [3, с. 76]. Стоило Марье Антоновне неожиданно вернуться, как Хлестаков опять изменил свои намерения, попросив руки дочери городничего. Подчеркнем, что Хлестаков в любовных сценах поступает рефлекторно, безотчетно, он видит «объект» и бессознательно «реагирует» на него. В случае с князем такого искреннего признания, которое Хлестаков делает сначала дочери, а потом матери – нет.

«Миражную интригу» произведения символизирует само название «Дядюшкин сон». Если в «Ревизоре» чиновники «подтолкнули» Хлестакова пофантазировать о высоком положении в обществе, об арбузе за 700 рублей, супе из Парижа, то в повести Ф.М. Достоевского мать и дочь Москалевы «внушили» князю К. любовь к Зинаиде и желание жениться на ней. Как пишет Ю.В. Манн, «Хлестаков никого не обманывал. Он с успехом сыграл роль ревизора, не только не намереваясь ее играть, но даже не поняв, что он ее играет. <...> Он спровоцировал всю хитроумную игру Городничего и чиновников не хитростью, а чистосердечием» [4, с. 216]. Так и князя К. вынудили исполнять роль влюбленного жениха, которой он даже не добивался.

Князь К. умеет легко приспособливаться к обстоятельствам, быть таким, каким его хотят видеть окружающие: ни добрым, ни злым, не иметь ни врагов, ни друзей, ни собственных убеждений. Он всегда соглашается со всеми доводами и советами, неизменно отвечая: «Ну да!» Например, когда Марья Александровна рекомендует ему полечиться: «Ну да, ну да! Я непременно поеду за границу. Я помню, когда я был за границей в двадцатых годах, там было у-ди-ви-тельно весело. Я чуть-чуть не женился на одной виконтессе, француженке. Я тогда был чрезвычайно влюблен и хотел посвятить ей всю свою жизнь. Но, впрочем, женился не я, а другой» [2, с. 315]. Князь К. любит порисоваться, выдать желаемое за действительное: рассказывает трогательную историю своей неудавшейся любви и тут же равнодушно забывает о ней, переключившись на другую тему.

Появившись в доме Москалевой, он хвастливо вспоминает, что написал когда-то водевиль и общался с известными литераторами: «Лорда Байрона помню. Мы были на дружеской но-ге» [2, с. 313]. Так Ф.М. Достоевский прямо цитирует наивную ложь ревизора: «Я ведь тоже разные водевильчики... Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге» [3, с. 48]. Но, не желая ни с кем спорить, князь снова легко отказывается от своих слов: «... может быть, это был и не лорд Байрон, а кто-нибудь другой. Именно не лорд Байрон, а один поляк!» [2, с. 313].

По наблюдению Ю.В. Манна, «Хлестаков противостоял комедийному плуту, в-первых, как тип ненадувающего лжеца, не преследующего в игре определенной, заранее поставленной перед собою цели. <...> Чем безынициативнее и “аморфнее” вел себя Хлестаков, тем глубже раскрывались в нем обыденные, пошлые, низкие “элементы” жизни» [4, с. 222]. Таким же наивным был князь К. – специально он никого не обманывает, но именно из-за его пассивного поведения мы узнаем о низком уровне нравственности общества Москалевой. Ее дочь раскаивается перед князем К.: «... мы обманули вас обе, князь: маменька тем, что решила заставить вас жениться на мне, а я тем, что согласилась на это. Вас напоили вином, я согласилась петь и кривляться перед вами. Вас – слабого, беззащитного <...> облапошили из-за вашего богатства, из-за вашего княжества. Всё это было ужасно низко, и я каюсь в этом» [2, с. 386]. Похожая ситуация и с «бесхарактерным» Хлестаковым: чиновники напоили его, якобы, грозного «ревизора», большим количеством вина из погреба купца Абдулина, после чего городничий пребывает в ожидании свадьбы своей дочери со столь высокопоставленным «инкогнито» из Петербурга.

С.А. Скуридина отмечает гастрономическую деталь: Ф.М. Достоевский любил чай, однако Москалева изображается им вне чайной церемонии. Героиня выражает недовольство по поводу его употребления, что указывает на авторское отношение к Москалевой, которая стремится соответствовать столичной моде на употребление кофе и шоколада. Исследователь подчеркивает: «Чай является индикатором семейного благополучия, поскольку обычно за чайным столом собиралась семья для дружеской беседы. В повести в доме Москалевой чайным столиком заведует приживалка, а не сама хозяйка дома, поскольку Москалева не является хранительницей домашнего очага, так как его нет ...» [5, с. 119]. Не оправдавшиеся надежды Москалевой подобны рухнувшим амбициозным планам городничего Сквозника-Дмухановского, ее судьба так же трагична: «Марья Александровна осталась наконец одна, среди развалин и обломков своей прежней славы» [2, с. 389; см. об этом: 6].

При создании повести творческими ориентирами для Ф.М. Достоевского, помимо «Ревизора», были и другие комедии положений и характеров, например, «Гартюф» Ж.-Б. Мольера [см. об этом: 7, 8]. А.В. Архипова, видя в «Дядюшкином сне» часть ненаписанного Достоевским «комического романа», предполагает, что он, судя по композиции, задумывался как известный в Европе авантюрный, плутовской роман («Дон Кихот» М. Сервантеса, «Жиль Блаз» А. Лесажа) [см. об этом: 9, с. 53-55].

Кроме этого, на жанрово-типологическом уровне прослеживается связь: «Мертвые души» Н.В. Гоголя – авантюрный роман – «Дядюшкин сон». Анализируя авантюрно-приключенческую основу поэмы Н.В. Гоголя, Ю.В. Манн сравнивает покупателя мертвых

душ с мошенниками из плутовских романов: «Линия жизненной судьбы Чичикова движется в том же ритме вверх – вниз, взлет и падение (служба в казенной палате, возвышение – и отставка; служба на таможне, афера с брабантскими кружевами – и разоблачение; афера с мертвыми душами – и поспешный отъезд из города <...>» [4, с. 339]. Возможно, под влиянием произведений Н.В. Гоголя Ф.М. Достоевский задумал написать плутовской роман [см. об этом: 10, с. 54-59].

Так, неожиданное появление в провинциальном городе князя К. и пристальное внимание к нему роднит героя не только с Хлестаковым, но и с Чичиковым: «Губернская жизнь ему (Князю К. – П.Ч.) чрезвычайно понравилась <...>. Человек он был к тому же добрейший, разумеется, не без некоторых особенных княжеских замашек, которые, впрочем, в Мордасове считались принадлежностью самого высшего общества, а потому, вместо досады, производили даже эффект. Особенно дамы были в постоянном восторге от своего милого гостя» [2, с. 300]. Ужасное происшествие, когда князь вывалился из кареты, напоминает обстоятельства, при которых ушибся Чичиков: «... кучер вывалил! <...> Я уже думал, что наступает светопреставление или что-нибудь в этом роде, и так, признаюсь, испугался, что <...> небо с овчинку показалось!» [2, с. 312].

Сцена отъезда Мозглякова из города (пейзаж и обстоятельства) внешне похожа на финальную картину первого тома поэмы Н.В. Гоголя, когда Чичиков покидает город NN, и Русь сравнивается с птицей-тройкой, навстречу которой летят со стуком дорога и лес: «На краю, на самом склоне неба, чернелись леса. Рьяные кони мчались, взрывая снежный прах копытами. Колокольчик звенел. Павел Александрович (Мозгляков. – П.Ч.) задумался, потом замечтался, а потом и заснул себе преспокойно. Он проснулся <...>, свежий и здоровый, совершенно с другими мыслями» [2, с. 398].

Мозгляков раскаялся (подобно Чичикову в остроге во II томе поэмы) и признал, что вел себя нечестно: «... и осел может быть благородным человеком!.. Дядюшка! <...> Вы не спали; вы действительно, наяву, делали предложение, а я, я, подлец, из мщенья, что мне отказали, уверил вас, что вы видели всё это во сне» [2, с. 387]. Спустя время, решительность и искренность проходят, он ведет себя как трус, прикрывается этим раскаянием, набивает себе цену: «... начал он каким-то боязливым шепотом, торопливо оглядываясь по сторонам, <...>.

– Зинаида Афанасьевна, я, конечно, осел! То есть, если хотите, я уж теперь и не осел, потому что, видите ли, все-таки поступил благородно. <...> Я даже готов забыть всё, Зинаида Афанасьевна, весь позор, и готов простить, но только с одним условием: покамест мы здесь, всё останется в тайне. Вы уедете отсюда как можно скорее; я, потихоньку, вслед за вами; обвенчаемся где-нибудь в глуши <...?>» [2, с. 394]. Мозгляков понял ответ Зины по одному ее взгляду и тут же сбежал. Мы видим, что у него уже нет раскаяния, наоборот, он считает себя правым, а извинений ждет от других: «Как же это? <...> Третьего дня еще вечером она так расчувствовалась и во всем себя обвиняла?» [2, с. 395].

В поэме Н.В. Гоголя обратная ситуация: сначала мы видим летящего в птице-тройке беззаботного Чичикова, и только во втором томе становимся свидетелями его раскаяния. После разговора с Муразовым он еще колеблется между добром и злом, но в итоге все-таки поворачивает на праведную дорогу. Мозгляков, наоборот: признался в содеянном, испугался этого, выспался, пока кони несли его, и думал уже о другом. Именно так – как «проспавшие», «прозевавшие» судьбоносный момент своей жизни – ведут себя и многие герои Н.В. Гоголя: Хома Брут из повести «Вий» (1835), быстро забывший свой фантастический полет на панночке-ведьме; с позором изгнанный поручик Пирогов из повести «Невский проспект» (1835), легко простивший свое унижение обидчикам и вернувшийся к привычному образу жизни; страстно влюбленный юноша из «Старосветских помещиков» (1835), трагически-исступленно переживавший безвременную смерть возлюбленной и неожиданно опошлившийся, женившись на богатой невесте.

Ф.М. Достоевский намеренно воспроизводит финальную картину поэмы Н.В. Гоголя. Во-первых, потому что произведение старшего современника – образец для него. Во-вторых,

чтобы показать масштаб мелочности Мозглякова (которого, как и Чичикова, зовут Павел): гоголевского героя тройка несла навстречу новой *жизни*, а персонаж «Дядюшкиного сна» с той же скоростью мчался вперед, прибегая к безуспешным попыткам любой ценой подняться вверх на жизненной волне. То есть выбрал вариант судьбы не Чичикова, а Хомя Брута и ему подобных героев Н.В. Гоголя.

Ф.М. Достоевский дает характеристику поступков Мозглякова, которая объясняет такой выбор: «Для слабых и пустых характеров, привыкших к постоянной подчиненности и решающихся наконец взбеситься и протестовать, одним словом, быть твердыми и последовательными, всегда существует черта, – близкий предел их твердости и последовательности» [2, с. 387]. Чичиков вызывает у читателя симпатию из-за твердого намерения вести честную, праведную жизнь, Мозгляков же своим малодушным поведением такого не заслуживает.

Итак, в произведении «Дядюшкин сон» Ф.М. Достоевский использует приемы и стиль Н.В. Гоголя. Нами отмечен способ построения комического сюжета и конфликта, близкий автору «Ревизора». Прослеживается аналогия «князь К. – Хлестаков», в сюжете выявляется подобие «миражной интриги». На жанрово-типологическом уровне обнаружена и другая связь – с поэмой «Мертвые души» и авантюрным романом. Возможно, под влиянием поэмы Н.В. Гоголя Ф.М. Достоевский планировал написать плутовской роман.

Библиографический список

1. Достоевская А.Г. Воспоминания. М.: Правда, 1987. 544 с.
2. Достоевский Ф.М. Дядюшкин сон // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 2. С. 296–398.
3. Гоголь Н.В. Ревизор // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. В 14 т. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1937–1952. Т. 4. С. 5–95.
4. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. М.: Художественная литература, 1988. 413 с.
5. Скуридина С.А. Гастрономическая деталь в повести «Дядюшкин сон» Ф.М. Достоевского // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. №3 (54). С. 117-122.
6. Владимирцев В.П. Дядюшкин сон // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь – справочник / Сост. и науч. ред. Щенников Г.К., Тихомиров Б.Н. СПб.: Пушкинский дом, 2008. С. 65–66.
7. Лотман Л.М., Фридендер Г.М. Источник повести Достоевского «Дядюшкин сон» // Из истории русских литературных отношений XVIII–XX веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 370–374.
8. Альтман М.С. Двойники «дядюшки» // Достоевский: По вехам имен. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1975. С. 32–35.
9. Архипова А.В. Семипалатинские замыслы Достоевского (У истоков «Униженных и оскорбленных») // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1996. Т. 13. С. 50–64.
10. Чуйков П.Л. Духовное наследие Н.В. Гоголя в литературно-критической и художественной рецепции Ф.М. Достоевского (1857 – 1864 гг.). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 200 с.

References

1. Dostoevskaya A.G. Memoirs. M.: Pravda, 1987. 544 p.
2. Dostoevsky F.M. Uncle's dream // Dostoevsky F.M. Complete Collection of works. In 30 volumes. M.: Nauka, 1972-1990. Vol. II. pp. 296-398.
3. Gogol N.V. The Inspector-General // Gogol N.V. Complete Collection of works. In 14 volumes. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1937-1952. Vol. 4. pp. 5-95.

4. Mann Yu.V. Gogol's poetics. M.: Fiction, 1988. 413 p.
5. Skuridina S.A. A hastronomic detail in F.M. Dostoevsky's novella «Uncle's Dream» // Actual issues of modern philology and journalism. 2024. No. 3 (54). pp. 117-122.
6. Vladimirtsev V.P. Uncle's dream // Dostoevsky: Writings, letters, documents: A dictionary – Comp. and scientific ed. Schennikov G.K., Tikhomirov B.N. St. Petersburg: Pushkin House, 2008. pp. 65-66.
7. Lotman L.M., Friedlander G.M. The source of Dostoevsky's story «Uncle's Dream» // From the history of Russian literary relations of the XVIII–XX centuries. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. pp. 370-374.
8. Altman M.S. The Doppelgangers of «uncle» // Dostoevsky: By milestones of names. Saratov: Publishing House of Saratov University, 1975. pp. 32-35.
9. Arkhipova A.V. Dostoevsky's Semipalatinsk plans (At the origins of the «Humiliated and Insulted») // Dostoevsky. Materials and research. St. Petersburg: Nauka, 1996. Vol. 13. pp. 50-64.
10. Chuykov P.L. The spiritual heritage of N.V. Gogol in the literary, critical and artistic reception of F.M. Dostoevsky (1857-1864). PhD in Philology. M., 2018. 200 p.

УДК 81'373.23

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.010

*Воронежский государственный
технический университет
Канд. филол. наук, доцент кафедры рус-
ского языка и межкультурной коммуника-
ции*

Воронова Т.А.

Россия, г. Воронеж,

e-mail: invisible2editor@gmail.com

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and
cross-cultural communication
PhD, associate professor*

Voronova T.A.

Russia, Voronezh,

e-mail: invisible2editor@gmail.com

Т.А. Воронова

ИМЯ И ТВОРЧЕСТВО КОМПОЗИТОРА Н.А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА В СТРУКТУРЕ РОМАНА И.В. ГОЛОВКИНОЙ «ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЬ»

В романе И.В. Головкиной «Лебединая песнь» присутствует немало автобиографических элементов, и творчество родного деда писательницы, композитора Н.А. Римского-Корсакова, входит в текст произведения в качестве некоего устойчивого фона или сюжетной скрепы. Имя и творчество знаменитого композитора подчеркивает значимость того или иного эпизода или особым образом характеризует персонажей романа, в особенности представляющих его «музыкальную» линию. Понимание или отвержение музыки Римского-Корсакова героями книги свидетельствует об их близости или, наоборот, несовпадении на культурном, духовном уровне. Особое место в тексте романа занимают сюжеты и образы опер Римского-Корсакова, прежде всего «Сказания о невидимом граде Китеже и деве Февронии»: образно-символический ряд этой оперы в значительной мере отражает внутренний мир главной героини – Аси Бологовской, а также маркирует главные события ее биографии. Три женских образа из произведений Римского-Корсакова (дева Феврония, Снегурочка, Царевна-Лебедь) непосредственно связаны с образом Аси, раскрывая различные стороны ее характера. Цитаты из музыкальных произведений Римского-Корсакова выполняют также функцию кода или пароля в общении Аси с другими героями романа. С именем Римского-Корсакова связаны не только художественные, но и историко-документальные смыслы. В числе закадровых и второстепенных персонажей романа присутствует немало реальных лиц – родственников композитора, т.е. представителей дворянского рода. Автор вводит в состав персонажей романа членов своей собственной семьи; анонимно в нем упомянуты сама Ирина Головкина, ее сестра и мать.

Ключевые слова: И.В. Головкина, роман «Лебединая песнь», Н.А. Римский-Корсаков, опера, образ, персонаж, мотив, ассоциативный ряд, цитата, художественный смысл, дворянский род.

Т.А. Voronova

THE NAME AND WORKS OF COMPOSER N.A. RIMSKY-KORSAKOV IN THE STRUCTURE OF I.V. GOLOVKINA'S NOVEL "THE LAST SONG"

I.V. Golovkina's novel "The Swan Song" contains many autobiographical elements, and the work of the writer's grandfather, composer N.A. Rimsky-Korsakov, is included in the text of the work as a kind of stable background or plot staple. The name and work of the famous composer emphasizes the significance of a particular episode or characterizes the characters of the novel in a special way, especially those representing its "musical" line. The understanding or rejection of Rimsky-Korsakov's music by the book's characters indicates their closeness or, conversely, their cultural and spiritual discrepancy. A special place in the text of the novel is given to the plots and images of Rimsky-Korsakov's operas, primarily "The tale of the invisible city of Kitezh and virgin Fevronia": the figurative and symbolic level of this opera largely reflects the inner world of the main character, Asya Bologovskaya, and also marks the main events of her biography. Three female images from Rimsky-Korsakov's works (virgin Fevronia, Snow Maiden, Swan Princess) are directly related to the image of Asya, revealing various sides of her nature. The quotes from Rimsky-Korsakov's musical works also work as a code or password in Asya's communication with other characters in the novel. Rimsky-

Korsakov's name has not only artistic, but also historical and documentary meanings. Among the offscreen and secondary characters of the novel, there are many real people – relatives of the composer, i.e. representatives of the noble family. The author introduces members of her own family into the characters of the novel; Irina Golovkina herself, her sister and mother are mentioned anonymously in it.

Key words: I.V. Golovkina, the novel “The last song”, N.A. Rimsky-Korsakov, opera, image, character, motive, associative series, quote, artistic meaning, noble family.

Роман И.В. Головкиной «Лебединая песнь» («Побежденные») (1957 – 1962) во много автобиографичен: среди прототипов главных героев в первую очередь следует назвать саму Ирину Владимировну и ее близких. В свете сказанного неудивительно, что Н.А. Римскому-Корсакову – родному деду И. Головкиной – в художественном строе произведения отведено немалое место, хотя сам он и не входит в систему персонажей романа (даже на правах закадрового): действие романа начинается в 1928 году, то есть спустя два десятилетия после смерти композитора. Отнюдь не стремясь превратить «Лебединую песнь» в некий памятник своему знаменитому деду, И. Головкина, тем не менее, делает его имя и творческое наследие неким устойчивым фоном романа. Следует отметить, что упоминание самого Римского-Корсакова и его произведений можно рассматривать как равноценную составляющую текста; в этом плане «незримое присутствие» композитора в романе представляется более значительным.

Это заметно прежде всего на ономастическом уровне: фамилия «Римский-Корсаков» встречается в тексте романа около 20 раз. Можно сказать, что имя композитора и упоминание его произведений в романе Головкиной служит своеобразной культурной скрепой сюжета, подчеркивает значимость того или иного эпизода или особым образом характеризует персонажей романа.

В первую очередь имя Римского-Корсакова и особое отношение к его творчеству объединяет трёх героев романа, представляющих его «музыкальную» линию: это Сергей Петрович Бологовский, Нина Дашкова (его возлюбленная, а впоследствии жена) и его племянница Ася (Ксения) – одна из главных героинь романа. Уже самая первая сцена, в которой Нина и Бологовский изображены вдвоём, демонстрирует музыкальные вкусы Нины, которая в первую очередь упоминает арию из оперы Римского-Корсакова:

«– Что же, решила ты, наконец, что ты будешь петь сегодня? – спросил он.

– Ах, не знаю! Что вздумается! Арию из «Царской невесты», а может быть, колыбельную из «Мазепы»... [2]

Выбор «бывшей» княгини, для которой сценическое пение становится вынужденным занятием ради заработка, отнюдь не случаен и будет подтверждаться в тексте романа и дальше:

«– Ох, уж эти мне гвардейские вкусы! Романсы писали такие гении как Глинка, Чайковский, **Римский-Корсаков**, а вы мне будете припоминать Вертинского!» [2]

«– Я спою тебе один романс, – сказала, вставая, Нина, – это **Римского-Корсакова**» [2]

В этом можно увидеть нечто большее, а именно – совпадение на культурном, духовном уровне самой Нины и той семьи, в которую она входит (и которую впоследствии предает). Так, в музыкальном, художественном воспитании Аси, которым занимается по преимуществу Сергей Петрович, музыка Римского-Корсакова занимает важное место: «Помнишь, дядя, как мы вернулись с тобой с представления «**Китежа**» и полночи без умолку проговорили от восторга, подбирая на рояле запомнившиеся отрывки...» [2]. В другой сцене Ася замечает: «Я люблю **Римского-Корсакова** за благородство его мелодии» [2].

Сюжеты и образы опер Римского-Корсакова – «Царская невеста», «Сказка о царе Салтане», «Снегурочка» и «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии» – тесно связаны с образом самой Аси и ее биографией. Отметим также, что чисто русский, шире – славянский материал сюжетов перечисленных опер перекликается с ассоциативным рядом имен главных героев романа [1, с. 67]; князь Всеволод, один из центральных персонажей «Сказания о невидимом граде», носит то же имя, что и отец Аси. Именно «Китеж» занимает особое

место в тексте романа: образный ряд этой оперы в значительной мере отражает внутренний мир Аси, ее творческие и духовные устремления. Приведем несколько цитат:

«Только тем, которые достигают святости, это дано – они могут слышать нездешние голоса и видеть невидимые облики... В «Китеже» Корсакова есть что-то от этого состояния...» [2].

«Проснулась я с ощущением, что накануне совершилось что-то светлое, точно я ходила к причастию... Я не сразу сообразила – это «Месса» и слова Олега Андреевича о светлых ризах и обновлении. <...> Я вспомнила последний акт «Китежа», весь затопленный светом» [2].

«В этом звоне со мной как будто заговорила душа России... Мне и плакать хотелось, и молиться! Может быть, я была под впечатлением корсаковского «Китежа» и потому могла так перечувствовать именно звон...» [2].

«Уже совсем близко! Сейчас прольется на меня из алтаря та чудная свежесть, в которой веянье рая. Как хороша эта фраза в Китеже: «Не из сада ли небесного ветерки сюда повеяли? Прямо в душеньку усталую, прямо в сердце истомленное!», и все скрипки как бы вздыхают со стоном» [2].

«За что мне даются такие дивные минуты? Идеиной религиозной жизни во мне нет, никакого самоотвержения или подвига...» Назад ее сознания тихо брели музыкальные мотивы... «Что мне припоминается? «Китеж»? Да, это из «Китежа»: голоса райских птиц и Феврония в светлом граде. О, за что же эта радость...» [2].

«Эта мысль о всеобщем воскресении мне с детства покою не дает... Откуда это пошло? Светлая заутреня? Евангелие? «Китеж»? <...> Китеж... «Се жених пришел»... Я чуть не задремала. В снегу теплее и не так бьет в лицо; но если засну, я боюсь, заметет меня...» [2].

Таким образом, мы видим, что «музыкальные мотивы» корсаковской оперы являются частью сознания Аси, элементом ее внутреннего языка: *«Клавир «Китежа» и фуги Баха лежали у Аси в избе под лавкой: собираясь в ссылку, <...> она все-таки сунула в чемодан несколько папок, отлично сознавая нелепость этого поступка, но чувствуя себя не в состоянии расстаться с откровениями на музыкальном языке» [2].* Примечательно, что именно аллюзиями на «Сказание о невидимом граде» и прямыми цитатами из этой оперы сопровождаются наиболее важные эпизоды в биографии Аси, которые она сама воспринимает как поворотные или же как некое откровение – моменты особого духовного просветления; причащение, во время которого Ася принимает решение связать свою жизнь с Олегом; наконец, ее гибель: *«В голове мотивы из «Невидимого града». «Без свещей мы здесь и книги чтем, и греет нас, как солнышком»... А вокруг темно... совсем темно. Ни зги... Снег... снег... Вечность... Где же райские цветы и райские птицы?» [2].*

Особое отношение главной героини и автора к предпоследней опере Римского-Корсакова можно отчасти объяснить автобиографическими мотивами, о которых уже говорилось выше: создание оперы «Сказание о невидимом граде Китеже» совпало с появлением на свет самой Ирины Головкиной, о чем в предисловии к роману пишет ее внук: *«В те дни, когда родилась очередная внучка, композитор работал над «Сказанием о невидимом граде Китеже и девице Февронии». Эта опера стала наиболее значимой для Ирины Владимировны и впоследствии для членов ее собственной семьи» [3].* Однако включение мотивов «Китежа» в структуру самого романа порождает дополнительные художественные наслоения: сама Ася приобретает черты «девы Февронии в райском саду», куда она устремляется вслед за «женихом» – Олегом, будучи неспособной выжить в земном «аду»; образ же «невидимого града» сливается с образом «прежней» России, которая существует только в сознании тех, кто ей принадлежит.

Образ Аси также ассоциирован с двумя другими женскими персонажами из опер Римского-Корсакова, которые в свою очередь дополняют и раскрывают характер главной героини – это Царевна Лебедь и Снегурочка. Образ первой воплощает, с одной стороны, всё ту же меч-

тательную религиозность Аси, ее «безотчетные, смутно-поэтические, но глубоко искренние порывы»: «Сейчас запоют «Херувимскую». Ах, если бы спели Девятую Бортнянского – это совсем небесная музыка, точно слышишь шорох ангельских крыльев, таких, какие Врубель нарисовал **царевне Лебедь**» [2]. В глазах же Олега этот образ прочно связан с чистотой и целомудрием Аси – неслучайно чаще всего именно он называет ее так:

«...оторвав лицо, взглянул на нее снизу: «Святая Цецилия! Снегурочка! **Царевна Лебедь!**» [2]

«...Снег, увлажнивший его лоб, напомнил о чистоте Аси, и со дня его души поднялся могучий протест... «Изменить хотя бы в мыслях моей **царевне-Лебедь** уже преступление... Экое я скверное животное!» [2]

«До сих пор все знакомые ей мужчины относились к ней с рыцарским уважением. «Мимоза! Беатриче! **Царевна Лебедь!**» – ей достаточно было только закрыть глаза, чтобы Олег оставил ее засыпать спокойно» [2]

Образ Снегурочки, казалось бы, логично вписывается в данный ассоциативный ряд; однако И. Головкина, явно симпатизируя своей героине, отнюдь не идеализирует ее. Автор романа довольно смело затрагивает вопросы эротических отношений между полами, и образ Снегурочки (дополняемый эпитетом «весталка») недвусмысленно указывает на некоторую фригидность Аси, до конца не преодоленную ни ее ранним замужеством, ни материнством:

«Отчего Ася была и осталась до странности равнодушна к этой стороне жизни? И Олег, называя жену то **Снегурочкой**, то **Мимозой**, то **святой Цецилией**, сам подсказывает эту мысль» [2].

«Она отдавалась только жертвенно и не умела этого скрыть! Ее тело обладало устойчивым целомудрием, легким холодком **Снегурочки**, и та влюбленность, с которой она выходила замуж, не растопила этого холодка, тонко сочетавшегося с теплотой ее души...» [2]

«...Именно те девушки, у которых экзальтированные головы, всего чаще оказываются с рыбьей кровью. Вот ты и есть такая. Не зря Шура зовет тебя **Снегурочкой**» [2].

Отметим, что связь Аси именно с этим образом, шире – со **снегом** появляется в романе буквально с самого начала. Ее появление в романе и знакомство с Елочкой и имеет четкую датировку – «в **декабре 1928 года**». Описывая внешность Аси, автор неоднократно подчеркивает такую деталь, как «**белоснежный лоб**». Юлия Ивановна (педагог Аси) упоминает в разговоре с директором, как та «**подбирала на рояле отрывки из очаровавшей ее «Снегурочки», которую накануне слышала в первый раз**» [2]. Первая встреча Аси с Олегом также сопровождается «снежными» деталями: «Олег... увидел на пороге незнакомую девушку в пальто и меховой шапочке, всю засыпанную **снегом**, свежее личико было розово от **мороза**. <...> В полутемном коридоре на него взглянули большие глаза из-под длинных ресниц, на концах которых повисли **снежинки**» [2]. Именины Аси и, по всей видимости, день рождения тоже приходится на снежное время года (очевидно, на февраль или начало марта). Ее первая беременность обнаруживается, когда выпадает «первый снежок». Наконец, сама гибель Аси в **снегу** (она замерзает в лесу во время вьюги) ставит логичную и страшную точку в развитии образа. Символично, что Ася погибает 28 февраля, в последний день зимы, и до весны не доживает, подобно героине оперы Римского-Корсакова. Таким образом, сказочный и отчасти эротический ореол данного образа приобретает трагический оттенок: Снегурочка-Ася неизбежно должна погибнуть.

Любопытно отметить, что Сергей Петрович, говоря о вокальных данных Нины, замечает, что ее сопрано «совершенно божественное, не хуже, чем у Забеллы» [2]. Здесь, судя по всему, имеется в виду Н.И. Забела-Врубель – исполнительница ведущих партий в операх Римского-Корсакова, в репертуар которой входили в том числе Царевна Лебедь и Снегурочка [4]; иными словами, здесь можно увидеть скрытую, возможную параллель между Ниной и Асей. Однако сама Нина не видит себя в роли этих целомудренных героинь ни на сцене, ни в

жизни; брошенная Сергеем Петровичем фраза оборачивается косвенным указанием на нечто обратное.

Аналогичным образом раскрывается и характер Лёли Нелидовой, выражающей пренебрежение к той музыке, которая имеет значение и ценность для Аси: «Сергей Петрович даже музыку насаживал только самую возвышенную, начиная с этих скучных фуг и кончая **Китежем**, – капризные губки по-детски надулись» [2]. С помощью этой детали автор подчеркивает разницу в понимании двумя юными родственницами не столько музыки, сколько жизни; музыкальный «код» выявляет противоречие в характере и мировоззрении Аси и Лёли, становится своеобразным тестом на понимание.

Подобную «паролевую» функцию цитаты из музыкальных произведений Римского-Корсакова выполняют и в общении Аси с другими персонажами романа. Так, первое письмо к Олегу из роддома, в котором Ася сообщает о рождении сына, она заканчивает просьбой: «**Попроси бабушку напеть тебе фразу из корсаковского «Салтана»: «Я свое сдержала слово...»** – она удивительно хороша!» [2]. Здесь имеется в виду ария царицы Милитрисы из 4 акта оперы «Сказка о царе Салтане» («Я свое сдержала слово;/ Видишь, витязя какого,/ Удальца-богатыря/ Я вскормила для царя!»), которой предшествует эпизод встречи царя Салтана с сыном Гвидоном и их взаимного узнавания. Ася явно проецирует чувства оперной героини на событие собственной семейной жизни, но смысл встречи отца и сына оставлен «за скобками», в расчете на знание (героем романа или читателем) полного текста и сюжета оперы.

Музыкальным «кодом» из произведений Римского-Корсакова пользуется в эпизоде «отложенного» объяснения с Асей и доктор Кочергин:

«Он насвистел какой-то мотив и прибавил:

– Вот чего вы опасаетесь.

– Я не понимаю вас, – ответила Ася.

– Узнали фразу, которую я насвистел вам? <...>

Уже ночью, лежа без сна, Ася вспомнила вдруг мотив, который насвистел ей Кочергин, – **Римский-Корсаков, «Царская невеста», второй акт: «С тебя – с тебя немного: один лишь поцелуй!...»** [2].

С именем Римского-Корсакова автор соединяет не только чисто художественные смыслы, но и историко-документальные. Наследие знаменитого деда для Ирины Головкиной прочно связано с дореволюционной Россией и с тем лучшим, что было утеряно после революционных преобразований. Однако прочитывается это не в авторских репликах, а в высказываниях героев (разумеется, представляющих «музыкальную» линию романа):

«...Никто не свете не властен оподлеть наш дух! Я пришел сюда, и в этой избенке на краю тайги звучит скрипка и баянист поет **Римского-Корсакова!** И куда бы нас ни загнали, мы всюду за собой понесем зажженные свечки» (Сергей Петрович) [2];

«Как сладкий сон – путешествие с мужем по Европе, концерты лучших мастеров, а потом преподавание в консерватории в дни ее славы – **Римский-Корсаков, Глазунов... все закатилось!**» (Юлия Ивановна) [2].

В связи с этим вполне логичным представляется и другой аспект «присутствия» Римского-Корсакова в романе – как представителя дворянского рода, обреченного новой властью на вымирание. В состав второстепенных и закадровых героев «Лебединой песни» автором внесено немало родственников великого композитора, среди которых угадываются вполне реальные личности; по сути И. Головкина вводит в состав персонажей «второго плана» членов своей собственной семьи.

Так, в реплике Сергея Петровича, касающейся Нины, содержится и неявное указание на судьбу младшего сына композитора – Владимира – и одной из его дочерей (по всей видимости, Надежды), т.е. дяди и тети Ирины Головкиной: «**Капелла и филармония стали с некоторых пор прибежищем гонимого дворянства: барон Остенсакен, Половцева, Римские-Корсаковы, брат и сестра, многие...**» [2]. В анекдотическом эпизоде, не связанном напря-

мую с сюжетом романа, упоминается «молодой человек, студент, сын профессора» (судя по всему, внук знаменитого композитора, сын Михаила Николаевича Римского-Корсакова), спасающий от уличных мальчишек «дряхлую даму», страдающую склерозом мозга: *«Римский-Корсаков», – представился, кланяясь, юноша и увидел изумленный взгляд незнакомки. «Однако... Позвольте... Римская-Корсакова — я», – проговорила в ответ несчастная леди. Немедленно нырнули в генеалогию и выяснили, что старушка – Полина Павловна – приходится кузиной покойного композитора и grand-tante юноше» [2].* Позже Полина Павловна появится среди знакомых Натальи Павловны Бологовской и Надежды Спиридоновны Огаревой, подчеркивая своим нелепым видом упадок некогда славного рода: *«Полина Павловна Римская-Корсакова явилась на вокзал с лицом, испачканным сажеей, так как «буржуйка», оставшаяся в ее гостиной еще с дней гражданской войны, неисправимо коптила» [2].*

К этой же «родственной» линии следует отнести и фамилию Моляс (в современных источниках – Молас), т.е. родственников Римского-Корсакова со стороны жены: *«Жена бывшего камергера Моляс, грацируя, рассказывала, что начала хлопотать за мужа, томившегося в Соловках, и намерена сообщить в Кремль о заслугах его матери Александры Николаевны Моляс – первой исполнительницы целого ряда романсов и партий из опер Мусоргского и Римского-Корсакова» [2].* Упомянутая в данной цитате А.Н. Моляс – двоюродная бабка И. Головкиной, родная сестра Н.Н. Римской-Корсаковой, известная оперная певица и музыкальный педагог, которая «принимала активное участие в деятельности Балакиревского кружка («Могучей Кучки») [5]. «Бывший камергер» – сын А.Н. Моляс Борис Николаевич: «в 1929 году был арестован и сослан на Соловки по «академическому делу», впоследствии расстрелян» [5]; его жена – та самая Вера Михайловна Моляс, которая появляется в нескольких эпизодах романа и входит в круг знакомых Аси Бологовской и ее родни.

Отдельного внимания заслуживает упоминание фамилии Римских-Корсаковых в дневнике Елочки – героини, которая не отличается особенной музыкальностью, но нередко становится голосом автора. Так, в записи от 6 февраля (по-видимому, 1930 года) читаем: *«Вчера Наталья Павловна была встревожена новым известием о ссылках; у нее есть общие знакомые с дочерью Римского-Корсакова: это пожилая дама – вдова с двумя дочерьми; одна из них выслана на этих днях по этапу в Сибирь, а старой даме в свою очередь вручена повестка» [2].* Данный момент интересен тем, что в текст романа практически инкогнито введены сама Ирина Головкина, ее сестра – Людмила Владимировна («выслана по этапу в Сибирь») и их мать – Софья Николаевна («пожилая дама, вдова с двумя дочерьми»). О судьбе Людмилы Владимировны и Софьи Николаевны подобно рассказано в предисловии к роману, написанном внуком автора – Н.К. Головкиным. Отметим только, что события, отнесенные в романе к началу 1930-х годов, в действительности имели место в 1942 году (такое, несколько вольное отношение автора к реальной хронологии характерно для данного произведения в целом).

Далее, в записи от 27 июня 1931 года Елочка отмечает: *«... Из дворянской русской молодежи не перевели (речь об Институте истории искусств. – Т.В.) ни одного человека... Среди оставшихся за бортом – внучка композитора Римского-Корсакова, в вину ей тоже поставлено «происхождение». О несчастьях этой семьи я слышу уже не в первый раз – одна из бесчисленных позорных страниц советской действительности!» [2].* «Внучка композитора» – разумеется, сама Ирина Головкина; эпизод с ее отчислением также описан в «Предисловии внука автора»: *«В 1927 году открылись Высшие Госкурсы Искусствоведения при Институте Истории Искусств... Ирина Троицкая (девичья фамилия Головкиной. – Т.В.) поступила на словесное отделение курсов, где и училась два года. В сентябре 1929 года она уже состояла слушателем Фонетической Школы Новых Языков при Научно-Исследовательском Институте сравнительного изучения Литератур и Языков при Ленинградском Государственном Университете. <...> В 1932 году в институте прошли «чистки». Студентку Троицкую отчислили с III курса за деда-генерала» [3].* Как видим из приведенной цитаты, И. Головкина несколько изменяет детали собственной биографии в том, что касается учебного заведения,

однако дата отчисления «внучки Римского-Корсакова» в романе практически совпадает с датой реальной.

Частичную анонимность, которой сопровождаются подобные упоминания, можно объяснить отчасти авторской скромностью, отчасти стремлением автора обезопасить себя. Выводы, сделанные ею о новой власти и ее действиях по отношению к потомкам Римского-Корсакова, выглядят весьма резкими; не случайно подобные мысли высказываются в романе наиболее бескомпромиссной героиней, причем не в публичной форме: «*Оперы Чайковского и Римского-Корсакова идут во всех театрах и приносят огромные доходы, а потомки и друзья... У меня уже больше нет слов!*» [2]. Однако такой подход можно расценить не как выражение личной обиды, а скорее как попытку с помощью художественного слова восстановить историческую справедливость по отношению к семье великого композитора, без которого невозможно представить себе русскую культуру.

Библиографический список

1. Воронова Т.А. Личные имена в романе И.В. Головкиной «Лебединая песнь» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2025. № 1 (25). С. 65-70.
2. Головкина И.В. Лебединая песнь: роман. Текст: электронный. URL: <https://azbyka.ru/fiction/lebedinaya-pesn/4/> (дата обращения: 10.08.2025).
3. Головкин Н.К. Предисловие внука автора. Текст: электронный // Головкина И.В. Лебединая песнь: роман. URL: <https://azbyka.ru/fiction/lebedinaya-pesn/4/> (дата обращения: 11.08.2025).
4. Забела-Врубель, Надежда Ивановна // Википедия – свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Забела-Врубель,_Надежда_Ивановна (дата обращения: 10.08.2025).
5. Молас, Александра Николаевна // Википедия – свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Молас,_Александра_Николаевна (дата обращения: 11.08.2025).
6. Римский-Корсаков, Николай Андреевич // Википедия – свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Римский-Корсаков,_Николай_Андреевич (дата обращения: 10.08.2025).

References

1. Voronova T.A. Personal names in the novel «The last song» by I.V. Golovkina // Relevant issues of modern philology and journalism. 2025. Iss. 1 (25). P. 65-70.
2. Golovkina I.V. The last song. Electronic text. URL: <https://azbyka.ru/fiction/lebedinaya-pesn/4/> (date of application: 10.08.2025).
3. Golovkin N.K. The introduction of the author's grandson. Electronic text // Golovkina I.V. The last song. Electronic text. URL: <https://azbyka.ru/fiction/lebedinaya-pesn/4/> (date of application: 11.08.2025).
4. Zabela-Vrubel, Nadezhda Ivanovna // Wikipedia – the free encyclopedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Забела-Врубель,_Надежда_Ивановна (date of application: 10.08.2025).
5. Molas, Alexandra Nikolaevna // Wikipedia – the free encyclopedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Молас,_Александра_Николаевна (date of application: 11.08.2025).
6. Rimsky-Korsakov, Nikolay Andreevich // Wikipedia – the free encyclopedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Римский-Корсаков,_Николай_Андреевич (date of application: 10.08.2025).

УДК 82-82

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.011

Воронежский государственный педагогический университет

*доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы*

Струкова Т.Г.

Россия, г. Воронеж

e-mail: tstrukova@vmail.ru

Voronezh State Pedagogical University

Department of the Russian language, Modern Russian and Foreign Literature

Holder of Advanced Doctorate in Philological Sciences, Full Professor

Strukova T.G.

Russia, Voronezh,

e-mail: tstrukova@vmail.ru

Воронежский государственный аграрный университет им. императора Петра I

*преподаватель подготовительного
отделения для иностранных граждан
ФГБОУ ВО Воронежского ГАУ*

Фомина А.М.

Россия, г. Воронеж

e-mail: fominaa.99@mail.ru

*Voronezh State Agrarian University
named after Emperor Peter the First
Preporatory Faculty*

Lecturer

Fomina A.M.

Russia, Voronezh

e-mail: fominaa.99@mail.ru

Т.Г. Струкова, А.М. Фомина

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА КНИГИ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО СИМВОЛА В РОМАНАХ Р. БРЭДБЕРИ «451° ПО ФАРЕНГЕЙТУ» И У. ЭКО «ИМЯ РОЗЫ»

В представленной статье анализируется снижение статуса книги в современном обществе, предпочитающем в основном визуальный контент, и влияние этого на культурную идентичность. Авторы рассматривают опасности, связанные с потерей навыков глубокого восприятия информации и индивидуального опыта в результате доминирования поверхностного контента, который негативно сказывается на когнитивных способностях человека. Книга выступает как ключевой элемент, связывающий поколения и сохраняющий культурные ценности, что делает её незаменимым инструментом в нравственном воспитании поколения и сохранении ценностных ориентиров цивилизации. Особое внимание уделяется романам Рэя Брэдбери «451° по Фаренгейту» и Умберто Эко «Имя розы». Оба произведения подчеркивают важность книги не только как объекта, но и как субъекта культурного наследия, исполняющего функцию хранилища человеческого опыта. В «451° по Фаренгейту» книга воспринимается как средство сопротивления, способное восстановить утраченное и сформировать критическое мышление, тогда как в «Имя розы» акцент делается на знании как источнике власти и этического выбора. Авторы обоих романов анализируют дихотомию между развитием цивилизации и её деградацией, рисуя картину общества, которое либо объединяет людей через книги, либо ведет к их разделению и уничтожению. Использование огня, как символа очищения, находит свое отражение в обоих произведениях, что подчеркивает опасности манипуляции знаниями и сложные отношения между культурой и властью. Итогом статьи является призыв к необходимости воспитывать интерес к литературе и чтению как к важным аспектам формирования культурной идентичности и сохранения разнообразия человеческого опыта. Основная мысль работы заключается в том, что возвращение к книге как к источнику знаний и ценностей является ключевым шагом в обеспечении будущего цивилизации, способного адаптироваться к меняющимся условиям.

Ключевые слова: книга, культурная идентичность, нравственное воспитание, сохранение цивилизации, роман Рэя Брэдбери «451° по Фаренгейту», роман Умберто Эко «Имя розы», компаративистика.

T.G. Strukova, A.M. Fomina

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE IMAGE OF BOOK AS A CIVILIZING SYMBOL IN THE NOVELS BY F. R. BRADBURY "FAHRENHEIT 451" AND U. ECO "ILL NOME DELLA ROSA"

The article analyzes the decline of the book's status in a modern society dominated by visual content and its impact on cultural identity. The authors examine the dangers associated with the loss of deep information perception skills and individual experience as a result of the dominance of surface content, which negatively affects the cognitive abilities of society. The book acts as a key element connecting generations and preserving cultural values, which makes it an indispensable tool in moral education and the preservation of civilization. Special attention is paid to Ray Bradbury's novels "Fahrenheit 451" and Umberto Eco's "The Name of Rose". Both works emphasize the importance of the book not only as an object, but also as a subject of cultural heritage, acting as a repository of human experience. In Fahrenheit 451, the book is perceived as a means of resistance that can restore what has been lost and form critical thinking, whereas in "The Name of Rose", the emphasis is on knowledge as a source of power and ethical choice.

The authors of both novels analyze the dichotomy between the development of civilization and its degradation, painting a picture of society that either unites people through books or leads to their separation and destruction. The use of fire as a symbol of purification is reflected in both works, which highlights the dangers of manipulating knowledge and the complex relationship between culture and power. The result of the article is a call for the need to foster interest in literature and reading as important aspects of the formation of cultural identity and the preservation of the diversity of human experience. The main idea of the work is that returning to the book as a source of knowledge and values is a key step in ensuring a future civilization capable of adapting to changing conditions.

Keywords: book, cultural identity, moral education, preservation of civilization, Ray Bradbury's novel "Fahrenheit 451", Umberto Eco's novel "The Name of the Rose", comparative studies.

Снижение статуса книги в современном обществе, пресыщенном визуальным контентом, является угрозой утраты культурной идентичности. Современные медиа представляют большой объём поверхностной информации, негативно влияющей на когнитивные способности людей, которые впоследствии не только не могут формировать индивидуальный опыт познания, но и наследовать культурные ценности. Именно книга может стать связующим звеном поколений, элементом нравственного воспитания, сохраняя опыт и ценности, обеспечивающие существование цивилизации.

Понимание цивилизации как динамичного совместного существования истории, культуры и природы требует осознания многогранности и признания права сообществ разного уровня развития на уникальный культурный опыт. Литература сохраняет их в различный культурный опыт, что обогащает восприятие мира. Роман Р. Брэдбери «451° по Фаренгейту» становится манифестом защиты культурного наследия и самой сути человеческой личности. Брэдбери описывает современную ему эпоху как «век одноразовых салфеток», в котором нет места созиданию [2, с. 35]. В городе насаждается не просто усредненность, а тотальная одинаковость. Все, что выходит за предписанные рамки, подлежит безжалостному уничтожению. Пожарные, которые по своему предназначению, должны спасать от пожара, сжигают книги. Помимо пожарных, по сути, убийством культуры ежедневно занимаются все те, кто ей не интересуются – «Кто не строит, должен сжигать дотла» [2, с. 158].

Согласно теории коммуникации Г.М. Маклюэна, все медиа делятся на «холодные» и «горячие». «Горячие» медиа мощно воздействуют на чувства, когда содержание заполняется информацией полностью. По Маклюэну, «горячие» медиа – это радио, кино, телевидение. К этому можно добавить современный Интернет, компьютерные сети, аудио и видеозаписи. «Горячие» медиа делают человека пассивным, активного участия реципиента в живой коммуникации не предполагается [3, с. 173]. Чтение книги есть индивидуальный акт познания, что предполагает волевое, эмоциональное усилие; воображение читателя активно, он интеллектуально вовлечен в рассказываемое событие и свободен в умозаключениях. Если исчезает книга, то человек все более и более дичает, потому что теряется мера между интеллектуальным и материальным, что приводит к разрушению общества.

Если все известные человечеству способы передачи опыта прошлых поколений – семья, образование, книги – искажены, повреждены обществом потребления, то повреждается сама структура цивилизации, которая является «непрерывным процессом исторической преемственности» [1, с.20].

Спасти цивилизацию может лишь человек, который осознает, что «если он вместе с другими пожарными будет сжигать разные вещи, а солнце будет сжигать Время, то это значит, что сгорит все» [2, с. 250]. Разрушение человека может остановить возвращение к культурной опоре: «Где-то опять должно начаться сбережение и накопление, и кому-то придется взять на себя эту роль» [2, с. 250]. В романе Р. Брэдли книги являются хранителями человеческой цивилизации, которая существует благодаря восприятию прошлого опыта как основы для построения надежного будущего. Сам объект не имеет ценности – важно то, что книга создается человеком, вкладывающим в неё свои мысли, наблюдения и выводы, то есть она сохраняет живой опыт поколений [2, с. 92].

Книга – живой субъект культурного пространства: «Спрятанная книга бьется о грудь, как второе сердце» [2, с. 73]. Брэдли, по сути, констатирует, что создатели не требуются, а потому книги как хранилища морально-нравственных ценностей уничтожаются. Правда, писатель оставляет надежду на возрождение, поскольку «в каждом новом поколении мы находим хотя бы несколько человек, обладающих способностью помнить» [2, с. 291].

В романе американского писателя книги есть средство сопротивления и способ сохранения истории и культуры, причем и то, и другое рассматриваются Брэдли как основа цивилизации. «Книжные люди» и Гай Монтэг выступают как проповедники и проводники культуры в новом мире, желающие направить человека к истокам. Отметим, что авторский замысел романа «451° по Фаренгейту» нацелен на спасение культуры. Надежду на возрождение книги, а также, вдумчивого читателя оставляет цитата из Священного Писания: «И листья дерева – для исцеления народов» [2, с. 294].

Тема сохранения культурной памяти звучит в романе У. Эко «Имя розы». Итальянский писатель обращается к исследованию двойственной природы слова, которое может разрушать и созидать, раскрывать и скрывать. Процесс чтения становится не столько развлечением, сколько этическим выбором, отражающим внутреннее состояние героев. Книга символизирует собой совокупность человеческого опыта, однако, попадая в руки людей, охваченных жаждой власти, превращается в инструмент манипуляции сознанием. Взаимосвязь книги и гнозиса в романе У. Эко «Имя розы» неразрывно связан с вопросом о власти. Сама книга, а это утраченная часть «Поэтики» Аристотеля, превращена истинным хранителем библиотеки в секрет, а потому сокрытое знание не может быть использовано людьми. Преемственность поколений прерывается, книга из способа познания мира превращается в орудие убийства.

Персонажи транслируют разное отношение к книге: от слепой преданности до критического восприятия текста, а порой и полного отрицания возможности познания мира. Книга, которая транслирует знание, становится центром конфликта. В этом конфликте сталкиваются в смертельной схватке полярные мировоззрения – убежденность гностиков, что познание не может быть доступно простецам, и мнение семиотика об открытости знания. У. Эко затрагивает вопрос об ответственности познающего сознания: знание может быть не только ориентиром, светом в темном мире, но и бременем, требующим мудрости человека, обращающегося к книге.

Колебания героев романа между духовной миссией и мирскими амбициями прослеживаются в ходе развития диспута о евангельской бедности. При этом обсуждение вопроса о том, какой быть церкви – бедной или богатой, не более чем религиозная «прелесть», скрывающая реальную борьбу. Религиозный спор становится предлогом и в обсуждении теории ереси: книга оценивается не по тому, какую страницу познания она открывает, а в соотношении с требованием светской власти. Инквизиторы, ученые, аббаты находят собственные мотивы для манипуляций человеческими массами, создавая мир, в котором сокрытие знаний является способом контроля. Обладание книгой, секретом, ставит человека на верхний уро-

вень иерархии, те, кто знанием не владеют, перестают восприниматься духовенством как люди. Книги, воспринимаемые в данном контексте как источник ценностей, лежащих в основе человеческого общества, расширяют образ и становятся пространством борьбы за будущее цивилизации.

Яркими фигурами борьбы являются аббат Аббон и слепой библиотекарь Хорхе, однако их борьба осуществляется на разных уровнях: аббат действует на уровне материальном, в то время как Хорхе через книгу пытается овладеть уровнем духовным, ментальным, цивилизационным. Охваченный безумием, Хорхе становится жертвой собственной гордыни, забыв о природе знания и его способности освобождать людей.

Библиотека в аббатстве — пространство столкновения света знания и тьмы алчного стремления к власти. Являющийся борцом за истинное знание Вильгельм Баскервильский встречается с парадоксом: вместилище культурного наследия человечества способствует не просвещению, а закреплению человека. Смысл библиотеки-лабиринта реализует образ правды, затерянной среди заблуждений. Скрытая вторая часть «Поэтики» Аристотеля становится метафорой сокрытого властителями, потерянного людьми знания, которое, несмотря на внешний запрет, имеет силу противостоять времени. У. Эко предупреждает о том, что использование языка, книги в целях манипуляции массами людей приводит к разрушению всей системы. Пожар библиотеки становится символом краха цивилизации, выстроенной на грехе гордыни и стремлению к власти.

Противоположным образом духовенства становится образ Вильгельма, представляющего открытое, поисковое мышление по отношению к книге. Именно поэтому с образом Вильгельма связан образ шута — главного героя комедийного карнавального пространства, освобождающего человека от страха через смех. Знание оказывается под угрозой, культура и книга ограничены догматизмом и страхом. «Имя розы» — это размышление о важности сохранения культурного и исторического наследия и распространения его среди людей.

Отношение героев романов Брэдбери и Эко к книге похоже. В романе «451° по Фаренгейту» люди поклоняются самому феномену потребления, а в романе «Имя розы» объектом поклонения становится власть. В обоих пространствах человеческое сообщество переживает период упадка нравов и научного познания, только в мире, изображенном У. Эко, это происходит из-за вербального запрета доступа к книгам, стремления к познанию как таковому, без применения его на благо человека, а Р. Брэдбери физически исключает книгу из жизни человека.

Если в мире романа «451° по Фаренгейту» непонимание значения книги для отдельной личности и всего человечества ведет к физическому уничтожению самого объекта, то в романе «Имя розы» при сохранении физической оболочки и номинального восприятия книги как ценности люди все равно остаются без них. Книга перестает выполнять функцию субъекта, носителя культурного наследия, воспитателя человеческой души в обоих романах, поскольку воспринимается героями как пустой объект. Вильгельм заключает, что книга имеет значение только тогда, когда ее читают. Поскольку в библиотеке аббатства доступ к чтению книг и распространению знаний ограничен, то она из места, защищающего культурное наследие, превратилась в место, предназначенное для погребения [4, с. 341].

Сравнивая два произведения, можно отметить, как разные стратегии поведения общества в отношении книги приводят к одинаковым последствиям в связи с отсутствием понимания роли книги в жизни человечества.

В обоих произведениях враг правящего сообщества определяется через отношение к книге. В романе «451 по Фаренгейту» врагом общества становится не только книга как субъект культурного пространства, но и люди, желающие через книгу приобщиться к человеческому наследию. В романе «Имя розы» врагом становится тот, кто желает открыть людям найденную ценность, спрятанную в библиотеке. В одном и другом случае книга становится синонимом освобождения человека. Людей в обоих произведениях охватили гордыня, эгоизм, которые принудили их занять положение инквизитора ради личной выгоды [4, с. 45]. В

романе «Имя розы» целью становится обретение власти через знание, в романе «451° по Фаренгейту» – удовлетворение низменных человеческих потребностей.

Мотив сгорающей книги становится символом утраты и в романе Р. Брэдбери, и в произведении У. Эко: сожжение книг знаменует собой оторванность от ценностей прошлых поколений. В романе «451° по Фаренгейту» книга для героя становится способом обрести гармонию в сложном меняющемся мире. Кроме того, книга позволяет открыть глаза и впустить в себя все происходящее вокруг, не позволяя душе окончательно успокоиться и зачерстветь. Р. Брэдбери соединяет сожжение книг с идеей обновления, воскрешения, которое заключается не в физическом воплощении книги, а в ее содержательном наполнении – книжные люди заучивают тексты произведений, делая их неуязвимыми от физической расправы.

«Очистительное пламя» охватывает и библиотеку в аббатстве в романе У. Эко. Одновременно с уничтожением наследия прошлого, которое делает человека беззащитным перед лицом зла, происходит и очищение, обновление пространства мысли, в которое может войти человек, готовый открыть книгу по-новому.

В обоих романах ключевая роль в спасении и сохранении человеческой цивилизации отводится не физическому образу книги, а ее философскому облику, содержанию, которое может оказать воздействие на мир только в соединении с читателем, готовым впустить в себя новое или актуализировать старое.

Книга как источник смыслов помогает не повторить ошибок прошлого. В произведении Р. Брэдбери утверждается идея обновления книжного знания в человеке и через человека. В романе У. Эко семиотик Вильгельм заключает, что упорядочивание мира невозможно, поскольку оно оскорбляет замысел Господа о свободной воле человека. Утопичные проекты создания в обществе порядка посредством запрета книги — источника сомнений, субъекта звучного концепции свободной воли любого человека — во имя человеческого комфорта и удовлетворения потребности оборачиваются крахом сообщества, а в будущем, и всей цивилизации.

Книга, влияя в процессе становления личности на степень её свободы, одновременно помещает человека в существующую систему правил и ценностей, встраивает личность в общий культурный процесс. Бережно относясь к наследию предков, переосмысляя его, интегрируя в современную жизнь, возможно обеспечить процветание человеческой цивилизации в вечно меняющихся условиях.

Библиографический список

1. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / Пер. с франц. Б.А. Ситникова. 2-е изд., испр. М.: Издательская группа «Альма Матер»; «Гаудеамус», 2023. 523 с.
2. Брэдбери Р. 451 градус по Фаренгейту / Р. Брэдбери. М.: Эксмо, 2021. 320 с.
3. Струкова Т.Г. Слово и кинофильм: феномен интермедиальности (А. Кристи «Убийство в Восточном экспрессе») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2024. № 2 (81). С. 171-181
4. Эко У. Имя розы / У. Эко. М.: Книжная палата, 1989. 496 с.

References

1. Braudel, F. Grammar of civilizations / Translated from French by B.A. Sitnikov. 2nd ed. Moscow, 2023. 523 p.
2. Bradbury R. 451 degrees Fahrenheit. Moscow, 2021. 320 p.
3. Strukova T.G. Word and movie: phenomenon of intermedia (A. Kristie “Murder in the Orient Express”) // Vestnik of Tver State University. Philology. 2024. Iss. 2 (81). P. 171-181.
4. Eco U. The name of the rose. Moscow, 1989, 496 p.

УДК 821:070:325.3

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.012

Воронежский государственный технический университет
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Сулемина О.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(920) 214-62-19
e-mail: may2005@yandex.ru

Voronezh State Technical University
Associate professor of the chair of Russian
language
and cross-cultural communication
Sulemina O.V.
Russia, Voronezh, tel. +7(920) 214-62-19
e-mail: may2005@yandex.ru

Воронежский государственный технический университет
магистрант 2 курса гуманитарного фа-
культета
Саратова М.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(920)418-39-51
e-mail: hae.haeh@yandex.ru

Voronezh State Technical University
2nd year Master's student of the Faculty of
Humanities
Saratova M.V.
Russia, Voronezh, tel. +7(920)418-39-51
e-mail: hae.haeh@yandex.ru

О.В. Сулемина, М.В. Саратова

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АНТИФАШИСТСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАИНДУСТРИИ

Статья посвящена анализу репрезентации антифашизма в современных медиа, который рассматривается как сложный идеологический и культурный феномен. Исследование опирается на методологическую триаду, включающую концепции сопротивления, памяти и этического основания антифашистской борьбы. В фокусе внимания находятся кинематограф, цифровые платформы и социальные сети как ключевые пространства конструирования и трансляции антифашистского дискурса. В работе утверждается, что современные медиа выполняют просветительскую, мемориальную и идеологическую функции, используя широкий спектр стратегий — от документальной реконструкции до иронической деконструкции и меметизации. На примере конкретных фильмов, сериалов и цифровых платформ демонстрируется, как медиапродукты проблематизируют историческое прошлое и актуализируют антифашистские ценности. Параллельно выявляются потенциальные опасности, в частности, тривиализация нацизма через его эстетизацию и использование в игровой культуре. Делается вывод об амбивалентной роли медиасреды, которая, с одной стороны, является мощным инструментом формирования исторической памяти и критического осмысления прошлого, а с другой — может способствовать упрощённому и опосредованному восприятию трагических исторических событий.

Ключевые слова: антифашизм, историческая память, медиадискурс, кинематограф, цифровые платформы, репрезентация.

O.V. Sulemina, M.V. Saratova

REPRESENTATION OF ANTIFASCIST PROBLEMS IN MODERN MEDIA

The article is devoted to the analysis of the representation of anti-fascism in modern media, which is considered as a complex ideological and cultural phenomenon. The study relies on a methodological triad comprising the concepts of resistance, memory, and the ethical foundation of the anti-fascist struggle. The focus is on cinematography, digital platforms, and social networks as key spaces for the construction and transmission of anti-fascist discourse. The paper argues that contemporary media perform educational, memorial, and ideological functions, employing a wide range of strategies – from documentary reconstruction to ironic deconstruction and memeticization. Using specific films, series, and digital platforms as examples, it demonstrates how media products problematize the historical past and actualize

anti-fascist values. Concurrently, potential risks are identified, particularly the trivialization of Nazism through its aestheticization and use in gaming culture. The conclusion highlights the ambivalent role of the media environment: on the one hand, it is a powerful tool for shaping historical memory and critical reflection on the past, while on the other hand, it can contribute to a simplified and mediated perception of tragic historical events.

Keywords: antifascism, historical memory, media discourse, cinematography, digital platforms, representation.

Антифашизм как политическое и социальное движение, направленное на противодействие фашизму, его идеологии, практике и институциональным проявлениям [1], представляет собой сложный идеологический и культурный феномен, корни которого уходят в первую половину XX века. Формирование антифашистского движения происходило как ответ на распространение фашистских режимов в Европе (Италия и Германия), приобретая различные формы в зависимости от национального контекста: от вооруженного сопротивления в оккупированных странах до интеллектуального противостояния в сфере культуры. В послевоенный период антифашизм трансформировался в важнейший компонент политической культуры многих стран мира, став основой для формирования коллективной исторической памяти о событиях Второй мировой войны.

В современном гуманитарном знании можно выделить три ключевые концепции осмысления антифашистской культуры. Концепция «сопротивления» акцентирует внимание на активных формах противодействия фашизму, рассматривая антифашизм как практику гражданского и политического активизма. Концепция «памяти» исследует механизмы сохранения и передачи исторического опыта антифашистской борьбы, подчеркивая ее значение для формирования национальной идентичности. «Этическая» концепция антифашизма разрабатывает философские основания противостояния тоталитаризму, нацизму, расизму и другим формам угнетения, рассматривая тем самым антифашизм как некую систему моральных принципов и ценностей. Эти три подхода образуют методологическую триаду для анализа антифашистского дискурса в современных медиа.

Современные медиа играют не последнюю роль в конструировании и распространении антифашистских идей, что делает их исполнителями одновременно просветительской, мемориальной и идеологической функций. Так, например, в кинематографе антифашистская проблематика находит выражение в нескольких планах: как в близкой к документалистике реконструкции исторических событий, так и в художественной форме, интерпретирующей прошлое. Печатная пресса и Интернет-СМИ создают материалы для гораздо более массовой публики – о героях антифашистского движения, преступниках-фашистах, жертвах жестокой нацистской системы. Различные цифровые платформы создают новые форматы антифашистского активизма, основанные на пользовательском участии.

Например, на процитированном выше сайте antifa-info.net можно найти расписание мероприятий, посвященных призыву к борьбе с фашизмом: Gedenktour: Erinnern an die neun Engel (пер.: Мемориальный турнир: в память о девяти ангелах. Инициатива «Munich OEZ Вспоминая» сердечно приглашает вас на специальный футбольный турнир. Разыгрывается кубок странствий, который призван олицетворять память и незабываемые моменты... 22 июля 2016 года, почти девять лет назад, Армела, Кан, Диджамант, Гильяно, Хусейн, Роберто, Сабина, Сельчук и Севда были убиты в результате правого террористического нападения на ОЭЗ) [<https://antifa-info.net/termine/28709/>], Offenes Antifaschistisches Plenum Rosenheim (пер.: Открытое антифашистское пленарное заседание в Розенхайме. У вас стресс из-за фашистов в школе, университете или на работе? Хотите знать, как вы можете принять меры против травли правых, антифеминизма и расизма?.. Тогда проходите! С помощью Открытого антифашистского пленума в Розенхайме (ОАР) мы стремимся создать самоорганизованное пространство, в котором мы могли бы общаться, чтобы вместе вести политическую деятельность) [<https://antifa-info.net/termine/27040/>], Offenes Antifaschistisches Treffen Augsburg (пер.: Открытое антифашистское собрание в Аугсбурге. Мы являемся открытым собранием для всех, кто хочет участвовать в антифашистской деятельности в Аугсбурге. Независимо от того, откуда вы, сколько вам лет, или у вас уже есть опыт антифашистской работы... Планирование

демонстраций, организация информационных стендов, изготовление материалов, обслуживание социальных сетей и многое другое – все это входит в наши повседневные обязанности) [<https://antifa-info.net/termine/28951/>].

Привлечение через цифровые платформы молодежи к получению опыта по осмыслению германского фашизма в актуальной действительности происходит и в российском пространстве: каждый год в нашем Отечестве проходят Детско-юношеский форум, посвященный Международному дню юного героя-антифашиста и 80-летию Победы Советского народа в Великой Отечественной войне «Бессмертное имя — герою награда!» [<https://kprfnsk.ru/inform/news/47102/>], и Международный антифашистский форум, проводящийся в ежегодном формате в преддверии Международного дня памяти жертв фашизма (второе воскресенье сентября) [<https://www.oficery.ru/antifa-forum/>]. Потребность сохранять противодействие нацистским идеалам, чему способствуют социальные медиа, значит и тесную связь общества с исторической памятью о трагических событиях прошлого, и необходимость отдельного человека в рефлексии над ненавистнической жестокостью и несправедливостью.

Современные киностудии используют стратегии деконструкции нацистской идеологии и пропаганды для ее изобличения. Так, кинокритик Зигфрид Кракауэр (1889–1966) писал в своем фундаментальном труде «От Калигари до Гитлера» (1947), что немецкий экспрессионизм предвосхитил психологическое содержание фашизма: геометрическая эстетика массовых сцен, как у одного из видных режиссеров Третьего рейха Лени Рифеншталь (1902–2003; один из главных и ключевых режиссеров эпохи существования Третьего рейха), создавала гипнотический эффект подчинения [Kracauer, 1947]. Фашистская эстетика превращала человеческое тело в орнамент тоталитарного спектакля. Деконструирует данный прием фильм Таики Вайтита «Кролик Джоджо» (2019), где пестрая цветовая гамма и карикатурные персонажи создают эффект отстранения, демонстрируют абсурдность нацистской мифологии.

Немецкий медиаисследователь Томас Эльзессер в работе «German Cinema – Terror and Trauma» (2014) называет подобный эффект «ироническим дистанцированием», при котором режиссеры обыгрывают и изменяют историю Третьего рейха, чтобы через преувеличение обнажить его механизмы [Elsaesser, 2014]. В фильме Вайтита данный прием ярко проявляется в сценах, где гитлерюгенд изображен как секта фанатиков, а сам Гитлер – как глуповатый и непостижимый уму, очевидно комический персонаж.

Такие фильмы, как «Сын Саула» (2015, реж. Л. Немеш) и «1945» (2017, реж. Ф. Тёрёк) демонстрируют изменение интересов авторов-творцов: на первый план в художественных кинокартинах выходят личные истории и фигура «маленького человека», пострадавших в период Второй Мировой войны от фашистского угнетения; батальные сцены перестают быть единственной демонстрацией вреда гитлеровской власти. Повествование больше не фокусируется на героизме антифашистов, а ставит во главу угла «непередаваемость» опыта жертв, использует постмодернистские приемы фрагментарных воспоминаний и субъективного взгляда на исторические события.

Особые опасения в репрезентации прошлого вызывает превращение антифашистской темы в зрелищный продукт. Например, динамичный и развлекательного характера фильм «Бесславные ублюдки» (2009, реж. К. Тарантино) после выхода на большие экраны подвергся критике за эстетизацию насилия, при которой нивелируется отражение ужасов времени.

Среди популярных сериалов на антифашистскую тематику можно выделить ТВ-шоу «Человек в высоком замке» (Amazon, 2015–2019), снятый по романному материалу Филипа К. Дика и исследующий альтернативную историю Второй мировой войны: что, если бы Гитлер и его приспешники победили? Авторская рефлексия над возможным будущим приводит медиапотребителя к проблематизации возрождающегося фашизма, к осмыслению важности подвига предков. В немецком сериале «Вавилон-Берлин» (2017–н.в.) о Веймарской республике зритель погружается в догитлеровскую эпоху Германии и становится хроникером бытования народа, развязавшего страшную войну. Эпизод за эпизодом не только захватывают

детективной интригой, но и заставляют размышлять о том, как в одночасье немцы позволили свастике оказаться на флаге родины.

Кинодокументальный мини-сериал «Проект Наци: Чертежи зла» (Project Nazi: The Blueprints of Evil, 2017) представляет собой научно-популярное исследование, сфокусированное на анализе наследия нацистского режима. Сериал скрупулезно изучает сохранившиеся чертежи, макеты, архивные документы. Например, в первом эпизоде режиссер, детально показывая холодный расчет, заложенный в проектах главного архитектора рейха Альберта Шпеера, разоблачает режим как воплощение антигуманизма, где человек низводится до винтика в машине государственного террора, а архитектура становится инструментом подавления и создания культа власти.

Цифровые платформы и социальные сети являются важнейшим пространством формирования и трансформации антифашистского дискурса – именно в данной среде проявились ключевые медиатенденции: развитие инновационных форм антифашистского высказывания через мемы, блоги и клипы.

Однако цифровая среда порождает и серьезные проблемы в репрезентации антифашистской проблематики. Наиболее острой из них стала тривиализация германского нацизма, проявляющаяся в эстетизации СС-символики (иначе называют «нацистский шик») и использовании нацистских образов в компьютерных играх ради «троллинга».

Таким образом, современные медиа, включая кинематограф, цифровые платформы и социальные сети, выполняют ключевые функции в конструировании, трансляции и критическом осмыслении антифашистских идей, используя для этого широкий спектр возможностей – от документальной реконструкции прошлого до иронической меметизации.

Библиографический список

1. Eley G. Forging Democracy: The History of the Left in Europe, 1850–2000. Oxford: Oxford University Press, 2002. 720 p.
2. Kracauer S. From Caligari to Hitler: A Psychological History of the German Film. Princeton: Princeton University Press, 1947. 361 p.
3. Elsaesser T. German Cinema – Terror and Trauma: Cultural Memory Since 1945. New York: Routledge, 2014. 440 p.
4. Gedenkturnier: Erinnern an die neun Engel [Электронный ресурс]. URL: <https://antifa-info.net/termine/28709/> (дата обращения: 04.09.2025).
5. Offenes Antifaschistisches Plenum Rosenheim [Электронный ресурс]. URL: <https://antifa-info.net/termine/27040/> (дата обращения: 04.09.2025).
6. Offenes Antifaschistisches Treffen Augsburg [Электронный ресурс]. URL: <https://antifa-info.net/termine/28951/> (дата обращения: 04.09.2025).
7. В Новосибирске прошел детско-юношеский форум, посвященный юным героям-антифашистам [Электронный ресурс]. URL: <https://kprfnsk.ru/inform/news/47102/> (дата обращения: 04.09.2025).
8. Официальный сайт Международного антифашистского форума [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oficery.ru/antifa-forum/> (дата обращения: 04.09.2025).

References

1. Eli G. Forging Democracy: The History of the Left in Europe, 1850–2000. Oxford: Oxford University Press, 2002. 720 p.
2. Kracauer S. From Caligari to Hitler: A Psychological History of the German Film. Princeton: Princeton University Press, 1947. 361 p.
3. Elsaesser T. German Cinema – Terror and Trauma: Cultural Memory Since 1945. New York: Routledge, 2014. 440 p.

4. Gedenkturnier: Erinnern an die neun Engel [Electronic resource]. URL: <https://antifa-info.net/termine/28709> / (date of access: 04.09.2025).
5. Offenes Antifaschistisches Plenum Rosenheim [Electronic resource]. URL: <https://antifa-info.net/termine/27040> / (date of access: 09/04/2025).
6. Offenes Antifaschistisches Treffen Augsburg [Electronic resource]. URL: <https://antifa-info.net/termine/28951> / (date of access: 09/04/2025).
7. A children's and youth forum dedicated to young anti-fascist heroes was held in Novosibirsk [Electronic resource]. URL: <https://kprfnsk.ru/inform/news/47102> / (date of access: 04.09.2025).
8. The official website of the International Antifascist Forum [Electronic resource]. URL: <https://www.oficery.ru/antifa-forum> / (date of access: 04.09.2025).

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.013

*Воронежский государственный техниче-
ский университет*
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
Doctor of Philology, professor
Bugakova N.B.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

ВУНЦ ВВС «ВВА»
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка
Ревякина Т.Л.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-910-342-0153
e-mail: retaleo@mail.ru

VUNTS VVS "VVA"
Candidate of Philology, Associate Professor
of the Department of Russian Language
Revyakina T.L.
Russia, Voronezh, tel. +7-910-342-0153
e-mail: retaleo@mail.ru

Н.Б. Бугакова, Т.Л. Ревякина

ТОПОНИМИКОН РОМАНА А. ПЛАТОНОВА «СЧАСТЛИВАЯ МОСКВА»

Целью аннотируемой работы является исследование топонимикона романа А. Платонова «Счастливая Москва», в котором автор поднимает важные философские вопросы о природе человека, о смысле жизни и судьбе, исследует различные аспекты человеческого бытия, включая взаимоотношения души и тела. Топонимы являются одним из важнейших элементов модели ономастического творчества А. Платонова, ключевой составляющей художественного текста, отражающей культурный контекст эпохи и мировоззрение автора. В романе писатель использует топонимы, обозначенные нами как вымышленные и реальные, чтобы создать уникальный образ города, который одновременно является реальным и символическим пространством. Реальными мы считаем топонимы, существующие на карте. К вымышленным относим такие топонимы, которые создает сам писатель. Исследование показывает, как через топонимы автор передает свое видение мира и общества, подчеркивая трагизм и противоречивость человеческой судьбы. Топонимы помогают создать многогранную картину мира, в которой переплетаются реальные и вымышленные элементы, подчеркивая сложность и многослойность восприятия действительности. Топонимы, отнесенные нами к реальным, создают ощущение узнаваемости и аутентичности, позволяя читателю глубже погрузиться в атмосферу романа. Однако стоит отметить, что писатель мастерски сочетает их с использованием вымышленных топонимов, создавая уникальный художественный мир, где границы между реальностью и воображением стираются.

Ключевые слова: А. Платонов, топоним, реалионим, мифотопоним, Москва.

N.B. Bugakova, T.L. Revyakina

TOPONYMICON OF A. PLATONOV'S NOVEL "HAPPY MOSCOW"

The aim of the annotated work is to study the toponymy of Andrei Platonov's novel "Happy Moscow", in which the author raises important philosophical questions about human nature, the meaning of life and destiny, explores various aspects of human existence, including the relationship between soul and body. Toponyms are one of the most important elements of the model of onomastic creativity of A. Platonov, a key component of the artistic text, reflecting the cultural context of the era and the author's worldview. In the novel, the writer uses toponyms, designated by us as fictional and real, to create a unique image of the city, which is simultaneously a real and symbolic space. We consider toponyms that exist on the map to be real. Fictional toponyms are those that the writer himself creates. The study shows how the author conveys his vision of the world and society through toponyms, emphasizing the tragedy and inconsistency of human destiny. Toponyms help create a multifaceted picture of the world in which real and fictional ele-

ments are intertwined, emphasizing the complexity and multi-layered perception of reality. The toponyms that we have classified as real create a sense of recognition and authenticity, allowing the reader to immerse themselves more deeply in the atmosphere of the novel. However, it is worth noting that the writer masterfully combines them with the use of fictional toponyms, creating a unique artistic world where the boundaries between reality and imagination are erased.

Keywords: A. Platonov, toponym, realonym, mythonym, Moscow.

Предлагаемое исследование продолжает цикл работ, посвященных анализу романа А. Платонова «Счастливая Москва» и его ономастического пространства [1; 2; 3], и направлено на рассмотрение топонимикона произведения. Нами уже отмечалось, что топонимы представляют собой один из самых распространенных элементов модели ономастического творчества писателя (об этом см. подробнее [4]) и играют важную роль в раскрытии художественных смыслов произведения.

Анализ имен собственных, используемых автором в художественном произведении, имеет большое значение, поскольку, во-первых, он помогает определить особенности подхода автора к выбору имен, а во-вторых, позволяет обнаружить скрытые смыслы, вложенные в эти имена при создании литературного текста. Практически каждое имя собственное, встречающееся в художественном тексте, кодирует действительность, реальную или вымышленную, и вызывает разнообразные ассоциации благодаря различным внеязыковым средствам (об этом см. подробнее [5]). Очевидно, что имена собственные в литературных произведениях полифункциональны.

Материалом исследования является роман А. Платонова «Счастливая Москва» и функционирующие в нем топонимы. В работе применяются метод контекстуального анализа, метод интерпретации текста, метод компонентного анализа, текстологический анализ, метод лингвистического наблюдения и описания.

Обращаясь к рассмотрению романа «Счастливая Москва», отметим, что это произведение отличается от других текстов писателя своим экспериментальным стилем и глубокой символикой, представляя собой сложный и многослойный текст, в котором автор поднимает важные философские вопросы о природе человека, его душе и теле, а также о смысле жизни и судьбе, исследует различные аспекты человеческого бытия. Рассмотрение топонимов, используемых писателем в романе, чрезвычайно важно для понимания текста, поскольку писатель «изображает тело города» [6, с. 247]. Очевидно, что топонимы в художественном тексте выполняют множество функций, каждая из которых способствует созданию определенного эффекта и помогает раскрыть замысел автора. Так, например, при помощи топонимов осуществляется воссоздание уникальной атмосферы места действия; производится историческая и культурная привязка, поскольку географические названия нередко связаны с историческими событиями или культурными традициями (поэтому упоминание Москвы в рассматриваемом романе переносит читателя в определенный контекст, насыщенный ассоциациями); происходит идентификация персонажа, поскольку местоположение способно отражать внутренний мир или социальное положение героя; некоторые топонимы играют ключевую роль в развитии сюжета. Топонимы в художественном тексте служат мощным инструментом для создания атмосферы, раскрытия характера персонажей, усиления символизма и реалистичности. Кроме того, они помогают читателю погрузиться в мир произведения.

Отметим, что некоторые попытки рассмотрения ономастического пространства романа предпринимались в монументальной работе Х. Костов «Мифопоэтика Андрея Платонова в романе «Счастливая Москва». Автор обращается к анализу имен главных героев романа, сообщая, что «имена платоновских героев образуют цельную, тщательно продуманную и выверенную в деталях систему» [7, с. 94]. Кроме того, исследователь считает, что «именем и различными его формами моделируется не только характер и социальный статус героя, отношения между персонажами и представленными ими различными точками зрения, но и идеи, носителями которых они являются» [7, с. 94]. Однако ономастикон романа до конца не изучен; единицы, формирующие топонимикон романа, также не попадали в поле зрения исследователей.

Предлагаемое исследование призвано проанализировать, как уже отмечалось, топонимикон романа. Выявленные в тексте топонимы дифференцированы в соответствии с терминологией, предложенной Н.В. Подольской [8, с. 13], выделяющей в группе литературных топонимов реалионимы и мифонимы.

Начать исследование считаем целесообразным с анализа заглавия романа. Эмблематично употребление писателем библионима «Счастливая Москва», в состав которого включен реальный топоним *Москва* (столица России), являющийся одновременно антропонимом главной героини, которой «дали имя в честь Москвы» [9, с. 2]: таким образом характеризуются и персонаж, и место действия. По мнению исследователей, рассматриваемый роман является самым ярким образцом «московского текста», в котором писатель создает «проект новой Москвы и проект нового человека 30-х гг. XX в., закладывает в них громадный потенциал» [6, с. 263]. М.В. Селеменова отмечает также, что «писатель создает атеистический вариант «московского текста», в котором нет места традиционным символам православия, они вытеснены локусами советской Москвы» [6, с. 263].

К реальным топонимам могут быть отнесены макротопонимы *СССР* и *Советский Союз*: «Божко писал ответ на каждое письмо, чувствуя свою гордость и преимущество как деятель СССР» [9, с.4]; «Ты один такой в Советском Союзе, как тебе не стыдно? Комягин с напряжением собирал ослабевшие мысли в своей голове. – Что мне такое Советский Союз – Советский Союз! Про него все теперь бормочут, а я живу в нем как в теплоте за пазухой» [9, с. 43]. Под аббревиатурой *СССР* следует понимать Союз Советских Социалистических Республик – государство, образованное на территории Российской империи и просуществовавшее с 1922 по 1991 г. Фразеосочетание *Советский Союз*, использованное А. Платоновым в романе, эквивалентно ранее рассмотренному сокращению и имеет то же значение. Включение этих топонимов в текст также способствует созданию исторического хронотопа, добавляя информацию о временном контексте происходящих событий. Интересно отметить использование персонажем сравнительной конструкции *как в теплоте за пазухой*: здесь писатель, видимо, переосмысливает устойчивое выражение *как у Христа за пазухой*, которое обозначает наивысшую степень защищенности. Полагаем, использовать данную идиому в первоизданном виде писатель не мог; это было обусловлено отношением, сложившимся в СССР к религии. Об этом же говорит М.В. Селеменова: «Писатель создает атеистический вариант «московского текста», в котором нет места традиционным символам православия» [6, с. 264].

Реальным является топоним *Новый Оскол* – город в Белгородской области [10, с. 101], которым писатель обозначает место рождения Ивана Степановича Груняхина – такое имя получает инженер Сарториус, приобретя себе паспорт «у человека, продававшего червей для рыбной ловли» [9, с. 26]. Топоним *Новый Оскол* представляет собой словосочетание, организованное по типу связи согласование. Известно, что город расположен на реке Оскол, по которой и получил свое наименование в 1655 году. Выше по течению располагается город Старый Оскол, основанный, очевидно, раньше (в 1593 году).

Примечательно, что в рассматриваемом романе реализуется одна из ведущих черт ономастической лаборатории А. Платонова – тенденция к смене имени. Герои произведений писателя часто меняют имена, стремясь таким образом изменить свою жизнь. В приобретенном Сарториусом паспорте, за который он заплатил «всего шестьдесят пять рублей» [9, с. 49] был записан «уроженец города Нового Оскола Иван Степанович Груняхин, 31 года, работник прилавка, командир взвода в запасе» [9, с. 49]. Получив новый паспорт, Сарториус отдает свой «паспорт двадцатисемилетнего человека, с высшим образованием, известного в широких кругах своей специальностью» [9, с. 49], окончательно прощаясь таким образом со своей биографией.

Один из персонажей романа, отвечая на вопрос Москвы Честновой о том, кто он, отвечает: «Я человек обыкновенный, у меня все в порядке» [9, с. 8]. Как видим, антропоним для именования персонажа автором не используется; вместо этого А. Платонов употребляет ре-

альный топоним *Елец*, сообщая, что герой «родом из Ельца» [9, с. 8]. *Елец* – город в соседней с Воронежской Липецкой области. В качестве дополнительной характеристики персонажа сообщается, что «он оказался весовщиком дровяного склада» [9, с. 8]. Использование профессионализма вместо антропонима – одна из отличительных черт модели ономастического творчества писателя; в картине мира А. Платонова указание на профессию более информативно и способно точнее охарактеризовать персонаж.

К реальным отнесем использованные автором топонимы *Индия, Мадагаскар, Португалия*: «Поскучав, он садился писать письма в *Индию*, на *Мадагаскар*, в *Португалию*, созывая людей к участию в социализме, к сочувствию труженикам на всей мучительной земле, и лампа освещала его лысеющую голову, наполненную мечтой и терпением» [9, с. 5]. На наш взгляд, эти топонимы введены в текст для того, чтобы продемонстрировать широту взглядов героя и его стремление охватить международное сообщество. Таким образом проявляется гуманизм и социальная ориентация героя, его желание объединить людей ради общего блага. Упоминание социализма отражает характерные черты творчества А. Платонова, который активно исследовал социальные темы и идеалы коллективизма. Кроме того, текст демонстрирует характерный для писателя стиль – сочетание простых действий с глубокими внутренними переживаниями и идеями. Персонаж предстает как мечтатель и человек действия, стремящийся изменить мир вокруг себя через общение и пропаганду социалистических идей. Мир отвечает ему взаимностью: Божко «почти ежедневно» [9, с. 5] получает пачки личных писем «из Мельбурна, Капштадта, Гонконга, Шанхая, с небольших островов, притаившихся в водяной пустыне Тихого океана, из Мегариды – поселка у подножия греческого Олимпа, из Египта и многочисленных пунктов Европы» [9, с. 5]. Употребляя топонимы для обозначения пространства, на котором поддерживаются социалистические идеи, популяризируемые Божко, автор использует как названия городов, так и названия стран. В некоторых случаях в текст художественного произведения вводятся неиспользуемые формы топонимов, которые отнесем к вымышленным: Капштадт, Мегарида. Целью такого употребления является демонстрация нереальности описываемого. Капштадтом (или Капстадтом) иногда называют Кейптаун – крупнейший город Южно-Африканской Республики, являющийся столицей Западно-Капской провинции. Этот город был основан голландскими колонистами в XVII веке и служил важной базой для судов, следующих из Европы в Азию. Сегодня Кейптаун является одним из ведущих экономических центров Южной Африки и популярным туристическим направлением благодаря своей уникальной природе, культуре и историческому наследию. Топоним Мегарида обозначает древнегреческое название исторической области в Греции, расположенной на северо-западе Аттики, недалеко от Коринфского залива. Эта область граничит с Беотией, Аттикой и Коринфией. Город Мегара, расположенный в Мегариде, играл значительную роль в истории Древней Греции, особенно в эпоху архаики и классики. Жители Мегары занимались торговлей и ремеслами, а сам город был известен своим стратегическим положением на торговых путях между Афинами и Коринфом.

К разряду топонимов отнесем выявленные в тексте гидронимы и урбанонимы. Так, использованные автором гидронимы также направлены на формирование хронотопа романа. При анализе выявлены гидронимы *Москва-река* и *Великий Океан*. Гидроним *Москва-река* отнесем к реальным, поскольку данная онимная единица называет реально существующую реку, протекающую, как известно, в том числе по территории столицы нашей Родины и являющуюся ее водной артерией; кроме того, Москва-река используется как транспортная магистраль (на реке развито судоходство). А. Платонов, вводя данный гидроним в ткань художественного произведения, очерчивает траекторию движения Москвы Честновой: «До вечера она ходила по бульварам и по берегу Москвы-реки» [9, с. 3]. Предположим, что в предложенном примере автором обозначены популярные у москвичей места для прогулок.

Гидроним *Великий Океан* является вымышленным. «Обрати внимание на Великий Океан, ты живешь на его берегу, там плывут иногда советские корабли, это – мы» [9, с. 4], – пишет Божко своему далекому другу из Конго. Указание страны проживания помогает иденти-

фицировать территорию: республика Конго расположена на побережье Атлантического океана, и, очевидно, его писатель называет Великим океаном. Когда друг сообщает о смерти жены, Божко предлагает ему приехать в СССР, потому что «здесь он может жить среди товарищей, счастливей, чем в семействе» [9, с. 4]. В этих эпизодах находят отражение идеи того времени: советское общество – это коллектив, члены которого имеют общее жизненное пространство и право принимать решения коллективно. Это, по мнению героя романа, и есть основа счастья. Кроме того, роман иллюстрирует идеи о важности труда. Персонаж романа «по своей службе ... славился лучшим ударником, ... кроме прямой геометрической работы, он был секретарем стенгазеты, завхозом огородного хозяйства и за свой счет учил в школе воздухоплавания одну малоизвестную ему девушку» [9, с. 4]. Известно, что «в СССР ... восхвалялся труд как основополагающая ценность жизни. ... Труд рассматривался как дело чести и героизма советского человека» [11, с. 183]. Эти постулаты отражены в романе; однако отметим, что и сам писатель ценил работающего человека: в основе его мировоззрения человек трудящийся, именно поэтому одной из ведущих особенностей модели ономастического творчества А. Платонова является употребление профессионализма вместо антропонима. Писатель считал, что профессионализм точнее характеризует личность. Вводя в текст рассматриваемого романа мифотопонимы, писатель реализует одну из характерных черт своей ономастической лаборатории – тенденцию к употреблению мифонимов.

Вводя в текст романа реальный урбанизм *Спасская башня*, писатель придерживается исторической достоверности и сообщает: «Уже давно на *Спасской башне* прозвучала полночь и умолкла музыка интернационала» [9, с. 26]. Спасская башня – одна из башен Московского Кремля, расположенная на Красной площади. Она известна курантами – часами, которые отбивают каждый час. Спасская башня была построена в конце XV века и долгое время служила главными воротами Кремля, через которые проходили царские процессии и важные государственные мероприятия. Известно, что часы на Спасской башне действительно исполняли «Интернационал» в период с 1920-х годов до 1996 года. Исполнение на главной башне Кремля этого произведения символизировало идеологическую направленность государства.

Отметим использование писателем реального оронима *Олимп*. По мнению писателя, именно на Олимпе жили «древние люди, начавшие историю» [9, с. 18]. Привлекают внимание писателя и одного из героев романа, инженера Сарториуса, эти люди тем, что они были «техническими существами» [9, с. 18], поскольку «греческие города, порты, лабиринты, даже гора Олимп – были сооружены» [9, с. 18] ими. Эти люди представляли собой «пролетариат, осужденный строить страны, жилища богов и корабли морей» [9, с. 18]; их потомкам удалось выйти «из тьмы исторического лабиринта на свет природы, они удержали за собою шестую часть земли, и вся остальная земля живет лишь в ожидании их» [9, с. 18]. Под одной шестой частью земли понимается, очевидно, Россия. Подобным образом именуется родную страну, например, С. Есенин:

Я буду воспевать
 Всем существом в поэте
 Шестую часть земли
 С названьем кратким Русь [12, с. 67].

Используя данный ороним, писатель в очередной раз обращает внимание читателя на то обстоятельство, что СССР является великой державой, которая делает лучше жизнь всей планеты.

Завершая исследование функционирования реальных топонимов в романе А. Платонова «Счастливая Москва», отметим, что использование топонимов играет ключевую роль в формировании художественной реальности произведения, раскрывая важные аспекты авторского замысла. Топонимы помогают создать многогранную картину мира, в которой переплетаются реальные и вымышленные элементы, подчеркивая сложность и многослойность восприятия действительности. Топонимы, отнесенные нами к реальным, создают ощущение узнаваемости и аутентичности, позволяя читателю глубже погрузиться в атмо-

сферу романа. Однако стоит отметить, что писатель мастерски сочетает их с использованием вымышленных топонимов, создавая уникальный художественный мир, где границы между реальностью и воображением стираются. Это придает роману особую глубину и философский подтекст, позволяющий рассматривать его как важное явление в русской литературе XX века. Таким образом, настоящее исследование подтверждает значимость топонимического анализа для понимания литературного произведения. Оно открывает новые перспективы для дальнейших исследований, направленных на изучение взаимодействия реального и вымышленного в художественной литературе, а также на выявление скрытых смыслов, заложенных в топонимах.

Библиографический список

1. Бугакова Н.Б. Культурно-ономастический фон романа А. Платонова «Счастливая Москва» // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2025. № 1 (56). С. 1-11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: Теория языка и межкультурная коммуникация. №1(56), 2025 г. Дата выпуска: 31.03.2025 г. (дата обращения: 17.06.2025).
2. Бугакова Н.Б. Реальные топонимы в романе А. Платонова «Счастливая Москва» // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции. Воронеж, 2025. С. 233-236.
3. Бугакова Н.Б. Реализация дихотомической оппозиции *душа/тело* в романе А. Платонова «Счастливая Москва» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики, 2025. № 1 (56). С. 80-85.
4. Бугакова Н.Б., Скуридина С.А. Модель ономастического творчества в индивидуально-авторской картине мира // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: исторические и филологические науки. 2023. № 1 (28). С. 92-97.
5. Бугакова Н.Б. Структурное своеобразие антропонимикона пьесы А. Платонова «Ученик Лицея» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 3 (54). С. 123-130.
6. Селеменова М.В. «Московский текст» в русской литературе XX в. (на материале художественной прозы 1910-1950-х гг.) // Вестник РУДН, серия Литературоведение. Журналистика, 2009, № 2. С. 263.
7. Костов Х. Мифопоэтика Андрея Платонова в романе «Счастливая Москва». Хельсинки: Хельсинкский университет, 2000. 325 с.
8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская; ответственный редактор А.В. Суперанская; АН СССР, Институт языкознания. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Наука, 1988. 187 с.
9. Платонов А. Собрание сочинений: [в 8 томах]. Москва: Время, 2009. т. 4. 394 с.
10. Дударев В.А., Евсева Н.А. СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 января 1980 года / Сост. В.А. Дударев, Н.А. Евсева. М.: Известия, 1980. С. 101.
11. Гигаури Д.И. Идеология и культура Советского государства: к памяти Октябрьской революции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. №39. С. 180-187.
12. Есенин С. Русь советская // Три века русской поэзии. Москва: Просвещение, 1968. С. 67.

References

1. Bugakova N.B. Cultural and onomastic background of A. Platonov's novel "Happy Moscow" // Theory of language and intercultural communication. 2025. No. 1 (56). P. 1-11. [Electronic resource]. Access mode: URL: Theory of language and intercultural communication. No. 1 (56), 2025. Date of issue: 31.03.2025 (date of access: 17.06.2025).

2. Bugakova N.B. Real toponyms in A. Platonov's novel "Happy Moscow" // Lingvocultural universals in the world space. Proceedings of the VI International Scientific Conference. Voronezh, 2025. P. 233-236.
3. Bugakova N.B. The Realization of the Dichotomous Opposition Soul/Body in A. Platonov's Novel "Happy Moscow" // Actual Issues of Modern Philology and Journalism, 2025. No. 1 (56). P. 80-85.
4. Bugakova N.B., Skuridina S.A. Model of Onomastic Creativity in the Individual Author's Picture of the World // Bulletin of the Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences. 2023. No. 1 (28). P. 92-97.
5. Bugakova N.B. Structural Originality of the Anthroponymic of A. Platonov's Play "The Lyceum Student" // Actual Issues of Modern Philology and Journalism. 2024. No. 3 (54). P. 123-130.
6. Selemeneva M.V. "Moscow text" in Russian literature of the twentieth century. (based on artistic prose of the 1910-1950s) // Bulletin of RUDN University, series of Literary Studies. Journalism, 2009, No. 2. P. 263.
7. Kostov H. Mythopoetics of Andrei Platonov in the novel "Happy Moscow". Helsinki: University of Helsinki, 2000. 325 p.
8. Podolskaya N.V. Dictionary of Russian onomastic terminology / N.V. Podolskaya; executive editor A.V. Superanskaya; USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. 2nd ed., revised. and additional Moscow: Nauka, 1988. 187 p.
9. Platonov A. Collected Works: [in 8 volumes]. Moscow: Vremya, 2009. vol. 4. 394 p.
10. Dudarev V.A., Evseeva N.A. USSR. Administrative-territorial division of the union republics on January 1, 1980 / Comp. V.A. Dudarev, N.A. Evseeva. M.: Izvestia, 1980. P. 101.
11. Gigauri D.I. Ideology and culture of the Soviet state: to the memory of the October Revolution // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2017. No. 39. pp. 180-187.
12. Yesenin S. Soviet Rus' // Three centuries of Russian poetry. Moscow: Education, 1968. P. 67.

УДК 82.09

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.014

*Институт языка, литературы и искусств-
ва имени Г. Ибрагимова
Академия Наук, Республика Татарстан
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела литературоведения
Макарова В.Ф.
Россия, Казань
тел. +79172674792
e-mail: makarova_vf@mail.ru*

*G. Ibragimov Institute of Language,
Literature and Art Academy
of Sciences of the Republic of Tatarstan
doctor of Philology, Leading Researcher
at the Department of Literary Studies*

*Makarova V.F.
Russia, Kazan
tel. +79172674792
e-mail: makarova_vf@mail.ru*

В.Ф. Макарова

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИГРА В СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

В статье рассматривается проявление литературной игры в поэтике и стилистике современных татарских драматургов, автор делает попытку выявления элементов литературной игры на содержательном уровне и на уровне формы в произведениях татарских драматургов И. Зайниева («Женюсь.tat», «Мадина»), З. Хакима («Чудо-таблетка»), Т. Миннуллина («Наваждение»), М. Гилязова («Бурлак»). Исследуются основные принципы игровой поэтики писателей, диалог с читателем на эстетическом и интеллектуальном уровнях. Определяется, что в трудах по татарской драматургии использование игры в произведениях рассматривается в качестве структурообразующего приема, приема гротескного изображения жизни, театрализации и абсурда и др. В современных татарских пьесах наблюдается интертекстуальная и языковая игра, использование маски. В статье игра понимается как явление, тесно связанное с категорией комического. Использование форм комического, как средств раскрытия характера героя, как приём для гротескного изображения жизни, как способ постижения персонажем окружающего мира, двойничество персонажей, игра с аллюзиями и интертекстом, пародийность, языковая игра определяют игровое направление творчества современных татарских драматургов. Нередко игра становится одним из главных сюжетобразующих, эстетических или смысловых компонентов произведения, через которых происходит понимание идеи драматургического произведения. Игра используется как механизм вовлечения в игровые отношения читателя. Осмысление феномена литературной игры в художественной системе современной татарской драматургии позволяет определить новые направления в развитии татарской литературы в целом и осознать вклад татарских драматургов в литературный опыт XXI в.

Ключевые слова: современная татарская драматургия, литературная игра, языковая игра, мотив игры, интертекстуальная игра, маска.

V.F. Makarova

LITERARY PLAY IN MODERN TATAR DRAMA

The article examines the manifestation of literary play in the poetics and stylistics of modern Tatar playwrights, the author makes an attempt to identify elements of literary play at the substantive level and at the level of form in the works of I. Zainiev, Z. Hakim, T. Minnullin, M. Gilyazov. The basic principles of the writers' game poetics, dialogue with the reader on aesthetic and intellectual levels are investigated. It is determined that in the works on Tatar drama, the use of the game in the works is considered as a structure-forming device, a method of grotesque depiction of life, theatricalization and absurdity, etc. In modern plays, there is intertextual and linguistic play, the use of masks, the involvement of the reader-viewer in the author's game, etc. In the article, the game is understood as a phenomenon closely related to the comic category. Understanding the phenomenon of literary play in the artistic system of modern Tatar drama makes it possible to identify new directions in the development of Tatar literature as a whole and to realize the contribution of Tatar playwrights to the literary experience of the 21st century.

Keywords: modern Tatar drama, literary game, language game, motif of the game, intertextual game, mask, game with the reader.

Литературная игра, которая получает свое эстетико-философское обоснование на рубеже XIX – XX вв., является важной составляющей современного искусства. Йохан Хёйзинга в своём труде «Homo Ludens» («Человек играющий» [1]) предложил переосмыслить понятие культуры, исходя из наличия игрового элемента в культурной жизни, и роль игры в литературе он рассматривал через следующие аспекты: игра как творческий процесс (Хёйзинга «особое внимание уделял в этом смысле поэзии, которая, как он думал, чуть ли не единственная сохранила бескорыстный характер изначальной игры» [2]); близость различных видов творчества к игре (поэзия и танец, далее идут музыка, театр, изобразительные искусства). В основе концепции Хёйзинги лежит понимание сущности культуры как игры, которая включает в себя два основополагающих компонента: свободу действия и подчинённость правилам. Он прослеживает в художественном произведении, как и в игре, совмещение противоположностей: действительного и вымышленного, условного и безусловного, творческой свободы и ограничивающих её правил «языка искусства».

Такой взгляд закрепился в теории искусства. «Чувство юмора сродни игре, оно обнаруживает несерьезность действительного, высмеивает мнимость реального и реальность мнимого. Ирония поступает так же, при этом «притворяясь» серьёзностью, играя в неё. Само художественное творчество бывает предметом игры» [3], пишется, например, в словаре по эстетике. В литературоведении также распространённой является позиция, высказанная А. Е. Моховым: «Игра как деятельность, направленная на создание автономных ситуаций, которые обладают замкнутой внутренней структурой (определяемой правилами) и повышенной (по сравнению с внеигровой реальностью) степенью непредсказуемости, задающей «интерес игре», имеет много точек соприкосновения с литературой» [4].

В этом плане ученые особое внимание обращают на роль игры в возникновении драматургии, которая «при своем рождении опиралась на народно-игровые традиции» [5; с.112]. Во многих тюркских литературах, например, в развитии тувинской драматургии, так же, сыграли роль театрализация, драматизация в народных обычаях, ритуальные обряды, шаманские камлания, ламаистские мистерии, национальные игры [6; с.14].

Элементы театрального действия присутствуют во многих видах народного творчества – в играх, игровых песнях, в свадебных обрядах (в татарском фольклоре, например, «Кыз елату» и т.д.), календарных празднествах («Карга боткасы», «Яңгыр боткасы» и др.). Эти элементы наблюдаются и в повседневной жизни: в пример можно привести «Кукольные свадьбы» – своеобразные репетиции свадебного обряда – которые проводились у некоторых тюркских народов, в том числе и у татар. Они сыграли важную роль в становлении и развитии национальной культуры.

Основой изучения художественных произведений современной татарской драматургии в проведенном нами исследовании стали труды современных литературоведов. В последние годы категории игры посвящены довольно много работ.

Проблема литературной и языковой игры в отечественном литературоведении осмысливается в основном на материале прозы и поэзии. В них были выделены некоторые формы литературной игры, в основном, в связи с постмодернистской литературой, но имеющиеся работы не исчерпывают всех аспектов проблемы. Во всех работах, посвященных игровой поэтике, отмечается, что до настоящего времени не существует систематической классификации приемов литературной игры.

О. А. Корниенко предлагает определение игровой поэтики, под которой «понимается художественная система, элементы которой обладают повышенным игровым модусом и нацелены на игру с читателем» [7]. И ученый А.Э. Скворцов пишет, что четкое определение этого явления до сих пор не найдено [8]. Все же он в своей работе, исследуя основные функции литературной и языковой игры в современной поэзии, выявил основные формы игры и

определил наиболее показательные тенденции в творчестве современных поэтов с точки зрения функционирования литературной и языковой игры. К языковой игре ученый относит «все явления игрового характера, которые можно отметить на лингвистическом уровне (фоника, если она использована в этих целях, каламбуры, полисемия, аграмматизмы, паронимическая аттракция, палиндромы, различные лингвистические парадоксы)». К литературной игре относит «все явления, связанные не столько с языком, сколько с культурой вообще (полицитатность, аллюзии, реминисценции, палимпсест, ирония, стилизация)» [8]. Мы согласны с мнением А.Э. Скворцова: «Зачастую в конкретных произведениях невозможно отграничить один тип игры от другого, но это и не требуется. Нередко лингвистические явления сливаются с литературными, что даёт значительный эффект усложнения, многозначности и «спрессованности» образов» [8; с.7].

Интересно мнение А.Э. Скворцова и о том, что «игра в художественной литературе возникает там и тогда, где и когда автор намеренно заостряет свое и читательское внимание не только на том, что он выражает, но и на том, как он это делает» [8; с.7].

Литературная игра вызывала и вызывает интерес и у многих татарстанских литературоведов, лингвистов. Ю. Нигматуллина рассматривала «игру» в татарской литературе как предмет отображения и как литературный прием [9; с. 153]. На примере творчества Т. Миннуллина, З. Хакима она доказала «использование через «игру» приемов карнавализации и примитива» в драматургии второй половины XX века [10; с. 158].

В контексте татарской литературы о приеме игры в современной прозе высказывались Д. Загидуллина [11], Л. Юзмухаметова [12; с. 139], в драматургии Ф. Миннуллина [13; с. 29], А. Саттарова [14; с. 17]. Исследователи выявляют элементы игры и утверждают, что в некоторых произведениях, именно благодаря игре, глубоко раскрывается концепция личности, характер героя. К таким произведениям относят драмы «День рождения Миляуши» («Миләүшәнең туган көне», 1969), «Прощайте!» («Хушыгыз!», 1993) Т. Миннуллина, «Сумасшедший дом» («Жүләрләр йорты», 1995) З. Хакима, «Летний иней» («Жәйге кырау», 1990), «Волосатое чудо» («Жонлы кеше», 2000) Амануллы и др. Во многих трудах по татарской драматургии отмечается, что в произведениях И. Юзеева, Т. Миннуллина, З. Хакима, Ю. Сафиуллина, Ф. Байрамовой, Р. Хамида, Амануллы, М. Гилязова, Д. Салихова, И. Зайниева игра используется и как прием гротескного изображения жизни, когда человек рассматривается как свободный субъект игры и в то же время как марионетка в неожиданных ситуациях, а также прослеживается сочетание традиционных и нетрадиционных современных приемов, форм-средств.

Нельзя не согласиться с мнением исследователей о том, что в современной татарской литературе в целом возрастает роль игрового элемента. Искусство игры у писателей заключается в создании и использовании творческих приемов, каждый из которых способствует формированию индивидуальной художественной системы писателя, делая его произведения узнаваемыми и оригинальными. Одни приемы направлены на «разгадывание» движения сюжета, выявление специфики образов, другие дают представление о стилистическом своеобразии произведений писателя. Третьи усиливают ощущение нарочитой театральности и пародийности или же для деструкции, которая, как пишут А. Санькова и А. Фокин, «рассматривается как одна из базовых составляющих постмодернистского сознания, являющего себя как реакцию на осознание трагизма человеческого бытия и рефлексии по поводу утраты моральных, нравственно-этических ориентиров» [15; с. 212].

Симбиоз приемов создает специфическое игровое пространство произведений писателя.

Одно мнение повторяется во многих исследованиях, что «нередко игровые приемы отличаются от неигровых явлений юмористическим или ироническим характером, использованием различных форм комического, т. е. эстетически значимого смешного, забавного, остроумного. На «улыбку узнавания» зачастую рассчитаны такие приемы литературной игры, как игра со словом (языковая игра), игра с цитатой (интертекстом), игра с жанровым и стилевым

стандартом, различные виды масок» и, что важным признаком литературной игры является установка на положительный эмоционально-эстетический эффект» [16; с. 53].

Поэтика игры в драматургии Ильгиза Зайниева

По нашим наблюдениям, в современной татарской литературе игра все чаще становится одним из главных сюжетобразующих, эстетических или смысловых компонентов. Игровой хронотоп и такие свойства игры как вариативность, структурная упорядоченность, подчинение правилам, напряженность и восторженность при победе, помогают авторам создавать иллюзию и вывести читателя за рамки обыденности в другое измерение. Например, Л. Гибадуллина в своей повести «Идегей. Игра ханов» («Идегэй. Ханнар уены», 2024) использует приемы видеоигры для того, чтобы заинтересовать молодых читателей историей тюрко-татарского народа. Как героиня известной книги «Полианна» (1913) Э. Портер играет в «игру-радость», суть которой заключается в поиске в любой ситуации повода для радости, герой повести «Миллионер» (2024) М. Кабирова играет в «игру добра». Герой, делая хорошее людям, находит любовь, друзей и духовно крепнет.

Татарский фильм «Бери да помни» (2023) так же построен на традиционной игре «ядэч», которая помогает исполнению желаний. То есть, в современных произведениях игра выступает в роли авторской стратегии, одной из распространенных сценических форм выражения и воздействия на читателя и зрителя. Игра показывает неопределенность и непрочность бытия, демонстрирует иронический взгляд автора на окружающий мир. Такой подход в современной драматургии присущ произведениям и Ильгиза Зайниева.

Комедия «Женюсь.tat» («Өйләнәм.tat», 2014) [17] И. Зайниева, которая с успехом идет в театре имени Г. Камала, состоит из миниатюр – «кастинга» невест (ведущий видео-дневник в социальных сетях журналист Раннур ищет невесту) и встреч-интервью журналистов с разными людьми (перспектива закрытия газеты вынудило журналистов искать сенсацию, чтобы срочно поднять рейтинг газеты).

Журналисты берут интервью у таксиста Шухрата, пенсионеров Гульсум и Хидаят, у Гали, живущего с двумя женами, у предсказателя Исы, у тракториста Мулланура. От имени своих героев автор выражает порицание всякого рода уродливых явлений в обществе, поднимает социальные, этические, философские, политические вопросы. Критикуются безработица, произвол руководителей, ложь, клевета, показуха, масскультура, духовная нищета, освещение журналистами обыденных тем (любовный треугольник, ежедневные скандалы), вместо попытки решения важных проблем общества. В каждой миниатюре есть игра. Останемся на некоторых из них.

Хабибрахман играет в справедливого журналиста, ратующего за свой народ. Но коллеги знают его нутро и говорят ему в лицо: «Выезжаешь в районы, чтобы разоблачить коррупцию, приезжаешь со статьями-дифирамбами главам районов. Думаешь, не знаем, что ты их шантажируешь! Все время лжешь, копаешься в грязном, портишь отношения людей» [17; с. 2] (Перевод наш – В. М.). И вот, Хабибрахман срывает маску, находит работу, где, как он сам говорит, «денег можно заработать за счет народа».

Шухрат из-за беспорядков в милиции ушел работать таксистом. Считает, что «если держаться подальше от государственных денег, то можно чувствовать себя свободным». Он раскрывает свою сущность в речи через гиперболу, карикатуру, самоиронию. «Чувствую себя свободным воробьем» [17; с. 8], говорит он, но из-под каблука жены не может выбраться, вынужден с утра до ночи «таксовать», зарабатывая на очередные пластические операции жены (ведь он «взял в жены недострой» – в миниатюре языковая полисемия составляет важную часть игровой поэтики.). В этих двух героях несоответствие формы содержанию становится основой их «маленькой» игры.

Гульсум и Хидаят, прожившие вместе 60 лет, поначалу вызывают восхищение. В действии вступает мотив видимости – показное зрелище, ложь, иллюзия. Бабушка и дедушка, вначале красиво говорившие с журналистом Раннуром, играющие в хорошую семью, сгоряча

начинают говорить друг другу пакости. Эффект неожиданности как способ «разрушения иллюзии» [18; с. 92] указывает на их совместную игру.

Предсказатель Иса – персонаж, поддерживающий идею о том, что народ любит обманываться (здесь невозможно не заметить сходства между манипуляторами и средствами массовой информации, влияющими на сознание людей). Журналистка Румия играет с Исой – приходит под видом женщины, ищущей себе мужа. И в жизни она прикидывается тем, кем не является: говорит, что ей муж не нужен, за собой не следит, становится мужеподобной. Иса вначале поддерживает игру – притворяется, что поверил ей, дает приворотное снадобье. Здесь с помощью мнимости, кажимости, лжи, обмана, самообмана, иллюзии воссоздаются мотивы игры и видимости (по М. Рюминой [18; с. 74]), раскрывая истинное лицо «играющих» персонажей.

Игра автора с драматическим персонажем Муллануром вызывает экзистенциальный смех. Смех сквозь слезы рождается, когда простой человек, который за свой труд вместо зарплаты получает «маноез» (майонез) – залежалый товар из магазина главы района. Герой наивно думает, что вышестоящие не знают о таких вещах. Осознав, что все высказанное им напечатают в интервью, он приходит в редакцию с угрозой взорвать её. Испугавшийся «маленький человек» играет: говорит, что в сумке взрывчатка. «С одной стороны народ прижимают те, с другой вы! Ведь, вы используете нас, играете как с мячом. Вам смешно, а мячу больно!», говорит Мулланур. Драматичен и монолог Даяна, главного редактора газеты: «Давай, взрывай! Тут нас каждый день взрывают! <...> Испугался!.. Пусть все катится!» [17; с. 42]. Использование приемов театрализации и театра абсурда выражает трагическое и комическое (ироническое) восприятие действительности.

Драматург играет и с симулякрами руководителей, сформировавшихся в массовом сознании народа с помощью СМИ (такие же образы наблюдаются и в комедии И. Зайниева «Любовь – FM» («Мэхэббэт FM», 2013), где мнимые герои и игра – пародирование медийных личностей способствуют рождению иронии).

В некоторых произведениях И. Зайниева игра проявляется в прямом и скрытом цитировании, переработке тем и сюжетов, аллюзиях, пародировании, подражании, трансформации языковых единиц на разных уровнях.

В трагедии драматурга «Мадина» («Мэдинэ», 2022) [19] игра является смыслопорождающей. Переработав сюжет древнегреческой «Медеи», И. Зайниев затевает интеллектуальную игру с читателем, зрителем.

Р. Барт воспринимал писательскую деятельность и читательское восприятие как игру с языком, при которой главное – это удовольствие, получаемое от текста [20; с. 569]. В «Мадине» интертекст становится и языковой игрой (в античном произведении Медея, Креон, в современном – Мадина, Карим и т.д.

«С главной героиней Мадией играет в дружбу, направляет по жизни её близкая подруга Нафиса: Мадина просто персонаж для её будущей трагедии (...). И «Мадина затевает свою игру – в отместку соблазняет жениха подруги. Мадина играет и с Каримом» [21; с. 2459] «Послушай, отец, внуков своих, прикладывая седую голову, как они там под сердцем моим» [19; с. 152] («хотя в это время она уже прервала беременность» [21; с. 2459] из-за предательства Джаудата). «Играет и Галия («роль моя, играю сама») [19; с.142] – прикидывается гордой, якобы она знает о походках мужа и нисколько не страдает от этого. Здесь проявляется мотив маски как составляющей мотива игры» [21; с. 2459].

В трагедии так же описывается игра судьбы, действительности с людьми: «Затевает игру за пеленой как на сцене / Память – один безответный суфлер. На этой сцене / путая слова артистов, играющих роль, / срывает событий ожерелье / и рассыпаются жемчужины куда угодно. / Поди узнай, кто ж умрет в финале» [19; с. 140]. «Игра в трагедии становится знаком времени, выражением сущности современного человека и абсурдности бытия» [21; с. 2459].

«Текст произведения пронизан символикой, философскими обобщениями и аллюзиями, игрой с «мерцающими» культурными знаками и кодами, требующими от читателя значи-

тельной эрудиции. Автором создано поле для игры письма. Например, белый стих, образы яблока [19; с.141, 143] и экзистенциальной тишины в гамлетовском прочтении («остальное – тишина...»), пессимистически-философские размышления о жизни [19; с. 146], десятки смыслов антиномии белого и черного [19; с. 135, 139, 140, 142, 153], часто встречающиеся в творчестве Шекспира [31], отсылают к классическим источникам (драматург-режиссер написал «Мадину» в 2013–2014 гг., во время работы над шекспировским спектаклем «Ричард III» [21; с. 2459]).

Подчеркивается: «Поиск счастья, смысла в жизни – сама бессмысленность, когда есть смерть. / Только тишина важна в этом мире» [19; с.140]. «Возможно, для художницы Мадины тишина – это безмолвие, созидание, высшая гармония, таинственность, вдохновенное творчество, для Карима, связанная с потерей внуков – отчаяние» [21; с. 2460]: «холодная тишина, нет ни звука, ни дрожания...» [19; с.152]. Таким образом, поэтические и интертекстуальные средства, коранические аллюзии «расширяют смысловые границы произведения» [21; с. 2460].

В восточной философии образ тишины означает совершенство бытия, а здесь же, наоборот – хаос, порожденный изменой, предательством и безнравственностью. Интертекстуальная игра даёт возможность продемонстрировать связь времен, перенести действие в современный мир, добавив в него новый колорит. По этому поводу В. Хализев писал, что интертекстуальность «не только бессознательная, игровая имитация, но и осмысленные, оценочные отсылки к предшествующим текстам и литературным фактам» [23; с. 261]. Обращение И. Зайниева к «чужому слову» обусловлено потребностью в размышлении о литературе и построении диалога с читателем. Таким образом, сложная структура такого игрового приема, как интертекстуальность, подтверждает тот факт, что игра в творчестве И. Зайниева – не формальный прием, а содержательный, поскольку через обращение к интертексту автору удается достигнуть более глубокого уровня вложения смыслов и, соответственно, интерпретации [21].

Игра как перемещение в моделируемую реальность в драме Туфана Миннуллина

Функционирование художественной игры наблюдается в творчестве татарского драматурга Туфана Миннуллина. Как и Рафис, Нурислам, Миляуша в произведении «Прощайте» («Хушыгыз», 1993), Марат и Галиябану в драме «Наваждение» («Саташу», 1998-2001) [24] в результате изменения социально-общественной, экономической ситуации, происшедшей в стране в 90-е годы прошлого века, были вынуждены отказаться от идеалов молодости, запереться в своем мире, играть в дружбу, приспособливаться к жизни. Не находя выхода из своего бедственного положения, покрывая пустоту иллюзорной правдой, они оправдываются, отыгрываются шутками. Марат, утешаясь просмотром бессмысленных юмористических передач по телевизору, говорит: «Я не говорю о том, чтобы идти против своей совести. Надо справляться с трудностями играючи, шутя» [24; с. 116].

Они воспитали дочь в свете высоконравственных идеалов, которые в современном мире не востребованы. И вот Гузель через суд требует морального возмещения от своих родителей за то, что они родили её, не имея жилья и условий проживания, что родители с высшим образованием не могут получить даже маленькую зарплату (действие происходит в начале 1990-х гг.) и вынудили дочь жить в нищете. Так конфликт поколений драматург показывает с помощью условного приема и игры.

Гузель сухо разговаривает с родителями. За 1 год ее уволили с 5 мест, так как всегда говорила руководителям правду. Аллюзивная ирония — «устроилась на работу Моникой Левински» – подтверждает то, что в этом обществе нравственность не в цене. Гузель играет с близкими людьми. С соседкой-судьей, которая притворяется, что не знает об изменах мужа. Играет с женихом, который живет в свои 33 года в общежитии и не может никак получить деньги за свою книгу, вышедшую 3 года назад. Гузель обвиняет его в инертности и мазохизме. Героиня играет с безнравственным мужем судьи – Харисом, предлагает ему себя, хотя и не собирается с ним встречаться.

Фарс-игра со стихотворением «Шляпа дяди Якупа» [24; с.103], в котором критикуется рабская психология, каламбуры о современном учителе, о творчестве – это её протест и вызов окружающим. Гузель то цинично смеется над всеми, то плачет. Когда остается одна, снимает маску («Зачем они учили меня родному языку, зачем меня обманывали, говоря про совесть, обществу не нужны справедливые юристы! <...> Кажется, что сойду с ума» [24; с. 112]). Как и в драме абсурда, персонаж осознает бессмысленность действительности, человеческого существования. Бред героини во сне ассоциируется с бредом наяву. Её сон как прием игры с реальностью представляет из себя знак, «текст в тексте», требует разгадывания и проговаривания. Экзистенциальные переживания и драматические события, произошедшие с родителями, приводят героиню к религии, которая придает ей силу, крепость духа.

Как пишет Т.А. Светашёва, «игра в литературе подразумевает сдвиг относительно нормы, традиции, стандарта, шаблона, выход за рамки существующей системы в «иное пространство», т. е. перемещение в моделируемую реальность, в которой возможна реализация любых вероятностных сценариев, ролей и моделей. Благодаря свободному обращению с привычными образцами игра деавтоматизирует восприятие, мышление, процесс творчества и культуру в целом [16; с. 52].

В рассмотренном произведении подача героиней в суд своих родителей понарошку – игра удачно выполняет свою миссию, показывая отношение человека к действительности в идеологическом тупике начала 1990-х гг. Так, с помощью игры автор изображает перспективную модель мира.

Игра в драме Мансура Гилязова

Игровые приемы в литературном творчестве подчеркивают относительность познавательных возможностей, не настаивая на безусловной правильности той модели мира, которая создается. Такая же условная игра наблюдается и в притчеобразной драме «Бурлак» [25] Мансура Гилязова.

Действие происходит в конце XIX в. Молодой предприниматель Габдулла, получивший образование в известных европейских учебных заведениях, приехал из Казани в Астрахань с намерением открыть кондитерскую фабрику. Без разрешения знатного купца Демьяна Потаповича, владевшего водными путями в этих краях, достичь цели было невозможно. Демьян предлагает ему игру: несмотря на то, что уже осень, прежде чем Волга покроется льдом, против течения баржу с товаром с помощью бурлаков нужно доставить в Казань. Если баржа дойдет, выиграет Габдулла, и его просьба будет исполнена, а если нет, то он должен будет построить в Казани кукольный театр.

Преодолев более половины пути, баржа села на дно – не только обмелевшая вода, но и разногласия среди бурлаков, разобщенность, потеря времени в пути на развлечения также сделали свое дело. Бурлаки решили перетащить товар по льду. Демьян говорит главному бурлаку: «Я уже получил удовольствие от игры. Ты свободен, ты можешь идти» [25; с. 33]. По мнению Демьяна, «...чудес в этом мире не бывает. В этом мире есть только игра, большая серьезная игра, в которой кто-то выигрывает, кто-то проигрывает... На этот раз ты проиграл, бурлак Гаяз» [25; с. 33]. То есть, у каждого – свое время, но нельзя быть инертным, нужно стараться. Но Гаяз не из тех, кто останавливается на полпути. «Значит, игра продолжается» [25; с.33]. На Волге поднимается вода, бурлаки продолжают путь. Когда уже Волга замерзает, бурлаки решают груз дотащить по льду. Неожиданность – в ящиках, где должны были находиться продукты, ткацкие станки, оказались обычные речные камни... Но бурлаки, узнав, что с ними просто играли, «на них сделали ставку, как на тараканов», даже за большие деньги отказываются выгружать камни. В игре побеждают гордые бурлаки.

Оказывается, однажды циник Демьян уже ставил жизнь бурлаков на спор («Мы с астраханскими купцами гуляли в номерах и придумали такую игру – делать ставки на бурлаков» [25; с. 34]) и выиграл огромные деньги, которые потратил на обучение сына умершего бурлака.

Свою игру Демьян Потапыч объясняет нижеследующим образом. Он появился на свет семимесячным, слабым, больным ребенком. Однажды отец поставил кувшин с золотыми монетами в конце улицы и сказал: «Кто добежит первым, заберет кувшин себе. Я прибежал к кувшину первым!.. Таким образом, отец научил меня бегать, прыгать, лазать по деревьям. Я стал сильным, мощным, бесстрашным... а сегодня я сам играю с людьми. Но я делаю для вас святое дело! Я превращаю вас в живых, азартных людей!» [25; с. 42]. Не зря в начале драмы Потапыч говорит о том, что человек, который живет у таких больших рек, как Волга, «должен вершить большие дела!» [25; с. 7]. Эта реплика несет смысловую нагрузку, ведь лейтмотивом драмы является призыв народа к единству и к большим целям.

«Мне нужен театр. Большой каменный, с колоннами! Театр, в котором будут играть куклы. Я буду писать для них разные истории» [25; с. 12]. Эти слова Демьяна перекликаются с проблемами, затронутыми и в начале XX в. в творчестве Гаяза Исхаки (особенно в произведении «Исчезновение через двести лет») и в наше время (в 2003 г. на основе пьесы Г. Исхаки «Девушка с тубетейкой» М. Гилязов совместно с драматургом Р. Хамидом создали пьесу «Кукольная свадьба»). В этой интертекстуальной связи нетрудно заметить намек на то, что в условиях политического, экономического, культурного, духовного застоя состоятельные люди тратят деньги на бессмысленные «кукольные игры». Здесь игра способствует многоуровневому прочтению текста. Драма ставит такие актуальные проблемы, как разобщенность народа, потребность в людях, не жалеющих сил для прогресса татарского народа, чтобы не играть в чужие игры.

К слову, «Бурлак» созвучен с драмой Р. Галиуллина «Один шаг к мечте» («Хыялга бер адым», 2024), который идет с успехом в театре имени К.Тинчурина. Главный герой – режиссер, драматург, ратовавший за прогресс нации, К.Тинчурин, обманом увозит актеров из Поволжья, где свирепствует голод и тиф, и, чтобы отвлечь артистов и не падать духом, пишет новую пьесу. В поезде, идущем в Ташкент, труппа театра репетирует предстоящий исторический спектакль. Можно сказать, вагон – это мини-модель общества, в котором люди играют, срывают маски в безысходных ситуациях, истинные чувства показывают лишь в игре (так во время репетиции, один герой объясняется в любви к коллеге). В драмах двух авторов критикуется разобщенность, отсутствие единства на пути к цели – игровой прием позволяет героям выпадать из реальности, создавать вокруг себя как бы альтернативную действительность, вступая в игру с предметами и явлениями.

Смеховые функции игры в комедии Зульфата Хакима

К приему игры в своих произведениях прибегает и современный татарский писатель Зульфат Хаким (надо отметить, что З. Хаким удачно использовал этот прием еще в 90-х годах, например, в комедии «Сумасшедший дом» («Жүләрләр йорты», 1995).

В комедии «Чудо-таблетка» («Бармы ришвәттән дэва?», 2014) [26] герой играет в справедливого человека. Учитель химии Сайфи Гарипов объявляет, что придумал лекарство от взятки и хочет бороться с коррупцией. Якобы принявший таблетку человек становится невосприимчивым к изощренному, что свое средство изобретатель успешно опробовал на сантехнике, который не взял вознаграждение. Он хочет подать на патент и прославиться. Весть о появившемся средстве от коррупции дошла до руководителей района и нарушила их спокойствие. Вороватые чиновники и генеральный прокурор начали суетиться. Чтобы избежать разоблачения, они решили уничтожить чудо-таблетку.

Главный врач района Бакеев говорит, что «если врачи перестанут брать взятки, на зарплату жить не смогут» [26; с. 427]. Народ тоже волнуется: «если в ГИБДД не возьмет взятку, мы все лишимся водительских прав»; «в Регистрационной палате, в Земельном комитете, в БТИ, в налоговой инспекции, когда поставим машину на учет, выстроимся в очередь и там упадем насмерть!» [26; с. 460]. Сайфи отвергает все просьбы, отказывается уничтожить лекарство. Районные чиновники «по совету Москвы» построили Гариповым коттедж, купили автомобиль, повысили зарплату жене Сайфи, завезли много книг в библиотеку, где она работала, отремонтировали дороги.

Хитрый Сайфи не делится с рецептом, но и от дома не отказывается (оправдывается тем, что в новом доме он устроил лабораторию).

Было ли лекарство, которое должно бороться с коррупцией, или Сайфи играет, просто хочет привлечь к себе внимание хитростью Ходжи Насреддина – остается неясным: автор так же играет с читателем.

Объектами насмешек становятся: военком – подкаблучник, прокурор, вечно носящийся с кошкой в клетке, главный врач, постоянно повторяющий «народ – он терпит», директор РОНО. В комедии использованы приемы фарса, карнавализации, гротеск. Здесь пародия на чиновников важный элемент игровой техники. Бессмыслица («козий грипп», которым заражаются только определенные люди), несуразица (имам, обращенный в веру после того, как его пободала коза) [26; с. 467] так же являются игрой воображения, порождающие смех. «Заместитель Шойгу по исследованиям древолазов» дает возможность критиковать ненужные должности, бюрократию. Смешные ситуации, ирония («мы сами должны идти к народу» [26; с. 466]), «говорящие имена» (начальник ГИБДД Козлов, руководитель РОНО – любитель «мутить» Мутиева) и др. становятся приемами языковой игры.

Оценка действительности абсурдна, беспощадна: «...кто-то из народа сказал Сайфи: «если не уничтожишь таблетку, то тебя убьют уголовники, так как братве будет очень худо, если прокуроры перестанут брать взятки из-за твоего лекарства ...» [26; с. 475].

Игровое начало присутствует в диалогах персонажей, которые содержат то намёк, то недосказанность, многозначительные паузы; речь персонажей изобилует парадоксами, интеллектуальными шарадами, шутками. Маска становится способом игры с читателем.

Итак, в данном произведении З. Хакима, игровая поэтика, под которым понимается вся система художественных средств, способствует игровой специфике. Творчество писателя является отражением экспериментов, происходящих в сценической литературе нашего времени. Комедия в диалоге с традициями, смело поднимающая актуальные проблемы с помощью игровой поэтики, позволяет проследить и трансформацию жанра в начале XXI в.

Таким образом, двойничество персонажей, использование форм комического, игра с аллюзиями и интертекстом, пародийность, языковая игра в целом определяют игровое направление творчества современных татарских драматургов.

Игра является неотъемлемой составляющей современной татарской драматургии и используется как средство раскрытия характера героя, как приём для гротескного изображения жизни, как способ постижения персонажем окружающего мира, механизм вовлечения в игровые отношения читателя.

Нередко игра становится одним из главных сюжетобразующих, эстетических или смысловых компонентов произведения, через которых происходит понимание идеи драматургического произведения.

Драматурги-современники, следуя за традициями классиков («жизнь – театр, люди – актеры»), вносят своё оригинальное, соответствующее духу сегодняшнего времени в понимание игры. Игровой прием выполняет эстетические, воспитательные, коммуникативные и иные функции, которые свойственны искусству.

Библиографический список

1. Хейзинга Й. «Homo ludens. Опыт исследования игрового элемента в культуре / Пер. с нидер. и прим. В. Ошиса. М.: ЭКСМО – Пресс, 2001. 351 с.
2. Федотова Н. А. Игровая концепция творчества: работа Й. Хейзинги «Homo ludens. Опыт игрового элемента в культуре» // Наука, образование и культура. 2016. №3(6) [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovaya-kontseptsiya-tvorchestva-rabota-iy-heyzingi-homo-ludens-opyt-igrovogo-elementa-v-kulture?ysclid=lyprztqbdx435292836> (дата обращения 28.02.2025).

3. Эстетика: Словарь / Под общ. ред. А. А. Беляева. М.: Изд. пол. литературы. 1989. 166 с. [Электронный ресурс] URL: <https://litlife.club/books/241266> (дата обращения 28.02.2025).
4. Мохов А. Е. Игра // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. ред. Н.Д.Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.
5. История татарской литературы Нового времени (XIX–начало XX века). Казань: Фикер, 2003. 472 с.
6. Херел А. Х. Творчество В. Кок-оола и его роль в зарождении и развитии тувинской драматургии: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02. Москва, 2018. 32 с.
7. Корниенко О.А. Типология форм игровой поэтики в литературе. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/16594/51-Kornienko.pdf> (дата обращения: 19.02.2025).
8. Скворцов А. Э. Литературная и языковая игра в русской поэзии 1970 –1990-х годов: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Казань, 2000. 18 с.
9. Нигматуллина Ю. Г. «Запоздалый модернизм» в татарской литературе и изобразительном искусстве. Казань: Фэн, 2002. 175 с.
10. Нигматуллина, Ю. Г. Национальное своеобразие эстетического идеала. Казань: КГУ, 1970. 210 с.
11. Загидуллина Д. Ф. Яна дулкында (1980 – 2000 еллар татар прозасында традицияләр һәм яңачалык): укытучылар, педагогия колледжлары һәм югары уку йортлары студентлары өчен методик кулланма. Казан: Мәгариф, 2006. 255 б.
12. Юзмухаметова Л. Н. Прием игры в современной татарской прозе // Научный Татарстан. 2014. № 3. С. 139–146.
13. Миннуллина Ф. Х. Жанр драмы в татарской драматургии рубежа XX–XXI веков. Казань: ИЯЛИ, 2019. 144 с.
14. Саттарова А. М. Современная татарская драматургия: 1985 – 2000 гг.: Концепция эпохи и героя: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 23 с.
15. Санькова А. А., Фокин А. А. Деструкция как важнейший принцип организации художественного мира Владимира Сорокина // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 209–223.
16. Светашёва Т.А. Литературная игра, ее феноменологическое осмысление и типология в русской поэзии второй половины XX в. / Человек в социокультурном измерении. 2021. № 1. С. 50–59. <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/260841/1/50-59.pdf> (дата обращения: 28.02.2025).
17. Зәйниев И. Өйләнәм. tat: комедия // язучының шәхси архивы, кулъязма) // Из личного архива драматурга. 2022. 45 б.
18. Рюмина М. Т. Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. Изд 2-е, испр. М.: КомКнига, 2006. 320 с.
19. Зәйниев И. Мәдинә // Казан утлары. 2020. №12. Б. 128 – 153.
20. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
21. Макарова В.Ф. Интертекстуальность как прием поэтики трагедии Ильгиза Зайниева «Мадина» / Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. том 16. Выпуск 8. С. 2456 – 2461.
22. Чуненкова Е. Трагедии Шекспира через призму колористики и контрастов. 2017 [Электронный ресурс] <https://literaguru.ru/tragedii-shekspira-cherez-prizmu-koloristiki-ikontrastov/> (дата обращения 28.02.2025).
23. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высш. Шк., 2000. 398 с.
24. Миннуллин Т. Пьесалар. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2010. 415 б.
25. Гилязов М. Бурлак: пьесы. Казань: Татар кн. изд-во, 2018. 477 с.

26. Хәким З. Бармы ришвәттән дәва? Яңа татар пьесасы. Альманах. XI т. Казан: Заман, 2014. 480 б.

References

1. Huizinga J. "Homo ludens. The experience of studying the game element in culture / Translated from German. and V. Oshisa's note. Moscow: EKSMO – Press, 2001. 351 p.
2. Fedotova N. A. The game concept of creativity: the work of J. Huizinga's "Homo ludens. The experience of the game element in culture" // Science, education and culture. 2016. No. 3(6) [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovaya-kontseptsiya-tvorchestva-rabota-y-hyoyzingi-homo-ludens-opyt-igrovogo-elementa-v-kulture?ysclid=lyprztqbdx435292836> (accessed 02/28/2025).
3. Aesthetics: Dictionary / Under the general editorship of A. A. Belyaev. Moscow: Publishing House of pol. literature. 1989. 166 p. [Electronic resource] URL: <https://litlife.club/books/241266> (accessed 02/28/2025).
4. Mokhov A. E. The Game // Poetics: dictionary of current terms and concepts / Chief editor N.D.Tamarchenko. Moscow: Kulagina Publishing House; Intrada, 2008. 358 p. 5. History of Tatar literature of Modern times (XIX – early XX century). Kazan: Ficker, 2003. 472 p.
5. The history of Tatar literature of Modern times (XIX – early XX century). Kazan: Ficker, 2003. 472 p.
6. Kherel A. H. The work of V. Kokol and his role in the origin and development of Tuvan drama: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological sciences: 01/10/02. Moscow, 2018. 32 p.
7. Kornienko O.A. Typology of forms of game poetics in literature. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/16594/51-Kornienko.pdf> (date of access: 02/19/2025).
8. Skvortsov A. E. Literary and linguistic play in Russian poetry of the 1970s –1990s: abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences: 10.01.01. Kazan, 2000. 18 p.
9. Nigmatullina Yu. G. "Belated modernism" in Tatar literature and fine art. Kazan: Feng, 2002. 210 p.
10. Nigmatullina, Yu. G. National self-education of the aesthetic ideal. Kazan: KSU, 1970.
11. Zagidullina D. F. On a New wave (traditions and innovation in Tatar prose of the 1980s-2000s): a methodological guide for teachers, students of pedagogical colleges and universities. Kazan: Prosveshchenie, 2006. 255 p.
12. Yuzmukhametova L. N. Game technique in modern Tatar prose // scientific Tatarstan. 2014. No. 3. pp. 13 –146.
13. Minnullina F. H. The genre of drama in Tatar drama at the turn of the XX – XXI centuries. Kazan: Ideli Publ., 2019. 144 p.
14. Sattarova A.M. Modern Tatar drama: 1985-2000: The concept of the epoch and the hero: abstract of the dissertation of the Candidate of Philology. Kazan, 2004. 23 p.
15. Sankova A. A., Fokin A. A. Destruction as the most important principle of the organization of Vladimir Sorokin's artistic world // Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2022. No. 2. pp. 209–223.
16. Svetasheva T.A. Literary game, its phenomenological understanding and typology in Russian poetry of the second half of the twentieth century / Man in the socio-cultural dimension. 2021. No. 1. pp. 50-59. <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/260841/1/50-59.pdf> (date of request: 02/28/2025).
17. Zainiev I. Oylanam. tat: comedy // yazuchynin shakh archives, kulyazma) // From the playwright's personal archive. 2022. 45 b.
18. Ryumina M. T. Aesthetics of laughter: Laughter as a virtual reality. 2nd ed., ispr. Moscow: KomKniga, 2006. 320 p.
19. Zainiev I. Madine // Kazan utlary. 2020. No. 12. B. 128-153.

20. Barth R. Selected works. Semiotics. Poetics / Translated from French. Comp., general ed. and the introductory article by G. K. Kosikova. Moscow: Progress, 1989. 616 p.
21. Makarova V.F. Intertextuality as a method of poetics of Ilgiz Zainiev's tragedy "Madina" / Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2023. Volume 16. Issue 8. pp. 2456-2461.
22. Chunenkova E. Shakespeare's tragedies through the prism of coloristics and contrasts. 2017 [Electronic resource] <https://literaguru.ru/tragedii-shekspira-cherez-prizmu-koloristiki-i-kontrastov/> (accessed 02/28/2025).
23. Khalizev V. E. theoretical literature. Moscow: Higher School, 2000. 398 p.
24. Minnullin T. Plays. Kazan: Tatar Book Publishing House, 2010. 415 p.
25. Gilyarovskiy M. Burlak: a play. BOOK: publishing house, 2018. 477 p.
26. Is there a cure for bribery? A new Tatar play. The almanac. XI vol . Kazan: Sovremennost Publ., 2014. 480 p.

УДК 82

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.015

*Воронежский государственный технический университет
доктор филологических наук, профессор
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(920)404-04-48;
e-mail: saskuridina@ya.ru*

*Voronezh State Technical University
Doctor of Philology, professor,
department chairman,
the chair of Russian language and cross-cultural communication,
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh, +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru*

С.А. Скуридина

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА ФЕДОР И ПАВЕЛ В АНТРОПОНИМНОЙ МОДЕЛИ РОМАНА «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье рассматриваются личные имен *Фёдор* и *Павел* как семантически маркированные в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, придававшего особое значение традициям имянаречения, существовавшим в русской культуре (называние ребенка в соответствие со святыми, сохранение очередности наследования имени от деда по материнской и по отцовской линии, называние в честь отца и т.д.). Отмечается, что писатель неоднократно экспериментирует с собственным именем – не только в последнем своем произведении, но также и в романе «Бесы», вводя в повествование образ беглого разбойника Федьки Каторжного (Федора Федорича), ставшего убийцей Марьи Лебядкиной и ее брата. В романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевский делает ономастическую рокировку имени-отчества отца и его внебрачного сына (Федор Павлович – Павел Федорович) и даёт героям коррелирующие фамилии. Всё это происходит на фоне отсутствия признания Смердякова сыном и братом. Так, писатель с помощью антропонимов – имени деда по отцу *Павел*, отчества *Фёдорович* и фамилии, синонимичной фамилии предполагаемого отца, номинально включает Смердякова в систему родственных отношений, в которых фактически ему отказано.

Ключевые слова: антропоним, ономастика, Ф.М. Достоевский, «Братья Карамазовы», Смердяков, Федор Павлович Карамазов.

S.A. Skuridina

THE PERSONAL NAMES OF FEDOR AND PAVEL IN THE ANTHROPONYMIC MODEL OF THE NOVEL "THE KARAMAZOV BROTHERS" BY F.M. DOSTOYEVSKY

The article examines the personal names Fedor and Pavel as semantically marked in the novel "The Brothers Karamazov" by F.M. Dostoevsky, who attached special importance to the naming traditions that existed in Russian culture (naming a child in accordance with the saints, preserving the order of inheritance of the name from the maternal and paternal grandfather, naming after the father, etc.). It is noted that the writer has repeatedly experimented with his own name – not only in his last work, but also in the novel "Demons", introducing into the narrative the image of the fugitive robber Fedka Convict (Fyodor Fedorich), who became the murderer of Marya Lebyadkina and her brother. In the novel "The Brothers Karamazov," F.M. Dostoevsky makes an onomastic casting of the patronymic of the father and his illegitimate son (Fyodor Pavlovich – Pavel Fedorovich) and gives the characters correlating surnames. All this is happening against the background of Smerdyakov's lack of recognition by his son and brother. So, the writer, using anthroponyms – the name of his paternal grandfather Pavel, the patronymic Fedorovich and the surname synonymous with the surname of the alleged father, nominally includes Smerdyakov in the system of kinship relations, which are actually denied to him.

Keywords: anthroponym, onomastics, F.M. Dostoevsky, "The Brothers Karamazov", Smerdyakov, Fyodor Pavlovich Karamazov.

В настоящее время утверждение о знаменательности ономастического кода в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского является аксиоматичным, о чем свидетельствует частое обращение к анализу именника произведений писателя как в лингвистических, так и литературоведческих работах, затрагивающих разные аспекты [1], [2], [3]. В наших исследованиях отмечалось, что некоторые имена являются сквозными в творчестве писателя, например, разные варианты женских имен *Елизавета*, *Марья*, мужского – *Петр* и др. [3]. К их числу следует отнести и имя *Федор*, которое в романе «Бесы» дано беглому разбойнику, отбывавшему срок на каторге, что, возможно, является отсылкой к самому писателю, являющемуся носителем имени *Федор* и приговоренному к каторге (неслучайно в Федькиной речи используются народные обороты из сибирской тетради Достоевского [4, с. 123]), а «Федька, к тому же, еще и *Федорович*, т.е. сын Федора, рожденный автором» [5; с. 265]: «Крестили Федором Федоровичем; доселе природную родительницу нашу имеем в здешних краях-с, старушку божию, к земле растет, за нас ежедневна день и ночь бога молит, чтобы таким образом своего старушечьего времени даром на печи не терять» [т. 10; с. 204]. По мнению И.В. Ружицкого, Э.А. Ружицкой, С.Н. Шепелевой, исследовавших языковую личность Федьки Каторжного, «Федька – это жестокий убийца, лакей и человек из народа в одном лице. Для Федьки совершить убийство – проблема не большая, он уже *переступил*. И без мучений, без какой-либо рефлексии по этому поводу, по крайней мере, читатель об этом ничего не знает. Для него не существует человека – ни его жизни, ни его мнения, ни его ответной реакции в диалоге, Федька ни о чем не спрашивает и ни на что прямо не отвечает, вопросы собеседника для него тоже не очень-то и важны» [5; с. 274].

Интересен в данном контексте образ Смердякова, носящего отчество *Федорович* и являющегося своего рода преемником Федьки Каторжного. Смердяков идет дальше Федьки – он убивает ни какого-то человека, он лишает жизни собственного отца: Федорович убивает Федора.

Как известно, «Братья Карамазовы» стали итогом творчества Ф.М. Достоевского, в связи с чем воспринимаются исследователями как результат его писательского поиска, что дает возможность анализировать данный текст с точки зрения реализации всей совокупности художественных приемов, оформлявшихся на протяжении всего творческого пути и позволяющих говорить о его самобытности.

Начиная с первого произведения, Ф.М. Достоевский уделяет большое внимание выбору собственных имён – не только антропонимов и топонимов, но и фоновых онимов, которые позволяют постигнуть глубину творческого замысла (см. подробно: [1]; [3]). Отметим, что «Братья Карамазовы» – единственный роман «великого пятикнижия», в качестве элемента библионима которого используется имя собственное. Будучи «смысловой квинтэссенцией текста», заглавие обычно рассматривается «как своеобразный ключ к его пониманию» [6, с. 47]. Так, фамилия *Карамазов*, поставленная Ф.М. Достоевским в «абсолютно сильную» и «интегрирующую» позицию [7, с. 7, 13] созданного им художественного текста, играет важную роль в раскрытии его идейного содержания.

Особый интерес представляет антропонимическая пара *Фёдор Павлович Карамазов – Павел Фёдорович Смердяков*.

В романе «Братья Карамазовы» имя *Федор* получает глава семейства Карамазовых, а отчество *Федорович* – его незаконнорожденный сын Павел. Первую книгу своего романа Ф.М. Достоевский называет «История одной семейки», подразумевая под семейкой отца и братьев Карамазовых, и включает в неё 5 глав, одна из которых посвящена Федору Павловичу Карамазову (она так и названа), вторая – старшему сыну Мите, третья – второму браку и детям, в нем рожденным, четвертая – отдельно повествует об Алёше, в пятой рассказывается о старце Зосиме, хотя он и не приходится кровным родственником Карамазовых, однако является духовным отцом Алёши, в связи с чем его образ вводится в данной главе. Как видим, о Смердякове в главе, раскрывающей образ семейства Карамазовых, не упоминается, что свидетельствует о его исключённости из родственных отношений, хотя в Скотопригоньевске

«молва прямышенько указывала на Фёдора Павловича» как на отца Смердякова [8; т. 14, с. 92]. В третьей книге романа «Сладострастники» шестая глава названа писателем «Смердяков», именно в ней рассказывается о жизни Смердякова после того, как его взяли к себе на воспитание Григорий и Марфа.

Смердяков, исполняющий роль лакея в доме Федора Павловича, был рожден юродивой Лизаветой Смердящей в бане Карамазовых: «...Лизавета Смердящая, забравшись в их баню, только что родила младенца» [8; т. 14, с. 89]. Произошло это в тот момент, когда Григорий и Марфа похоронили своего младенца, поэтому Григорий воспринимает факт происхождения Смердякова следующим образом: «Божье дитя-сирота – всем родня, а нам с тобой подавно. Этого покойничек наш прислал, а произошел сей от бесова сына и от праведницы» [8; т. 14, с. 93]. Далее, как и полагается в соответствии с христианской культурой, необходимо совершить обряд крещения, во время которого ребенку дается имя: «Окрестили и назвали Павлом, а по отчеству все его и сами, без указа, стали звать Фёдоровичем. Фёдор Павлович не противоречил ничему и даже нашёл всё это забавным, хотя изо всех сил продолжал от всего отрезаться» [8; т. 14, с. 93].

В связи с этим следует вспомнить традиции имянаречения, которым Ф.М. Достоевский придавал большое значение, о чём свидетельствует его беседа с племянницей В.А. Савостьяновой, описанная в ее воспоминаниях: «По поводу имени этого нашего первого ребенка – сына, которого мы назвали Андреем, – он нас пожурил... «Не Андреем он должен был называться, а Константином, в честь отца мужа. В русском быту это так ведется». – «Но, дядя, – возражала я, – ведь его отец умер, а мы дали имя в честь моего отца, который жив». Он только ласково улыбнулся, но не уступил [9, с. 214-216]. Данная традиция соблюдалась в семье родителей писателя – Михаила Андреевича и Марии Федоровны Достоевских – старший сын назван именем отца, средний – именем деда по материнской линии, а младший – по имени деда со стороны отца, то есть в пределах одного рода можно говорить о существовании ономастического цикла – некой повторяемости имён в определенный период времени. Однако сам Ф.М. Достоевский в собственной семье частично отходит от данной традиции: первый сын назван в честь него Фёдором, а второй – Алексеем, хотя должен был получить имя *Михаил*. Анна Григорьевна Достоевская так комментирует данный факт: «10 августа Бог даровал нам сына, которого мы назвали Алексеем (*Имя св. Алексия – Человека божия было особенно почитаемо Федором Михайловичем, отчего и было дано новорождённому, хотя этого имени не было в нашем родстве)» [10, с. 307].

Как видим, традиции имянаречения, волновавшие писателя, соблюдены им в романе «Братья Карамазовы», где все сыновья, включая незаконнорождённого, являются *Фёдоровичами*, но при этом побочный сын получает и имя по деду, что символизирует в генеалогическом плане преемственность поколений. Однако, несмотря на то что отчество появившийся на свет младенец наследует от законного отца, в основу его фамилии легло прозвище матери: «В городе понравилось, что он взял подкидыша. Впоследствии Федор Павлович сочинил подкидышу и фамилию: назвал он его Смердяковым, по прозвищу матери его, Лизаветы Смердящей» [8; т. 14, с. 93]. Причастность всех жителей Скотопригоньевска к акту имянаречения обусловлена сиротством Смердякова: «Божье дитя-сирота – всем родня, а нам с тобой подавно. <...> Питай и впредь не плачь» [8; 14: 92–93]. Другая фамилия у побочного сына – свидетельство распада истинных семейных ценностей, ведь имя деда должно было остаться в кругу семьи, объединенной одной фамилией (см. подробно о выборе фамилий для незаконнорожденных детей: [11]).

Отказ Карамазова от включения Смердякова в родственные отношения своей семьи определяет выбор его пути, который мог быть либо праведническим, либо бесовским: «Этого покойничек наш прислал, а произошел сей от бесова сына и от праведницы» [8; т. 14, с. 92–93]. Так, сирота Смердяков, после смерти матери и отказа отца напрямую остается в родстве со всем человечеством. Именно этим, на наш взгляд, и определяется тот факт, что он не заинтересован в продолжении своего рода: «...женский пол он, кажется, так же презирал, как и

мужской, держал себя с ним степенно, почти недоступно» [8; т. 14, с. 116]. Иван отмечает «скопческую испитую физиономию Смердякова» [8; т. 14, с. 243], а рассказчик после возвращения Смердякова из Москвы видит, что он «вдруг как-то необычайно постарел, совсем даже несоразмерно с возрастом сморщился, пожелтел, стал походить на скопца» [8; т. 14, с. 115].

Таким образом, проблема вырождения семьи Карамазовых транслируется писателем на ономастическом уровне романа, особенно ярко это проявляется на фоне противопоставленного ему семейства Снегирёвых, физически несостоятельного. Слабый телом, но сильный духом сын в семье Снегирёвых носит имя своего деда, и таким образом, его имя-отчество – это ономастическая рокировка имени-отчества отца: Илья Николаевич > Николай Ильич.

Фамилия *Смердяков*, восходящая к прозвищу его матери, актуализирует информацию о запахе. Л.В. Карасёв отмечает, что «Смердящий» – значит пахнущий. Интересно, что Смердяков был поваром, то есть имел прямое отношение к запаху» [12; с. 109]. Но к запахам другим. От него исходит смрад, вонь, ведь он – «эмблема гниения» [10; с. 109]. По мнению В.В. Иванова, «тема смрада, тлетворного духа пронизывает весь роман. С этой темой и с глаголом *смердеть* связывается намек на уголовное преступление, в разговоре Ракитина с Алешей замечено: «...старик действительно прозорлив: уголовщину пронюхал. Смердит у вас» [8, т. 14, с. 73] [13, с. 105]. В романе Смердякову даются номинации, раскрывающие значение его фамилии: «иезуит смердящий» [8, т. 14, с. 119], «*смердящая шельма*» [8, т. 15, с. 51], «смердящий пес» [8, т. 14, с. 30], «Смердящий, сын Смердящей» [8, т. 15, с. 30]. При этом интересно, что рождён Смердяков в бане, утилитарное назначение которой как раз и заключается в очищении тела. Однако, как известно, образ бани в русской традиции амбивалентен: баня, очищающая тело, сама является местом нечистым, поскольку может быть обиталищем нечисти: «после трёх перемен посетителей в бане моются черти, лешие, овинники и сами банники. <...> Это поверье о четвертой, роковой банной «смене» распространено на Руси повсеместно» [14, с. 36].

Мотив появления на свет Смердякова в бане автобиографичен, о чём свидетельствуют воспоминания младшего брата писателя: «... не могу не упомянуть о дурочке Аграфене. В деревне у нас была дурочка, не принадлежавшая ни к какой семье, она все время проводила, шляясь по полям, и только в сильные морозы зимой ее насильно приючивали в какой-либо избе. Ей уже было тогда лет двадцать-двадцать пять; говорила она очень мало, неохотно, непонятно и несвязно; можно было только понять, что она вспоминала постоянно о ребенке, похороненном на кладбище. Она, кажется, была дурочкой от рождения и, несмотря на свое такое состояние, претерпела над собой насилие и сделалась матерью ребенка, который вскоре умер. Читая впоследствии в романе брата Федора Михайловича «Братья Карамазовы» историю Лизаветы Смердящей, я невольно вспоминал нашу дурочку Аграфену» [15, т. 1 с. 79]. Ф.М. Достоевский перерабатывает историю, услышанную им в детстве, и вводит в роман «Братья Карамазовы» как важный элемент развития сюжета, поскольку рождение Смердякова в бане Карамазовых, с одной стороны, является традицией («у русских и белорусов повсеместно было принято рожать в бане, что объяснялось, в частности, необходимостью вынести «нечистый» акт родов из «чистого» жилого помещения» [16, с. 20]), с другой, – помещая во время родов Лизавету Смердящую в баню, писатель не только нарочито снижает образ ее сына, противопоставляя его признанным детям Фёдора Павловича, но и предсказывает будущие события, в развитии которых особую роль сыграл факт рождения Смердякова в нечистом месте, о чём Григорий постоянно напоминает Смердякову: «Ты разве человек, <...>, ты не человек, ты из банной мокроты завелся, вот ты кто...» [8; т. 14, с. 114]. а «Смердяков, как оказалось впоследствии, никогда не мог простить ему этих слов» [8; т. 14, с. 114]. Благодаря Григорию слава о нечестном происхождении Смердякова преследует его и в Москве. Слово-сочетание *банная мокрота* Ф.М. Достоевский слышал во время пребывания в омском остроге в следующем контексте: «Ты всего-то из банной мокроты зародился, сказали бы ему, как говорили, ругаячись, покойники из Мертвого дома (а ведь половина, должно быть, теперь уж

покойнички), когда хотели обозначить какое-нибудь бесчестное происхождение» [17, т. 83, с. 624].

О «бесчестном происхождении» свидетельствует и фамилия героя, восходящая к лексеме *смерд*: «Смерд м. стар. человек из черни, подлый (родом), мужик, особый разряд или сословие рабов, холопов, позже крепостной» [18; т. 4, 232]. Паремия с глаголом *смердеть* актуализируют значение ‘дурной запах’: Холопа, как ни мой, он все смердит [18; т. 4, 232]. Глагол *смердеть* является стилистически маркированным: «Смердеть, вонять, испускать смрад, зловоние, отвратительный, вонючий запах» [18; т. 4, 232]. Значение глагола положено в основу прозвища матери Смердякова – Лизаветы Смердящей: поскольку она не мылась, от её тела исходил смрадный запах. Несмотря на появление на свет в бане, месте очищения тела, Смердяков, став поваром и имея отношение к приятным запахам приготовленной еды, источает духовный смрад, в связи с чем соотносится номинативно со своим предполагаемым отцом, которого Митя называет «смрадным насекомым» [8; т. 14; с. 366]. Второе значение глагола *смердеть* отсылает к другой ступени вокализма – *смород* от греч. *morussw* ‘делать черным, покрывать сажей, копотью’ [19, т. 3, 691], что дает возможность рассматривать фамилии *Смердяков* и *Карамазов* как синонимичные: *карамазый* – черномазый, чернявый, смуглый (*кара* – татар. ‘черный’) [18; т. 2, с. 90] [18; т. 2, с. 192]. Семантика лексемы *карамазый* стала известна Ф.М. Достоевскому во время пребывания на каторге и зафиксирована им в записной книжке под номером 428 сделана запись: «Да он у нас [когда] белый не ходит, а все такой черномазый» [20; с. 31]. Обыгрывается данное значение фамилии *Карамазов* в тексте романа, когда Арина Петровна Снегирёва Алешу называет Черномазовым [8, т. 14, с. 184], а также в письме Ф.М. Достоевского жене от 19 июля 1879 г.: «...Квартиру напротив нашей наняли только сегодня и переехали жильцы. Сак старый отвез к Кранихфельдам, они были уже дома, у них все чисто, но жалуются на тараканов-пруссаков. Ужасно много. Чёрных же в моем кабинете ни одного. Действительно, может быть, чёрные к деньгам (прослышали Карамазовых), а перебрался к Кранихфельдам, мигом исчезли» [8, т. 30, кн.1, с. 79].

Как видим, в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевский не только делает семантически значимую ономастическую рокировку имени-отчества отца и его внебрачного сына, но и дает героям коррелирующие фамилии. Все это происходит на фоне отказа признать Смердякова сыном и братом – даже у Алёши не возникает мысли о родственных связях между Карамазовыми и Смердяковым. Так, писатель с помощью антропонимов – имени деда по отцу *Павел*, отчества *Фёдорович* и фамилии, синонимичной фамилии предполагаемого отца, номинально включает Смердякова в систему родственных отношений, в которых фактически ему отказано.

Библиографический список

1. Альтман М.С. По вехам имен. Саратов, 1975. 280 с.
2. Касаткина Т.А. К вопросу о функциях имен в произведениях Ф.М. Достоевского // Имя в литературном произведении: художественная семантика. М., ИМЛИ РАН, 2014. С.231-250.
3. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского. Воронеж, 2022. 341 с.
4. Гург М. Опыт анализа речи Ставрогина («чужое» слово и его контекстуализация в процессе создания идеологии персонажей) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 9. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 117-123.
5. Ружицкий И.В., Ружицкая Э.А., Шепелева С.Н. Языковая личность Федьки-каторжника: индивидуальное и коллективное // Вопросы психолингвистики. 2015. №3 (25). С. 265-276.
6. Скуридина С.А., Хрупин А.В. «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского: о специфике названия // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-

строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2 (25). С. 47-52.

7. Кольцова Л.М. Заголовок в структуре художественного текста // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2007. № 2 (2). С. 6-19.

8. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л.: Наука, 1972–1988.

9. Савостьянова (Достоевская), В.А. Воспоминания о встречах со своим дядей Ф.М.Достоевским // Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 214-217.

10. Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 1987. 559 с.

11. Ковалев Г.Ф. Бастардида в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Словесность. Альманах. Книга 6. М., «Библиотека газеты «МОЛ», 2012. С. 67-69.

12. Карасев Л.В. О символах Достоевского // Вопросы философии. 1994. №10. С. 90-111.

13. Иванов Вяч.Вс. О композиционной роли фамилий героев у Достоевского. Смердяков // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том. 2. Статьи о русской литературе. М.: Языки русской культуры, 2000. С.105-109.

14. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1989. 480 с.

15. Достоевский А.М. Из «Воспоминаний» // Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников: в 2 тт. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 29-163.

16. Бобров А. Баня в древнерусской литературе // Летняя школа по русской литературе. 2013. Т. 9. №1. С. 14-28.

17. Литературное наследство, т. 83. Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М.: Наука, 1971. 727 с.

18. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1. А-З. 1978. 699 с.

19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. СПб.: Терра – Азбука, 1996.

20. Достоевский Ф.М. Моя тетрадка каторжная (Сибирская тетрадь). Красноярск, 1985. С. 31.

References

1. Altman M.S. On the milestones of names. Saratov, 1975. 280 p.

2. Kasatkina T.A. On the question of the functions of names in the works of F.M. Dostoevsky // Name in a literary work: artistic semantics. Moscow, IMLI RAS, 2014. pp.231-250.

3. Skuridina S.A. The Onomastic code of F.M. Dostoevsky's literary texts. Voronezh, 2022. 341 p.

4. Gurg M. The experience of analyzing Stavrogin's speech (the "alien" word and its contextualization in the process of creating an ideology of characters) // Dostoevsky. Materials and research. Vol. 9. L.: Nauka. Leningrad Branch, 1991. pp. 117-123.

5. Ruzhitsky I.V., Ruzhitskaya E.A., Shepeleva S.N. The linguistic personality of Fedka the convict: individual and collective // Questions of psycholinguistics. 2015. No. 3 (25). pp. 265-276.

6. Skuridina S.A., Frabin A.V. "Notes from the Dead House" by F.M. Dostoevsky: about the specifics of the title // Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and Intercultural communication. 2017. No. 2 (25). pp. 47-52.

7. Koltsova L.M. Heading in the structure of a literary text // Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. The series "Linguistics and intercultural communication". 2007. No. 2 (2). pp. 6-19.

8. Dostoevsky F.M. Complete works in 30 volumes. L.: Nauka, 1972-1988.

9. Savostyanova (Dostoevskaya), B.A. Memories of meetings with her uncle F.M.Dostoevsky // Dostoevsky in the forgotten and unknown memoirs of his contemporaries. St. Petersburg: Andreev and Sons, 1993. pp. 214-217.

10. Dostoevskaya A.G. *Memoirs*. Moscow, 1987. 559 p.
11. Kovalev G.F. Bastardiada in A.S. Pushkin's novel "Eugene Onegin" // *Literature. The almanac*. Book 6. M., "Library of the newspaper "MOL", 2012. pp. 67-69.
12. Karasev L.V. On Dostoevsky's symbols // *Questions of Philosophy*. 1994. No. 10. pp. 90-111.
13. Ivanov Vyach.Sun. On the compositional role of characters' surnames in Dostoevsky. *Smerdyakov // Selected works on semiotics and cultural history*. Tom. Russian Russian literature articles. Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. pp.105-109.
14. Maksimov S.V. *The unclean, the unknown and the power of the Cross*. Moscow, 1989. 480 p.
15. Dostoevsky A.M. From "Memoirs" // *Dostoevsky F.M. in the memoirs of contemporaries: in 2 volumes*. Moscow: Fiction, 1990. Vol. 1. pp. 29-163.
16. Bobrov A. The bathhouse in Ancient Russian literature // *Summer School on Russian Literature*. 2013. Vol. 9. No. 1. pp. 14-28.
17. *Literary legacy*, vol. 83. *The unpublished Dostoevsky: Notebooks and notebooks 1860-1881*. Moscow: Nauka, 1971. 727 p.
18. Dahl V.I. *Explanatory dictionary of the living Great Russian language: Vol. 1. A-Z*. 1978. 699 p.
19. Fasmer M. *Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes*. St. Petersburg: Terra – Abc, 1996.
20. Dostoevsky F.M. *My convict notebook (Siberian notebook)*. Krasnoyarsk, 1985. p. 31.

УДК 82'1.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.016

Волгоградский государственный социально-педагогический университет (ФГБОУ ВО «ВГСПУ»)

ассистент кафедры литературы и методики её преподавания, аспирант
Наумцев И.И.

Россия, г. Волгоград,

e-mail: naumcev1998@mail.ru

89682864325

Volgograd State Socio-Pedagogical University (VGSPU),

Assistant of Department of Literature and Methods of its Teaching, graduate student
Naumtsev I.I.

Russia, Volgograd,

e-mail: naumcev1998@mail.ru

89682864325

И.И. Наумцев

«ПЧЕЛИНЫЙ» ТЕКСТ В ТВОРЧЕСТВЕ Е. БЛАЖЕЕВСКОГО

Исследование «пчелиного» текста в русской литературе представляет собой актуальную и малоизученную проблему, требующую глубокого анализа в контексте современных литературных процессов. В статье И.И. Наумцева рассматривается стихотворение «Осы» Е. Блажеевского, поэта второй половины XX века, чьё творчество демонстрирует оригинальный подход к осмыслению традиционных мотивов. Автор проводит сравнительно-сопоставительный анализ, выявляя особенности художественной реминисценции «пчелиных» образов в поэзии Е. Блажеевского и их связь с поэтической традицией О. Мандельштама. Основное внимание уделено образу осы, который, в отличие от пчелы, становится центральным символом в стихотворении, организуя его смысловую структуру. Автор подчёркивает, что Е. Блажеевский, следуя за О. Мандельштамом, использует бинарную оппозицию «пчелы – осы», где осы ассоциируются с мотивами хищничества, а пчелы – с творчеством и жертвенной любовью. В статье детально анализируются ключевые образы: роза, солнце, медовый дым, – и их трансформация в контексте стихотворения. Например, роза, традиционно символизирующая любовь, здесь снижается до образа мимолётного увлечения. Особое место занимает исследование политического подтекста. И.И. Наумцев отмечает, что осы у Е. Блажеевского могут быть интерпретированы как поэты-эмигранты, вынужденные покинуть родину, в то время как пчелы остаются символом верности традициям. Анализ географических и авиационных метафор (Кемь, Крым, зелёные огни самолётов) позволяет раскрыть новые смысловые пласты, связанные с мотивом поиска опоры в меняющемся мире. Кроме того, автор подчёркивает новаторство поэта в расширении семантического поля «пчелиного» текста, что делает его творчество значимым для современного литературоведения.

Ключевые слова: Блажеевский, Мандельштам, осы, пчелы, роза, поэт, мотив, образ.

I.I. Naumtsev

THE "BEE" TEXT IN THE WORK OF E. BLAZHEEVSKY

The study of the "bee" text in Russian literature is an urgent and little-studied problem that requires in-depth analysis in the context of modern literary processes. The article by I.I. Naumtsev examines the poem "Wasps" by E. Blazheevsky, a poet of the second half of the 20th century, whose work demonstrates an original approach to understanding traditional motifs. The author conducts a comparative analysis, revealing the features of the artistic reminiscence of "bee" images in the poetry of E. Blazheevsky and their connection with the poetic tradition of O. Mandelstam. The main attention is paid to the image of the wasp, which, unlike the bee, becomes the central symbol in the poem, organizing its semantic structure. I.I. Naumtsev emphasizes that E. Blazheevsky, following O. Mandelstam, uses the binary opposition "bees – wasps", where wasps are associated with motives of predation, and bees – with creativity and sacrificial love. The article analyzes in detail the key images: rose, sun, honey smoke, and their transformation in the context of the poem. For example, a rose, traditionally symbolizing love, is reduced here to an image of a fleeting infatuation. A special place is occupied by the study of political overtones. I.I. Naumtsev notes that wasps by E. Blazheevsky can be interpreted as emigrant poets forced to leave their homeland, while bees remain a symbol of loyalty.

ality to traditions. The analysis of geographical and aviation metaphors (Kem, Crimea, the green lights of airplanes) allows us to reveal new semantic layers associated with the motive of finding support in a changing world. In addition, the author emphasizes the poet's innovation in expanding the semantic field of the "bee" text, which makes his work significant for modern literary criticism.

Keywords: Blazheevsky, Mandelstam, wasps, bees, rose, poet, motif, image.

Особенности художественного осмысления образов пчёл, мёда, сот и т.п. интересовали исследователей литературы с древних времён. «Пчелиная» символика наблюдается ещё у античных поэтов (Сафо, Гораций, Гесиод и др.). Весомый вклад в исследование этой темы в рамках отечественной литературы внести К.Ф. Тарановский [1], В.В. Иванов и В.Н. Топоров [2], М.С. Евзлин [3], А.А. Фаустов [4], Г.Ф. Ковалев и С.Г. Заки [5], С.А. Скуридина и Д.Л. Овсиенко [6] и др. В 2020 году в свет вышла коллективная монография «Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка», где в том числе исследуются образы пчелы и осы в литературе и фольклоре [7]. И хотя, по замечанию А.А. Фаустова, «пчелиный» текст возникает в русской литературе конца XVIII – первой половины XIX века, «к 20-м годам прошлого столетия вырисовываются два главных круга значений, которые будут прикреплены к «пчелиной» образности («творчество» и «любовь»), и почти полностью вытесняются более архаичные, средневековые по генезису смыслы, канонизированные в эмблематике: «трудолюбие», «предусмотрительность», «социальность» и т.д.», т.е. происходит обновление устойчивых значений образа [8; с. 45]. Это наблюдение значимо и в контексте предлагаемого анализа. Желание рассмотреть особенности «пчелиного» текста в творчестве Е. Блажеевского вызвано оригинальным подходом поэта второй половины XX века к осмыслению традиционных мотивов и образов. Следует отметить, что образ пчелы/осы не является частотным для Е. Блажеевского. При изучении его лирического наследия было найдено только одно стихотворение («Осы»), применимо к которому можно говорить о проблеме «пчелиного» текста. Однако именно это обстоятельство позволяет заключить, что выбор по этому нехарактерной для его творческого видения символика делает данное произведение уникальным, особенным для автора.

В литературоведении сложилась тенденция говорить о художественном осмыслении образа осы в рамках дискурса «пчелиного» текста. Так, А.А. Фаустов, изучая проблему «пчелиного» текста в творчестве О. Мандельштама, вслед за К.Ф. Тарановским говорит не только о пчёлах, но и об осах. Такой подход в изучении данного вопроса неслучаен и определён глубинной поэтической традицией. Как замечает К.Ф. Тарановский в работе «Пчёлы и осы: Мандельштам и Вячеслав Иванов»: «В общепринятой символической – пчёлы трудолюбивые, хлопотливые, а осы хитрые, хищные» [1; с. 137]. Здесь же он пишет, что подобное противопоставление, развитое О. Мандельштамом в поздней лирике, является традиционным в литературе. В этом контексте прямой поэтический диалог с О. Мандельштамом не только неизбежен, но и является выражением художественной интенции Е. Блажеевского, завершившего стихотворение «Осы» катреном:

Поэт знаменитый Осип
Ваш звёздный маршрут прочёл.
О, эти худые осы –
Раскольники среди пчёл!.. [9; с. 266]

В связи с этим опора на поэтическую традицию поэта-акмеиста в изображении пчёл/ос раскрывает новые смысловые пласты в произведении Е. Блажеевского. При этом М.С. Евзлин отмечает: «Во всех рассмотренных А.А. Фаустовым текстах, за единственным исключением мандельштамовского «Возьми на радость из моих ладоней...», пчелы не дорастают до уровня знака-символа, организующего текст как структурно-смысловое единство...» [3; с. 96]. Осы в анализируемом стихотворении являются тем самым знаком-символом, составляющим смысловую основу текста. Четверостишие, процитированное выше, позволяет рассматривать развёрнутый образ ос в качестве единицы бинарной оппозиции осы / пчелы, что, в свою очередь, обращает наше внимание на аналогичное противопоставление в поэзии

О. Мандельштама. В произведении Е. Блажеевского оно усиливается художественным определением: «...осы – / Раскольники среди пчёл!...» [9; с. 266]. В поздней литературной традиции пчёлы, добывающие мёд, как правило, являются частью антропогенного пространства, тогда как осы – враги, гонимые человеком, их травят и преследуют.

Наиболее значимым в «пчелином контексте» является стихотворение «Возьми на радость из моих ладоней...». В нём образ пчелы-поцелуя тесно связан с мотивом несчастной любви: «Макрообраз любовь <...> формируется амбивалентными словесными образами-интерферентами пчела (оса), роза. Следует отметить, что словесный образ-интерферент пчела (оса) в поэтической традиции является знаком любовного чувства (см. об этом Фаустов 1994), а важнейшими из традиционных символических значений словесного образа-интерферента роза являются любовь (как божественная, так и земная) и гармония» [10; с. 77]. В стихотворении Е. Блажеевского значение образа розы снижается ввиду контекста:

...Словно розы
Летят на ринг —
Злые осы
Ночами летят на Рим... [9; с. 266]

Образы «пчела» и «роза» традиционно объединяются общим качеством: острые жала и шипы. Сочетание «роз» и «засосов» позволяет предположить наличие в стихотворении эротического подтекста, что также является продолжением поэтической традиции: «Пчелиная» тема в эротической её огласовке, принадлежит анакреонтике» – пишет об этом А.А. Фаустов [8; с. 45]. Однако появление ос вместо пчёл как бы «огрубляет» традиционный символизм. Осы не умирают, когда жалят, что, безусловно, редуцирует в этом контексте мотив жертвенной любви. Множественное число, а также «полёт на ринг», где розы и окончат свою «жизнь» позволяет говорить о любви неглубокой, проходящей, которую фанаты ощущают по отношению к кумиру, читатели – по отношению к поэту. Отсюда следует второе значение «пчёл»: «Высокая степень организованности пчелы и мёда (особенно сотового), олицетворяющих начало высшей мудрости, делает пчелу и мёд универсальными символами поэтического слова, шире – самой поэзии» [2; с. 844]. Это в высшей степени справедливо по отношению к стихотворению О. Мандельштама. Неслучайно исследователь его творчества Б.А. Минц пишет: «В авторизованной машинописи и списке, сделанном Н.Я. Мандельштам, есть разночтение в заключительной строке: «Из мертвых пчёл, мёд превративших в соты» (вместо – «солнце»). В обеих редакциях композиция кольцевая. «Соты» венчают «пчелиную» линию и могут быть поняты как «архитектурная» метафора поэзии, строящей гармонию ценою гибели поэта. «Солнце» позволяет дать расширительное толкование, подразумевающее не только поэзию, но любовь и саму жизнь» [11; с. 230].

Кроме того, следует заметить, что в противопоставление мандельштамовскому семантическому сочетанию «пчёлы – солнце» Е. Блажеевский предлагает своё: «осы – звезда». Ночное время суток в стихотворении «Осы» принципиально важно для автора. Звезда же в этом контексте становится условным обозначением не космического объекта, а лампочки самолёта. Именно это можно предположить, последовательно анализируя текст:

...Как насосы,
Воздух ночной сосут
И звезды загадочный изумруд
Злые осы —
Худы и раскосы —
На крыльях несут... [9; с. 265]

Насосы вполне могут представлять собой турбины, «звезды загадочный изумруд» – огни самолёта. Изумрудный цвет указывает на особенность навигации: «Расположенные на правом конце крыла, зеленые огни обозначают правую сторону. Если другой пилот видит зеленый свет, он знает, что самолет либо движется в том же направлении, что и он, либо пересекает его путь справа налево» [12].

Так и получается: осы «несут» зелёные огни именно на крыльях, передвигаясь при этом роём в одном направлении, поэтому включение зелёных огней – обязательная мера безопасности. Кроме того, по отношению к осам автор использует эпитеты «худы и раскосы»: если с первым всё очевидно (заметим также созвучие с мандельштамовскими «узкими осами»), то понимание второго потребует от читателя визуализации переднего стекла в кабине пилота, называемого в авиации фонарём. Полноту этому образу предаёт «жужжащий» звук низко пролетающего самолёта. Подобная метафора не является необычной: например, в стихотворении О. Мандельштама «А небо будущим беременно...» аэроплан представлен в виде «большой жужжащей медуницы» [1; с. 151]. Однако можно предположить, что Е. Блажеевский сочетает устойчивые символические значения, создавая новый ассоциативный ряд «оса – самолёт – поэт». При этом образ самолёта сочетается с образом осы через подобие летающих объектов, а образ поэта – через метонимический перенос (он летит в самолёте). Подобная трактовка, как нам кажется, возможна в связи с тем, что Е. Блажеевский, судя по всему, в большей степени вдохновлялся другим стихотворением О. Мандельштама – «Вооружившись зреньем узких ос...». В нём осы становятся центральным образом, напрямую связанным с политическими мотивами. К.Ф. Тарановский, отмечая, что это стихотворение написано «вскоре после знаменитой оды Сталину», поясняет: «...ось мира, сдвинутая рукой Сталина, является несомненным подтекстом к осам, сосущим земную ось» [1; с. 152]. Кроме того, известно, что Е. Блажеевский соперничал поэтам, вынужденным покинуть родину в 1970–1980 годы. Данная версия трактовки подтверждается тесной связью образа Мандельштама и мотива эмиграции, политического преследования в творчестве поэта. Образ Мандельштама в этом контексте имеет явную связь с родной землёй («Другу», 1977 год):

Обращаюсь к тебе, хоть и знаю — бессмысленно это,
Из осенней Москвы обращаться к тому, кто зарыл
На далёком кладбище далёкого Нового Света,
Где тебя Мандельштам не разбудит и не озарит.

<...>

Поколение это другого не знало исхода:

Голос – в русское небо, а тело – в заморский песок. [9; с. 35]

В таком случае существует соблазн предположить, что полёт «на Рим» является контекстуальным синонимом эмиграции, злые «осы-раскольники» противопоставлены «хорошим» пчёлам (оставшимся поэтам), а значит названы автором таковыми в иронической манере – неслучайно перед описанием действий «злых ос» неоднократно повторяется оттеняющая реализм общественных обвинений фраза: «А мы говорим...» [9; с. 265]. Это тоже является вполне закономерным, т.к. сам Е. Блажеевский остался на родине, с сочувственной грустью наблюдая за отъездом товарищей. Далее: улетающие осы «Пронесут засосы / И медовый дым...», что, судя по всему, означает не только конденсационный след от самолёта, но и так называемый дымарь, опускающийся на пчёл, оставшихся дома, усыпляя их тревоги [Там же]. Интересно, что словосочетание «медовый дым» встречается в стихотворении С.А. Есенина «На небесном синем блюде...»: «На небесном синем блюде / Желтых туч медовый дым». Здесь оно является метафорой пчелиного роя. Однако Е. Блажеевский идёт дальше: медовый дым обозначает не сам рой, а то, что остаётся после его полёта. Оса, равно как и пчела, становится символом поэта через переходный образ самолёта. Вместе с тем усиливается противопоставление ос, улетающих ночью, и пчёл, которые в это время спят.

У О. Мандельштама «могучие, хитрые осы – это сильные мира сего» [1; с. 153]. Сосущие земную ось, они вращают Землю в нужном им направлении. Лирический герой О. Мандельштама не отождествляет себя с ними, но, вооружившись их зрением, ощущает то, что неподвластно остальным, становясь воплощением пушкинского пророка. Осы в стихотворении Е. Блажеевского только ищут точку опоры, чтобы «впитаться» в земную ось. Отметим, что Кемь и Крым, через которые пролетают осы, имеют определённую географическую особенность: и северный город, и южный полуостров имеют одинаковые координаты долго-

ты – 34 градуса восточной долготы. Именно так, соединяя северную и южную часть страны, «...осы / Пронесут насосы / Через Кемь и Крым...», стремясь добраться до земной оси через единый меридиан. Более того, в конце стихотворения автор пишет:

...На откосы
 Двигается караван
 Из далёких стран.
 Это осы –
 Худы и раскосы –
 Летят сквозь туман. [9; с. 266]

Образ каравана, а также «раскосость» ос позволяют предположить, что далёкие страны – это страны Ближнего Востока, откуда через откосы и моря (отсюда и туман) они летят. Таким образом две линии движения создают условный крест, а также точку пересечения, которая, вероятно, станет местом, где осы смогут «впитаться» в ось Земли. В таком случае «Рим», часто осмысляемый в литературе (и не только) как центр мира, становится главным местом их притяжения. Примечательно, что лирический герой, отождествляемый с авторским голосом, отмечает точные координаты в рамках своей страны (Кемь и Крым) и только обобщает пространственные характеристики остальных ос словосочетанием «другие страны». Наконец, нельзя не сказать о стихотворении О. Мандельштама «Сёстры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы», с которым также перекликаются «Осы» Е. Блажеевского. Если у О. Мандельштама «Медуницы и осы тяжёлую розу сосут» [13; с. 277], то у Е. Блажеевского они уподобляются розам, а глагол «сосут» применяется к ночному воздуху. Неудивительно, что строки: «Как насосы, / Воздух ночной сосут», созвучны мандельштамовской формуле: «Словно тёмную воду, я пью помутившийся воздух» [9; с. 265]. При подобном сопоставлении становится очевидна близость образов осы и поэта. Однако эта же связь прослеживается с антонимичными осам пчёлами, к которым таким же образом может быть применено сравнение с розами, летящими на ринг, т.е. любовью мимолётной, проходящей. Подобное дихотомическое сочетание как бы вторит словам О. Мандельштама: «Сестры тяжесть и нежность...» и «Розы тяжесть и нежность...». В стихотворении «Осы» поэт-«семидесятник» обращается к частотным в отечественной словесности образам, напрямую связанным с «пчелиным» текстом литературы. Через поэтический диалог с О. Мандельштамом актуализируются политический, любовный мотивы, а также мотив поэта-пророка. Е. Блажеевский переосмысляет традиционную символику «пчелиных» («осиных») образов, расширяя семантико-коннотативное поле образа «осы».

Библиографический список

1. Тарановский К.Ф. Пчёлы и осы в поэзии Мандельштама: К вопросу о влиянии Вячеслава Иванова на Мандельштама // О поэзии и поэтике. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 1973–1995. 432 с.
2. Иванов В.В., Топоров В.Н. Пчела // Мифы народов мира: в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 844.
3. Евзлин М. Пчелы, мед и трагедия: И. Анненский и Ф. Сологуб // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. 2014–2015. Вып. 32. Ч. 1. Воронеж, 2015. С. 96–151.
4. Фаустов А.А. Этюд о художественной реальности Мандельштама. Время, фактура бытия и автогенез «пчелиного» текста // Филологические записки. Воронеж, 1994. Вып. 2. С. 71–83.
5. Ковалев Г.Ф., Заки С.Г. Энтومосемизмы (названия насекомых) в художественных текстах русской литературы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 7. С. 234–237.
6. Скуридина С.А., Овсиенко Д.Л. Образ пчелы в медиапространстве // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве : Материалы V Международной научной кон-

ференции, Воронеж, 17–19 апреля 2024 года. Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2024. С. 158-162.

7. Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка: коллективная монография / отв. ред. А. И. Смирнова. М.: Книгодел; МГПУ, 2020. 400 с.

8. Фаустов А.А. Еще раз о мандельштамовских пчелах: к предыстории образа на русской почве // Воронежский период в жизни и творчестве О. Э. Мандельштама. Воронеж, 1991. С. 44–47.

9. Блажеевский Е.И. Письмо: по праву памяти / под ред. Е. Л. Бершина. М.: Арт-Хаус Медиа, 2015. 449 с.

10. Палий О.В. Структура эллинского ЛМЦ книги стихов О. Мандельштама «Tristia» и традиционная картина мира // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2006. Вып. 1. С. 69–78.

11. Минц Б.А. Структура и поэтика лирических единств в поэзии О. Мандельштама: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Б. А. Минц. Саратов, 2019. 495 с.

12. Руководство по авиационным огням и их функциям (красный, зеленый, стробоскоп, маяк) // AIR POWER. 2023. URL: <https://www.airpowerinc.com/what—are—the—lights—on—an—airplane> (дата обращения: 08.10.2024).

13. Мандельштам О. Сумерки свободы: стихотворения / О. Мандельштам. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. 416 с.

References

1.Taranovsky K.F. Bees and wasps in Mandelstam's poetry: On the question of Vyacheslav Ivanov's influence on Mandelstam // About poetry and poetics. Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. pp. 1973-1995. 432 p.

2.Ivanov V.V., Toporov V.N. The Bee // Myths of the peoples of the world: in 2 volumes, Moscow, 1982. Vol. 2. p. 844.

3.Evzlin M. Bees, honey and tragedy: I. Annensky and F. Sologub // Philological notes. Bulletin of Literary Studies and Linguistics. 2014-2015. Issue 32. Part 1. Voronezh, 2015. pp. 96-151.

4.Faustov A.A. A study on the artistic reality of Mandelstam. Time, the texture of being and the autogenesis of the "bee" text // Philological notes. Voronezh, 1994. Issue. 2. Pp. 71-83.

5.Kovalev G. F. Entomosemisms (names of insects) in literary texts of Russian literature / G. F. Kovalev, S. G. Zaki // Humanities, socio-economic and social sciences. 2015. No. 7. pp. 234-237.

6.Skuridina S. A. The image of a bee in the media space / S. A. Skuridina, D. L. Ovsienko // Linguistic and cultural universals in the world space : Proceedings of the V International Scientific Conference, Voronezh, April 17-19, 2024. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. pp. 158-162.

7.The world of insects in the space of literature, culture and language: a collective monograph / ed. by A. I. Smirnov. Moscow: Knigodel; MGPU, 2020. 400 p

8.Faustov A.A. Once again about Mandelstam bees: towards the prehistory of the image on Russian soil // Voronezh period in the life and work of O. E. Mandelstam. Voronezh, 1991. pp. 44-47.

9.Blazheevsky E.I. Letter: on the right of memory / ed. by E. L. Bershin. Moscow: Art-House Media, 2015. 449 p.

10.Paliy O.V. The structure of the Hellenic LMC of O. Mandelstam's book of poetry "Tristia" and the traditional picture of the world // Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. 2006. Issue 1. pp. 69-78.

11.Mints B.A. The structure and poetics of lyrical units in O. Mandelstam's poetry: dis. ... Doctor of Philology: 10.01.01 / B. A. Mints. Saratov, 2019. 495 p.

12. Guide to aviation lights and their functions (red, green, strobe, beacon) // AIR POWER. 2023. URL: <https://www.airpowerinc.com/what-are-the-lights-on-an-airplane> (date of request: 08.10.2024).

13. Mandelstam O. Twilight of Freedom: poems / O. Mandelstam. St. Petersburg: ABC, ABC-Atticus, 2020. 416 p.

ПИСАТЕЛИ-ЮБИЛЯРЫ: А.П. ЧЕХОВ И С.А. ЕСЕНИН **JUBILEE WRITERS: A.P. CHEKHOV AND S.A. YESENIN**

УДК828

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.017

*Воронежский государственный техниче-
ский университет*
канд. филол. наук, доцент
доцент кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Новикова М.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(919)246-62-11
e-mail: litra.novikov@yandex.ru

Voronezh State Technical University
Candidate of Philology,
Associate Professor, Department of Russian
Language and Intercultural Communication
Novikova M. V.
Russia, Voronezh,
phone +7(919)246-62-11
e-mail: litra.novikov@yandex.ru

М.В. Новикова

МУЗЫКАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ С. ЕСЕНИНА

В статье рассматриваются музыкальные мотивы в творчестве С.А.Есенина, раскрываются глубинные связи лирики поэта с музыкальной составляющей. Приводятся исследования ученых, уже обращавшихся к данной особенности поэзии С.А.Есенина, рассматривается биографический контекст (воспоминания современников, автобиография поэта), благодаря чему выявляется значимость для творческой лаборатории С.А.Есенина музыкальных мотивов, которые представлены в виде песенного начала и музыкальности самой природы (ветра, полей, деревьев). Также музыкальность вводится С.А.Есениным за счет отсылок к музыкальным инструментам (в статье рассматриваются только самые значимые из них: гитара, гармошка и другие). Выявленные музыкальные мотивы – это особые смысловые доминанты, которые не просто влияют на интонационно-ритмическую структуру стихотворения, но и раскрывают дополнительные коннотативные значения. Полученные результаты позволяют понять, что в лирике С.А.Есенина за музыкальным мотивом прослеживаются ряды образов деревенского быта, природных объектов, связанные со стремлением постигнуть древнее, прочно связанное с природой устройство жизни предков, возможность вернуться к корням.

Ключевые слова: музыкальные мотивы, песенность, гармошка, скрипка, гитара, С. А. Есенин.

M.V. Novikova

MUSICAL MOTIFS IN S. YESENIN'S POETRY

The article examines the musical motifs in the work of S.Yesenin, reveals the deep connections of the poet's lyrics with the musical component. The research of scientists who have already investigated this issue in various aspects is presented, the biographical context, the memoirs of contemporaries, the autobiography of the poet are further considered, the collected data also indicate the importance of the musical principle for S.Yesenin. The musical motifs in the poet's lyrics are presented in the form of a song beginning, the musicality of nature itself: wind, fields, trees. Musicality is also introduced through references to musical instruments, and the article focuses on the most significant ones: the guitar, the accordion, and others. The identified musical motifs are special semantic dominants that not only influence the intonation and rhythmical structure of the poem, but also reveal additional connotative meanings. The study used a comparative method and conducted a cultural, historical, and structural analysis. The results show that in S.A. Yesenin's poetry, the musical motif is accompanied by a series of images of rural life and natural objects, reflecting the desire to understand the ancient way of life of his ancestors and the possibility of returning to their roots. These images are a reflection of the folk culture of Russia.

Keywords: musical motifs, songfulness, accordion, violin, guitar, S. Yesenin.

Музыкальность поэзии С.А. Есенина отмечалась еще его современниками. А.К Вронский писал: «В стихах Есенина <...> чувствуется сын земли, сын хаты, деревенский кудрявый парень, от ливенки и частушки пришедший в город со своими песнями, навеянными ивовой грустью, малиновыми зорями, овсом и рожью» [1; с. 272]. В цитате отмечено, что музыкальность в лирике поэта вытекает из его связи с природой и крестьянской культурой.

На данный момент насчитывается большое количество работ, связанных с изучением музыкальности как специфического свойства есенинской поэзии. Одной из стартовых точек подобных исследований можно считать конференцию 2014 года «Есенин и искусство», проходившую в Рязани, в рамках которой Н.И. Шубникова-Гусева отметила, что «в последние годы появился ряд работ по теме «Музыка в жизни и творчестве С.А. Есенина», которая еще нуждается в серьезном внимании литературоведов и музыковедов» [2; с. 10]. Отчасти этот вопрос рассматривается в работах Л.Л. Бельской «Песенное слово: Поэтическое мастерство Сергея Есенина» [3], Ю.Л. Прокушева «Сергей Есенин. Образ, стихи, эпоха» [4], П.Ф. Юшина «Поэзия Сергея Есенина 1910-1923 годов» [5], Э.Б. Мекша «Русская новокрестьянская поэзия» [6], С.М. Прохорова «Фольклор в художественном мире С. А. Есенина» [7] и других.

Г.И. Шипулина в статье «Слова *песня* / *петь* и их производные в поэзии Есенина» вычисляет частоту употребления слова 'песнь' и его производных, а также указывает на образные значения, связанные с ним [8].

В статье Н.Н. Бердяновой «Песня как тема и образ в творчестве С.А. Есенина» музыкальная сфера творчества поэта рассматривается через призму национального [9].

Кроме вышеперечисленных исследований, можно упомянуть также статью Е.В. Чернохой «К вопросу о дискурсе русского бытового романса в поэзии Есенина», а также работу М.А. Арошидзе «О музыкальности поэзии Есенина», в которой отмечается, что « всю свою жизнь он слушал музыку и творил ее: впитывал музыку природы, музыку бытия, а потом творил музыку поэзии» [10; с. 246]. С подобной мыслью мы сталкиваемся и в исследовании П.С. Перцевой и Н.Е. Титковой «Музыка природы в поэзии С.А. Есенина», выявляющих, что «песенное начало для С.А. Есенина воплощает собой единство жизни человека и бытия вселенной» [11; с. 38].

Одним из самых полных исследований по данной теме можно считать работу А.В. Сухова «Музыкальные образы в творчестве С.А. Есенина: мифопоэтика и контекст», в которой подробно рассматривается музыкальное начало в лирике поэта, исследуется символика упомянутых в текстах С.А. Есенина музыкальных инструментов, случаи апелляции поэта к жанру песни [12].

Обращаясь к творчеству поэта, отметим, что еще в философском трактате «Ключи Марии» поэт излагал свои взгляды на литературное творчество и отводил особое место музыке: «Орнамент – это музыка. Ряды его линий в чудеснейших и весьма тонких распределениях похожи на мелодию какой-то одной вечной песни перед мирозданием» [13, т. 5, с.186]. Здесь имеется в виду не просто песня в ее прямом значении, а подразумевается глубинное осознание жизни через словоформу. Причем поэт ставит знак равенства между словесным и песенным, более того, музыкальное в восприятии С.А. Есенина становится синонимом гармоничного.

Свидетельства понимания С.А. Есениным связи литературы и музыки можно найти и в документах, отражающих частную жизнь поэта, – письмах, автобиографии и воспоминаниях современников. Так, обращаясь к автобиографии С.А. Есенина, мы видим, что уже с самого раннего детства песня влияла на его формирование как поэта: «Бабка была религиозна, таскала меня по монастырям. Дома собирала всех увечных, которые поют по русским селам духовные стихи от «Лазаря» до «Миколки»» [13, т.7, Кн.1, с.11]. В детских воспоминаниях поэта не только религиозные песнопения, но и народные песни: «Дедушка пел мне песни старые, такие тягучие, заунывные» [13, т.7, Кн.1, с.14], «Влияние на мое творчество в самом начале имели деревенские частушки» [13, т.7, Кн.1, с.15], «К стихам расположили песни, которые я слышал кругом себя, а отец мой даже слагал их» [13, т.7, Кн.1, с.21]. Л.М. Клейн-

борт свидетельствует о том, что собственное творчество Есенина на начальном этапе тесно смыкалось с народным: «Он писал мне, что родом он из деревни Рязанской губернии, что в Москве с 1912 года, работает в типографии Сытина; что начал он с частушек, затем перешел на стихи...» [13, т. 1, с. 168].

О музыкальности лирики С. Есенина доказательно свидетельствует лингвистическое исследование Г.И. Шипулиной, которая отмечает, что «в поэтическом языке Есенина песня (песнь) – самое частотное существительное, с индексом частотности 160» [8; с. 16].

Действительно, уже в названиях стихотворений обозначена их музыкальность: «Песнь о собаке», «Песнь о хлебе», «Песня» («Есть одна хорошая песня у соловушки»), «Песня старика разбойника», «Подражанье песне» и др. Слово «песнь» («песня») в заголовках стихотворений С.А. Есенина свидетельствует, скорее, не о формальной, а о содержательной стороне его текстов, о выраженности в них определенного пафоса, о наличии повествовательного начала.

В лирике С.А. Есенина можно выявить такой музыкальный мотив, как песенный. Особенно важна для него песня творимая, которая приравнивается к поэтическому творчеству. В его лирике герой выступает как певец. Так происходит в стихотворении «Разбуди меня завтра рано» (1917):

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров» [13, т. 1, с. 116].

То же и в стихотворении «Хулиган» (1919): «Русь моя! Деревянная Русь! / Я один твой певец и глашатай...» [13, т.1, с. 153]. В стихотворении «Пушкину» (1924) возникает образ певца степей, природы:

«Еще я долго буду петь... / Чтоб и мое степное пенье / Сумело бронзой прозвенеть» [13, т.1, с. 204].

Поэт не просто вводит в текст певческие мотивы, его лирический герой предстает частью воспетого им мира, особенно ярко это демонстрируется в стихотворении «Матушка в купальницу по лесу ходила...» (1912): «Родился я с песнями в травном одеяле / Зори меня вешние в радуго свивали...» [13, т.1, с. 29].

Обращение к крестьянской жизни не является случайным выбором поэта: в апелляции к своим корням, к деревенской жизни поэт видит возможность реализовать идею чистого словесного образа. В «Ключах Марии» он говорит, что нашим предками были понятны чистейшие образные значения слова, поскольку весь бытовой уклад строился на соотношении жизни с народными верованиями и природными явлениями: «Русскому же уму через то, что Перун и Дажьбог пели стрелами Стрибога о вселенском дубе, нужен был всего лишь запрокинутой головой в небе конек на кровле» [13, т.5, с. 197].

Даже в имажинистский период творчества С.А. Есенина, когда местом действия в большинстве стихотворений станет город, деревенская образность не уйдет из лирики поэта. Кроме песни творимой, в поэзии С.А. Есенина можно наблюдать и песню звучащую, маркированную голосом исполнителя, наделенную мелодией. Причем, как и в предыдущих случаях, способностью петь поэт наделяет не только лирического героя, но и природу: «Поет зима – аукает» [13, т. 1, с. 17], «В чаще ветер поет иль петух» [13, т. 1, с. 125]. В этой связи частотным приемом лирики Есенина становится олицетворение. Использованные мотивы имеют синестетическую природу, будучи обращенными к слуху, зрению и даже обонянию и осязанию читателя. Поэт нередко создает цепочки образов, центральным из которых является музыкальный, как например, в стихотворении «О муза, друг мой гибкий!» (1917), где песенным даром наделены небесные объекты:

О мед воспоминаний!
О звон далеких лип!
Звездой нам пел в тумане

Разумниковский лик

[13, т. 1, с. 135].

Образ звезды имеет в поэзии С.А. Есенина, как и в русской культуре, сакральный смысл, он означает собой загадку мироздания, дарованную Богом и именуемую поэтом «знанием жгучим. Об этом поэт говорит в «Ключах Марии»: «Звезды и круг – знаки той грамоты, которая ведет читающего ее в сад новой жизни и нового просветленного чувствования...» [13, т. 5, с. 188].

В образе звезды в интерпретации С.А. Есенина объединены языческое и христианское начала. Обратимся к славянской мифологии: «Звездное небо представляется глазам зоркого пахаря «грамоткой», написанной по синему бархату... есть на свете Чигирь-звезда. Это не что иное, как Венера науки о звездах. Чигирь-звезда предсказывает человеку счастье и несчастье» [14; с. 80]. В христианской символике одной из самых известных звезд является Вифлеемская звезда, по которой волхвы смогли найти дорогу к новорожденному «иудейскому царю». Об этом и говорится в книге пророка Исая: «Придут народы к свету твоему, и цари – к восходящему над тобою сиянию». Именно поэтому звезды у поэта символизируют светила духовные, ведущие к просветлению. Звезды не только подсказывают путнику дорогу в пространстве, но и обозначают путь к очищению души.

Чертами пророка наделен у С.А. Есенина реальный человек – основатель движения «Скифов» Р.В. Иванов-Разумник. Введение в текст имени реального лица совпадает в целом с эстетическими установками авангарда и, в частности, имажинизма, с характерным для него смешением эстетического и внеэстетического.

Помимо звезд, С.А. Есенин наделяет способностью к пению деревья. Так, в стихотворении «Троицыно утро, утренний канон...» (1914) роща порождает вполне гармоническую мелодию, отражающую гармонию природы: «В роще по березкам белый перезвон» [13, т. 1, с. 31]. «Белый перезвон» напоминает о благовесте. Источником духовного оказывается природа.

Древесная в символическом смысле природа музыки обозначена в трактате «Ключи Марии»: «Происхождение музыки от древа в наших мистериях есть самый прекрасный ключ в наших руках от дверей закрытого храма мудрости» [13, т. 5, с. 190]. Так, дерево становится еще одним важным природным объектом, реализующим мысль о подлинности значений тех или иных слов, рождаемых человеком звуков.

Важно отметить и то, что образы звезды и дерева связаны с образом пастуха: «Вся языческая вера в переселение душ, музыка, песни и тонкая, как кружево, философия жизни на земле есть плод прозрачных пастушеских дум» [13; т. 5, с.189]. Понимание слова 'пастух' С.А. Есенин заимствовал у Афанасьева: пастух – господин, повелитель, главенствующий, «господин или владыка, держащий лук (goratih – пастух, господин, правитель, «хранит небесных коров = дождевые тучи и доит их своими молниями» [15, с. 123]. С.А. Есенин пишет, что «само слово пастух = пас-дух», и утверждает, что оно «говорит о каком-то мистически помазанном значении над ним» [13, т. 5, с. 189]. Образ пастуха неотделим от музыки: он стережет табун лошадей, наигрывая на рожке. Музыка, таким образом, осмысливается как сила, которая способна удерживать не только животных, но и человека от ненужных порывов, соблазнов. Не случайно в стихотворении «Табун» (1915) время – вечер, преддверие ночи, традиционно понимаемое в культуре как время искушения: именно тогда всходят звезды и звучит музыкальный инструмент.

В стихотворении присутствует описание рожка: «Погасло солнце / Тихо на лужке / Пастух играет песню на рожке» [13, т. 1, с. 92].

Исследователь А.В. Сухов отмечает в стихотворениях «Табун» и «Голубень» уподобление луны пастушьему рожку: «Есенин этим смелым уподоблением стремился доказать, что и в космосе звучит пастушья музыка, реализуя метафору «поэзия – от Бога» [17, с. 96]. В финале стихотворения «Табун» поэт отождествляет себя с пастухом: «Тебе, о родина, сло-

жил я песню ту» [13, т. 1, с. 92]. Человек, природа, Бог воспринимаются как единое гармоническое целое.

Музыкальными свойствами С.А. Есенин наделяет такой природный объект, как ветер. Он чаще всего фигурирует у поэта как исполнитель песенных мелодий: «Волнуйся неумный ветер» (1917) [13, т. 1, с. 128], «Теперь бы песню ветра» (1917) [13, т.1, с.134], «В новом лес огласится свисте. По-осеннему сыплет ветер» (1920) [13, т. 1, с. 150], «Но не бойся, безумный ветер... Я и в песнях, как ты, хулиган» (1919) [13, т. 1, с.153], «Оттого, что в полях забулдыге ветер больше поет, чем кому» (1922) [13, т. 1, с. 161]. Это не случайно, поскольку «обоготворение сил природы, выписанное лицо ветра именем Стрибога или Борея в мифологиях земного шара есть не что иное, как творческая ориентация наших предков в царстве космических тайн» [13, т.5, с. 199]. В мифологии «Стрибог является верховным царем ветров. Согласно восточно-славянской традиции, Стрибог изображается в образе гусяря, перебирающего струны, с луком за спиной, а на поясе – сагайдак со стрелами. Ветер играет струями – струнами дождя и лучами – стрелами света, тот же ветер колышет струны высоких трав в поле на равнине...» [15, с. 89]. Таким образом, С.А. Есенин, отталкиваясь от верований славян, создает свой собственный образ ветра-песенника, который отвечает ангельскому типу образов, заявленных в «Ключах Марии». Это не просто метафорический объект, это образ, который проходит через всю поэзию С.А. Есенина, неся дополнительные коннотативные смыслы.

Встречается у С.А. Есенина мотив звона: «Чтоб прозвенеть в лазури»(1916) [13, т. 1, с. 99], «Звени, звени, золотая Русь» (1917) [13, т. 1, с.128], «На бору со звонами плачут глухари» (1910) [13, т. 1, с. 153]. Поскольку С.А. Есенин ориентирован на природные образы, отсылающие к фольклорным традициям, соответственно, источником звона становятся птицы, деревья, Русь в целом.

С.А. Есенин вводит в поэтические тексты упоминания музыкальных инструментов. Образ пастушьего рожка, о котором мы говорили выше, наиболее показателен для лирики поэта. Тем не менее, как отмечает А.В. Сухов, ряд музыкальных инструментов в творчестве поэта гораздо шире, он «составляет 25 наименований. Среди них гусли, гармонь и различные ее модификации: тальянка, венка, ливенка, пастушеский рожок, флейта, свирель, дудочка, цевна, жалейка, гудок пастуший, волынка, зурна, тари, колокол, барабан, охотничий рог, трензель, шарманка, гитара, рояль, скрипка, виолончель» [17, с. 96]. Мы же остановимся только на самых значимых.

Н.А. Сардановский отмечает, что сердцу поэта была близка скрипка: «А мою незатейливую игру на скрипке он мог слушать без конца и особо восторгался мелодичной «Славянской колыбельной песней» композитора Неруды. Впоследствии он неоднократно предлагал мне «работать» вместе, то есть он составлял бы стихи, а я делал бы к ним музыку» [16, т. 1, с. 132]. В дальнейшем в своем творчестве поэт будет выстраивать сравнительные обороты, сопоставляя природные явления с музыкальным звучанием именно этого инструмента: «Плачет метель, как цыганская скрипка» (1925) [16, т. 1, с. 230].

Другим не менее важным инструментом в текстах С.А. Есенина становятся гусли. Д.Н. Семеновский вспоминает факт из биографии поэта, который указывает на то, что поэтические установки, реализующиеся в его творчестве, – это не просто эпатажная игра, а, в отличие от его коллег по имажинизму, составляющая жизни. Однажды С.А. Есенин повел Семеновского к гусярю-суриковцу Ф.А. Кислову: «Раздевшись в прихожей, мы попали в небольшой зал <...> Гусли были большие <...> Музыкант <...> взял аккорд и слегка дребезжащим голосом запел <...> Перебирая струны, он предложил Есенину: – Хочешь, Сережа, научу тебя играть на гусярях?» [16, т. 1, с. 157]. Факт обучения поэта игре на гусярях неизвестен, но проявленный им интерес к этому музыкальному инструменту показателен: «Выходи мое сердечко, слушать песни гусяря» (1911) [16, т. 1, с. 20].

Одним из самых значимых в творчестве С.А. Есенина и его жизни инструментов становится гармонь. Исследователь А.В. Сухов проследил эволюцию данного музыкального инстру-

румента в творчестве поэта и отметил, что «у Есенина, несомненно, были самые любимые музыкальные инструменты. В нашем сознании есенинский лирический герой, прежде всего, ассоциируется с гармонистом, в руках у которого поёт тальянка» [17, с. 194].

Подтверждают привязанность поэта к гармонии воспоминания К.П. Воронцова: «Очень любил музыку, в особенности гармошку. Приехал однажды к нему в Москву <...> Так он почти всю Москву обегал, доставая мне гармонику, что бы я ему сыграл. Это я говорю к тому, что к музыке деревенской он был неравнодушен» [16, т. 1, с. 128]. Воспоминания Д.Н. Семеновского свидетельствуют о том, что С.А. Есенин хорошо разбирался в разновидностях этого инструмента: «Есенин оставался певцом этого родного ему мира. Он писал о сенокосах, цветистых гулянках, рекрутах с гармошками и говорил: «Напишу книжку стихов под названием «Гармоника». В ней будут отделы: «Тальянка», «Ливенка», «Черепашка», «Венка»» [16, т. 1, с. 153]. Поэт планировал создать стихи, созвучные мелодичности каждого из типов гармонии. Так, становится очевидным, что он не разграничивал сферы музыки и поэзии. Образ гармонии используется С.А. Есениным для передачи эмоций лирического героя, причем настроение транслируется в текстах поэта одновременно при помощи природных и музыкальных образов: «Сыпь гармоника! Скука... Скука... Гармонист пальцы льет волной...» (1923) [16, т. 1, с. 171], «За окном гармоника и сиянье месяца. Только знаю – милая никогда не встретится...» (1925) [13, т. 1, с. 217] или «Снова пьют здесь, дерутся и плачут под гармоники желтую грусть» (1922) [13, т.1, с. 169], «И станцуем вместе под тальянку трое» (1925) [13, т. 1, с. 181], «Выходил к любимой, развернув тальянку. А теперь я милой ничего не значу. Под чужую песню и смеюсь и плачу» (1925) [13, т. 1, с. 230], «По селу тропинкой кривенькой, ободравшись о пеньки, рекрута играли в ливенку про остальные деньки» (1914) [13, т. 1, с. 49]. Образ гармонии ассоциируется с темой неразделенной любви, мелодия гармонии рождает состояние одиночества, тоски и скуки.

Важно сказать, что обратившись к образу гармонии в ранней лирике («По селу тропинкой кривенькой» (1914), поэт в дальнейшем на протяжении всего своего творчества прибегал к этому изображению этого инструмента. Образ гармонии у С.А. Есенина претерпевает трансформацию и в более поздней лирике прочитывается как инструмент «городской» («Снова пьют здесь дерутся и плачут / Под гармоники желтую грусть. / Проклинают свои неудачи, / Вспоминают ушедшую Русь» [13, т. 1, с. 169]), причем, как мы уже отмечали, ассоциируется с печалью, одиночеством, личностной трагедией героя.

С неразделенной любовью ассоциируется у поэта и гитара: «Пой же пой. На проклятой гитаре...» (1923) [13, т. 1, с. 173]. При ее упоминании наблюдается метонимический перенос с целого инструмента на его часть (в данном случае это струна), а в сознание читателя достраивает объект восприятия: «Дай тебе про себя я сыграю / Под басовую эту струну» (1923) [13, т. 1, с. 173]. По замечанию А.В. Сухова, «струна – это обнаженный нерв музыкального инструмента» [17, с. 72]. Вполне логично в этой связи, что струна становится обозначением напряженного состояния страдающего от неразделенной любви героя.

В лирике С.А. Есенина музыкальные мотивы становятся предвестниками смерти. Смерть воспринимается у С.А. Есенина не как философская, абстрактная категория, а как кончина самого лирического героя: «Песня панихидная по моей головушке» (1925) [13, т. 1, с. 217], «Песню тлен пропел и мне... Умирать так умирать!» (1925) [13, т. 1, с. 221]. Тем не менее, вводя в текст мотив смерти, поэт раскрывает мысль о преемственности поколений (см. стихотворение «По-осеннему кычет сова...» (1920):

Без меня будут юноши петь,
Не меня будут старцы слушать.

Новый с поля придет поэт,

В новом лес огласится свисте [13, т. 1, с. 217].

Источником музыкальных мотивов у С.А. Есенина становится народная культура. Он чувствует себя «певцом бревенчатой избы». Музыкальные мотивы раскрываются на фоне деревенского топоса или в синтезе с природными объектами. Если же он прибегает к упоминанию

нению музыкального инструментария, то поэт лишь указывает на сам инструмент, а ритмику и звучание читатель достраивает, воспринимая заявленный в тексте синестетический образ.

Библиографический список

1. Воронский А. Есенин С.А. Литературные силуэты // Красная новь, 1924 № 1. С. 271-289.
2. Шубникова-Гусева Н.И. Есенин и искусство: проблемы и перспективы исследования // Сергей Есенин и искусство : Сб. науч. трудов по материалам Межд. науч. конференции, посвященной 119- летию со дня рождения С. Есенина / ИМЛИ РАН, ГМЗЕ, РГУ им. С.А. Есенина. М. Рязань-Константиново, 2014. С. 8-33.
3. Бельская Л.Л. Песенное слово: Поэтическое мастерство Сергея Есенина: Книга учителя. М.: 1990. 142с.
4. Прокушев Ю.Л. Сергей Есенин. Образ, стихи, эпоха. М. : Моск. Рабочий, 1975. 328 с.
5. Юшин П.Ф. Поэзия Сергея Есенина 1910-1923 годов. М. : Издательство Московского Университета, 1966. 320 с.
6. Мекш Э.Б. Традиции Ницше в поэзии имажинистов // Русский имажинизм : История, теория, практика. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 254-266.
7. Прохоров С.М. Фольклор в художественном мире С.А. Есенина : автореф. ... канд. филолог. наук.: 10.01.01. Коломна, 1997. 195 с.
8. Шипулина Г.И. Слово песня / петь и их производные в поэзии Есенина // Сергей Есенин и искусство : Сб. науч. трудов по материалам Межд. науч. конференции, посвященной 119-летию со дня рождения С. Есенина / ИМЛИ РАН, ГМЗЕ, РГУ им. С.А. Есенина. М.: Рязань -Константиново, 2014. С. 232-241.
9. Бердяева Н.Н. Песня как тема и образ в творчестве С.А. Есенина // Современное Есениноведение. 2008. № 8. С. 172- 175.
10. Арошидзе М.А. «О музыкальности поэзии Есенина» // Сергей Есенин и искусство. Сб. науч. трудов по материалам Межд. науч. конференции, посвященной 119-летию со дня рождения С.А. Есенина. М. Рязань – Константиново, 2014. С.241-253.
11. Перцева П.С., Титкова Н.Е. Музыка природы в поэзии С.А. Есенина // Молодой ученый, 2016. № 6 (4). С. 35- 38.
12. Сухов А.В. Музыкальные образы в творчестве С.А. Есенина : мифопоэтика и контекст : Дисс. ... канд. филолог. наук : 10.01.01. Пенза, 2017. 202 с.
13. Есенин С.А. Полное собрание сочинений : В 7 т. ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. М.: Наука; Голос, 1995- 2002.
14. Коринфский А.А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа М. : АСТ : Астрель, 2011. 734 с.
15. Афанасьев А.Н. Языческие предания на Острове-Буяне. Временник московского общества истории и древностей Российских. Книга девятая. М. : Университетская типография. 1851 С. 1-24.
16. Есенин С.А. в воспоминаниях современников: в 2 томах. / Вступ. ст., сост. и коммент. А. А. Козловского. М. : «Художественная литература», 1986.
17. Сухов А.В. Музыкальный образ гитары в творчестве С.А.Есенина // Вестник Пензенского государственного университета, 2015, № 4. С.71-75.

References

1. Voronsky A. Yesenin S.A. Literary Silhouettes // Krasnaya Nov, 1924 No. 1. Pp. 271-289.
2. Shubnikova-Guseva N.I. Yesenin and Art: Problems and Prospects of Research // Sergey Yesenin and Art : Collection of Scientific Papers on the Materials of the International Scientific

Conference Dedicated to the 119th Anniversary of Sergey Yesenin's Birth. Yesenin / IMLI RAS, GMZ, RSU named after S.A. Yesenin. M. Ryazan-Konstantinovo, 2014. Pp. 8-33.

3. Belskaya L.L. Song Word: Poetic Mastery of Sergei Yesenin: Teacher's Book. M.: 1990. 142p.

4. Prokushev Yu.L. Sergei Yesenin. Image, Poems, and the Era. M. : Mosk. Rabochy, 1975. 328 p.

5. Yushin P.F. Poetry of Sergei Yesenin 1910-1923. M. : Moscow University Press, 1966. 320 p.

6. Meksh E.B. Nietzsche's Traditions in the Poetry of the Imagists // Russian Imagism: History, Theory, and Practice. Moscow: IMLI RAS, 2005. Pp. 254-266.

7. Prokhorov S.M. Folklore in the Artistic World of S.A. Esenin: Abstract of the Candidate's Thesis in Philology: 10.01.01. Kolomna, 1997. 195 p.

8. Shipulina, G.I. The Word Song / Sing and Its Derivatives in Yesenin's Poetry // Sergey Yesenin and Art: Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 119th Anniversary of Sergey Yesenin's Birth. Esenin / IMLI RAS, GMZ, RSU named after S.A. Esenin. M.: Ryazan - Konstantinovo, 2014. Pp. 232-241.

9. Berdyaeva N.N. Song as a Theme and Image in the Works of S.A. Esenin // Modern Esenin Studies. 2008. No. 8. pp. 172-175.

10. Aroshidze M.A. "On the musicality of Yesenin's poetry" // Sergey Yesenin and art. Collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific Conference dedicated to the 119th anniversary of the birth of S.A. Yesenin. M. Ryazan – Konstantinovo, 2014. p.241-253.

11. Pertseva P.S., Titkova N.E. Music of nature in the poetry of S.A. Yesenin // Young Scientist, 2016. No. 6 (4). pp. 35-38.

12. Sukhov A.V. Musical images in the works of S.A. Yesenin : mythopoetics and context : Diss. ... Candidate of Philology: 10.01.01. Penza, 2017. 202 p.

13. Yesenin, S.A. Complete Works in 7 volumes. A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka; Golos, 1995-2002..

14. Korinfsky A.A. Narodnaya Rus: Round Year of Tales, Beliefs, Customs and Proverbs of the Russian People M. : AST : Astrel, 2011.734 p.

15. Afanasiev A.N. Pagan Traditions on the Island of Buyan. Temporary of the Moscow Society of History and Antiquities of Russia. Book Nine. M. : University Typography. 1851 P. 1-24.

16. Yesenin S.A. in the memoirs of contemporaries: in 2 volumes. / Introductory article, comp. and comments by A. A. Kozlovsky. M. : "Khudozhestvennaya Literatura", 1986.

17. Sukhov A.V. Musical image of the guitar in the work of S.A. Yesenin // Bulletin of Penza State University, 2015, No. 4. Pp. 71-75.

УДК 82

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.018

*Воронежский государственный
технический университет
Канд. филол. наук, доцент кафедры
русского языка и межкультурной коммуникации
Сулемина О.В.
Россия, г. Воронеж,
тел. +79202146219;
e-mail: may2005@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Sulemina O.V.
Russia, Voronezh,
tel. +79202146219
e-mail: may2005@yandex.ru*

*Воронежский государственный
технический университет
Канд. филол. наук, доцент кафедры
русского языка и межкультурной коммуникации
Попова Ю.С.
Россия, г. Воронеж,
тел. +79202262368;
e-mail: buka1621@rambler.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Popova Ju.S.
Russia, Voronezh,
tel. +79202262368
e-mail: buka1621@rambler.ru*

О.В. Сулемина, Ю.С. Попова

СТРАХ В «СВЯТОЧНЫХ» РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ «СОН» И «СТРАШНАЯ НОЧЬ»)

В представленной статье предпринимается попытка прочертить некоторые значимые особенности категории «страшного» в «святочных» рассказах А.П. Чехова. Мы анализируем два рассказа, имеющих соответствующий подзаголовок и связанных с рождественской тематикой: «Страшная ночь» и «Сон». В первом рассказе страх оказывается беспочвенным, но служит динамическим элементом сюжета, заставляющим героя размышлять и двигаться. Автор создает своего рода детективную историю, в которой поиск решения предполагает избавление от страха. Причем на протяжении рассказа можно заметить детали, позволяющие приблизиться к развязке. Второй рассказ представляет читателю несколько вариаций страха: страх неизвестного (тени, погода, звуки и др.), страх обыденности, самой жизни и страх-совесть, то, что мы можем назвать страхом Божиим. В рассказе «Сон» мы наблюдаем развитие типичного «святочного» сюжета, когда реальность оказывается сном, а сон реальностью, что вызывает страх. Но параллельно, имплицитно развивается «рождественский» сюжет нравственного возрождения. Можно сказать, что А.П. Чехов не только филигранно передал традиционные особенности жанра «святочного» рассказа в своих произведениях, но и переработал их, создавая эффект неожиданности от прочтения. При этом неоспорима основополагающая роль страха в обоих рассказах.

Ключевые слова: А.П. Чехов, страх, сон, святочный рассказ, рождественский рассказ.

O.V. Sulemina, Yu.S. Popova

FEAR IN A.P. CHEKHOV'S "YULYTIDE" STORIES (ON THE EXAMPLE OF STORIES "A DREAM" AND "A TERRIBLE NIGHT")

This article attempts to outline some significant characteristics of the category of "fear" in A.P. Chekhov's "Yulytide" stories. We analyze two stories with corresponding subtitles and related to Christmas themes: "A Terrible Night" and "A Dream." In the first story, fear is unfounded, but serves as a dynamic element of the plot, forcing the protagonist to reflect and move. The author creates a kind of detective story in which the search for a solution presup

poses liberation from fear. Moreover, throughout the story, we can notice details that allow us to get closer to the denouement. The second story presents the reader with several variations of fear: fear of the unknown (shadows, weather, sounds, etc.), fear of the ordinary, fear of life itself, and fear-as-conscience, what we might call the fear of God. In the story "Dream," we observe the development of a typical "Christmas" plot, where reality turns out to be a dream, and the dream turns out to be reality, which evokes fear. But at the same time, the "Christmas" plot of moral rebirth is implicitly developing. It can be said that A.P. Chekhov not only masterfully conveyed the traditional features of the "Christmas" story genre in his works but also reworked them, creating a sense of surprise. At the same time, the fundamental role of fear in both stories is undeniable.

Keywords: A.P. Chekhov, fear, dream, Yulitide story, Christmas story.

А.П. Чехов традиционно считается тонким психологом, в простых и коротких текстах отражающим разные грани человеческой души и ее глубину. Мы уже обращались к репрезентации категории «страшного» в прозе Чехова и рассматривали его характеристики, влияние на человека, возможность бороться со страхом, причины появления и т.д. [1, 2] В данной статье мы попытаемся проследить, как представлен страх в «святочных» рассказах.

Для анализа и сравнения мы выбрали два рассказа, которые традиционно относятся к «святочным»: «Страшная ночь» (впервые был опубликован с подзаголовком «Святочный рассказ. Посвящается гробокопателю М. П. Ф...у.» [3]) и «Сон» (также с подзаголовком «Святочный рассказ»). [Текст цитируем по - 4; 5]

Стоит в очередной раз оговориться о необходимости разделять «рождественские» и «святочные» рассказы. По верному замечанию Т.Н. Козиной, в «рождественский» рассказах главное – «чудо», а в «святочных» - страшные события. [6]

Сначала обратимся к рассказу «Страшная ночь». В нем разворачивается типичная ситуация рассказа главного героя о произошедших с ним страшных событиях. В прологе мы узнаем, что Иван Петрович Панихин будет описывать ночь под Рождество 1883 года, когда он возвращался домой после спиритического сеанса.

Мы можем наблюдать традиционный «страшный» хронотоп (ночь, призыв духов), который разворачивается в ходе рассказа («Теперь же, когда меня окутывал непроницаемый холодный мрак и перед глазами неистово кружились дождевые капли, а над головою жалобно стонал ветер, когда я вокруг себя не видел ни одной живой души, не слышал человеческого звука, душу мою наполнял неопределенный и неизъяснимый страх»). Отметим, что рождественская ночь в этом рассказе больше похожа на осеннюю: мы не видим снега, мороза, елок, света – признаков возможного чуда. Наоборот, вокруг тьма и пугающие звуки.

Герой, как и его знакомые, носят «говорящую» фамилию (Панихин, Трупов, Упокоев, Погостов); их окружают «говорящие» топонимы (церковь Успения-на-Могильцах, Мертвый переулок). Это, естественно, наталкивает читателя на мысль, что действие будет связано с кладбищем или гробами. Но также эксплицирует возможную неправдивость страшных событий, их искусственность.

Оказавшись дома, герой видит гроб, что вызывает у него приступ панического страха («Опрометью выбежал я из своей комнаты и, не рассуждая, не мысля, а только чувствуя невыразимый страх, понесся вниз по лестнице»). Панихин утверждает, что не рассуждал, но сразу же, оказавшись вдали от предмета своего страха, он начал строить логические умозаключения и пытался объяснить себе все ошибкой или оптическим обманом. Страх героя не сковывает его, не лишает сил (как, например, страх в одноименном рассказе А.П. Чехова), а наоборот, побуждает к движению и активности.

Автор устраивает испытание Панихину, который, перемещаясь от одного друга к другому, сталкивается с новыми гробами и испытывает все больший страх («невыразимый ужас»). При этом герой продолжает попытки объяснить события рационально и приходит к выводу, что испытывает галлюцинации и заболел «гробоманией». Поскольку герой решил, что болен, в повествование вводится фигура доктора Погостова, у которого дома и разрешается ситуация с гробами. Комизм ситуации в этом рассказе заключается в том, что гробы передал своим друзьям их знакомый Челюстин, зять гробовщика, о чем они узнают из записки внутри гроба. Таким образом, оказывается, что Панихин уже в первый момент обнару-

жения гроба правильно догадался о его происхождении («Не друзья же поставили мне гроб»), но не поверил самому себе. Страх помешал ему остаться дома и проверить гроб, подтолкнув к дальнейшему развитию действия.

Итак, в рассказе «Страшная ночь» мы обнаруживаем все признаки «святочного» рассказа, за исключением его смысловой составляющей. Несмотря на состояние страха, которое сопровождает героя на протяжении повествования, финал оказывается тривиальным и обыденным, даже смешным для читателя.

Теперь обратимся к рассказу «Сон», который сам Чехов также отнес к «святочным». Название настраивает нас на нереальность происходящего, однако рассказчик описывает события, как будто это действительность, Чехов добивается исчезновения границы между реальным миром и сном.

Здесь также представлен типичный «страшный» хронотоп: ночь, ветер, мгла и т.д. И так же, как в предыдущем рассказе, зима оказывается подобна поздней осени («В темном, как сажа, воздухе висит тоска... Природу мутит... Сыро, холодно и жутко...»). Действие происходит в полночь в ссудной кассе, куда самые бедные и отчаявшиеся люди закладывают свое имущество. Повествование ведется от лица оценщика, который остался ночевать в ночь под Рождество в лавке хозяина. В самом начале рассказа он размышляет, что вещи, «хранящиеся в кладовых ссудных касс, страшны», потому что они отражают человеческие страдания, безысходность и бедность. Сам оценщик тоже беден и выбрал место работы не по доброй воле. Страх его сопряжен с муками совести. В видениях приходят к нему не выходцы из иного мира, а самые обычные люди, доведенные обществом до отчаяния. Кажется, что сначала он не спит, потом проваливается в кошмарный сон, в котором с ним говорят бедняки, вещи, ветер, где его хотят убить и где, в итоге, он следует за своей совестью и отдает заложенные вещи хозяевам. Но просыпается герой не в лавке, а у городского в комнате, то есть под арестом. Возникает эффект неожиданности, когда действия героя во сне привели его в реальное заключение. Грань между мирами стирается окончательно и от этого становится страшно.

Здесь мы сталкиваемся с традиционным для чеховской реальности «страхом обыденного». [Ср.: 1] Обыкновенная жизнь, погружающая людей в безысходность, лишаящая их надежды и совести, оказывается страшной невозможностью вырваться из нее. Ситуация рассказа, в отличие от «Страшной ночи», иллюстрирует страх не смерти, а жизни, вернее, беспросветного существования бедных людей, от которого даже «природу мутит».

С одной стороны, можно идентифицировать этот рассказ как традиционный «святочный», поскольку сохраняются основные элементы подобного жанра. Но здесь, с нашей точки зрения, возникают элементы и «рождественского» рассказа, то есть чуда, перерождения: «человека, наделенного от природы нервами оценщика, в ночь под Рождество мучила совесть – событие невероятное и даже фантастическое».

Параллельно святочному страшному сюжету в рассказе разворачивается сюжет рождественский. Мы наблюдаем нравственные страдания оценщика: он пытается избавиться от невеселых размышлений о жизни, от голоса своей совести, которая «удивительно, откуда ... могла взяться». Символом души и совести служит мерцающий, умирающий огонек лампадки перед образом. Неслучайно, пытаясь договориться с совестью, оценщик решает его задуть и уснуть.

Но события складываются неожиданно: в комнату врываются воры, чтобы забрать свои вещи. Они не несут с собой страха, не хотят разбудить или убить оценщика. Фигуры их жалки, это старик и молодой парень, бледные, худые, которых ждет такая же старуха. И оценщик, вместо того, чтобы схватить их, угрожая револьвером, начинает отдавать вещи: «У меня сжалось от боли сердце». Опять заговорила его совесть, ему стало жаль бедняков. В этот момент и происходит перерождение, которое символизирует огонек свечи, зажженной ворами. Оценщик буквально силой запихивает вещи в их карманы, повторяя: «завтра праздник».

Сам оценщик воспринимает происходящее, как сон. Просыпается он светлым солнечным утром, городской поздравляет его с праздником и «с новосельем». В отличие от картин пребывания в лавке (на свободе), пропитанных тяжестью, тоской, страхом и отчаянием, мы видим свет и «праздничное солнышко», хотя оценщик попал в заключение.

Мы видим, что герой рассказа в итоге выбрал свою душу и совесть и тем самым «переродился», перешел от тьмы к свету, хотя эта сюжетная линия и не эксплицирована.

Отдельно стоит сказать о символике имени главного героя. Его зовут Петр, что вызывает ассоциации с Апостолом Петром [7], который, как известно, трижды отрекался от Христа, но потом вернулся к служению, а также считается хранителем ключей от Рая. Мы видим, как оценщик пытается отречься от своей совести: сначала вместо того, чтобы идти в храм хозяин просит его поработать, потом он сам размышляет о совести и не хочет ее слышать и, наконец, в третий раз при столкновении с грабителями, когда совесть все же побеждает. Образ Петра как хранителя ключей также явно прослеживается: оценщик хранит ключи от кладовой, в которую люди отдали последнее, что у них было, «здоровь<е>, тепл<о>, праздничн<ые> радост<и>». Выходит, в его руках – ключи от чьего-то счастья и чьей-то жизни.

Отчество героя – Демьянович. Есть разные версии происхождения имени Демьян, по одной из них, этимология восходит к греческому «демос», то есть «народ». Таким образом, Демьян – «принадлежащий к народу, выходец из народа». Это полностью отражает происхождение и положение героя. Он указывает на свою бедность: «я сам был бедняк и знал, что значит голод и холод». Именно поэтому он понимает простых людей и сохраняет в себе человечность.

Таким образом, с нашей точки зрения, в рассказе «Сон» параллельно представлены «святочный» и «рождественский» сюжеты. Причем, первый эксплицирован, а второй проявляется за счет символов и деталей.

Итак, мы рассмотрели два рассказа, которые позиционировались А.П. Чеховым как «святочные», отметили значимость категории «страшного» для повествования и оригинальность, переработку автором традиционного жанра.

Библиографический список

1. Сулемина О.В., Бугакова Н.Б. «Страшное» в рассказах А.П. Чехова: исключение или обыденность? // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 2 (33). С. 44-48.

2. Сулемина О.В., Попова Ю.С., Скуридина С.А. Христианские аллюзии в русской литературной традиции (на примере "Рождественского рассказа") // Филоlogos. 2023. № 3(58). С. 75-80.

3. Громов М.П. Примечания // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1974-1982. Т. 3. С. 568.

4. Чехов А. П. Страшная ночь // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1974-1982. Т. 3. [Рассказы. Юморески. «Драма на охоте»], 1884-1885. М.: Наука, 1975. С. 139-145.

5. Чехов А. П. Сон // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1974-1982. Т. 3. [Рассказы. Юморески. «Драма на охоте»], 1884-1885. М.: Наука, 1975. С. 151 - 155.

6. Козина Т.Н. Жанровое своеобразие рождественского и святочного рассказов // Известия Уральского Федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23. №4 (168). С. 137-144.

7. Петр. [Электронный ресурс]. URL: https://www.pravenc.ru/text/2580090.html?ysclid=mgcb00ulv6942434979#part_13 (дата обращения – 25.09.2025).
8. Громов М.П. Книга о Чехове. М.: Современник, 1989. С. 384.
9. Линков В.Я. Художественный мир прозы А.П. Чехова. М.: Изд-во Московского университета, 1982. С. 78.

References

1. Sulemina O.V., Bugakova N.B. "Scary" in the stories of A.P. Chekhov: exception or commonplace? // Current issues of modern philology and journalism. 2019. No. 2 (33). pp. 44-48.
2. Sulemina O.V., Popova Yu.S., Skuridina S.A. Christian allusions in the Russian literary tradition (on the example of the "Christmas Story") // Philologos. 2023. No. 3(58). pp. 75-80.
3. Gromov M.P. Notes / Chekhov A. P. Complete works and letters: In 30 volumes. Essays: In 18 volumes / USSR Academy of Sciences; Institute of World Literature named after A.M. Gorky. Moscow: Nauka, 1974-1982. Vol. 3. p. 568.
4. Chekhov A.P. The Terrible Night // Chekhov A. P. Complete works and letters: In 30 volumes. Essays: In 18 volumes / USSR Academy of Sciences. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Nauka, 1974-1982. Vol. 3. [Stories. It's funny. "Drama on the hunt"], 1884-1885. Moscow: Nauka, 1975. pp. 139-145.
5. Chekhov A.P. Dream // Chekhov A. P. Complete works and letters: In 30 volumes. Essays: In 18 volumes / USSR Academy of Sciences. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Nauka, 1974-1982. Vol. 3. [Stories. It's funny. "Drama on the hunt"], 1884-1885. Moscow: Nauka Publ., 1975. pp. 151 - 155.
6. Kozina T.N. Genre originality of Christmas and Yuletide stories // Proceedings of the Ural Federal University. Series 1. Problems of education, science and culture. 2017. Vol. 23. No. 4 (168). pp. 137-144.
7. Peter. [electronic resource]. URL: https://www.pravenc.ru/text/2580090.html?ysclid=mgcb00ulv6942434979#part_13 (accessed 09/25/2025).
8. Gromov M.P. Book about Chekhov. Moscow: Sovremennik, 1989. P. 384.
9. Linkov V.Ya. The artistic world of A.P. Chekhov's prose. Moscow: Publishing House of Moscow University, 1982. P. 78.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 81.373.47

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.019

*Поволжский государственный университет
телекоммуникаций и информатики*

*Д-р филол. наук,
профессор кафедры философии
Губанов С.А.*

*Россия, Самара, 89608289699
e-mail: gubanov5@rambler.ru*

*Povolzhskiy State University of
Telecommunications and Informatics*

*The Department of Philosophy
Doctor of Philology, Professor
Gubanov S.A.*

*Russia, Samara, 89608289699
e-mail: gubanov5@rambler.ru*

С.А. Губанов

КОГНИТИВНАЯ ЭПИТЕТАЦИЯ В ТЕКСТАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ: ЗООМОРФНЫЙ КОД

В статье рассматривается когнитивный характер эпитетации в текстах М. Цветаевой на материале зооморфного метафоробразования. Целью исследования является выявление основных направлений зооморфной эпитетации в текстах М. Цветаевой. При выполнении работы использовался когнитивно-семантический анализ эпитетных языковых единиц. Методологическую основу исследования составили когнитивно-семантический, компонентный, лексикографический, лексико-семантический, а также статистический методы. Зооморфные эпитетные комплексы, зафиксированные в текстах М. Цветаевой, отражают индивидуальное восприятие природного мира в его тесной взаимосвязи с миром человека, что отражается в активной антропоморфной эпитетации животных. Описываются основные типы объектов эпитетации в рамках рассматриваемого зооморфного образного моделирования в аспекте блендинга признаков. Обращается внимание на базовые зооморфные образы, выступающие источниками эпитетации, среди которых такие, как *волк, собака, конь, бык (бычок), птица (лебедь, голубь, жаворонок, сова)* и другие, а также лексема общей семантики *зверь*. Производные зоонимические эпитеты также рассматриваются с позиции их участия в метафорическом осмыслении реалий действительности, лиц и абстрактных понятий. Обоснована актуальность применения теории концептуальной интеграции (блендинга) при описании механизмов образования эпитетных комплексов в текстах поэта. В работе принята попытка показать, что эпитетация является одним из главных механизмов вербализации смысла в текстах поэта. Исследование показывает, что творчество М. Цветаевой обладает обширным материалом для наблюдения над когнитивными механизмами эпитетации. В качестве выводов отмечается, что в теоретическом и практическом плане исследование внесет вклад в разработку когнитивной теории эпитетации и когнитивного цветаеведения.

Ключевые слова: эпитетация, идиостиль, Марина Цветаева, зооморфная метафора, блендинг, эпитетный комплекс.

S. A. Gubanov

COGNITIVE EPITHETATION IN M. TSVETAEVA'S TEXTS: ZOOMORPHIC CODE

The article discusses the cognitive nature of epithetation in M. Tsvetaeva's texts based on the material of zoomorphic metaphor formation. The aim of the scientific essay is to identify the main directions of zoomorphic epithetation in M. Tsvetaeva's texts. In the research, cognitive-semantic analysis of epithets was used. The methodological basis of the research was cognitive-semantic, component, lexicographic, lexical-semantic, and statistical methods. Zoomorphic epithet complexes recorded in M. Tsvetaeva's texts reflect the individual perception of the natural world in its close relationship with the human world, which is reflected in the active anthropomorphic epithetation of animals.

The main types of epithet objects within the framework of the considered zoomorphic figurative modeling in the aspect of blending attributes are described. Attention is drawn to the basic zoomorphic images acting as sources of epithetation, including such as *wolf, dog, horse, bull, bird (swan, dove, lark, owl)* and others, as well as the lexeme of general semantics *beast*. Derivative zoonymic epithets are also considered from the position of their participation in the metaphorical comprehension of the realities of reality, persons and abstract concepts. The relevance of applying the theory of conceptual integration (blending) in describing the mechanisms of formation of epithet complexes in the poet's texts is substantiated. The work attempts to show that epithetation is one of the main mechanisms for verbalizing meaning in the poet's texts. The research shows that the M. Tsvetaeva's creativity has extensive material for observing the cognitive mechanisms of epithetation. The conclusion is made about that in theoretical and practical terms, the research will contribute to the development of the cognitive theory of epithetation and cognitive research of M. Tsvetaeva's creativity.

Keywords: epithetation, idiostyle, Marina Tsvetaeva, zoomorphic metaphor, blending, epithet complex.

Когнитивное моделирование эпитетного комплекса становится предметом особого внимания современной лингвопоэтики и теории эпитета [1; 2; 3; 4]. Постепенный отход от рассмотрения его в качестве *средства вербализации* художественного смысла и ориентация на понимание эпитета как *способа моделирования* смысла текста связан с антропоцентричным взглядом на язык.

Уяснение механизмов образования смещенных эпитетных комплексов, то есть содержащих признак, не свойственный объекту эпитетации, является задачей современной эпитетологии. Данную задачу возможно решить несколькими способами. Первым из них выступает когнитивная теория метафоры, которая учитывает специфику переноса признака из сферы-источника в сферу-цель на основании метафорического сходства, метонимии (смежности признаков). При этом подчеркивается, что метонимические эпитеты активны в разговорной речи и в этом смысле регулярны (*надменный человек – надменная походка*), тогда как метафорические эпитеты более разнообразны в силу непредсказуемости причин сближения признаков двух когнитивных сфер (*ревнивый ветер*). Второй способ описания формирования переносных признаков представляется более убедительным и наглядным, отражающим многоэтапность данного процесса. Он представляет собой модификацию теории концептуальной интеграции (блендинга), который учитывает не только взаимодействие двух когнитивных сфер, но и описывает общее ментальное пространство, сложившееся в результате подобного взаимодействия, а также смешанное ментальное пространство как результат интеграции признаков.

Концептуальная теория интеграции (блендинга) позволяет взглянуть на эпитетацию с позиции ее сущностной природы. Под концептуальной интеграцией учёные понимают базовую когнитивную операцию, которая осуществляется по определённой схеме на различных уровнях абстракции и имеет чёткую структуру, которая включает в себя исходные пространства (input spaces), общие пространства (generic spaces) и смешанное пространство (blended spaces) или бленд (blend) [5; 6].

Эпитетный комплекс представляет собой единство объекта эпитетации (определяемого слова) и признакового элемента (эпитета), поэтому теория блендинга удачно отражает специфику процесса эпитетации, когнитивного взаимодействия объектов, признаки которых ассоциируются. В случае смежности ментальных пространств компонентов эпитетного комплекса происходит образование метонимического эпитета (*капризные губы*); если домены семантически далеки друг от друга, формируется метафорический признак (*доверчивое дерево*); при метафтонимии задействуется сложный процесс многоступенчатого признакового осмысления реалии, как правило, первоначально метонимического и вторично метафорического (*корыстная гордость*).

На рисунке схематично изображен процесс блендирования признаков в процессе эпитетации (рис. 1).

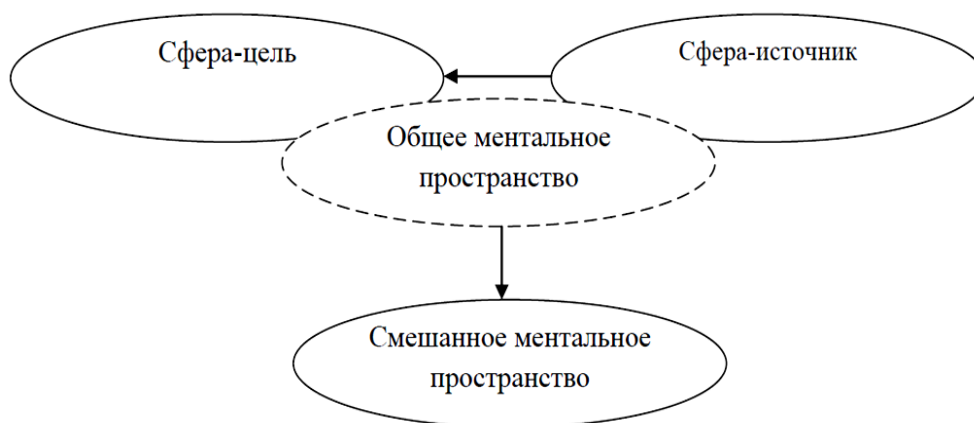

Рис. 1. Структура модели когнитивной метафоры в соответствии с теорией блендинга

Целью настоящей работы выступает описание направлений зооморфной эпитетации в текстах М. Цветаевой. Для ее достижения использованы когнитивно-семантический, компонентный, лексикографический, лексико-семантический, а также статистический методы.

Творческое наследие М. Цветаевой получило на сегодняшний момент детальное изучение: исследованы черты идиостиля поэта [7; 8], специфика ее прозы [9], отдельные языковые категории. Не осталась без внимания и система зооморфных образов ее произведений. Изучены символические номинации животных, их роль в контексте всего творчества и отдельных стихотворных циклов [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17]. О. А. Скрипова отмечает, что «традиционность образности и стилистики сочетается у Цветаевой со смелым и раскованным поэтическим экспериментом» [15; с. 208]. Наряду с общепозитическими смыслами, ставшими идиоматическими, всегда есть место языковому окказиональному творчеству, которое, по меткому замечанию О. Г. Ревзиной, осмысливается как «единственная возможность выражения нужного ей поэтического смысла, поэтому оно не бывает избыточно, но всегда необходимо» [8; с. 23].

Стихотворные, драматургические и прозаические тексты М. Цветаевой демонстрируют специфику понимания природы образы животных, что находит отражение в актуализации тех или иных их признаков, черт в сопоставлении с антропоморфными характеристиками, отождествлением их с собой или лирическими героями. Установлено, что образ птиц трансформируется от цикла к циклу: «орнитологические образы встраиваются в значимые для Цветаевой оппозиции: «боги-человек», «разлуки-встречи», «родина-чужбина», «молодость-зрелость» [15; с. 207]; «в поэмах Цветаевой на первый план в изображении животных выходят физическая непосредственность, стихийность их бытия» [10; с. 201]; животные органично вплетены в образную канву ее стихотворений [17].

Материалом для проведения исследования послужило собрание сочинений М. Цветаевой [18], а также словарь поэтического языка Марины Цветаевой [19].

В прозаических текстах находим немало рассуждений поэта относительно выбора нужного слова и происходящих при этом языковых метаморфозах: *Повторить себя в словах невозможно; любая же, самая малая, перемена речи – уже не повторение, а преобразование, за которым стоит другая суть* [18; т. 5, с. 407]. Данная эстетическая установка на обновление языка, вера в его безграничные возможности приводит к тому, что тексты поэта насыщены различными лингвистическими экспериментами.

Для описания зооморфной признаковой метафоры были отобраны самые значимые и частотные объекты эпитетации, представляющие собой номинации животных, отмечена их атрибутивная сочетаемость, а также проанализированы эпитетные слова с зоономическим значением, номинирующие иные реалии. Таким образом, представлена двусторонняя эпитетация: зоонимов и зоонимами.

В словаре поэтического языка Марины Цветаевой фиксируются следующие зоонимы: *баран* – 7 употреблений [19; т. 1, с. 56], *бык* (33) [19; т. 1, с. 112], *верблюд* (6) [19; т. 1, с. 128], *вол* (1) [19; т. 1, с. 172], *волк* (67) [19; т. 1, с. 172], *ворон* (26) [19; т. 1, с. 178-179], *голубь* (41) [19; т. 1, с. 250], *жаворонок* (6) [19; т. 2, с. 137], *журавль* (10) [19; т. 2, с. 163-164], *заяц* (4) [19; т. 2, с. 208], *зверь* (27) [19; т. 2, с. 212-213], *змея / змей* (69) [19; т. 2, с. 232-233], *кабан* (5) [19; т. 2, с. 273-274], *коза / козел* (17) [19; т. 2, с. 322-323], *конь* (158) [19; т. 2, с. 340-342], *корова* (6) [19; т. 2, с. 348], *кот, кошка* (32) [19; т. 2, с. 363], *лань* (9) [19; т. 2, с. 426], *ласточка* (10) [19; т. 2, с. 429], *лебедь* (35) [19; т. 2, с. 430-431], *лев* (40) [19; т. 2, с. 431-432], *лиса, лисенок* (7) [19; т. 2, с. 457], *лошадь, лошадка* (14) [19; т. 2, с. 480], *медведь* (7) [19; т. 3, кн. 1, с. 60-61], *овца* (26) [19; т. 3, кн. 1, с. 489-490], *орел* (42), *орлица* (6) [19; т. 3, кн. 2, с. 5-8], *павлин* (1) [19; т. 3, кн. 2, с. 76], *пес* (28) [19; т. 3, кн. 2, с. 161-162], *петух* (9) [19; т. 3, кн. 2, с. 169-170], *птица* (81) / *птичка* (15) / *птенец* (10) / *птаха* (5) [19; т. 3, кн. 2, с. 562-566], *рысь* (2) [19; т. 4, кн. 1, с. 241], *свинья* (2) [19; т. 4, кн. 1, с. 302], *синица* (1) [19; т. 4, кн. 1, с. 395], *собака* (8) [19; т. 4, кн. 1, с. 534-535], *соболь* (2) [19; т. 4, кн. 1, с. 536], *сова* (9) [19; т. 4, кн. 1, с. 539], *соловей* (22) [19; т. 4, кн. 1, с. 560-561], *тигр, тигрица* (12) [19; т. 4, кн. 2, с. 186], *уж* (2) [19; т. 4, кн. 2, с. 299], *фазан* (1) [19; т. 4, кн. 2, с. 362], *ястреб* (3) [19; т. 4, кн. 2, с. 625] и др.

Данные зоонимы получают различные эпитетные характеристики, однако целью настоящей работы в рассмотрении обратного процесса эпитетации, состоящего в наделении человека свойствами животного. Отметим, что разнообразие и частотность тех или иных номинаций животных связано с идиолектными предпочтениями автора. Например, эпитетация зверя направлена на интенсификацию значения слова путем признакового удвоения семантики дикости: *зверь-рыкун, дикий зверь, зверь нечеловечий*. Лебедь наделяется эпитетами: *молодой, белый, залетный, спокойный*; это символ души, святости. Однако антонимичность восприятия мира провоцирует поэта на столкновение нестандартных признаков: *быть голубкой его орлиной* или *Все жаворонки нынче – вороны!* [18; т. 1, с. 546] [см. об этом: 15].

Вместе с тем в данном источнике отражена картина признакового воплощения свойств, присущих животным. Зафиксированы следующие эпитеты: *бараний* (1 употребление) [19; т. 1, с. 57], *бычачий* (1), *бычий* (1) [19; т. 1, с. 113], *верблюжий* (4) [19; т. 1, с. 128], *воловий* (2) [19; т. 1, с. 173], *волчий* (24), *волчинный* (окказионализм) (4) [19; т. 1, с. 174], *голубиный* (16) [19; т. 1, с. 248-249], *горностаевый* (ребенок) (1) [19; т. 1, с. 256], *журавлиный* (3) [19; т. 2, с. 163], *заячий* (1) [19; т. 2, с. 208], *звериный* (5) [19; т. 2, с. 212], *змеиный* (12) [19; т. 2, с. 232], *кашалотий* (1) [19; т. 2, с. 300], *козий* (1) [19; т. 2, с. 323], *конский* (20) [19; т. 1, с. 338-339], *кошачий* (4) [19; т. 1, с. 362-363], *лебединый* (22) [19; т. 2, с. 430], *лисий* (2) [19; т. 2, с. 457], *львиный* (10) [19; т. 2, с. 488], *овечий* (8) [19; т. 3, кн. 1, с. 487-488], *орлиный* (9), *медвежий* (5) [19; т. 3, кн. 1, с. 61], *орлий* (окказионализм, 6) [19; т. 3, кн. 2, с. 7-8], *павлиний* (2), *павлиноватый* (окказионализм, 1) [19; т. 3, кн. 2, с. 76], *песий* (2) [19; т. 3, кн. 2, с. 163], *петушиный* (1) [19; т. 3, кн. 2, с. 170], *птичий* (8) [19; т. 3, кн. 2, с. 566], *рысий* (1) [19; т. 4, кн. 1, с. 241], *собачий* (7) [19; т. 4, кн. 1, с. 535], *соболиный* (1), *соболий* (2) [19; т. 4, кн. 1, с. 536], *совий* (3), *совиный* (2) [19; т. 4, кн. 1, с. 542], *соловиный* (110) [19; т. 4, кн. 1, с. 561-562], *фазаний* (1) [19; т. 4, кн. 2, с. 362], *ястребиный* (1) [19; т. 4, кн. 2, с. 625] и др.

В работе рассмотрим зооморфный код эпитетации как основание для наделения чертами животного иных существ. Как показали наблюдения за логикой признаковой метафоризации согласно теории концептуальной интеграции, «когнитивной целью выступает стремление поэта назвать часть тела человека физического или духовного (сфера-цель), тогда как источником является внешний облик или особенности поведения животного (сфера-источник). Общим ментальным пространством считаем впечатление общности внешнего облика или поведения животного и человека. Смешанное ментальное пространство представляет собой ассоциативное впечатление о том или ином качестве, объединяющем человека и животное» [20; с. 305]. На рисунке 2 схематично представлена структура данной модели (рис. 2).

Рис. 2. Структура модели когнитивной метафоры «Человек телесный (физический) / духовный (божественный) – Животное»

Как показали исследования идиолекта М. Цветаевой О. Г. Ревзиной, ментальное пространство «Животное» не является продуктивным для конструирования метафорических номинаций в идиолекте поэта [8]. Качество животного, устойчиво ассоциируемое с ним и определяющее его сущность, характер и поведение, переносится на человека, что влечет за собой моделирование признаковых метафор на основе понимания глобальной целостности мира живых организмов.

Необходимо отметить, что многие эпитетные выражения, содержащие зооморфный эпитет, стали в языке регулярными в силу их употребительности и устойчивой ассоциативной связи поведения животного, его характера с ним самим. Такой «нормативный» признак реализуется в описательных фразах, построенных по модели «такой, как»: *упрямый, как баран; хищный, как ястреб, преданный, как собака* и др. О гибридности компаративной и эпитетной модели можно судить не только по данным выражениям, однако они отражают архаичность, фундаментальность таких способов категоризации, осмысления мира, как сравнение и качественная характеристика (определение, эпитетация).

Указанная выше узуальность не могла не повлиять на систему эпитетных номинаций человека на основе зооморфного кода в текстах рассматриваемого поэта. Зафиксированная частотность данного типа признаковых метафор (322 примера в сравнении с почти 2500 примеров одушевления) свидетельствует о сравнительно небольшой доле такой категоризации образа человека, однако она отражает специфичные векторы поэтического мышления автора, на что обратим внимание далее [20; с. 307].

Звериный облик устойчиво ассоциируется со страхом, выражающимся через оскал пасти животного: *Звериной челюсти / Страшной – их зов* (о богах) [18; т. 2, с. 30].

Типичное свойство того или иного животного проецируется на поведение человека. Данное сходство метафорически отражает черту поведения субъекта: *Прыжки козы, скачки заячьи!* [18; т. 3, с. 644].

Перейдем к рассмотрению основных типов зооморфных признаков, актуализируемых в текстах поэта.

1. Признаки коня, волка, кошки, собаки. Чаще других зооморфных образов востребованы признаки таких животных, как *конь (лошадь), волк, кошка, собака*. Конь является символом силы, мужественности, энергии. Конское сердце выступает символом силы: *Конского сердца – / Мышца моя!* [18; т. 2, с. 288]. Волосы конские ассоциируются с упругостью, густотой, силой: *«Твои-то тонкие, / Лен – волосенки-то! / А мои – конские, / Что струны – звонкие!* [18; т. 3, с. 209].

Волк и связанные с ним свойства и качества проецируются на физического человека, приобретая такие ассоциативные семы, как «дикий, опасный, злой»: *Где впервые глазами волчьими / Ты нацелился мне в лицо* [18; т. 1, с. 240].

Волк – символ обмана, непостоянства, что находит отражение в одноименном стихотворении «Волк»: *Новая найдется дура – / Верить в волчью седину* [18; т. 1, с. 568]. Это животное является носителем такого качества, как наглость, что отражается в его внешнем представлении: *Без щелоку, чай, без мочалки-мыла, / А так себе – волчьим манером: рылом* [18; т. 3, с. 693].

Такие черты кошачьего характера, как непостоянство, независимость, гибкость находят свое выражение в метафорах: *В кошачьем сердце нет стыда!* [18; т. 1, с. 147]; *В кошачьем сердце рабства нет! (...)* *В кошачьем сердце нет любви!* [18; т. 1, с. 148]; *Что не однажды из-за угла / Он прыгал – как кошка – гибкий...* [18; т. 1, с. 238].

Собака устойчиво ассоциируется с трудностями жизни: *На старость лет / Собачьих – клад* [18; т. 2, с. 320], а также с брошенностью, неприкаянностью, одиночеством: *Не доли собачьей / Моей человеческой, кляня / Которую – голову прячу* [18; т. 2, с. 317].

2. Орнитологические признаки. Как известно, образ птицы является довольно устойчивым символом, свободы, полета, поэтического дара, что закреплено в языке. Птицы в их различном признаковом проявлении – очень востребованный образ в текстах М. Цветаевой. Орнитологическая метафора используется в случаях, когда необходимо выделить прототипический признак, связанный с птицей как символом свободы (наличие крыльев, возможность летать), творчества (поэтический дар ничем не ограничен), а также с животным, ведущий ночной образ жизни (сова).

Набор признаков внушитель: *голубиный, журавлиный, лебединый, орлиный, орлий, павлиний, павлиноватый, петушиный, птичий, совиный, совиный, соловьиный, фазаний, ястребиный*; обращает на себя внимание окказионализация некоторых признаков: орлий необходим поэту для передачи экспрессивного значения признака (*гром орлий*).

Крылья птиц актуализируют признак совместности, взаимности, однако и здесь поэт мыслит противоречиво, обращая внимание на нераздельность и самостоятельность крыльев. Это находит свое отражение в прозе, где, размышляя о судьбе поэтов, об их творчестве, М. Цветаева использует признаковую зооморфную орнитологическую метафору, поскольку полет устойчиво ассоциируется с творчеством: *Пастернак и Лермонтов. Родные и врозь идущие, как два крыла* [18; т. 5, с. 234].

Бессонница связывается с образом ночной птицы совы, что выражается двойным эпитетом, где второй, зооморфный, выступает уточняющей номинацией признака: *В сновидящий час мой бессонный, совиный...* [18; т. 2, с. 17].

Внешний облик животного вызывает к жизни метафорический эпитетный образ, построенный на сложном многоступенчатом уподоблении человека животному, а затем сравнения его с артефактом на основе подобия (окно – сова): *Я – глаза твои. Совиное / Око крыш. / Буду звать тебя по имени – / Не расслышь* [18; т. 2, с. 203].

3. Окказиональные способы выражения зооморфного признака. Спецификой фольклорных поэм М. Цветаевой выступает использование особых атрибутивно-предикативных конструкций, представляющих собой единый моноблок; они способны нерасчлененно передать ситуативный признак: *Девичий-свой-львиный / Покажи захват!* [18; т. 3, с. 256]; *Не зверь-он-яр: / То браточек мой-свет, овчар!* [18; т. 3, с. 713]; *Хошь волк-я-зверь, / Весь век свой пеш...* [18; т. 3, с. 740].

Окказиональным следует признать признак *кашалотий*, актуализирующий семантику большого размера, однако объектом эпитетации выступает абстракция судьба с целью показать степень ее значимости и величия: *Пушкинский гений? / Пушкинский мускул / На кашалотьей / Туше судьбы – / Мускул полета, / Бега, / Борьбы* [18; т. 2, с. 287].

При характеристике человека, его глаз применяется данный тип когнитивной признаковой метафоры; основание сравнения взгляда человека с глазами животного зачастую раскрывается в контексте с помощью составного эпитетного комплекса: *Не ланьи (карие, влажные, и т. д.) а именно козы, у самой простой козы: светлые, длинные, даже изогнутые (mit einem kecken Schwung*, как бывает смелый росчерк), холодные и в тысячу раз более га-*

дательные, притягательные, чем пресловутые русалочки, в которых, как у рыбы, только испуг и вода [18; т. 7, с. 258-259]; ... у него добрые *моржовые* глаза – *жалобные* [18; т. 6, с. 570].

Затемненность семантики эпитетного слова, приобретенная в процессе метафоризации, ведет к максимально условному ассоциированию признаков, присущих человеку и животному: горностаи – символ загадочного, сокровенного: *Говорят, что тот голубоокий, / Горностаевый ребенок – мой* [18; т. 1, с. 326].

Окказиональные эпитетные номинации распространяются на человека, если он внешне похож на животное или одет в мех животных, но ассоциируется с данным животным: *Но положение изменилось, теперь уже женщина наступает, настигает, швыряет в лицо оскорбление за оскорблением, а мужчина весь сжался, как собственные уши под меховыми, сползся, ссохся – совсем на нет – нет! Загнала *собольехвостая – оленьеушего!** [18; т. 4, с. 47].

Рассмотренный тип когнитивной метафоры актуализирует признаки, присущие животному в их проекции на конкретное проявление этих признаков во внешности или поведении человека. Востребованными оказались смыслы, ассоциативно связанные с дикостью, независимостью животного и проявлением этих свойств в ментальном пространстве физического человека.

В качестве выводов подчеркнем следующее. Продуктивность описания эпитетации с когнитивных позиций обусловлена применением теории блендинга, дающей возможность выявить механизмы и причины переноса признака из одной концептуальной области в другую вследствие осознания автором родства компонентов эпитетного комплекса. Временное общее ментальное пространство, построенное на ассоциативной связи двух концептов, актуализирует общность признаков, что приводит к образованию смешанного концептуального поля. Зооморфная признаковая метафора в идиолекте М. Цветаевой представляет собой результат такого блендинга признаков человека и животного: их родство актуализирует необходимые автору смыслы символического характера. Метонимичность мышления поэта проявляется в активности когнитивной направленности признакового осмысления человека и его поведения, характера средствами зооморфного кода.

Библиографический список

1. Булахова Н. П., Сквородников А. П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9). С. 122–143.
2. Гращенков П. В., Лютикова Е. А. Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация // Rhema. 2018. № 4. С. 9–25.
3. Губанов С. А. Прономинативный эпитетный комплекс как часть эпитетной парадигмы в прозе М. Цветаевой // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 122–129.
4. Грязнова В. М., Губанов С. А. Гиперконцепт качество как механизм вербального представления эпитетной парадигмы в творчестве М. Цветаевой // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10. № 2. С. 337–342.
5. Fauconnier G. Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language. Cambridge University Press, 1994. 190 p.
6. Sweetser E. Blended spaces and performativity // Cognitive linguistics. 2000. Vol. 11. № 3/4. P. 305-333.
7. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. 262 с.
8. Ревзина О. Г. Окказиональное слово в поэтическом языке // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. Т. 2. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1998. С. 5–40.

9. Ляпон М.В. Проза Цветаевой: Опыт реконструкции речевого портрета автора. М.: Языки славянских культур, 2010. 528 с.
10. Божкова Г. Н., Бубеков И. Д. Анималистические образы в поэмах М. И. Цветаевой «Егорушка» и «Красный бычок» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (56). Ч. 2. С. 21-23.
11. Кавакита Н. С. Архетипы природы в творчестве М. Цветаевой // На путях к постижению Марины Цветаевой: Девятая цветаевская международная научно-тематическая конференция (9–12 октября 2001 года). М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2002. С. 287–300.
12. Маслова В. А. Поэт и культура. Концептосфера Марины Цветаевой. М.: Флинта: Наука, 2004. 256 с.
13. Мейкин М. Марина Цветаева: поэтика усвоения. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1997. 312 с.
14. Шевеленко И. Д. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 464 с.
15. Скрипова О. А. «Быть голубкой его орлиной»: образы птиц в книге стихов М. Цветаевой «Ремесло» // Филологический класс. 2019. № 2 (56). С. 207–212. DOI 10.26170/FK19-02-28.
16. Савенкова Л. Б. Образ-символ ВОЛК в лирике Цветаевой // Русский язык в школе. 1997. № 5. С. 62–65.
17. Рудь Г. А. «Как я люблю... каждого встречного пса!» (Мир животных в поэзии Марины Цветаевой) // «Дух – мой сподвижник и Дух – мой вожатый». Проблемы перевода произведений М. И. Цветаевой. Популяризация творческого наследия Поэта: Материалы Шестых Международных Цветаевских чтений. Елабуга: ЕлТИК, 2013. С. 158–166.
18. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 томах. М.: Эллис-Лак, 1994–1995. Т. 1–7.
19. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996-2004.
20. Губанов С. А. Когнитивно-семантическая концепция эпитетного комплекса в творчестве М. И. Цветаевой: дис. ... д-ра филол. наук. Ставрополь, 2023. 491 с.

References

1. Bulakhova N.P., Skovorodnikov A.P. Concerning the definition of epithet (preparation to the functional characteristic) // Ecology of Language and Communicative Practice. 2017. No. 2 (9). P. 122–143.
2. Grashchenkov P.V., Lyutikova E.A. Adjectives in typology and theory of language: semantics, distribution, derivation // Rhema. 2018. No. 4. P. 9–25.
3. Gubanov S.A. Pronominative Epithet Complex as Part of Epithet Paradigm in M. Tsvetaeva's Prose // Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024, Iss. 1 (17), P. 122–129.
4. Gryaznova V.M., Gubanov S.A. Hyperconcept quality as a mechanism of verbal representation of epithetic paradigm in M. Tsvetaeva's works // Humanities and Legal Studies. 2023. Vol. 10. No. 2. P. 337-342, DOI:10.37493/2409-1030.2023.2.1.
5. Fauconnier, G. Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language. Cambridge University Press, 1994. 190 p.
6. Sweetser E. Blended spaces and performativity // Cognitive linguistics, 2000. Vol. 11. No. 3/4. P. 305-333.
7. Zubova L.V. Poetry of Marina Tsvetaeva: Linguistic Aspect. Leningrad: Leningrad University Publ., 1989. 262 p.
8. Revzina O. G. Occasional word in poetic language // Dictionary of Poetic Language by Marina Tsvetaeva. Moscow: House-Museum of Marina Tsvetaeva, 1998. Vol. 2. P. 5–40.
9. Lyapon M.V. Prose of Tsvetaeva. Experience of reconstruction of the author's speech portrait. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2010. 528 p.

10. Bozhkova G. N, Bubekov I.D. Animalistic images in the poems by M.I. Tsvetaeva Egorushka and The Little Red Bull // *Philology. Theory & Practice*. 2016. No. 2 (56). Vol. 2. P.21-23.
11. Kavakita N. S. Archetypes of Nature in Creative Work of M. Tsvetaeva // *On the path to understanding Marina Tsvetaeva: The Ninth Tsvetaeva International Scientific Thematic Conference (October 9–12, 2001)*. Moscow: Dom-muzei Mariny Tsvetaevoy, 2002. P. 287–300.
12. Maslova V. A. *Poet and Culture. Conceptual Sphere of Marina Tsvetaeva*. Moscow: Flinta, Nauka, 2004. 256 p.
13. Meykin M. *Marina Tsvetaeva: Poetics of Mastering*. Moscow: Dom-muzei Mariny Tsvetaevoy, 1997. 312 p.
14. Shevelenko I. D. *Literary Way of Tsvetaeva: Ideology – Poetics – Author Identity in the Context of the Era*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 464 p.
15. Skripova O. A. “To be his Aquiline Dove”: Bird Images in M. Tsvetaeva’s Book of Poems “Remeslo” // *Philological Class*. 2019. № 2 (56). P. 207–212, DOI: 10.26170/FK19-02-28.
16. Savenkova L. B. The image-symbol WOLF in Tsvetaeva’s lyrics // *Russian language at school*. 1997. No. 5. P. 62–65.
17. Rud G. A. "How I love... every dog I meet!" (The animal world in the poetry of Marina Tsvetaeva) // "The Spirit is my companion and the Spirit is my guide". *Problems of translating the works of M. I. Tsvetaeva. Popularization of the creative heritage of the Poet: Materials of the Sixth International Tsvetaeva Readings*. Elabuga: EITIK, 2013. P. 158-166.
18. Tsvetaeva M. I. *Collected Works in 7 vol*. Moscow: Ehllis-Lak, 1994–1995, vol. 1–7.
19. *Dictionary of Poetic Language by Marina Tsvetaeva*. In 4 vols. Moscow, Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi, 1996-2004.
20. Gubanov S.A. *Cognitive-semantic conception of the epithet complex in the creativity of M. I. Tsvetaev*, Dr. philol. sci.diss. Stavropol, 491 p.

УДК 811.111

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.020

*Российская академия музыки
имени Гнесиных
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры языковой коммуникации*

*Бутенко Е.Ю.
Россия, Москва
тел.: 89684002817
e-mail: alionab@yandex.ru*

*Gnesin Russian Academy of Music
PhD in Philology, associate professor
The Department of Language Communication
associate professor
Butenko E. Yu.
Russia, Moscow
tel.: 89684002817
e-mail: alionab@yandex.ru*

Е.Ю. Бутенко

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ПОНЯТИЯ «THE ESTABLISHMENT»/«ИСТЕБЛИШМЕНТ» В АНГЛИЙСКОЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье рассматривается понятие «the Establishment»/«истеблишмент» как обозначение существующей в Британии структуры власти и ее доминирующих институтов, решается задача выявления смыслового пространства данного понятия посредством анализа фактов его языковой объективации, определяются культурно значимые смыслы в английской эмоциональной картине, актуальные на данном этапе развития общества. Изучение культурного своеобразия, специфики мировосприятия и системы ценностей определенной лингвокультурной общности через призму языка не утратило своей важности в настоящее время. Эмпирической базой исследования послужили публицистические тексты британских авторов, рассматривающих проблемы современной политической элиты. Среди основных характеристик текстовой реализации исследуемого понятия выявлены следующие: Истеблишмент – причина коррупции в современной Британии, контролируемой корпоративным сектором → помощник в уклонении от налогов крупных компаний → консолидирует свои интересы за счет большинства → защищает корыстные интересы богатой элиты → ослабляет суверенитет своей страны → самая большая угроза демократии → поддерживает несправедливое общественное устройство и разрушительный неолиберальный проект → подрывает свои основы, создав хаос в обществе → разрозненная команда международных и корыстных управляющих с ослабленным чувством общественного служения → виновник неравенства и нестабильности в Британии. Определены эмотивные компоненты понятия «the Establishment», все с негативным посылом: нечестивый союз; мощная, но неподотчетная сеть людей; ворующие у государства; неконтролируемая жажда наживы; нечестная деятельность; коварное развитие; высокомерие и пагубное влияние; паразитический слой; невежественные, ненадежные, не имеют корней и корыстные; больше не является последовательным, коллективным или компетентным.

Ключевые слова: понятие «the Establishment», лингвокультура, эмоциональная картина мира, языковая объективация, ноэма, субконцепт, публицистическая литература.

Е.Yu. Butenko

OBJECTIFICATION OF THE CONCEPT OF "THE ESTABLISHMENT" IN THE ENGLISH EMOTIONAL WORLDVIEW

The article examines the concept of “the Establishment” as a designation of the existing power structure in Britain and its dominant institutions, solves the problem of identifying the semantic space of this concept through the analysis of the facts of its linguistic objectification, and determines culturally significant meanings in the English emotional picture that are relevant at this stage of the development of society. The study of cultural identity, the specifics of worldview and the value system of a certain linguacultural community through the prism of language has not lost its importance at the present time. The empirical basis of the study was the journalistic texts of British authors examining the problems of the modern political elite. Among the main characteristics of the textual implementation of the concept under study, the following have been identified: The establishment is the cause of corruption in modern Britain, con-

trolled by the corporate sector → an assistant in tax evasion by large companies → consolidates its interests at the expense of the majority → protects the selfish interests of the rich elite → weakens the sovereignty of its country → the greatest threat to democracy → supports an unfair social structure and a destructive neoliberal project → undermines its foundations, creating chaos in society → a disparate team of international and selfish managers with a weakened sense of public service → the cause inequality and instability in Britain. The emotive components of the concept of "the Establishment" are identified, all with a negative connotation: an unholy alliance; a powerful but unaccountable network of people; scrounging from the state; an uncontrolled thirst for profit; dishonest activity; insidious development; arrogance and malign influence; a parasitic layer; ignorant, unreliable, rootless and self-serving; no longer coherent, collective or competent.

Key words: concept of "the Establishment", linguaculture, emotional picture of the world, linguistic objectification, noema, subconcept, journalistic literature.

Внимание к особенностям национального менталитета, системе приоритетов народа, их описание через факты отражения в языке представляется актуальным в контексте антропологической ориентации. Объектом нашего научного интереса являются мировоззренческие концепты носителей английской лингвокультуры, данные о которых мы получаем через единицы языка, применяя лингвокультурологические и герменевтические методы исследования. Особое место в ценностной картине английского общества неуклонно занимает классовость, которая в современных условиях модифицируется и видоизменяется, но является одним из существенных конструкторов национального менталитета.

Исключительно английское изобретение понятие «the Establishment» / истеблишмент стало до такой степени популярным для обозначения властной элиты и ее доминирующих институтов, что было заимствовано во многие языки и культуры мира. Мы остановили свое внимание на данном концептуализированном конструкте, как субконцепте, являющемся одним из формирующих номинативное поле более объемного в смысловом отношении концепта-доминанты CLASS.

Изначально лексема *establishment*, появившаяся в языке в 1731 году, относилась к религиозному дискурсу. Сравнительно новое значение «правлящие люди и институты» (from establish+ment meaning "ruling people and institutions") доминирует с 1923 года [1].

Подробнее историю трансформации термина «establishment» мы рассматривали в монографии, посвященной концепту CLASS [2, с. 153–173].

В данном случае наше внимание сосредоточено на объективации понятия «the Establishment» в условиях XXI века, когда прежние характеристики стали менее актуальными в связи с изменением ценностных приоритетов современной западной цивилизации.

Предметом нашего изучения являются лексические и текстовые фрагменты, репрезентирующие феномен «the Establishment» в отдельной лингвокультурной области – публицистической литературе, с целью представить составляющие эмоционального смыслового пространства. Данный тип текста отличается эмоциональной аттрактивностью и определенной степенью суггестии.

Методологической базой исследования послужили концепции, изложенные в трудах по лингвокультурологии (С. Г. Воркачев [3], В. И. Карасик [4], В. А. Маслова [5], Г. Г. Слышкин [6]), по эмотивности в языкознании (В. И. Шаховский [7]), по филологической герменевтике (Г. И. Богин [8]), по системомыследеятельностной методологии (Г. П. Щедровицкий [9]).

В работе применялись следующие основные методы анализа: концептуальный, использующий множество приемов для моделирования фрагментов картины мира, чувственное и образное восприятие которых запечатлено совокупным носителем языка, помогающий установить концептуальные характеристики через значения языковых единиц, репрезентирующих изучаемый субконцепт, их словарные толкования и контекстуальное употребление; герменевтико-интерпретационный метод, позволяющий анализировать ноэматические свойства лексики, связанной с концептуализацией понятия; а также метод сплошной выборки и текстологический анализ.

Основными семантическими признаками светского понятия «the Establishment», как показал дефиниционный анализ, выступают: «*группа влиятельных людей*», «*власть / авторитет в обществе*», «*контроль над главными институтами страны / политикой*», «*закрытость / избранность / немногочисленность*», «*нежелание перемен / консервативное мировоззрение*» [10; 11; 12; 13; 14, p. 519; 15, p. 146].

Главной сферой употребления понятия «the Establishment» часть источников называет средства массовой информации, что позволяет считать его компонентом наивной картины мира, а не научной и изучать его концептуальные признаки как феномена английской лингвокультуры. Такая языковая особенность, что данное понятие, в сущности, не имеет лексических синонимов, а только описательные обороты, подтверждает его уникальность: *the authorities, elite, the powers that be, the ruling class, top brass* (в значении «самые важные люди в правлении»), *political class* [12].

В лексикографических источниках лексема *establishment* имеет отрицательную коннотацию и сопровождается пометой «неодобительно».

Ноэтический анализ публицистических текстов в нашей прежней работе [2, с. 153–173] позволил определить статус конструкта «the Establishment» как антиценности в английской эмоциональной картине мира.

Содержание эмотивно-оценочных смыслов «the Establishment» было представлено в следующем виде: Истеблишмент – институт, отвечающий за эмоции людей → негативное отношение → объект гнева и недовольства → пережиток прошлого → чувство классовой несправедливости → объект, отвечающий за неуверенность и снобизм.

Вместе с тем были выявлены и имплицитные положительные аксиологические признаки: истеблишмент – гарант социальной стабильности → механизм, сдерживающий ярость и негодование.

В данной статье мы попытались проследить динамику изменений характеристик понятия «the Establishment» в английской эмоциональной картине мира, поскольку языковое освоение действительности невозможно без эмотивно-оценочного отношения к ней, а смыслы в лингвокультуре непрерывно преобразовываются. Мы обращаемся к понятию ноэмы, которое впервые было применено в Тверской школе филологической герменевтики для анализа смыслообразующей рефлексии. Ноэма, по Г. И. Богину, это та самая малая единица с функцией установления связи и отношений между элементами коммуникативной и деятельностной ситуации, которая необходима для смыслообразования [8, с. 52].

Актуализацию эмотивной рефлексии по отношению к исследуемому конструкту рассмотрим на примерах из публицистических текстов последних лет.

Книга британского писателя и политического обозревателя Оуэна Джонса «Истеблишмент: и как им это сходит с рук» (Owen Jones. *The Establishment: And how they get away with it*), ставшая бестселлером и лучшей книгой 2014 года в Великобритании, описывает отношения между различными группами, которые, по мнению автора, образуют британский истеблишмент («*an unholy alliance of the three major Westminster parties, the BBC, Fleet Street and big business*» / *нечестивый союз трех крупнейших Вестминстерских партий, Би-би-си, Флит-стрит и крупного бизнеса*). «*Behind our democracy lurks a powerful but unaccountable network of people who wield massive power and reap huge profits in the process*» [16, p. 3] / *За нашей демократией скрывается мощная, но неподотчетная сеть людей, которые обладают огромной властью и при этом получают огромные прибыли* (перевод здесь и далее наш – Б.Е.).

Ключевые элементы сегодняшнего британского истеблишмента О. Джонс определяет как: «*mainstream political parties, think tanks, the media, the police force*» [16, p. 23] / *основные политические партии, аналитические центры, средства массовой информации, полиция*.

Оглядываясь на политическую историю и на то, как возник современный британский истеблишмент, О. Джонс объясняет, как несколько богатых элит изменили взгляд на общество от социал-демократического консенсуса, который характеризовал десятилетия после Вто-

рой мировой войны, к капитализму, свободному рынку и приватизации. Джонс демонстрирует, как людей, придерживающихся взглядов альтернативных истеблишменту, заставляют замолчать, дискредитируют или разрушают их жизни за высказывания [16, p. 51].

Джонс считает, что «*British capitalism is completely dependent on the largesse of the state*» and «*free-market ideology is often little more than a front for placing public assets in private hands at the expense of society*» [16, p. 58] / *Британский капитализм полностью зависит от щедрости государства, а идеология свободного рынка часто является не более чем прикрытием за передачу государственных активов в частные руки за счет общества.*

Джонс пишет о богатой элите — реальных людях, ворующих у государства в главе ‘Scrounging off the State’ / Воровство у государства. Он утверждает, что «*public assets, such as the railways, are being and have been sold off for profit, the wealthy elite get the profits, as well as tax-payer subsidies ..., but that the tax-payer shoulders all the risk. If something goes wrong — like it did with the Banks, big business relies on the State to step in and bail them out. ... Risk and debt have become nationalized, and carried by the population, while the profitable elements are privatized*» [16, p. 198, 207] / *государственные активы, такие как железные дороги, продаются и продаются с целью получения прибыли, богатая элита получает прибыль, а также субсидии налогоплательщиков ..., но налогоплательщик берет на себя весь риск. Если что-то пойдет не так — как это произошло с банками, крупный бизнес полагается на то, что государство вмешается и спасет его. ... Риск и долг национализированы и переложены на население, а прибыльные элементы приватизируются.*

В данных примерах актуализируется нозма: **истеблишмент превратил современную Британию в коррумпированное государство, контролируемое корпоративным сектором.**

Отношение **британский истеблишмент — помощник в уклонении от налогов крупных компаний, поддерживающий токсичные отношения между Казначейством и крупными компаниями** находит подтверждение в разделе ‘Tusoons and Tax-Dodgers’ / Магнаты и уклонисты от налогов, где О. Джонс проливает свет на сложные схемы уклонения от уплаты налогов, используемые крупным бизнесом, которые совершенно законны. «*That big companies actually help to develop Tax Policy with Treasury Civil Servants and the Government*» [16, p. 249] / *Крупные компании на самом деле помогают разрабатывать налоговую политику вместе с госслужащими казначейства и правительством.*

В главе ‘Masters of the Universe’ / Властелины Вселенной Джонс исследует финансовый сектор, в частности «Сити», имея в виду финансовый сектор Лондона: «*the financial sector is driven by an unregulated greed for profit, a big bonus culture and to increase the wealth of the already extremely wealthy*» [16, p. 298] / *финансовый сектор движим нерегулируемой жадной прибылью, культурой больших бонусов и увеличением благосостояния и без того чрезвычайно богатых людей.* В данной цитате реализуется нозматическая характеристика: **Истеблишмент стремится консолидировать свои интересы за счет большинства.**

Нозма **Истеблишмент ослабляет суверенитет своей страны** получает подтверждение в разделе ‘The Illusion of Sovereignty’ / Иллюзия суверенитета, где О. Джонс анализируя историю «особых отношений», показывает, что «*the Establishment’s mentality is international and shared with the US*» [16, p. 328] / *менталитет истеблишмента является международным и разделяется с США.*

В последней главе, озаглавленной ‘Conclusion: A Democratic Revolution’ / Вывод: демократическая революция, Джонс заявляет, что «*the Establishment is being run for a wealthy few, rather than for the majority*», ... *that austerity is ideological rather than required*» [16, p. 360] / *истеблишмент существует в интересах немногих богатых, а не большинства, ... что политика жесткой экономики является скорее идеологической, чем необходимой.*

«*The Establishment shows the shocking level of corruption and vested interests, along with laws that protect the wealthy elite — all created by The Establishment (the wealthy elite) to balance society in their favour*» [16, p. 371] / *Истеблишмент демонстрирует шокирующий уровень коррупции и корыстных интересов, а также законы, защищающие богатую элиту — все*

это создано Истеблишментом (богатой элитой), чтобы сбалансировать общество в свою пользу. В приведенных выдержках актуализируется нозма: **Истеблишмент защищает корыстные интересы богатой элиты, к которой принадлежит сам.**

Оуэн Джонс исследует «вращающиеся двери», связывающие мир политики, СМИ и финансов, и показывает, насколько коррумпированы и «кровосмесительны» эти миры, объясняя это набором ценностей, разделяемых членами истеблишмента.

В следующей цитате выявляется отношение: **Истеблишмент — самая большая угроза британской демократии.** Джонс показывает, «*how, in claiming to work on our behalf, the people at the top are doing precisely the opposite. In fact, they represent the biggest threat to our democracy today — and it is time they were challenged*» [16, p. 379] / как люди наверху, заявляя, что работают от нашего имени, делают прямо противоположное. Фактически, сегодня они представляют собой самую большую угрозу нашей демократии — и пришло время бросить им вызов.

Публицист и историк Шон Ледвит (Sean Ledwith) в рецензии на книгу О. Джонса дает следующую оценку правящей верхушке страны: «*The British establishment likes to keep its nefarious activities below the radar but it has been forced out into the open a few times recently. ... Owen Jones highly readable new study, The Establishment, sets out to trace the insidious development of this clique since World War Two, and how its arrogance and pernicious influence have been critical factors in the cultivation of the neoliberal project currently wrecking the fabric of British society*» [17] / Британский истеблишмент предпочитает держать свою гнусную (нечестную) деятельность в тайне от радаров, но в последнее время ее несколько раз выставляли напоказ. ... Новое исследование Оуэна Джонса «Истеблишмент» призвано проследить коварное развитие этой клики после Второй мировой войны, а также то, как ее высокомерие и пагубное влияние стали решающими факторами в развитии нелиберального проекта, который в настоящее время разрушает структуру британского общества.

Шон Ледвит соглашается с Джонсом, в том, что «*there is a parasitical layer at the summit of British society which perceives itself to be superior to basically everyone else. They have a discernible set of ideological values and social networks that they manipulate to perpetuate their status. But it is more important to see this clique as a definable ruling class that is integrated into the capitalist relations of production, and which owes its elevated rank to the role it plays in maintaining that system*» [ibid] / на вершине британского общества существует паразитический слой, который считает себя выше всех остальных. У них есть заметный набор идеологических ценностей и социальных сетей, которыми они манипулируют, чтобы увековечить свой статус. Но более важно рассматривать эту клику как определяемый правящий класс, который интегрирован в капиталистические производственные отношения и который обязан своим высоким статусом той роли, которую он играет в поддержании этой системы. В вышеприведенных фрагментах из текста раскрывается нозматическая характеристика: **Истеблишмент — правящий класс, поддерживающий несправедливое общественное устройство и разрушительный нелиберальный проект.**

Аэрон Дэвис (Aeron Davis), профессор политических коммуникаций Лондонского университета, внимательно рассмотревший состояние высшего эшелона Великобритании в своей книге «Безрассудные оппортунисты: элиты в конце истеблишмента» («Reckless Opportunists: Elites at the End of the Establishment») пишет о кризисе лидерства в стране: «*Too many leaders today, regardless of intent, are ignorant, precarious, rootless and self-serving. Although richer, they have lost coherence, influence and control. Increasingly, they are just reckless opportunists, getting what they can amid the chaos they have helped to create. Their failings are not only damaging wider society, they are undermining the very foundations of the Establishment itself*» [18, p. 36] / Сегодня слишком многие лидеры, независимо от их намерений, невежественны, ненадежны, не имеют корней и корыстны. Хотя они и стали богаче, они потеряли слаженность, влияние и контроль. Они все чаще становятся просто безрассудными оппортунистами, получающими все, что могут, среди хаоса, который они помогли создать. Их ошиб-

ки не только наносят ущерб обществу в целом, они подрывают основы самого истеблишмента.

В данном случае раскрывается ноэматическая характеристика: **Истеблишмент подрывает свои основы, создав хаос в обществе.**

Анализируя, как действует власть, А. Дэвис провел последние 20 лет, изучая представителей элиты в пяти областях, связанных с современным истеблишментом: СМИ, финансовый сектор Лондона, крупные корпорации, государственная служба Уайтхолла и основные политические партии Вестминстера. По его мнению, *«in each of these sectors the old order is increasingly being displaced by an even more destructive and more disparate crew of internationally based, highly mobile and self-serving operators who are only in it for the short term, who are quick to salt away their overblown and undeserved bonuses (often offshore) and who have a diminished sense of public service»* [18, p. 94] / в каждом из этих секторов старый порядок все больше вытесняется еще более разрушительной и разрозненной командой международных, высокомобильных и эгоистичных операторов, которые находятся в этом деле только в течение короткого периода времени, которые быстро припрятывают свои непомерные и незаслуженные бонусы (часто в офшорах) и у которых ослаблено чувство служения обществу.

В приведенном контексте реализуется ноэма **Современный истеблишмент — разрушительная и разрозненная команда международных и корыстных управляющих с ослабленным чувством общественного служения.**

Для сравнения А. Дэвис приводит цитату Джорджа Оруэлла из книги “England Your England” (1941 г.) о старом истеблишменте: *“One thing that has always shown that the English ruling class are morally fairly sound, is that in time of war they are ready enough to get themselves killed”* [18, p. 87] / Одной из вещей, которая всегда показывала, что английский правящий класс морально довольно здоров, является то, что во время войны они были достаточно готовы пойти на смерть.

Аэрон Дэвис призывает задуматься о том, *«whether the British establishment still functions as it once did. Yes, some members of the elite have become very rich. They are still united in their fear and loathing of leftwing ideas and ordinary people. They are still highly skilled when it comes to pursuing their self-interest. Their decisions still have powerful consequences that are widely felt. But they seem to be less able to exert control or predict what those consequences will be»* [18, p. 102] / функционирует ли британский истеблишмент так, как когда-то. Да, некоторые представители элиты стали очень богатыми. Они по-прежнему едины в своем страхе и ненависти к левым идеям и простым людям. Они по-прежнему хорошо умеют преследовать свои интересы. Их решения по-прежнему имеют мощные последствия, которые широко ощущаются. Но они, кажется, менее способны контролировать или предсказывать, какими будут эти последствия.

Профессор пришел к выводу, что *«the establishment is no longer coherent or collective or competent. Its failings are not only causing larger schisms, inequalities and precariousness in Britain; they also threaten the very foundations of establishment rule itself»* [18, p. 149] / истеблишмент больше не является последовательным, коллективным или компетентным. Его недостатки не только вызывают большие расколы, неравенство и нестабильность в Британии; они также угрожают самим основам правления истеблишмента.

В вышеприведенных цитатах можно проследить характеристики: **истеблишмент — стал непоследовательным, неколлективным и некомпетентным, виновник неравенства и нестабильности в Британии.**

Итак, примеры, представляющие собой обсуждение понятия «the Establishment» в некотором контексте, при котором оно может приобретать аксиологическую характеристику, дополнительные коннотации, некоторым образом уточняться, позволяют рассматривать эти случаи как факты опредмеченной рефлексии в поясе М-К (мысли-коммуникации) — центральном из «трехслойной модели» Г.П. Щедровицкого [9, с. 134].

Проведенный анализ публицистических текстов позволяет представить актуализацию нозматике «the Establishment» в следующем виде:

Истеблишмент — превратил современную Британию в коррумпированное государство, контролируемое корпоративным сектором → помощник в уклонении от налогов крупных компаний, поддерживающий токсичные отношения между Казначейством и крупными компаниями → консолидирует свои интересы за счет большинства → существует в интересах немногих богатых → ослабляет суверенитет своей страны → самая большая угроза демократии → поддерживает несправедливое общественное устройство и разрушительный неолиберальный проект → подрывает свои основы, создав хаос в обществе → разрозненная команда международных и корыстных управляющих с ослабленным чувством общественного служения → виновник неравенства и нестабильности в Британии.

На наш взгляд, доминирующей в цепочке нозм является характеристика: **истеблишмент — виновник неравенства и нестабильности в Британии.**

Ранее в публицистических текстах наряду с негативным отношением к истеблишменту признавалось, что однородный английский истеблишмент выступает гарантом стабильности в обществе и выполняет сдерживающую функцию [2, с. 170]. Важной характеристикой, не присущей элитам других культур, считалось единообразие во взглядах представителей английского истеблишмента [2, с. 164]. Аргументы проанализированных в данной статье публикаций свидетельствуют о том, что рост неолиберализма и безответственного личного интереса привел к ослаблению традиционного истеблишмента, поскольку на первый план вышла новая элита «безрассудных оппортунистов», разрозненных и корыстных. В связи с этим можно сказать, что за сравнительно короткий промежуток времени понятие «the Establishment» получило уточнения и обогатилось новыми смыслами.

Обращает на себя внимание частотность употребления оценочных эпитетов отрицательного значения в приведенных контекстах, служащих выразительным средством выделения качеств описываемого понятия.

Наша картотека примеров с употреблением эмотивов, придающих текстам экспрессию, вызывающих эмоциональную реакцию, свидетельствует об эволюции понятия «the Establishment» в общественном сознании, о сдвиге аксиологических акцентов однозначно к отрицательному полюсу: ***an unholy alliance*** /нечестивый союз; ***powerful but unaccountable network of people*** /мощная, но неподотчетная сеть людей; ***Scrounging off the State*** /воровство у государства; ***an unregulated greed for profit*** /неконтролируемая жадность к наживе; ***nefarious activities*** /нечестная/гнусная деятельность; ***insidious development*** /коварное развитие; ***arrogance and pernicious influence*** /высокомерие и пагубное влияние; ***parasitical layer*** /паразитический слой; ***clique*** /клика; ***ignorant, precarious, rootless and self-serving*** /невежественные, ненадежные, не имеющие корней и корыстные; ***the establishment is no longer coherent or collective or competent*** /истеблишмент больше не является последовательным, коллективным или компетентным. Оценочное значение несёт в себе информацию о роли данного явления в английской лингвокультуре.

В конечном итоге британский истеблишмент превратился из хранителя национальных ценностей в угрозу им. В аксиологической и эмоциональной интерпретации понятия «the Establishment» довольно четко выражены особенности менталитета, система приоритетов британцев. Как видим, в рамках одного лингвокультурного сообщества возможен диссонанс ценностных ориентаций, следующий из противоречий между правящими кругами и их оппозицией.

Полагаем, что мы выявили далеко не все конститутивные смысловые признаки и эмоциональные оттенки исследуемого понятия. Но эти оценки хотя бы частично помогают понять причины, особенности и последствия неолиберальной идеологии и практики, ставших мейнстримом не только в Великобритании, но и в Европе.

Библиографический список

1. Online Etymology Dictionary. Douglas Harper, 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения 15.08.2024).
2. Бутенко Е. Ю. The Establishment как этноспецифическое явление английской классовой системы // Концептуальная парадигма мировоззренческого феномена «class» в аксиологической системе британской лингвокультуры: монография. М.: Финансовый университет, 2014. С.153–173.
3. Воркачев С. Г. Studia selecta: избранные работы по теории лингвокультурного концепта: монография. М.: ФЛИНТА, 2015. 169 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология. 4-е изд. М.: «Академия», 2010. 202 с.
6. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004. 328 с.
7. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка: монография. М.: URSS, 2009. 204 с.
8. Богин Г. И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2001. 731 с.
9. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Школа Культурной Политики, 1995. 800 с.
10. Cambridge Dictionary & Thesaurus. Cambridge: Cambridge University Press & Assessment, 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (дата обращения: 26.09.2024).
11. Collins English Dictionary. Glasgow: HarperCollins Publishers, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/> (дата обращения 24.09.2024)
12. Collins Thesaurus of the English Language. Glasgow: HarperCollins Publishers, 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thefreedictionary.com/Establishment> (дата обращения 31.10.2024).
13. Free Dictionary by Farlex. 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thefreedictionary.com/establishment> (дата обращения 24.09.2024)
14. Oxford Advanced Learner's Dictionary. 10th Edition. Oxford: Oxford University Press, 2020. 1820 p.
15. Oxford Guide to British and American Culture (for learners of English). 7th edition. Oxford: Oxford University Press, 2005. 536 p.
16. Jones, Owen. The Establishment: And how they get away with it. London: Penguin, 2015. 384 p.
17. Ledwith, Sean. The Establishment: And how they get away with it: article. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.counterfire.org/article/the-establishment-and-how-they-get-away-with-it/> (дата обращения: 15.03.2024).
18. Davis, Aeron. Reckless Opportunists: Elites at the End of the Establishment. Manchester: Manchester University Press, 2018. 160 p.

References

1. Online Etymology Dictionary. Douglas Harper, 2024. [Electronic resource]. URL: <https://www.etymonline.com> (Accessed: 08/15/2024)
2. Butenko E. Yu. The Establishment as an Ethnospecific Phenomenon of the English Class System // Conceptual Paradigm of the Worldview Phenomenon “Class” in the Axiological System of British Linguistic Culture: Monograph. Moscow: Financial University, 2014. Pp.153–173.
3. Vorkachev S. G. Studia selecta: selected works on the theory of the linguocultural concept: monograph. Moscow: FLINTA, 2015. 169 p.

4. Karasik V. I. Language circle: personality, concepts, discourse. Moscow: Gnosis, 2004. 390 p.
5. Maslova V. A. Lingvoculturology. 4th ed. Moscow: "Akademiya", 2010. 202 p.
6. Slyshkin G. G. Linguocultural concepts and metaconcepts: monograph. Volgograd: Peremena, 2004. 328 p.
7. Shakhovsky V. I. Categorization of emotions in the lexical-semantic system of language: monograph. Moscow: URSS, 2009. 204 p.
8. Bogin G. I. Gaining the Ability to Understand: Introduction to Philological Hermeneutics. Tver: Tver State University Publishing House, 2001. 731 p.
9. Shchedrovitsky G. P. Selected Works. Moscow: School of Cultural Policy, 1995. 800 p.
10. Cambridge Dictionary & Thesaurus. Cambridge: Cambridge University Press & Assessment, 2024. [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (Accessed: 09/26/2024)
11. Collins English Dictionary. Glasgow: HarperCollins Publishers, 2014. [Electronic resource]. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/> (Accessed: 09/24/2024)
12. Collins Thesaurus of the English Language. Glasgow: HarperCollins Publishers, 2002. [Electronic resource]. URL: <http://www.thefreedictionary.com/Establishment> (Accessed: 10/31/2024)
13. Free Dictionary by Farlex. 2024. [Electronic resource]. URL: <https://www.thefreedictionary.com/establishment> (Accessed: 09/24/2024)
14. Oxford Advanced Learner's Dictionary. 10th Edition. Oxford: Oxford University Press, 2020. 1820 p.
15. Oxford Guide to British and American Culture (for learners of English). 7th edition. Oxford: Oxford University Press, 2005. 536 p.
16. Jones, Owen. The Establishment: And how they get away with it. London: Penguin, 2015. 384 p.
17. Ledwith, Sean. The Establishment: And how they get away with it: article. [Electronic resource]. URL: <https://www.counterfire.org/article/the-establishment-and-how-they-get-away-with-it/> (Accessed: 03/15/2024)
18. Davis, Aeron. Reckless Opportunists: Elites at the End of the Establishment. Manchester: Manchester University Press, 2018. 160 p.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК: 81'25

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.021

*Юго-Западный государственный университет
Аспирант кафедры теоретической
и прикладной лингвистики*

*Гурина В. И.
Россия, г. Курск,
тел. +7-952-491-71-16
e-mail: valeri.grn@yandex.ru*

*South-West State University
The chair of theoretical and applied
linguistics
Postgraduate student
Gurina V. I.
Russia, Kursk,
tel. +7-952-491-71-16
e-mail: valeri.grn@yandex.ru*

В.И. Гурина

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ (НА ПРИМЕРЕ КИНОПЕРЕВОДА ФРАНШИЗЫ «ШРЕК» И СОВЕТСКОГО ФИЛЬМА «БРИЛЛИАНТОВАЯ РУКА»)

В современном мире, где культурный обмен и глобализация играют все более значимую роль, вопросы культурной адаптации в переводе становятся особенно актуальными. Перевод не только передает информацию от одного языка к другому, но и адаптирует культурные референции, чтобы сделать произведение доступным и понятным для новой аудитории. В данной статье рассматриваются особенности культурной адаптации в переводе на примере киноперевода мультфильма «Шрек», его продолжения «Шрек 2» и советского фильма «Бриллиантовая рука». Автор статьи анализирует, как переводчики справляются с задачей адаптации культурных референций, специфических для каждой культуры, чтобы сохранить оригинальный смысл и юмор произведений. Особое внимание уделяется методам адаптации, используемым в переводе, таким как локализация, адаптация культурных референций, функциональный аналог. Кроме того, в статье проводится сравнительный анализ способов перевода, применяемых в культурном контексте. Автор отмечает, что при кинопереводе исследуемых материалов используются различные приемы, включая замещение культурных реалий на более понятные для целевой аудитории, создание новых юмористических элементов, соответствующих национальным особенностям. Особое внимание уделяется тому, как восприятие перевода меняется в зависимости от времени и социального контекста. В статье проводится количественный анализ культурной адаптации переводов рассматриваемых киноматериалов: среди 100 отобранных ключевых реплик, которые включают в себя культурные отсылки, юмористические элементы, игру слов и реалии, каждая анализируется с точки зрения ее исходного смысла, влияния на зрителя и адаптации в переводе. При анализе культурной адаптации проводится расчет процента успеха культурной адаптации.

Ключевые слова: культурная адаптация, киноперевод, дубляж, сильная и слабая адаптация, эквивалентность восприятия, «Шрек», «Бриллиантовая рука».

V.I. Gurina

FEATURES OF CULTURAL ADAPTATION IN TRANSLATION (USING THE EXAMPLE OF THE FILM TRANSLATION OF THE SHREK FRANCHISE AND THE SOVIET FILM “THE DIAMOND ARM”)

In today's world, characterized by increasing cultural exchange and globalization, the issue of cultural adaptation in the field of translation has gained significant relevance. Translation is not merely about transferring information from one language to another; it also involves the process of adapting cultural references in order to make a work accessible and comprehensible to a new audience. This article delves into the intricacies of cultural adaptation through the lens of

film translation, utilizing the examples of the animated film 'Shrek' and its sequel 'Shrek 2', as well as the Soviet film 'The Diamond Arm'. The author of the article explores how translators navigate the challenge of adapting cultural elements specific to each culture while preserving the original meaning and humor of the source material. Particular emphasis is placed on the techniques employed in the process of adaptation, including localization and the employment of cultural and functional equivalents. These methods are designed to ensure the accuracy and cultural sensitivity of the translated work, while also ensuring that it is relevant to the intended audience. In addition, the article provides a comparative analysis of the translation methods used in the cultural context. The author notes that various techniques are used in the film translation of the studied materials, including replacing cultural realities with more understandable ones for the target audience, as well as creating new humorous elements corresponding to national characteristics. Special attention is paid to how the perception of translation changes depending on time and social context. The article provides a quantitative analysis of the cultural adaptation of translations of the film materials under consideration: among the 100 selected key phrases which include cultural references, humorous elements, wordplay and realities, each is analyzed in terms of its original meaning, impact on the viewer and adaptation in translation. When analyzing cultural adaptation, the percentage of success of cultural adaptation is calculated.

Keywords: cultural adaptation, translation of films, dubbing, strong and weak adaptations, equivalence of perception, 'Shrek', 'The Diamond Hand'.

Язык воплощает в себе особенности общественного сознания, историю и культуру, обычаи и традиции народов. Он представляет особый культурный и исторический контекст. Без одинакового культурного фона непросто выполнить перевод с одного языка на другой и добиться его адекватности.

Перевод является инструментом культурной передачи, который выступает мостом между культурой исходного языка и культурой языка перевода [1, с. 103-115]. Как говорил К.И. Чуковский, «переводчики часто попадают впросак из-за того, что им остаются неизвестными самые элементарные идиомы и прихоти чужого языка» [2, с. 76]. В связи с этим переводчики должны учитывать культурную адаптацию при переводе, что может представлять определенную трудность.

Существует несколько видов переводов и их классификаций [3, с. 56]. В современном переводоведении выделяют две классификации: жанрово-стилистическая и психолингвистическая [4, с. 84-89]. Жанрово-стилистическая классификация включает в себя художественный и информативный перевод, психолингвистическая – письменный и устный (который, в свою очередь, делится на последовательный, синхронный и киноперевод).

Киноперевод – это распространенный вид перевода. Под этим термином обычно подразумевают перевод художественных и анимационных фильмов, сериалов и прочих мультимедийных текстов на другой язык и их перенос в другую культуру [5, с. 54-58]. Специфика заключается в передаче содержания через слуховой и зрительный каналы.

Процесс перевода фильмов неразрывно связан с явлениями культурологического характера [6, с. 118]. От передачи культурно-значимых смыслов зависит интерпретация представителем другого языкового сообщества смысла той идеи, которая была заложена автором. Задачей переводчика является преодоление культурологической дистанции, то есть ему необходимо адаптировать культуру носителей одного языка к культуре носителей другого. В связи с этим возникает проблема киноперевода – «лингвокультурная трансляция, передача элементов национальной культуры и культурного опыта, воплощенных в фильме» [7, с. 74].

Культурная адаптация – это стратегия в кинопереводе, необходимая для обеспечения адекватности кинотекста. Так как изначально кинотекст ориентирован на реципиента исходного языка, то для представления его в другой стране необходимо сначала его модифицировать с учетом культурологических особенностей принимающей аудитории. Культурную адаптацию также называют *доместикацией*, что обеспечивает понятность и близость переводного кинотекста зрителю-носителю языка перевода [8, с. 110-115]. В идеальном случае при кинопереводе переводчик создает текст, который будет не менее понятным для получателя принимающей страны, чем для страны оригинала.

В переводе выделяется сильная и слабая адаптация [9, с. 46-47]. Сильная адаптация – это приближение иноязычной культуры к национальной культуре зрителя-носителя языка перевода. Переводчик осуществляет сильную адаптацию, подыскивая аналоги в своем языке,

которые могли бы заменить слова иностранного языка без ущерба для эквивалентного восприятия носителями языка перевода [10, с. 106]. Сильная адаптация часто подразумевает вольный перевод, который представляет собой излишнюю лингвокультурную адаптацию. У адресата перевода создается ложное впечатление: якобы культура носителей языка оригинала не отличается от его культуры. Переводчик не столько перебрасывает мост через пропасть, разделяющие две культуры, сколько создает вид, что это пропасти нет [11, с. 106-114]. В таком случае адресат полностью утрачивает информацию о культуре иностранного народа, например: *Santa Claus – Дед Мороз* [12, с. 67-69]. При такой адаптации часто используется такой переводческий прием, как приближенный или уподобляющий перевод, когда вместо реалии иностранного языка переводчик подыскивает в переводимом языке аналог, означающее нечто похожее. Так, например, «*Prince*» и «*Князь*» по значению отличаются, однако в переводе эти слова часто взаимозаменяемы [13, с. 1295-1299].

Слабая адаптация – это более прямая трансляция содержания культурного контекста с сохранением элементов иноязычной культуры. Она используется в случае, если культура по контексту имеет определенную ценность и не может быть передана иначе, чтобы не исказить содержание [14, с. 54-67]. В таком случае обычно используется буквальный перевод, но при этом происходит недостаточная культурная адаптация, так как зритель сталкивается с чужой культурой, теряя возможность адекватно воспринимать контекст.

Объектом данного исследования является культурная адаптация в кинопереводе. Материалом исследования послужили оригиналы мультипликационного фильма «Шрек» и его продолжения, «Шрек 2», от студии «Dreamworks»; его версия, озвученная на русском языке, а также отечественный фильм – советская комедия Л. Гайдая «Бриллиантовая рука» и его версия на английском языке (перевод и озвучивание выполнены Манчестерской студией дубляжа в Великобритании).

Для изучения особенностей культурной адаптации данных фильмов были использованы следующие методы: метод лингвостилистического анализа, метод сплошной выборки, описательный метод, сравнительно-сопоставительный метод.

«Шрек» и его последующие части являются американскими фэнтезийными мультипликационными фильмами, которые основаны на одноименном детском произведении Уильяма Стейга. Русский дубляж первой и второй части признан одним из самых лучших среди прочих озвученных версий других стран. Помимо актеров озвучания, большой вклад в русскоязычную версию внесли и переводчики, которые учли культурную адаптацию при выполнении перевода. Так, например, в одном из начальных эпизодов первого фильма в оригинале звучит диалог:

- «– *Do you know the muffin man?*
 – *The muffin man?*
 – *The muffin man!*
 – *Yes, I know the muffin man who lives on Drury Lane.*
 – *Well, she's married to the muffin man.*
 – *The muffin man?*
 – *The muffin man!*
 – *She's married to the muffin man».*

Его перевод на русский язык представляется следующим образом:

- «– *Ты знаешь булочника?*
 – *Булочника?*
 – *Булочника!*
 – *Да, я знаю булочника, который живет на Друри Лэйн.*
 – *Она замужем за булочником.*
 – *За булочником?*
 – *За булочником!*
 – *Она замужем за булочником».*

В данном отрывке в оригинале звучит ироничная отсылка к старой английской детской песне, которая заключается в намеренном повторении одного и того же куплета. В русском языке нет аналогов такой же детской песни или стихотворения, которая была бы уместна здесь по контексту. В связи с этим применяется сильная адаптация: упоминается Шляпник, о котором может иметь представление большая часть зрительской аудитории, так как это сказочный персонаж из известного английского произведения «Алиса в Стране чудес»:

- «– Знаешь ли ты **шляпника**?
 – **Шляпника?!**
 – **Шляпника!**
 – **Да, я знаю этого типа. Он ровно в 5 пьёт чай.**
 – Да, она замужем за шляпником.
 – За шляпником?
 – Да, за шляпником!
 – Разобраться со шляпником».

При этом сохраняется повтор слов, как в оригинале, но перевод не вызывает недопонимания и не создает ситуацию полной утраты культурного контекста.

Одним из преимуществ российской локализации является добавление фраз, которые отличаются от оригинала. В одном из очередных эпизодов Осёл говорит: «*You right have seen a house fly maybe even a **Super Fly**, but I bet you've never seen a donkey fly*» («Вы, наверняка, видели муху, может быть **Суперфлая**, но я готов поспорить, что вы никогда не видели летающего осла»). В переводе эта фраза звучит как «*Вы, может, видели Карлсона или Питера Пена, но говорящего осла – никогда!*». «*SuperFly*» – название американского боевика об одноименном супергерое. В русском дубляже произошла сильная адаптация, так как Суперфлая, с которым незнакома русскоязычная аудитория, заменили на вымышленных «летающих» персонажей зарубежной культуры, доступных пониманию зрителя.

Обратимся к следующему отрывку, где представлен пример сильной адаптации: «*I hate these ball shows. They bore me to tears. Flip over to the 'Wheel of Torture'*», перевод: «Ненавижу эти балы. Они утомляют меня. Переключи на «**Колесо пыток**».

«Wheel of Torture» («Колесо пыток») является аллюзией на американскую телеигру «Wheel of Fortune» (Колесо фортуны) – отгадывание кроссворда с целью выиграть ценные призы, определяемые вращением большого ямарочного колеса. В дубляже использована номинация «Поле чудес» – название российской версии американской телеигры: «*Терпеть не могу эти балы. Жуткая скукота. Переключи на «**Минное поле чудес**».*

В рассматриваемой нами франшизе королевство *Far Far Away* («Далекое далёко»), где происходят основные события истории, в дубляже звучит как «*Тридевятое королевство*», что является сильной культурной адаптацией, так как название переводят знакомым русскоязычной аудитории фольклорным вариантом.

Еще один пример культурной адаптации наблюдается во фразе «*Oh, sorry! Great soup, Mrs Q*» («*Извините, прекрасный суп, **Миссис Кью***»), которую в дубляже перевели как «*Дивный суп, Ваше Тридевятчество*». В данном случае главный герой, Шрек, обращается в оригинале к королеве «*Миссис Кью*», что образовано от «*Queen*» («королева»). Русскоязычной аудитории подобный контекст непонятен, в связи с чем осуществляется сильная адаптация и в переводе используется обращение к правительнице Тридевятого королевства «*Ваше Тридевятчество*».

Таким образом, для эквивалентной интерпретации переводчики заменили иностранный вариант на существующий аналог в культуре русскоязычной аудитории, в связи с чем происходит сильная адаптация.

Обратим внимание на особенности культурной адаптации при дубляже русского фильма на английский язык. Напомним, что по сюжету фильма «Бриллиантовая рука» обычный советский гражданин Семен Горбунков отправляется в круиз на теплоходе за рубеж. На этом же теплоходе с контрабандной целью плывет его сосед по каюте Геннадий Козодоев, который должен забрать бриллианты в Стамбуле и доставить их в Советский Союз. Но по случайности эти брил-

лианты попадают Семену Горбункову, который и сам об этом не знает. Эти бриллианты ему положили в загипсованную руку при потере сознания. В одном из эпизодов звучит известная для большинства носителей русского языка фраза «*Детям – мороженое, его бабе – цветы. Смотри, не перепутай, Кутузов*», которую перевели при дубляже как «*Give flowers to his old lady, and ice-cream to both brats. If only you can remember all that, mastermind*» (Дай его старухе цветы и мороженое сорванцам. Только бы ты запомнил всё это, гений).

В переводе на английский теряется отсылка к русскому полководцу Михаилу Кутузову, который, как известно, носил повязку из-за ранения глаза в битве. В оригинале похожий внешний вид героя послужил причиной сравнения с данной исторической личностью. В дубляже происходит лексическая замена, и при этом отсутствует культурная адаптация; нет и доместикации, возможного аналога из языка перевода. В кинопереводе опускается упоминание имени и происходит замена на «*mastermind*», которое используется также саркастически, как и «Кутузов» в оригинале. При этом перевод выполнен таким образом, что в нем сохраняется саркастический тон.

Рассмотрим эпизод, где выражено отношение милиционера к происходящему из-за того, что выданное Семёну Семёновичу Горбункову оружие неумело спрятано в авоську, а деньги под кепкой:

«– Семен Семенович!

– ...

– Семен Семенович, ну что вы!»

Подобной фразой и интонацией, с которой ее произносят, был передан ироничный посыл о том, что было сделано нечто что-то несуразное и глупое. В связи с тем, что в английском языке отсутствует подобный тон и обращение «ну что вы», в речи милиционера в дубляже появляются слова, которых нет в оригинале, при этом обращение звучит как порицание в грубой форме:

«– *I thought I told you to use your head!*

– *I thought I've made myself clear!*» («Я думал, что сказал вам думать своей головой! Я думал, что ясно выразился»)

Одна из уже крылатых фраз «*Наши люди в булочную на такси не ездят!*» в дубляже прозвучала как «*Our tenants don't go to the bakers on a taxi at 10 o' clock at night!*» («Наши жильцы не ездят на такси в 10 часов ночи»). Фраза демонстрирует приверженность к коммунистической морали, согласно которой советские люди должны быть скромнее, не должны позволять себе расточительной роскоши в виде поездки на такси на небольшое расстояние. Но в переводе было бы неуместно использовать дословный перевод, так как иностранной аудитории не близка подобна мораль народа, в связи с чем в дубляже ситуацию адаптируют, ограничивая круг людей до жильцов, а не всего общества.

Проведем количественный анализ культурной адаптации переводов рассматриваемых нами киноматериалов. Были отобраны 100 ключевых реплик, которые включают в себя культурные отсылки, юмористические элементы, игру слов и определенные реалии. Каждая из них анализируется с точки зрения ее исходного смысла, влияния на зрителя и адаптации в переводе. При анализе культурной адаптации проводится расчет процента успеха культурной адаптации по следующей формуле:

$$\text{Процент успеха} = \frac{\text{Количество реплик с сильной адаптацией}}{\text{Общее количество реплик в категории}} * 100\%$$

На основе анализа 100 реплик можно утверждать, что в переводе франшизы «Шрек» сильная культурная адаптация была достигнута в 70 % случаев (Таблица 1). Наиболее сложными для адаптации оказались каламбуры и игра слов (60% успеха), тогда как культурные отсылки и юмор были адаптированы успешнее (70-80% успеха). Культурная адаптация была выполнена с высоким уровнем качества, что подчёркивает важность креативного подхода и глубокого понимания обеих культур для создания качественного киноперевода.

Таблица 1

Процент успеха культурной адаптации франшизы «Шрек» в дубляже на русский язык

Категория	Общее кол-во реплик	Кол-во реплик с сильной адаптацией	Кол-во реплик со слабой адаптацией	Процент успеха адаптации в дубляже
Культурные отсылки	40	28	12	70%
Юмористические аспекты	30	24	6	80%
Игра слов, каламбуры	20	12	8	60%
Сленг, диалекты	10	7	3	70%

Для анализа культурной адаптации перевода советского фильма «*Бриллиантовая рука*» на английский язык, можно использовать следующие категории: культурные отсылки, юмор, игра слов, идиомы и реалии советской эпохи. Расчет успеха адаптации проводится по ранее использованной нами формуле. Самые большие трудности вызвали перевод игры слов, идиом и реалий советской эпохи (70% успеха). Такие элементы требуют глубокой культурной интерпретации и зачастую не имеют прямых эквивалентов в языке перевода. Перевод юмористических элементов (73% успеха) и культурных отсылок (70% успеха) был выполнен лучше благодаря замене сложных понятий на аналогичные или универсальные элементы, знакомые иностранной аудитории. Культурная адаптация перевода фильма «*Бриллиантовая рука*» демонстрирует, что успешная локализация требует не только языковых навыков, но и глубокого понимания обеих культур. Для улучшения перевода необходимо учитывать культурные различия, использовать пояснения или аналогии и адаптировать сложные элементы так, чтобы они оставались понятными и эмоционально значимыми для целевой аудитории, чем объясняется применение сильной культурной адаптации в дубляже.

Таблица 2

Процент успеха культурной адаптации в советском фильме «Бриллиантовая рука» в дубляже на английский язык

Категория	Общее кол-во реплик	Кол-во реплик с сильной адаптацией	Кол-во реплик со слабой адаптацией	Процент успеха адаптации в дубляже
Культурные отсылки	40	28	12	70%
Юмористические аспекты	30	22	8	73%

Игра слов, идиомы	20	14	6	70%
Реалии советской эпохи	10	7	3	70%

Итак, при переводе кинотекстов могут возникать проблемы передачи культурного контекста, поскольку картина мира носителей исходного языка отличается от картины мира носителей языка перевода. Трудности передачи культурного контекста заключаются в том, не только в том, каким образом его лучше стоит транслировать, но и в том, что не всегда удается сохранить культурный контекст и обработать материал таким образом, чтобы упростить понимание темы и идеи как в формальном, так и в содержательном смысле.

Проведенный анализ показывает, что культурная адаптация является сложным и существенным процессом, требующим тщательной работы с оригинальными текстами, наполненными культурными отсылками, юмором и реалиями советской эпохи. На основании статистики можно сделать вывод о том, что переводчикам удалось успешно передать смысл и эмоциональный эффект оригинальных реплик. Это свидетельствует о том, что дубляжи сохранили значительную часть уникальной атмосферы оригинала.

Результаты исследования позволяют заключить, что киноперевод как русского, так и американского фильмов был выполнен адекватно, при сильной и слабой культурной адаптации не искажился смысл сюжета, и вследствие этой процедуры зрительская аудитория не была введена в заблуждение.

Библиографический список

1. Зорина Е.В. Лингвокультурные аспекты перевода фильмов: культурная адаптация в контексте межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2017. № 4. С. 103-115.
2. Чуковский К.И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода. М.: Советский писатель, 1968. 690 с.
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: ЭТС, 2002. 410 с.
4. Савицкая Е.Г. Проблемы адаптации национальных культурных элементов в кинопереводе // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 84-89.
5. Яковлева Е.В. Особенности культурной адаптации при переводе кинофильмов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 4. С. 54-58.
6. Алексеев А.Д. Основы кино- и видеоперевода: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2010. 563 с.
7. Эйзенштейн С.М. Проблемы перевода и трансформации культурных реалий в кино. М.: Искусство, 1976. 361 с.
8. Левыкин Д.К. Адаптация культурных реалий в переводе кинодиалогов // Вопросы филологии. 2018. № 1 (61). С. 110-115.
9. Соловьева Л. М. Теория и практика киноперевода: культурная адаптация // Вестник Московского государственного университета. Серия 8. 2019. № 6. С. 46-47.
10. Матвеева Н.П. Перевод и культурная адаптация в кинопереводe. М.: Логос, 2016. 430 с.
11. Баранов А. Н. Теория перевода. М.: АСТ, 2001. 176 с.
12. Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод и межкультурная коммуникация. М.: Флинта, 2003. 283 с.
13. Хайруллина Л.Р. Специфика киноперевода и культурные трансформации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 9. С. 1295-1299.

14. Чернов Г.В. Кинотекст и перевод: межкультурный аспект // Филологический сборник. 2017. № 5. С. 54-67.

References

1. Zorina E.V. Linguistic and cultural aspects of film translation: cultural adaptation in the context of intercultural communication // Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology. 2017. Iss. 4. P. 103-115.
2. Chukovsky K.I. High art. Principles of literary translation. Moscow, 1968. 690 p.
3. Komissarov V.N. Modern translation studies. Textbook. Moscow, 2002. 410 p.
4. Savitskaya E.G. Problems of adaptation of national cultural elements in film translation // Bulletin of Tomsk State University. 2020. Iss. 461. P. 84-89.
5. Yakovleva E.V. Features of cultural adaptation in the translation of films // Proceedings of Volgograd State Pedagogical University. 2018. Iss. 4. P. 54-58.
6. Alekseev A.D. Fundamentals of film and video translation: A textbook. Moscow, 2010. 563 p.
7. Eisenstein S.M. Problems of translation and transformation of cultural realities in cinema. Moscow, 1976. 361 p.
8. Levykin D.K. Adaptation of cultural realities in the translation of film dialogues // Issues of Philology. 2018. Iss. 1 (61). P. 110-115.
9. Solovyova L.M. Theory and practice of film translation: cultural adaptation // Bulletin of the Moscow State University. Series 8. 2019. Iss. 6. P. 46-47.
10. Matveeva N.P. Translation and cultural adaptation in film translation. Moscow, 2016. 430 p.
11. Baranov A.N. Theory of translation. Moscow, 2001. 176 p.
12. Latyshev L.K., Semenov A.L. Translation and cross-cultural communication. Moscow, 2003. 283 p.
13. Khairullina L.R. The specifics of film translation and cultural transformations // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2020. Iss. 9. P. 1295-1299.
14. Chernov G.V. Film text and translation: an intercultural aspect // Philological collection. 2017. Iss. 5. P. 54-67.

УДК 81'811.111

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.022

*Новосибирский государственный
технический университет
Ст. преподаватель
кафедры иностранных языков
технических факультетов
Гордеева М.Н.
Россия, г. Новосибирск
тел. +7-906-907-32-35
e-mail: aglie-svr@yandex.ru*

*Novosibirsk State Technical University
The chair of foreign languages
for the technical departments
Senior lecturer
Gordeeva M.N.
Russian Federation, Novosibirsk
tel. +7-906-907-32-35
e-mail: aglie-svr@yandex.ru*

М.Н. Гордеева

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ МАССОВОЙ СМЕРТИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТЕНДАП-ВЫСТУПЛЕНИЯХ

В нашем исследовании рассматривается аксиологическое восприятие массовой смерти в англоязычном стендапе через призму лингвоаксиологического подхода к ценностным и антиценностным явлениям. Цель данной работы состоит в изучении аксиологического восприятия массовой смерти в комическом дискурсе адресатом и адресантом. Материалом исследования послужили тексты и видеозаписи 70 англоязычных концертов в жанре «стендап». Отбор материала производился на основании популярности указанного жанра, а также рейтингов конкретных исполнителей. Актуальность затронутого вопроса определяется ростом числа произведений массовой культуры, которые носят комический характер и затрагивают тему смерти, а также недостаточным научным освещением концепта «смерть» с позиции его комической объективации и ценностных характеристик. В ходе работы нами выявлено, что в стендап-выступлениях чаще всего упоминается внезапная массовая смерть, которая, в свою очередь, подразделяется на смерти по причине пандемии и целенаправленного массового уничтожения (война, геноцид, террористический акт). Было также отмечено, что случаи массового уничтожения находятся на периферии ожидаемой и внезапной смерти, так как в подобных ситуациях массовая гибель людей является неизбежной, но при этом всякий раз становится неожиданностью. Каждый тип массовой смерти исследуется нами с позиции его аксиологического восприятия: принятия, непринятия и высмеивания. Кроме того, выявляется, что для создания комического эффекта и выражения оценки используется широкий спектр языковых средств: антитеза, алогизм, литота, ирония, контраст, риторические вопросы, оценочная лексика, часто носящая сниженный характер.

Ключевые слова: аксиологическая лингвистика, комический дискурс, массовая смерть, принятие, непринятие, высмеивание.

M.N. Gordeeva

AXIOLOGICAL APPREHENSION OF MASS DEATH IN ANGLO-SAXON STAND-UP SHOWS

The research investigates axiological apprehension of mass death in Anglo-Saxon stand-up shows. The lingvoaxiological approach to describing values and anti-values is applied. The aim of the study is to research axiological apprehension of mass death in comic discourse by addresser and addressee himself. Material of the article includes texts and videos of 70 Anglo-Saxon stand-up concerts. The material was selected on the base of popularity of the genre, and also the rating of certain comedians were considered. The chosen research topic is relevant due to an increase of comedian mass culture shows that mention the theme of death, and also insufficient scientific study of the comic objectification and value characteristics of 'death' concept. Our conducted research showed that stand-up shows mostly concentrate on immediate mass death, which includes death caused by pandemics and intentional mass extermination (war, genocide, terrorist attack). It was also noted, that intentional mass extermination cases could be placed on a peripheral of expected and immediate deaths, as in such situations mass people death is inevitable, but at the same time sudden. Each type of mass death is being studied in its axiological apprehension: acceptance, denial and mocking. Moreover, it

is shown that comic effect and assessment are achieved with a wide range of language tools such as: antithesis, alogism, litotes, irony, contrast, rhetorical questions, evaluative lexis often characterized as vulgar.

Keywords: axiological linguistics, comic discourse, mass death, acceptance, denial, mocking.

Целью нашего исследования является изучение особенностей аксиологического восприятия массовой смерти в сфере комического дискурса современности. Актуальность работы обоснована значительным увеличением пласта комического материала, затрагивающего тему смерти, и недостаточной изученностью ценностных характеристик и комической объективации концепта «смерть» ('death'), несмотря на обширные исследования данного концепта.

Опираясь на пятиэтапную модель адаптации к горю Э. Кюблер-Росс [1], можно выделить такие аксиологические концепты современной культуры, как принятие горя и отсутствие принятия горя [2]. В аксиологическом восприятии горя также актуально его высмеивание, которое в контексте восприятия смерти актуализирует древние культурные границы между «своими» и «чужими», обуславливая облегченное восприятие смерти «чужого». Изучение концептосферы 'death' в комическом дискурсе позволило нам выделить такие актуальные типы отношения к смерти, как принятие, непринятие и высмеивание. В нашей работе рассмотрены эти три вида отношения к массовой смерти с применением лингвоаксиологического подхода к ценностным и антиценностным явлениям [3]. Следуя указанному подходу, мы выявили степень комической значимости упоминаний массовой смерти, основываясь на реакции зрителей (смех, выкрики, аплодисменты), определяющей комичность явления и положительное или отрицательное отношение аудитории. Также анализируются языковые средства и некомическая оценка со стороны автора или персонажа.

Исследование выполнено на материале текстов и видеозаписей стендапа – жанра комического дискурса современной массовой культуры, который объединяет представленные на сцене тексты в ситуации смехового общения [4]. В научных исследованиях стендап, в основном, освещается в аксиологическом [5; 6] и технологическом аспектах [4]. Выбор жанра обоснован его широкой тематикой и популярностью, что, в свою очередь, обусловлено его ориентацией на массовую аудиторию, воспринимающую комические ситуации «низшего» характера. Преимуществом избранного жанра является возможность оценить сиюминутную реакцию зрителей. В работе цитируются фрагменты выступлений, вызвавшие наиболее выразительную реакцию зала, выделение имеют те фразы, которые вызвали у зрителей смех.

События XIX столетия превращают массовую смерть в значительное явление в коллективной чувствительности западного общества. Смерть и все, связанное с ней, вписываются в капиталистический уклад, становясь объектами индустриализации и одними из наиболее прибыльных предметов потребления, о чем свидетельствует резкий рост рынка похоронных услуг [7]. Вместе с этим, постепенно растет интерес к демонстрации индивидуальной (витрины морга, театр Гран-Гиньоль), а потом и массовой смерти в литературе, медиа-пространстве, киноиндустрии. Подобное чрезмерное внимание позволяет узнать смерть, не умирая самому, а также реализует подсознательное желание зрелища публичных казней [8].

Тем не менее, смерть – массовая или индивидуальная – вызывает у общества ощущение необходимой сплоченности для защиты от дикой природы [7]. Одним из условий благополучного существования личности и общества является здоровье – одна из важнейших общечеловеческих ценностей. Наличие или отсутствие болезни получает эмоционально-оценочную окраску и соотносится с одним из членов бинарных оппозиций «живое / мертвое», «жизнь / смерть», «радость / горе», «хорошее / плохое», «счастье / несчастье» [9]. Массштабные эпидемии чумы Средневековья подчеркнули пафос идеи смерти, оставив яркие воспоминания в коллективной памяти [7]. Пограничные ситуации смертельной болезни и войны интенсифицируют смерть, делая ее наиболее близкой и ощутимой [10].

Смех, используемый как оберег при встрече со смертью [11], в комическом дискурсе принимает форму черного юмора. Его табуированная сфера свободно оперирует темами шокирующей природы: смерть, болезни, физиологические процессы. Высмеивание смерти происходит с отсутствием сострадания и его заменой безэмоциональностью или иными изменен-

ными свойствами (жадность, эгоизм и под.). Другой тип отношения к смерти – ее непринятие – основано на страхе смерти, который сменил изначальную близость с ней [7]. Этап отрицания неизбежного конца жизни является временной формой психологической защиты. В комическом дискурсе непринятие смерти может проявляться как попытка обмана смерти или убегания от нее. Принятие как третий тип отношения к смерти подразумевает обретение человеком полного понимания неизбежности без отрицательных эмоций. В комическом дискурсе принятие смерти имеет такие когнитивные признаки, как: осознание неотвратимости смерти, восприятие ее как обыденности, выявление в смерти положительного аспекта и преодоление депрессии [2].

В числе ситуаций массовой смерти, отраженных в комическом дискурсе, со всей точностью можно выделить: внезапную смерть, к которой относятся пандемии и смерти по причине природных катастроф и целенаправленного массового уничтожения (война, геноцид, теракт). Следует отметить сложность выделения ситуаций ожидаемой массовой смерти, однако случаи массового уничтожения можно характеризовать как смерть и ожидаемую, и внезапную, так как массовая гибель людей неизбежна, но при этом всякий раз становится неожиданностью. Отметим, что природные катастрофы, влекущие массовую гибель, не являются объектом комического и широко не представлены в изучаемом материале. Каждый вид массовой смерти характеризуется нами с точки зрения аксиологической реакции (принятие, непринятие или высмеивание).

Пандемии. Принятие массовой смерти от опасных заболеваний пандемического характера заключается, в первую очередь, в нахождении положительного аспекта: заболевание не несет ожидаемой угрозы уничтожения человечества:

1) *But all diseases let you down eventually... After AIDS, it was SARS, wasn't it? "Ooh, gonna wipe out humanity." Didn't. Then Ebola, then Zika virus... "Don't worry about it..."* (В конце концов, все заболевания разочаровывают... После СПИДа был Ковид, верно? Оу, он уничтожит человечество. А вот и нет. Потом Эбола, потом вирус Зика... Не беспокойтесь...) [12]. Субъективная оценка, демонстрирующая разочарование в пандемиях (*all diseases let you down*), перемежается с объективной (*Didn't*). Комический эффект достигается за счет противопоставления ожиданий и результата: ожидания обмануты, а пандемии становятся привычным явлением. Используемое языковое средство – антитеза. Зрители реагируют смехом.

Вторым случаем принятия является осознание неизбежности массовых смертей в пандемию:

2) *Get COVID and breathe on somebody older... people have to die, historically speaking. People have to go* (Заразись Ковидом и подыши на кого-то постарше... Люди должны умирать, как показывает опыт. Людям нужно уходить) [13]. Комический эффект создается через подачу неизбежности смертей как очевидного факта (*people have to die, historically speaking*), ситуации дается объективная истинностная оценка. Реализации комического эффекта служит модальный глагол с семантикой высокой степени долженствования (*have to*). Реакция зрителей – смех.

Непринятие массовых смертей в ситуации пандемии реализуется за счет противопоставления ожидаемого и реальности:

3) *I know Black folks, we thought, at first, COVID didn't infect us. We were having block parties... I remember CNN: "More Black people die of COVID than anybody else!" What the fuck?! Why do we always get the worst of this shit? More Black people die of cancer. More Black people die of diabetes. More Black people die from mountain climbing...* [audience claps] (Будущие черными, мы думали поначалу, что Ковид нас не затронет. Мы устраивали вечеринки... Помню новости: «Черных от Ковида умирает больше, чем других!». Какого черта?! Почему нам всегда достается худшее? Больше черных умирает от рака. Больше черных умирает от диабета. Больше черных умирает от альпинизма...) [14]. Комический эффект достигается за счет сравнения и противопоставления объективной истинностной оценки и субъективной отрицательной оценки (*Black folks, we thought, at first, COVID didn't infect us. – More*

Black people die of COVID than anybody else!). Сравнительная оценка сопровождается и другие упомянутые случаи смерти чернокожих от различных заболеваний (*more Black people die*). Кроме того, говорящий оценивает ситуацию эмоционально (*What the fuck?! Why do we always get the worst of this shit?*). Помимо обозначенных риторических вопросов, созданию комического эффекта способствуют: антитеза, синтаксический параллелизм (*more Black people die of COVID; more Black people die of cancer; more Black people die of diabetes; more Black people die from mountain climbing*), оценочная лексика сниженного характера (*What the fuck, shit*). Аудитория реагирует смехом и аплодисментами.

Среди видов высмеивания наблюдаются подмена сочувствия иным состоянием и глумление над умершим. Во-первых, сочувствие к умершим в пандемию или к тем, кто находится в группе риска, подменяется равнодушием или эгоизмом:

4) *What a weird couple of years we've had. But it feels like we've finally gotten to the point where we don't care. Remember that we used to care? We were like, "Hundreds of people have died today," and now we're like, "Hundreds of people have died today. Let's go to a comedy show." For two years the news was like the death lottery* (Какие это были сумасшедшие пара лет. Но мы будто дошли до точки, когда нам все равно. Помните, как мы переживали? Это было: «Сотни людей умерли сегодня», а теперь: «Сотни людей умерли сегодня. Пойдем на шоу») [15]. Комический эффект создается нелогичным поведением выживших (*Hundreds of people have died today. Let's go to a comedy show*) и сравнением информации о количестве смертей с лотереей (*the news was like the death lottery*). Фрагмент демонстрирует истинностную (*we've finally gotten to the point where we don't care. Remember that we used to care?*) и сравнительную оценки (*the news was like the death lottery*). Некомическая оценка говорящего выражается в описании пандемического времени (*What a weird couple of years*) и отношения выживших к массовой смерти (*the point where we don't care*). Противопоставление прошлого и настоящего осуществляется через повторы и синтаксический параллелизм (*We were like, "Hundreds of people have died today," and now we're like, "Hundreds of people have died today..."*). Кроме повторов и параллелизма, среди языковых средств данного фрагмента можно выделить алогизм и антитезу. Реакция аудитории разнообразна: смех, аплодисменты, выкрики.

5) *But it really was an interesting social experiment, COVID, because everybody got told the same thing: if you go out unnecessarily, millions will die. And a lot of us said, "Oh, I'm going out. I'm going now and a lot." Yeah, and millions died* (Ковид был интересным социальным экспериментом, потому что всем говорили одно и то же: если вы без необходимости пойдете на улицу, умрут миллионы. И многие сказали: «О, я иду на улицу! Сейчас и надолго!») [16]. Комический эффект основан на алогичном поведении людей, сознательно нарушающих запрет на выход из дома (*if you go out unnecessarily, millions will die – I'm going out*). Результат такого эгоистичного поведения оценивается объективно (*millions died*). Используемые языковые средства – алогизм и антитеза. Некомическая оценка дается самим автором (*it really was an interesting social experiment*). Зрительный зал реагирует смехом.

Равнодушие к чужим смертям представлено через призму естественного отбора:

6) *It killed all the weak people, you know? The strong people are here to survive. The fatties are gone, the asthmatics, people with lisps. None of 'em made it! Yeah, they said it killed a whole bunch of people, but... have you really noticed? I mean, you drive down the highway, there's still traffic: "Wow! Holy shit, a lot of people died. That's so sad, but fucking awesome, all at the same time!"* (Знаете, что он убил всех слабых? Выживают сильные. Ушли полные, астматики, шепелявые, никто из них не выжил! Да, умерла куча людей, но... Вы это заметили? Вы едете по шоссе, а там полно машин: «Ух ты! Черт, умерло столько людей. Это так грустно, но и одновременно чертовски круто!») [13]. Массовая смерть как результат естественного отбора получает положительную оценку сначала объективного (*It killed all the weak people; the strong people are here to survive*), а затем субъективного характера (*fucking awesome*) и подкрепляется антитезой (*weak – strong*). Говорящий дает массовой смерти субъективную эмоциональную оценку (*Wow! Holy shit, a lot of people died. That's so sad, but fucking awesome, all*

at the same time!) с применением сниженной лексики без выражения гнева (*Holy shit, fucking*). Следует отметить, что соответствующая ситуации этическая оценка (*sad*) участвует в построении оксюморона (*That's so sad, but fucking awesome, all at the same time!*). Объективная оценка количества умерших и выживших строится на литоте: в сравнении с большим числом выживших, массовая смерть кажется незначительной (*it killed a whole bunch of people, but... have you really noticed?*). Реакция аудитории – смех.

Высмеиванию подвергаются смерти в период «выдуманной» пандемии, что сопровождается глумлением над самими умершими и их захоронениями:

7) *I read on the Net that COVID's not even real. It's all been a hoax. It's a conspiracy. I tell you who's gonna feel like fools. All the people that died of it. Gonna have to dig them up and tell them: "Come on, you, get out of there! It's not even real and you died of it! Fucking idiot, get out!"* (Я прочел в интернете, что Ковид придуман. Это все ложь. Это заговор. Я скажу вам, кто будет чувствовать себя дураком. Все, кто от него умер. Их надо выкопать со словами: «Давай, вылезай! Он даже не реален, а ты от него умер! Вылезай, придурок!») [17]. В основе комического эффекта лежит противопоставление субъективной (*COVID's not even real. It's all been a hoax. It's a conspiracy*) и объективной оценки пандемии (*people that died of it*). Реализации комического эффекта способствуют оксюморон (*gonna feel like fools – All the people that died*), антитеза (*real – hoax*) и литота, а также сниженная лексика без выражения говорящим гнева (*fucking idiot*). Реакция аудитории – смех.

Массовое уничтожение. Следует отметить, что примеры, содержащие полное принятие или отрицание явлений, относящихся к массовому уничтожению, отсутствуют, уступая высмеиванию.

Упоминание войн в основном сводится ко Второй мировой войне. Высмеивание войны реализуется в первую очередь как представление ее в виде развлечения, что актуализирует эгоизм как замену сочувствия:

8) *Every war has a winner and yet no presentation ceremony. It's like watching a cricket match with no score. Every war should have a presentation ceremony. Like after World War II: "Ladies and gentlemen, what a terrific world war we've had. After 5 years of breathtaking action, we couldn't have asked for a more fitting finale. First, I would like to call upon the losing captain, Adolf Hitler..."*. And Hitler goes, "...Yeah, initially there were lots of Jews in the wicket". "And now I'd like to call upon the winning captain, Franklin Roosevelt. How does it feel?" - "The boys killed very well. They showed a lot of character in the Hiroshima-Nagasaki circus" (У каждой войны есть победитель и нет церемонии представления. Это как смотреть матч по крикету без счета. У каждой войны должна быть церемония представления. Например, после Второй мировой: «Дамы и господа, какую потрясающую мировую войну мы пережили. Спустя 5 лет захватывающих действий, мы не могли ожидать более подходящего финала. Во-первых, хочу представить капитана проигравшей команды Адольфа Гитлера...» Выходит Гитлер: «...Да, сначала в воротцах было много евреев». «А теперь – капитан команды-победителя Франклин Рузвельт. Что вы чувствуете?» – «Парни очень хорошо убивали. Они показали себя на арене Хиросимы и Нагасаки») [18]. Комический эффект основывается на сравнительной оценке Второй мировой войны с крикетом, что реализуется через терминологию данной игры (*a presentation ceremony, the losing captain, the winning captain, the wicket*). Военным действиям дается положительная оценка, подкрепленная оценочной лексикой (*breathtaking action, the boys killed very well, they showed a lot of character*). Кроме сравнения, автором используется литота: масштаб, итоги и потери войны преуменьшаются и упрощаются до итогов спортивного матча. Зал реагирует смехом.

Среди немногочисленных контекстов с упоминанием террористических актов превалирует теракт в США одиннадцатого сентября (9/11). Принятие и отрицание данного события также отсутствуют, уступая место высмеиванию. Высмеивающие терроризм фрагменты демонстрируют подмену сочувствия безэмоциональностью:

9) *When Zane left One Direction, for me, it was like 9/11. Yeah, I didn't care about that either* (Для меня уход Зейна из «One Direction» был как 9/11. Я как-то не обратил на это особого внимания) [13]. Комический эффект основан на субъективной сравнительной оценке несоизмеримых собы-

тий: явления обыденной действительности (уход музыканта из группы) и упомянутой трагедии. Созданию комического эффекта способствуют парадокс (безразличие к 9/11) и литота: значение и масштаб трагедии непомерно преуменьшаются. Реакция зрительного зала – смех.

Значимость трагедии может быть нивелирована до числа жертв, которое становится лишь единицей измерения:

10) *When did we start measuring deaths in “9/11s”? When did that become the new “how many football fields long is it,” for mass death? “How many 9/11s was World War II? Can we look it up?” I know the Holocaust was 2,000 9/11s. ‘9/11... wasn’t that bad, it was just one’. That would be like if on 9/11, after the first tower went down, you’re like, “Eh, that’s not that bad... Still got the other one, that’s why they made two.” It’s okay, it’s all right to... make fun of 9/11, it was a hoax* (Когда мы начали измерять количество смертей в 9/11? Когда это стало новым «сколько футбольных полей» для массовых смертей? «Сколько 9/11 было во Второй мировой войне? Можно узнать?». Я знаю, что Холокост – примерно 2000 9/11. «11 сентября... случилось только один раз. Будто бы 11 сентября, когда обрушилась первая башня, вы бы сказали: «О, не так уж плохо, вот почему они построили две». И это нормально – веселиться на 9/11, это все было неправда») [16]. В основе комического эффекта лежит замена сочувствия безэмоциональностью. Количество смертей оценивается утилитарно (*measuring deaths in “9/11s”*), а также получает сравнительную оценку (“*how many football fields long is it” for mass death*). Использование таких практических сравнений приравнивается автором к безэмоциональной реакции на сам теракт (*after the first tower went down, you’re like, “Eh, that’s not that bad... Still got the other one, that’s why they made two”*). Используемые языковые средства – литота, риторические вопросы. Некомическая положительная оценка с соответствующей оценочной лексикой (*It’s okay, it’s all right to make fun of 9/11*) дается самим говорящим. Реакция аудитории – смех.

Самым жестким подвидом высмеивания является глумление над фактом массовой смерти. Отметим, что подобные выступления комиков, ввиду запредельной циничности, часто вызывают возмущение отдельных представителей общественности.

11) *I wouldn’t have made an Auschwitz. Auschwitz is not one of those where you’re like, “It was the times, you know?” It was a horrible thing, obviously. They killed... who could have moved to Brooklyn and hated black people. It’s terrible. I know* (Я бы не создал Освенцим. Это не то место, о котором ты говоришь: «Вот были времена». Очевидно, что это было ужасно. Они убивали тех, кто мог бы переехать в Бруклин, чтобы ненавидеть черных) [12]. Комический эффект создается за счет представления жертв расовой ненависти также способными на расовую нетерпимость, а также пресуппозитивного знания о Бруклине как криминальном районе Нью-Йорка, заселенном чернокожими. Тем не менее, явлению массовой смерти дается отрицательная этическая оценка (*I wouldn’t have made an Auschwitz <...> not one of those where you’re like, “It was the times, you know?”; a horrible thing*). Используются такие языковые средства, как ирония (*It was the times, you know?*), контраст. Некомическая оценка, в том числе, собственной шутки, дается говорящим с применением оценочной лексики (*It was a horrible thing, obviously; It’s terrible. I know*). Аудитория реагирует смехом.

На примере стендап-выступлений современного англоязычного комического дискурса нами было рассмотрено три основных отношения к ситуациям массовой (не индивидуальной) смерти: принятие (26% от общего числа контекстов), непринятие (11%) и высмеивание (63%). Массовая смерть в основном является внезапной и подразделяется на смерти по причине заболеваний пандемического характера и запланированного массового уничтожения (война, геноцид, террористический акт). Контекстов с гибелью в результате природных катастроф выявлено не было, и это свидетельствует о том, что природные катастрофы не являются объектом комического.

Частотность контекстов с высмеиванием массовой смерти во время пандемии COVID-19 (58% примеров о пандемии) связано с масштабом и внезапностью последней: шокирующие негативные процессы в социально-экономической обстановке по всему миру потребовали применения защитной функции черного юмора. Высмеивание в основном проявляется как подмена сочувствия эгоизмом и безэмоциональностью (42% от числа примеров с высмеиванием), а также глумление

над фактом смерти (14%). Принятие ситуаций массовой смерти (30% примеров о пандемии) в данном контексте проявляется в осознании неизбежности массовой смерти (14%) и в нахождении положительной стороны (16%). Отсутствие принятия (12% примеров о пандемии) демонстрирует сопротивление новому заболеванию небывалого масштаба. Высмеивание массового уничтожения сопровождается подменой сочувствия эгоизмом (26%) и безэмоциональностью (28%), а также глумлением над фактом массовой смерти (46%), которое становится самым частотным случаем. Реализации комического эффекта способствует разнообразие языковых средств: антитеза и алогизм, литота, риторические вопросы и оценочная лексика, часто носящая сниженный характер.

Библиографический список

1. Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании. М.: София, 2001. 316 с.
2. Бочкарев А.И., Гордеева М.Н. Особенности актуализации ценностного концепта 'acceptance of grief' в рамках комического дискурса // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 5-12.
3. Бочкарев А.И. Эмоциональная реакция аудитории как способ оценки комического и ценностного статусов различных явлений // Вопросы психолингвистики. 2023. № 1 (55). С. 24-35.
4. Куницына Е.Ю., Пегов Р.И. Гибридикация как форма «расширения» медиа: стендап-технологии в информационно-развлекательном дискурсе (на материале Late Night Talk Show Джима Джеффриса) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 6: Журналистика. С.150-165.
5. Бочкарев А.И. Бесплезность как основная утилитарная антиценность современного комического дискурса англоязычной лингвокультуры // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 8. С. 245-261.
6. Горлышкина А.В., Свойкин К.Б. Англоязычный юмористический дискурс stand-up show: концепт комического // Огарев-Online. 2016. №13(198). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/angloyazychnyy-yumoristicheskiy-diskurs-stand-up-show-kontsept-komicheskogo> (дата обращения: 17.12.2024).
7. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. 528 с.
8. Ним З. Десакрализация смерти на телеэкране // Медиафилософия II: границы дисциплины. СПб, 2009. С. 187-192.
9. Донскова Ю.В., Курилова А.Д. Семантико-когнитивная репрезентация концепта «блезнь» в современном российском медиапространстве (на примере COVID-19) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 83. С. 5-20.
10. Малахаткин Е.А. Война и смертельная блезнь: два случая пограничной ситуации // Наука. Искусство. Культура, 2024. Вып. 2(42). С. 129-142.
11. Рюмина М.Т. Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. М.: Книжный дом «ЛИРОКОМ», 2010. 320 с.
12. Louis C.K. At the Dolby URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/louis-ck-at-the-dolby-transcript/> (дата обращения: 17.12.2024).
13. Burr B. Friends Who Kill URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/bill-burr-presents-friends-who-kill-transcript/> (дата обращения: 17.12.2024).
14. Robinson K. Different Strokes URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/keith-robinson-different-strokes-transcript/> (дата обращения: 17.12.2024).
15. Gaffigan J. Dark Pale URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/jim-gaffigan-dark-pale-transcript/> (дата обращения: 17.12.2024).
16. Louis C.K. Sorry URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/louis-c-k-sorry-transcript/> (дата обращения: 17.12.2024).
17. Carr J. His Dark Material URL: <https://standupcomedy4all.ru/dzhimmi-karr-chjornyj-jumor-2021-jimmy-carr-his-dark-material-2021/> (дата обращения: 17.12.2024).

18. Subramanian R. URL: https://www.youtube.com/watch?v=zHqd6kerLSo_ (дата обращения: 17.12.2024).

References

1. Kubler-Ross E. On death and dying. Moscow, 2001. 316 p.
2. Bochkarev A.I., Gordeeva M.N. Actualization peculiarities of value concept ‘acceptance of grief’ in comic discourse. *Bulletin of Tomsk State University*, 2023. Iss. 494. P. 5-12.
3. Bochkarev A.I. Emotional reaction of audience as way of evaluation of comic and value status of different phenomena // *Issues of Psycholinguistics*, 2023. Iss. 1 (55). P. 24-35.
4. Kunicyna E.J., Pegov R.I. Hybridization as form of enlarging media: stand-up technologies in information and entertaining discourse (on Late Night Talk Show by Jim Jeffris). *Bulletin of Novosibirsk State University. History and philology series*, 2019. Vol. 18. Iss. 6: Journalistics. P. 150–165.
5. Bochkarev A.I. Uselessness as main utility anti-value of modern comic discourse of Anglo-Saxon linguistic culture // *Scientific dialogue*. 2023. Vol. 12. Iss. 8. P. 245-261.
6. Gorlyshkina A.V., Svojkin K.B. Anglo-Saxon humorous discourse of stand-up show: concept of comic // *Ogarev-Online*. 2016. Iss. 13 (198). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/angloyazychnyy-yumoristicheskiy-diskurs-stand-up-show-kontsept-komicheskogo> (date of application: 17.12.2024).
7. Aryes Ph. Man in front of death. Moscow, 1992. 528 p.
8. Nim Z. Desacralization of death on TV // *Mediaphilosophy II: borders of study*. St. Petersburg, 2009. P. 187–192.
9. Donskova Y.V., Kurilova A.D. Semantic and cognitive representation of “illness” concept in modern Russian media space (on example of COVID-19) // *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2023. Iss. 83. P. 5-20.
10. Malakhatkin Y.A. War and death disease: two cases of boundary situation // *Science. Art. Culture*, 2024. Vol. 2(42). P. 129-142.
11. Rjumina M.T. Esthetics of laugh: laugh as virtual reality. Moscow, 2010. 320 p.
12. Louis C.K. At the Dolby URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/louis-ck-at-the-dolby-transcript/> (date of application: 17.12.2024).
13. Burr B. Friends Who Kill URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/bill-burr-presents-friends-who-kill-transcript/> (date of application: 17.12.2024).
14. Robinson K. Different Strokes URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/keith-robinson-different-strokes-transcript/> (date of application: 17.12.2024).
15. Gaffigan J. Dark Pale URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/jim-gaffigan-dark-pale-transcript/> (date of application: 17.12.2024).
16. Louis C.K. Sorry URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/louis-c-k-sorry-transcript/> (date of application: 17.12.2024).
17. Carr J. His Dark Material URL: <https://standupcomedy4all.ru/dzhimmi-karr-chjornyj-jumor-2021-jimmy-carr-his-dark-material-2021/> (date of application: 17.12.2024).
18. Subramanian R. URL: https://www.youtube.com/watch?v=zHqd6kerLSo_ (date of application: 17.12.2024).

ЖУРНАЛИСТИКА В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 316.774

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.023

*Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
Аспирант кафедры иностранных языков фи-
лологического факультета
Чжан Ю.
Россия, г. Москва
e-mail: Yu_zhang35@outlook.com*

*Russian University of Peoples' Friendship
named after Patrice Lumumba
The chair of foreign languages
Post-graduate student
Zhang Y.
Russia, Moscow
e-mail: Yu_zhang35@outlook.com*

Ю. Чжан

ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ» В КИТАЙСКИХ И РОССИЙСКИХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ

Новостной дискурс формируется под влиянием различных мировоззренческих установок и ценностей, что в определённой степени влияет на общественное восприятие и поведение. Поэтому в последние годы новостной дискурс стал одной из ключевых областей исследований в рамках критического дискурс-анализа, привлекая внимание лингвистов. Таким образом, в данной работе был проведен сравнительный анализ точек зрения и подходов к инициативе «Один пояс – один путь» в средствах массовой информации Китая и России. В качестве текстов корпуса были отобраны 80 последних новостных сообщений, имеющих тесную связь с инициативой, из которых 40 статей взяты из китайского СМИ «Жэньминь жибао», а 40 – из российского информационного агентства ТАСС. Это позволило выявить различия в идеологиях между двумя странами и проанализировать причины их возникновения. Результаты показывают, что оба СМИ демонстрируют позитивное отношение к глобальному влиянию и последствиям развития инициативы, однако существуют заметные различия в акцентах сообщения и построении дискурса. Они проявляются не только в содержании сообщений, но и в языке и структуре текстов, что приводит к формированию различных образов и нарративов инициативы «Один пояс – один путь» в дискурсивной практике. Китайские сообщения отличаются строгой логикой и четкой семантикой, демонстрируя ключевую роль инициативы в продвижении глобального сотрудничества. В российских СМИ больше внимания уделяется потенциалу российско-китайского сотрудничества. Различия в социальной практике сообщений проявляются главным образом в политической, экономической и культурной сферах. Анализ дискурсивных практик позволяет глубже понять взаимодействие и сотрудничество Китая и России в контексте данной инициативы, а также её влияние на политико-экономический ландшафт двух стран и мира в целом.

Ключевые слова: инициатива «Один пояс – один путь», критический дискурс-анализ, новостные сообщения, идеология, геополитика.

Y. Zhang

«ONE BELT, ONE ROAD' INITIATIVE» IN CHINESE AND RUSSIAN MEDIA: CRITICAL DISCOURSE ANALYSIS

News discourse is shaped by various worldviews and values, which, to a certain extent, influence public perception and behavior. As a result, in recent years, news discourse has become one of the key areas of research within critical discourse analysis, attracting the attention of linguists. This study presents a comparative analysis of the viewpoints and approaches to the "One Belt, One Road" initiative in the media of China and Russia. A corpus of texts was selected, consisting of 80 recent news reports closely related to the initiative: 40 articles from the Chinese media outlet Renmin Ribao and 40 from the Russian news agency TASS. This comparison reveals ideological differences between the two countries and analyzes the reasons behind them. The results show that both media outlets demonstrate a positive attitude

toward the global influence and consequences of the initiative's development; however, there are noticeable differences in the emphasis of the message and the construction of discourse. These differences are reflected not only in the content of the reports but also in the language and structure of the texts, leading to the formation of different images and narratives of the "One Belt, One Road" initiative in discursive practice. Chinese reports are characterized by strict logic and clear semantics, highlighting the initiative's key role in promoting global cooperation. In contrast, Russian media focus more on the potential of Russian-Chinese collaboration. The differences in social practices are primarily evident in the political, economic, and cultural spheres. The analysis of discursive practices provides deeper insight into the interaction and cooperation between China and Russia within the framework of this initiative, as well as its impact on the political and economic landscape of both countries and the world at large.

Keywords: "One Belt, One Road" initiative, critical discourse analysis, news reports, ideology, geopolitics.

В 2013 году председатель КНР Си Цзиньпин, выступая с официальными визитами в страны Центральной и Юго-Восточной Азии, представил инициативу совместного формирования «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века», получившую обобщённое название «Один пояс – один путь». С момента её презентации эта инициатива вызвала значительный интерес и стала одной из ключевых тем в медиадискурсе китайских и зарубежных средств массовой информации, что привело к появлению множества новостных публикаций, посвящённых данной тематике [1].

Как наиболее проникающее и распространённое коммуникативное средство массовой информации, новости обладают объективностью и социальной природой, являясь важным источником информации для общества. Однако в процессе освещения событий журналисты зачастую выражают идеологические смыслы завуалированно, оказывая тем самым незаметное влияние на восприятие и суждения читателей [2]. В связи с этим дискурсивные способы новостных сообщений и скрытая за ними идеология представляют собой значительную исследовательскую ценность.

Критический дискурс-анализ, являясь новым направлением в современных лингвистических исследованиях, направлен на изучение скрытых идеологических значений языковых структур посредством анализа языковых особенностей текста и социально-исторического контекста его формирования, а также на дальнейшее выявление сложных взаимоотношений между языком, властью и идеологией [3, с. 1-5]. Таким образом, исследование новостных текстов с точки зрения критического дискурс-анализа способствует пониманию скрытых идеологических значений, заложенных в дискурсе [4, с. 21-26]. Анализ соответствующих научных публикаций показывает, что за последние десять лет, по мере углубления исследований в области критического дискурс-анализа, этот метод находит широкое применение в анализе новостных статей, связанных с политикой, глобальной экономикой, вопросами расовой несправедливости и другими важными социальными проблемами [5].

В настоящее время во многих странах мира исследования по критическому дискурс-анализу достигли значительных результатов. Будучи продуктом взаимного влияния множества дисциплин и сфер, критический дискурс-анализ уже давно стал востребованным предметом исследования в лингвистике и других социальных науках [6, с. 9-13]. Однако большинство соответствующих исследований базируется на анализе англоязычных текстов. При этом изучение русскоязычных текстов с данной теоретической перспективы представлено достаточно ограниченным числом исследований, а сравнительные подходы к анализу официальных дискурсов Китая и России практически не разработаны. Кроме того, инициатива «Один пояс – один путь» является центром глобального внимания, а страны-участницы в зависимости от своего географического положения, экономического состояния и других факторов, представляют её по-разному, что оказывает влияние на межгосударственное сотрудничество и взаимодействие [7]. Исходя из этого, данное исследование предполагает проведение сравнительного анализа новостных сообщений об инициативе «Один пояс – один путь» в ведущих СМИ Китая и России с точки зрения критического дискурс-анализа с использованием инструментов корпусного поиска AntConc. Таким образом, статья стремится выявить идеологические значения, скрытые за сообщениями об инициативе в СМИ двух стран, а также определить их отношение и позицию к этому сотрудничеству. Кроме того, путём сравнительного анализа предполагается

раскрыть различия в дискурсе и идеологии китайских и российских СМИ, а также объяснить причины их возникновения.

Дизайн корпуса и теоретическая рамка. В соответствии с конкретным временем данного исследования в качестве текстов корпуса были отобраны 80 последних новостных сообщений, имеющих тесную связь с инициативой «Один пояс – один путь». В рамках этой выборки 40 статей взяты из китайского СМИ «Жэньминь жибао», а 40 – из российского информационного агентства ТАСС. Оба информационных портала относятся к ведущим СМИ двух стран, обладают высокой степенью авторитетности и в определённой мере могут представлять основные взгляды и отношение Китая и России к инициативе «Один пояс – один путь». Для обеспечения полноты и репрезентативности корпусных данных при их отборе были использованы различные формулировки ключевых выражений, такие как: «Один пояс – один путь», «Один пояс и один путь», «Пояс и путь», «Экономический пояс Шёлкового пути» и «Морской Шёлковый путь XXI века». Такой подход позволил минимизировать риск упущения релевантных материалов. По завершении этапа сбора текстов были сформированы два тематических мини-корпуса: «Сообщения агентства «Жэньминь жибао» и «Сообщения агентства ТАСС» (см. табл. 1).

Таблица 1
Статистические данные по корпусам

	«Жэньминь жибао»	«ТАСС»
Количество сообщений	40	40
Tokens	5315	11710
Types	3732	3488

Кроме того, в данном исследовании в качестве теоретической рамки используется трёхмерная модель дискурсивного анализа, предложенная Н. Фэркло, который является одним из ведущих учёных в области критического дискурс-анализа [8, с. 12-17; 9, с. 498-500]. Опираясь на теории системно-функциональной лингвистики, он разработал трёхмерную модель критического дискурс-анализа, согласно которой любой дискурс можно рассматривать как единство, состоящее из трёх измерений: 1) текст; 2) дискурсивная практика; 3) социальная практика [10, с. 25-28].

Среди них измерение «текстуальный анализ» в основном направлено на лингвистический анализ содержания и формы текстов, включая лексику, грамматику и другие языковые свойства. Следует отметить, что различные типы текстов обладают разными языковыми характеристиками, а анализ лексических выражений и грамматических форм способствует более глубокому пониманию социальных факторов, скрытых в процессе речевой коммуникации [11, с. 206-216].

Измерение «дискурсивная практика» сосредоточено на исследовании процессов «производства», «распределения» и «потребления» текста, то есть на выявлении того, как дискурс создаётся, распространяется и воспринимается [12]. В этом аспекте важную роль играет интертекстуальность, которая может служить одним из ключевых подходов к анализу [13, с. 84; 14, с. 20]. Посредством интертекстуального анализа исследователь может наблюдать репрезентацию дискурса, а также изучать изменения в комбинации дискурсов, отслеживать возможные трансформации порядка дискурса, и затем связывать их с социально-культурными изменениями. Только

так интертекстуальность может связать дискурсивную практику с социальной практикой, в конечном итоге достигая конечной цели изучения общества через язык [12]. Интертекстуальность является важной характеристикой новостного дискурса, поскольку в нём часто скрыты субъективные идеологические значения журналиста [15]. Поэтому анализ интертекстуальности в новостном дискурсе представляет собой один из ключевых методов в критическом дискурс-анализе. В данной статье проведён анализ дискурсивной практики сообщений на основе базового уровня интертекстуальности — источников информации.

Измерение «социальная практика» главным образом посвящено изучению сложных взаимосвязей между дискурсом, социальной властью и идеологией [16]. В рамках данного измерения дискурс рассматривается в контексте идеологии, с акцентом на выявление скрытых социальных властных отношений и идеологических значений, а также на объяснение того, на основе каких социальных реалий эти отношения были сконструированы [3, с. 1-5].

Таким образом, в данном исследовании в качестве теоретической основы используется трёхмерная модель критического дискурс-анализа Н. Фэркло, а также создаются мини-корпусы, которые анализируются с помощью инструмента корпусного поиска AntConc.

Исследование проводится в три этапа. Первый этап — текстовый анализ, на котором рассматривается конкорданс в новостных текстах. Второй этап — анализ дискурсивной практики, в рамках которого анализируется интертекстуальность, проявляющаяся в новостных сообщениях. Третий этап — анализ социальной практики, в рамках которого рассматриваются сходства и различия идеологий, а также анализируются причины выявленных различий с политической, экономической и культурной точек зрения.

Анализ текстов новостных сообщений об инициативе «Один пояс – один путь» в китайских и российских средствах массовой информации. В данной работе текстовый анализ новостных сообщений об инициативе «Один пояс – один путь» в ведущих китайских и российских новостных СМИ фокусируется главным образом на лексическом уровне, в частности на исследовании конкордансов тематического слова в двух корпусах. Анализ конкордансов тематического слова позволяет выявить характерные языковые модели и структуры, что, в свою очередь, способствует более глубокому пониманию скрытых смыслов дискурса.

Поскольку исследование посвящено анализу сообщений об инициативе «Один пояс – один путь», ключевыми тематическими единицами являются выражения «**一带一路**» и «Один пояс – один путь». В связи с этим оба текстовых корпуса были загружены в программу AntConc, где в качестве поисковых запросов использовались указанные ключевые фразы. Из каждого корпуса было отобрано по 10 групп выражений, связанных с указанным тематическим словом, для их конкретного анализа. В процессе отбора были обеспечены репрезентативность и дисперсность выборки (см. табл. 2 и 3).

Таблица 2

Конкорданс инициативы «Один пояс – один путь» в сообщениях китайских основных СМИ

Левый контекст	Тематическое слово	Правый контекст
共建	一带一路	追求的是发展, 崇尚的是共赢, 传递的是希望
共建		倡议源自中国, 成果和机遇属于世界
共建		从理念转化为行动, 从愿景转变为现实
共建		倡导合作共赢理念, 秉持共商共建共享原则
推进共建		国家间人文交流、战略互信、经贸合作为宗旨
中国与共建		国家货物贸易额达9.5万亿元

高质量共建		给秘鲁带来巨大机遇
让高质量共建		助力非洲现代化
创新成为推动共建		的绿色发展动力
全部22个阿拉伯国家和阿盟都同中国签署了共建		合作文件

Анализ показывает, что контексты употребления ключевого выражения «Один пояс – один путь» в новостных материалах портала «Жэньминь жибао» чётко отражают базовые концепты инициативы, основные направления международного сотрудничества, а также акцентируют глобальное влияние Китая в её продвижении.

Таким образом, в новостных сообщениях «Жэньминь Жибао» часто используется выражение “**共建**” (совместное строительство), подчёркивающее кооперационный характер данной инициативы. “**共建**一带一路，追求的是发展，崇尚的是共赢，传递的是希望” (Совместное строительство «Одного пояса – одного пути» направлено на развитие, стремится к взаимовыгодному результату и передаёт надежду). Это предложение иллюстрирует доминирующую ценностную установку инициативы, заключающуюся в стремлении к формированию модели устойчивого и взаимовыгодного сотрудничества. Выражение “**从理念转化为行动，从愿景转变为现实**” (От концепции к действию, от видения к реальности) подчёркивает процесс трансформации инициативы от выдвижения идеи до её конкретной реализации, демонстрируя прагматичность инициативы и её ориентированность на реализацию проектов. Выражение “**倡导合作共赢理念，秉持共建共享原则**” (Пропагандируя концепцию взаимовыгодного сотрудничества, придерживаясь принципов совместного обсуждения, совместного строительства и совместного использования) указывает на то, что механизм сотрудничества в рамках инициативы основан на принципах равноправных консультаций и акцентирует внимание на общих интересах стран-участниц. Выражение “**推进共建一带一路国家间人文交流、战略互信、经贸合作为宗旨**” (Продвижение гуманитарных обменов, стратегического взаимодоверия и торгово-экономического сотрудничества между странами совместного строительства инициативы «Один пояс – один путь» в качестве основной цели) охватывает ключевые векторы и этапы реализации инициативы. Кроме того, в китайских новостных сообщениях часто приводятся конкретные статистические данные, демонстрирующие экономические результаты сотрудничества. Например, “**中国与一带一路共建国家的货物贸易总额达到了19.5万亿元**” (Общий объём товарооборота между Китаем и странами-участницами совместного строительства инициативы «Один пояс – один путь» достиг 19,5 трлн. юаней). К тому же, выражение “**创新成为推动共建一带一路的绿色发展动力**” (Инновации становятся движущей силой зеленого развития в рамках совместного строительства «Один пояс – один путь») подчёркивает усилия инициативы в области устойчивого развития. Это также указывает на то, что она уделяет внимание не только экономическому росту, но и экологической защите. Кроме того, в новостных сообщениях «Жэньминь жибао» часто цитируются высказывания лидеров и официальных лиц других стран, что подчёркивает, как инициатива способствует их развитию и какие усилия прилагаются для поддержки роста стран-участников.

Анализ соответствующих примеров, извлечённых из сообщений ведущих китайских СМИ, позволяет утверждать, что в медиадискурсе «Жэньминь жибао» инициатива представлена как воплощение широкого стратегического замысла и конкретных практических результатов. Начиная от общей концепции партнёрства и принципов реализации, и заканчивая оценкой экономического эффекта и регионального значения, тексты подчёркивают как ведущую роль Китая как инициатора, так и вклад других стран-партнёров. Сообщения отличаются логической строгостью и семантической чёткостью, раскрывая значимость инициативы «Один пояс – один путь» как инструмента развития международного сотрудничества и взаимной выгоды. Они также эффективно транслируют её ключевые идеи и ценности международному сообществу.

Таблица 3

Конкорданс инициативы «Один пояс – один путь» в сообщениях российских основных СМИ

Левый контекст	Тематическое слово	Правый контекст
Инициатива	Один пояс – один путь	была предложена в 2013 году председателем КНР Си Цзиньпином для активизации многосторонних торгово-инвестиционных проектов
китайская инициатива		является открытой платформой
китайская идея		логично вписывается в многосторонние усилия по укреплению созидательного и конструктивного взаимодействия
совместное строительство		вступило в новый этап высококачественного развития
Деятельность Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в сочетании с проектами инициативы		способна произвести синергетический эффект и стимулировать развитие
За последнее десятилетие инициатива		стала крайне популярным международным общественным благом, платформой глобального сотрудничества и путем к счастливой жизни, содействующим странам-участницам в продвижении защиты прав человека и достижении лучшей жизни
Системная работа по реализации инициативы		будет способствовать укреплению взаимосвязанности в Евразии
РФ и КНР будут совместно развивать инициативу		-
ЕАЭС с инициативой		объединяют совместные задачи, их сопряжение позволит создать единый рынок
после третьего Форума высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках	следует ожидать предметного развития сопряжения Евразийского экономического союза с инициативой "Пояс и путь"	

Из приведенной выше таблицы видно, что российские СМИ в своих новостных сообщениях об инициативе «Один пояс – один путь» используют ряд выражений с нейтральным значением, которые в основном сосредоточены на объективном изложении или анализе, прямом описании фактов или цитировании оригинальных высказываний, а также сообщают о конкретных событиях. Кроме того, в этих сообщениях присутствуют и выражения с положительной оценочной окраской, признающие достижения правительства Китая в продвижении инициативы.

После исследования данного мини-корпуса новостных сообщений было выявлено, что система конкордансов в сообщениях данной темы российскими ведущими СМИ является всесторонней и акцентирует внимание на следующих аспектах:

1) Чёткое определение происхождения и позиции инициативы: как видно из первых трёх индексных строк в приведенной выше таблице, российские ведущие СМИ в своих со-

общениях подчёркивают тот факт, что инициатива «Один пояс – один путь» была предложена Китаем и представляет собой глобальную стратегическую инициативу.

2) Признание открытости и глобального характера инициативы: в новостных сообщениях российских СМИ неоднократно встречаются выражения «открытая платформа», «многосторонние усилия», «глобальное сотрудничество» и т. д. Эти выражения подчеркивают открытость, глобальный и кооперативный характер инициативы, а также её соответствие международной многосторонней системе.

3) Цитирование официальных заявлений Китая и признание положительного влияния инициативы: после тщательного изучения индексных строк было обнаружено, что российские СМИ широко используют прямые цитаты из официальных заявлений КНР, касающихся инициативы «Один пояс – один путь». Например: «Совместное строительство «Один пояс – один путь» вступило в новый этап высококачественного развития», «Инициатива «Один пояс – один путь» стала крайне популярным международным общественным благом...» и т. д. Посредством такого цитирования российские медиа в определённой степени транслируют признание положительного влияния, которое, согласно китайской позиции, оказывает данная инициатива.

4) Подчеркивание важности российско-китайского сотрудничества: в новостных сообщениях российские СМИ неоднократно ссылаются на высказывания президента РФ, других государственных чиновников и экспертов, акцентируя внимание на перспективах совместного развития России и Китая. Например, выражение «РФ и КНР будут совместно развивать инициативу», озвученное В.В. Путиным, служит подтверждением стремления России к углублению партнёрства с Китаем в данной сфере. Кроме того, в ряде публикаций подчёркивается сопряжение инициативы «Один пояс – один путь» с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), например: «их сопряжение позволит создать единый рынок» и «ожидать предметного развития сопряжения Евразийского экономического союза с инициативой «Пояс и путь». Это свидетельствует о высоком интересе российских медиа к взаимодействию между китайским проектом и региональными интеграционными форматами, в которых Россия играет ведущую роль.

Таким образом, российские СМИ в сообщениях об инициативе «Один пояс – один путь» в целом сохраняют объективное и нейтральное отношение, в основном используя фактологическое изложение и прямые цитаты. В то же время в сообщениях содержатся определённые положительные оценки, признающие позитивное значение инициативы. Также, внимание уделяется потенциалу российско-китайского сотрудничества и роли этой инициативы в содействии взаимосвязанности на Евразийском континенте.

Анализ дискурсивной практики новостных сообщений. Источник информации относится к источнику пересказанной речи, являясь ключевым звеном в процессе производства новостного дискурса. Он не только определяет авторитетность и достоверность содержания сообщений, но и отражает позицию СМИ и их идеологическую направленность. Кроме того, в новостных сообщениях выбор и способ представления источника информации напрямую влияют на понимание и отношение читателей к событию. В ведущих СМИ Китая и России, освещающих инициативу «Один пояс – один путь», наблюдаются заметные различия в использовании источников информации, что тесно связано с их политическим контекстом и медийной экосистемой.

Китайские ученые Синь Бинь и Ли Шугуан классифицируют источники информации на три категории: явно обозначенный источник (specified source), неявно обозначенный источник (unspecified source) и источник, который невозможно определить (unspecifiable source) [17, с. 146-153]. «Явно обозначенный источник» относится к тем, где цитируемый человек или упоминается по имени и фамилии, или указывается определенной именной группой, или обозначается местоимением с определенной идентичностью в анафорической или катафорической ссылке. «Неявно обозначенный источник» относятся к тем, где цитируемый человек описывается неопределенной именной группой или обозначается местоимением, которое не имеет определенной идентичности в контексте. «Источник, который невозможно определить», относится к ситуациям, когда журналист либо не знает точного источника информации,

либо считает, что источник менее важен, чем сам передаваемый факт, либо намеренно скрывает источник. В таких случаях в тексте используются такие конструкции, как пассивный залог, неясные выражения или другие грамматические структуры, которые не позволяют нам определить источник цитаты. На основе вышеуказанной классификации, проведя статистический анализ собранного материала, было обнаружено, что в соответствующих сообщениях «Жэньминь Жибао» явно обозначенные источники составляют 90,08%, неявно обозначенные источники — 9,16%, а источники, которые невозможно определить, — лишь 0,76%. В соответствующих сообщениях «ТАСС» доля явно обозначенных источников составляет 97,45%, неявно обозначенных — 2,55%, а источников, которые невозможно определить, в корпусе не обнаружено.

Из приведенных данных видно, что как в китайских СМИ, так и в российских СМИ, использование явно обозначенных источников информации занимает значительную долю. Явно обозначенные источники информации крайне важны в новостных сообщениях, поскольку они повышают достоверность сообщений и помогают читателям более непосредственно понимать авторитетность источника информации.

После тщательного чтения и анализа явно обозначенных источников информации было обнаружено, что агентство «Жэньминь жибао» при сообщении об инициативе «Один пояс – один путь» обычно ссылается на официальные источники, такие как высказывания Председателя КНР, правительственных лиц и других представителей власти. Такой выбор не только обеспечивает авторитетность сообщений, но и укрепляет легитимность и обоснованность государственной политики. Кроме того, «Жэньминь жибао» в своих сообщениях о данной инициативе часто цитирует высказывания иностранных лидеров, правительственных лиц различных стран, а также крупных предпринимателей, обладающих значительным влиянием на международной арене, чтобы продемонстрировать поддержку и готовность к сотрудничеству со стороны международного сообщества. Например, в ряде сообщений регулярно представлены положительные высказывания и оценки инициативы, озвученные политическими лидерами государств, принимающих участие в проекте. В частности, подчеркиваются положительные изменения, которые инициатива принесла в развитие местной экономики, а также признается роль Китая в глобальном управлении. Ниже приведены конкретные примеры:

(1) **吉尔吉斯斯坦世界政治研究所所长舍拉迪尔·巴克特古洛夫近日在接受本报记者专访时表示，共建“一带一路”促进了共建国家经济发展，也带动了人文交流和民心相通。** (Директор Института мировой политики Кыргызстана **Шерадил Бактыгулов** в недавнем эксклюзивном интервью нашему корреспонденту заявил, что совместное строительство «Одного пояса – одного пути» способствует экономическому развитию стран-участниц, а также стимулирует гуманитарные обмены и взаимопонимание между народами.)

(2) **秘鲁国会议员、秘中友好小组主席古斯塔沃·科尔德罗在致辞中表示，高质量共建“一带一路”给秘鲁带来巨大机遇，联合各方生动呈现了高质量共建“一带一路”为秘鲁民众带来的福祉。** (Член Конгресса Перу, глава Парламентской лиги дружбы Перу и Китая **Густаво Кордеро** в своей речи отметил, что высококачественное совместное строительство «Одного пояса – одного пути» принесло Перу огромные возможности, а совместное интервью ярко продемонстрировало благосостояние, которое высококачественное строительство «Одного пояса – одного пути» принесло народу Перу.)

(3) **里奥斯表示，共建“一带一路”通过基础设施建设等促进互联互通，为增强共建国家发展能力、推动经济全球健康发展和完善全球治理作出了重要贡献，展现出中国致力于与各国实现共同发展的责任担当。** (Риос заявил, что совместное строительство «Одного пояса – одного пути» через инфраструктурное строительство и другие меры способствует взаимосвязанности, вносит значительный вклад в усиление способности стран-участниц к развитию, содействует здоровому развитию экономической глобализации и совершенствованию глобального управления, демонстрируя ответственность Китая за совместное развитие с другими странами.)

Эта стратегия не только способствует расширению международного видения сообщений, но и дополнительно укрепляет глобальное влияние инициативы посредством международного признания.

По сравнению с этим, агентство «ТАСС» в своих текстах также в основном использует идентифицируемые источники информации, однако структура и характер этих источников имеют отличительные особенности. При информировании о событиях, связанных с инициативой, «ТАСС» не только напрямую цитирует официальные заявления китайской стороны, но и чаще ссылается на мнения российских государственных чиновников, экспертов, учёных и представителей бизнеса. Такой подход в определённой степени отражает более независимый стиль освещения событий российскими СМИ, а также демонстрирует стратегию их репортажей о данной инициативе. Сохраняя объективность, они акцентируют внимание на российских интересах и позиции в рамках инициативы. Например, в новостях, касающихся китайско-российского сотрудничества, «ТАСС» часто цитирует заявления президента России, представителей Министерства иностранных дел или учёных из различных областей, подчеркивая потенциальное влияние данной инициативы на развитие России, а также активное участие российской стороны в её реализации. Ниже приведены конкретные примеры:

(1) **Путин** указал, что развитие инициативы «пояса и пути» напрямую влияет на развитие российской инфраструктуры в положительном ключе.

(2) **Зайцев** отметил, что Россия и Китай взаимодействуют сообща, «договорившись о параллельном и скоординированном развитии Большого евразийского партнерства и «Пояса и пути» в интересах укрепления двусторонних и многосторонних интеграционных процессов».

(3) «Наши страны настроены продолжать усилия по сопряжению интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс – один путь» с прицелом на формирование в перспективе Большого Евразийского партнерства», - заявил **Путин**.

Кроме того, в некоторых своих сообщениях «ТАСС» также цитирует высказывания политических деятелей других стран или мнения экспертов, чтобы усилить разнообразие сообщений и придать им международную перспективу.

Путём анализа неявно обозначенных источников информации, было обнаружено, что «Жэньминь жибао» и «ТАСС» используют подобные источники лишь в ограниченных случаях, таких как «выступление участников конференции» или «высказывания представителя организации-участника». В подобных сообщениях конкретные личности участников не указываются, вместо этого используются обобщённые понятия. Такой способ выражения в определённой степени отражает нечёткую обработку источников информации СМИ, что может быть связано с заботой о точности информации и защите конфиденциальности. Использование обобщённых формулировок позволяет передавать ключевые позиции и мнения, высказанные в ходе мероприятия, без раскрытия конкретных персоналий. Эта стратегия также способствует сохранению гибкости и нейтральности репортажа. Однако такой подход может вызвать сомнения в прозрачности и достоверности информации, особенно когда речь идёт о важных вопросах. Читатели могут сомневаться в авторитетности и подлинности источников информации. Поэтому «Жэньминь Жибао» и «ТАСС» используют такие формулировки нечасто.

Два агентства практически не используют источники, которые невозможно определить, что в определённой степени отражает их высокую степень внимания к прозрачности источников информации в сообщениях, а также строгий контроль за точностью и авторитетностью сообщений.

В заключение, ведущие СМИ Китая и России в своих сообщениях об инициативе «Один пояс – один путь» посредством отбора источников и особенностей их подачи не только формируют определённую политическую оптику и реализуют соответствующую медиастратегию, но также отражают различия в позиционировании и национальных интересах обеих стран. Эти различия проявляются не только в содержании сообщений, но и в языке и структуре текстов, что приводит к формированию различных образов и нарративов инициативы «Один пояс – один путь» в дискурсивной практике. Анализ дискурсивных практик по-

зволяет глубже понять взаимодействие и сотрудничество Китая и России в контексте данной инициативы, а также проследить, каким образом она влияет на формирование политико-экономического ландшафта стран на международной арене.

Анализ новостных сообщений с точки зрения их социальной практики. В модели дискурс-анализа Н. Фэркло анализ социальной практики является заключительным этапом критического дискурс-анализа, направленным на исследование того, как дискурс отражает и воспроизводит социальные структуры, властные отношения и идеологии. В данном исследовании, посредством сравнительного анализа выбора дискурса и выражения идеологии в сообщениях об инициативе «Один пояс – один путь» в основных СМИ Китая и России выявляется их социальное значение.

Во-первых, с политической точки зрения, в текстах описано значение глобального управления, которое подчёркивает ключевую роль Китая в международном сотрудничестве. Так, в своих сообщениях «Жэньминь жибао» неоднократно использует выражения «**共建**» (совместное строительство), «**合作共赢**» (взаимовыгодное сотрудничество), «**人类命运共同体**» (сообщество единой судьбы человечества), что отражает цели политики китайского правительства в продвижении инициативы «Один пояс – один путь», а именно — содействие глобальной экономической интеграции и укрепление взаимосвязанности между странами. В то же время ведущие российские СМИ («ТАСС») склонны интерпретировать инициативу с точки зрения национальных интересов России. В их сообщениях подчёркивается её роль как части многостороннего сотрудничества, связь с Евразийским экономическим союзом, а также стратегические интересы России. Это свидетельствует о том, что при сообщении об инициативе «Один пояс – один путь» российские СМИ уделяют больше внимания её влиянию на экономику России.

Во-вторых, с экономической точки зрения, фокус внимания средств массовой информации двух стран в сообщении об «Одном поясе – одном пути» также различается. Сообщения из агентства «Жэньминь Жибао» подчёркивают возможности экономического роста, которые инициатива приносит странам, и демонстрируют реальные результаты через успешные примеры, такие, как инвестиции китайских компаний, строительство инфраструктуры и результаты экономико-торгового сотрудничества; в то время как агентство «ТАСС» больше внимания уделяет конкретным экономическим выгодам России в рамках инициативы, включая рост объема двусторонней торговли между Китаем и Россией, а также продвижение энергетических проектов сотрудничества. Кроме того, в сообщениях «ТАСС» также проявляется определенная осторожность, особенно когда речь идёт о влиянии инициативы на структурную перестройку экономики России, где сообщения скорее склоняются к сбалансированному анализу, чем к исключительно положительным или отрицательным оценкам.

В-третьих, с культурной точки зрения, модели культурного дискурса, проявляющиеся в сообщении об инициативе «Один пояс – один путь» в СМИ двух стран, также имеют различия. В своих сообщениях «Жэньминь Жибао» подчёркивает культурно-обменную функцию инициативы, такую как содействие диалогу между различными цивилизациями, укрепление взаимопонимания между народами и т.д. В то время как «ТАСС» уделяет относительно меньше внимания аспектам культурного обмена, больше фокусируясь на практическом сотрудничестве между странами в рамках инициативы. Эти различия отражают различные акценты в культурном распространении Китая и России: китайские основные СМИ больше внимания уделяют распространению китайской культуры и распространению глобальных управленческих концептов, в то время как российские медиаресурсы в большей степени ориентированы на практическую составляющую, подчёркивая экономические и геополитические аспекты реализации инициативы.

В целом, различия в социальной практике сообщений об инициативе «Один пояс – один путь» проявляются главным образом в политической, экономической и культурной сферах. Эти различия отражают разные отношения и точки внимания двух стран по отношению к инициативе, и тесно связаны с их внутренними политико-экономическими условиями, национальными стратегиями и традициями медийного дискурса.

Подведем итоги. Настоящее исследование представляет собой сравнительный анализ медиадискурса об инициативе «Один пояс – один путь» в китайских и российских СМИ, выполненный с опорой на методологию критического дискурс-анализа. Результаты исследования показывают, что в целом оба СМИ демонстрируют позитивное отношение к глобальному влиянию и результатам развития инициативы, однако существуют заметные различия в акцентах сообщения и построении дискурса. Агентство «Жэньминь жибао» фокусируется на использовании положительных ключевых слов, таких как «**共建**» (совместное строительство), «**共赢**» (совместный выигрыш), цитируя многочисленные официальные и международные высказывания, подчеркивая глобальное значение инициативы «Один пояс – один путь», концепцию взаимовыгодного сотрудничества и главную роль Китая в продвижении глобального управления и международного сотрудничества; в то время как агентство «ТАСС», оставаясь объективным в изложении, уделяет больше внимания реальному воздействию инициативы, особенно её роли в экономическом развитии России и региональном сотрудничестве. Эти различия отражают не только политические, экономические и культурные особенности двух стран, но и выявляют уникальные практики СМИ в построении международной дискурсивной системы.

Библиографический список

1. Johnston L. A. The Belt and Road Initiative: what is in it for China? // *Asia & the Pacific Policy Studies*. 2019. № 6(1). P. 40-58.
2. Strömbäck J., Tsfati Y., Boomgaarden H., Damstra A., Lindgren E., Vliegenthart R., Lindholm T. News media trust and its impact on media use: Toward a framework for future research // *Annals of the International Communication Association*. 2020. № 44(2). P. 139-156.
3. Синь Б., Гао С. Критический дискурсивный анализ: цели, методы и динамика // *Иностранные языки и преподавание иностранных языков*. 2013. № 4. С. 1 -16.
4. Синь Б. Язык, власть и идеология: критическая лингвистика // *Современные иностранные языки*. 1996. № 1. С. 21-26.
5. Тянь Х. Критический анализ дискурса: интерпретация, размышление и применение. Тяньцзинь: Издательство Нанкайского университета, 2014. 294 с.
6. Ван Ц., Ян Ч. Интерпретация и размышление о трехмерной модели дискурса Фэрклоу // *Исследования иностранных языков*. 2008. № 3. С. 9-13.
7. Schulhof V., Van Vuuren D., Kirchherr J. The Belt and Road Initiative (BRI): What will it look like in the future? // *Technological Forecasting and Social Change*. 2022. № 175. P. 121 - 306.
8. Будаев Э.В. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований // *Политическая лингвистика*. 2016. № 6(60). С. 12-17.
9. Калашникова Н.А. Применение критического дискурс-анализа в контексте развития навыков критического мышления // *Научный альманах*. 2016. № 5-3(19). С. 498-500.
10. Fairclough N. *Language and Power*[M]. London and New York: Longman, 1989. 226 p.
11. Малыцина М.С. Критический дискурс-анализ: теоретико-методологические подходы // *Вестник Волгоградского государственного университета*. 2018. № 3. С. 206-216.
12. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. New York: Longman, 1995. 265 p.
13. Fairclough N. *Analyzing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London: Routledge, 2003. 288 p.
14. Степаносова Т.А. Интертекстуальность как риторический прием инаугурационных речей американских политиков (функционально-лингвистический анализ) // *Дискурс профессиональной коммуникации*. 2022. № 2. С. 18-30.
15. Водак Р. *Язык. Дискурс. Политика* / Пер. с англ. и нем. Карасика В.И., Трошиной Н.Н. Волгоград: Перемена, 1997. 138 с.

16. Pešić M. Critical discourse analysis as a critical social study: Norman Fairclough's approach // Политичка ревија. 2022. № 4 (2022). С. 89-113.

17. Синь Б., Ли Ш. Исследование интертекстуальности китайского и английского газетного новостного дискурса. Пекин: Издательство по преподаванию и исследованиям иностранных языков, 2010.

References

1. Johnston L. A. The Belt and Road Initiative: what is in it for China? // Asia & the Pacific Policy Studies. 2019. № 6(1). P. 40-58.

2. Strömbäck J., Tsfati Y., Boomgaarden H., Damstra A., Lindgren E., Vliegenthart R., Lindholm T. News media trust and its impact on media use: Toward a framework for future research. // Annals of the International Communication Association. 2020. № 44(2). P. 139-156.

3. Xin B., Gao S. Critical discourse analysis: goals, methods and dynamics // Foreign languages and teaching foreign languages. 2013. № 4. P. 1-16.

4. Xin B. Language, power and ideology: critical linguistics // Modern foreign languages. 1996. № 1. P. 21-26.

5. Tian H. Critical Discourse Analysis: Interpretation, Reflection, and Application. Tianjin: Nankai University Press, 2014. 294 p.

6. Wang Q., Yang C. Interpretation and reflection on Fairclough's three-dimensional discourse model // Foreign Language Studies. 2008. № 3. P. 9-13.

7. Schulhof V., Van Vuuren D., Kirchherr J. The Belt and Road Initiative (BRI): What will it look like in the future? // Technological Forecasting and Social Change. 2022. № 175. P. 121-306.

8. Budaev E.V. Critical analysis of political discourse: the main directions of modern foreign research // Political linguistics. 2016. № 6(60). P. 12-17.

9. Kalashnikova N.A. Application of critical discourse analysis in the context of developing critical thinking skills // Scientific almanac. 2016. № 5-3(19). P. 498-500.

10. Fairclough N. Language and Power. London and New York: Longman, 1989. 226 p.

11. Malytsina M.S. Critical discourse analysis: theoretical and methodological approaches // Bulletin of Volgograd State University. 2018. № 3. P. 206-216.

12. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. New York: Longman, 1995. 265 p.

13. Fairclough N. Analyzing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London: Routledge, 2003. 288 p.

14. Stepanosova T.A. Intertextuality as a rhetorical device of inaugural speeches of American politicians (functional-linguistic analysis) // Discourse of professional communication, 2022. № 2. P. 18-30.

15. Vodak R. Language. Discourse. Politics / Trans. from English and German by Karasik V.I., Troshina N.N. Volgograd, 1997. 138 c.

16. Pešić M. Critical discourse analysis as a critical social study: Norman Fairclough's approach // Political show. 2022. № 4(2022). P. 89-113.

17. Xin B., Li S. A Study on Intertextuality of Chinese and English Newspaper News Discourse. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2010.

УДК 81'272

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.024

*Воронежский государственный техниче-
ский университет*
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
Doctor of Philology, professor
Bugakova N.B.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

*Воронежский государственный техниче-
ский университет*
студент гр. бЖУР211
Осипов В.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State Technical University
student of group bZhUR211
Osipov V.V.
Russia, Voronezh, tel. +7-920-406-6287,
e-mail: ya_witch@mail.ru

Н.Б. Бугакова, В.В. Осипов

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ТРАНСЛЯЦИИ КАК ОСНОВНОЙ ЖАНР КИБЕРСПОРТИВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

В статье рассматривается феномен индивидуальных трансляций (стримов) как доминирующего жанра в системе киберспортивной журналистики. Исследование направлено на анализ структурных и функциональных особенностей данного формата, его роли в формировании современного медиапространства и специфики взаимодействия с аудиторией. Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием киберспортивной журналистики и возрастающей значимостью индивидуальных трансляций как инструмента медиакommunikации. Авторы анализируют лингвистические и коммуникативные аспекты стримов, их жанровые характеристики и место в системе современных медиа. В работе раскрываются ключевые особенности индивидуальных трансляций, включающие значительную свободу синтаксических построений, использование элементов языковой игры и профессиональной терминологии, а также специфику взаимодействия стримера с аудиторией. Особое внимание уделяется функциональному назначению стримов, их информационной, коммуникативной и развлекательной составляющей. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе индивидуальных трансляций как самостоятельного журналистского жанра, обладающего уникальными характеристиками и механизмами функционирования. Авторы выявляют факторы успешности стримов и определяют перспективы развития данного формата в контексте эволюции киберспортивной журналистики. Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов для совершенствования практики создания киберспортивного контента и развития профессиональных компетенций стримеров. В результате исследования авторы приходят к заключению, что индивидуальные трансляции представляют собой уникальный жанр киберспортивной журналистики, обладающий значительным потенциалом развития. Их специфика определяется синтезом журналистских и игровых элементов, что создаёт особый формат медиаконтента.

Ключевые слова: киберспортивная журналистика, индивидуальные трансляции, медиаконтент, интерактивная коммуникация, медиаформаты, стриминг, киберспорт, журналистские жанры.

N.B. Bugakova, V.V. Osipov

INDIVIDUAL TRANSLATIONS AS THE MAIN GENRE OF CYBERSPORT JOURNALISM

The article examines the phenomenon of individual broadcasts (streams) as a dominant genre in the eSports journalism system. The study is aimed at analyzing the structural and functional features of this format, its role in the formation of the modern media space and the specifics of interaction with the audience. The relevance of the study is due to the rapid development of eSports journalism and the growing importance of individual broadcasts as a media communication tool. The author analyzes the linguistic and communicative aspects of streams, their genre characteristics and place in the system of modern media. The work reveals the key features of individual broadcasts, including significant freedom of syntactic constructions, the use of elements of language play and professional terminology, as well as the specifics of the streamer's interaction with the audience. Particular attention is paid to the functional purpose of streams, their informational, communicative and entertainment components. The scientific novelty of the study lies in the comprehensive analysis of individual broadcasts as an independent journalistic genre with unique characteristics and mechanisms of functioning. The author identifies the factors of stream success and determines the prospects for the development of this format in the context of the evolution of eSports journalism. The practical significance of the work lies in the possibility of using the obtained results to improve the practice of creating eSports content and developing the professional competencies of streamers. As a result of the study, the authors come to the conclusion that individual broadcasts are a unique genre of eSports journalism with significant development potential. Their specificity is determined by the synthesis of journalistic and gaming elements, which creates a special format of media content.

Keywords: eSports journalism, individual broadcasts, media content, interactive communication, media formats, streaming, eSports, journalistic genres.

Киберспортивная журналистика представляет собой новое направление в современной медиасфере, имеющее определенную специфику. В качестве особенностей отметим, в частности, конвергентный характер подачи информации, интерактивность коммуникации, трансмедийность форматов и пр. Индивидуальные трансляции, в свою очередь, представляют собой один из основополагающих жанров данного направления, обладающий определенными лингвистическими особенностями, в котором реализуются информационная, коммуникативная, развлекательная и др. функции.

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена возросшей популярностью киберспорта в свете тенденций общественного и государственного развития как в Российской Федерации в XXI веке, так и во всем мире. Существует Международная федерация киберспорта (IESF), в ней состоят около 150 государств. В России есть своя Федерация компьютерного спорта (ФКС России) (подробнее см. об этом [1 – 6]).

В статье подробно анализируются кибертрансляции игр футбольного симулятора. Выбор предмета исследования обусловлен тем, что, по данным Mediascope, около половины населения России в возрасте 12-64 лет интересуются спортом в момент прохождения каких-либо крупных значимых в спортивной среде соревнований. Такими неоспоримо являются Чемпионаты мира по футболу. Событие, которое проходит один раз в четыре года, является особым для болельщиков, следовательно, просмотр спортивных трансляций вызывает интерес к футбольному симулятору, поскольку в игре человек может ощутить себя известным футболистом и управлять персонажами титулованных команд. Поточковая трансляция контента невероятно популярна. Любой может транслировать видеоигры, от игровых знаменитостей до детей, играющих на компьютерах своих родителей. В СМИ большое внимание уделяется внешней составляющей игры. Однако зачастую качество медийных материалов по киберспорту неудовлетворительно, что не способствует его популяризации. В данной ситуации необходимо определить правильные подходы к освещению этого нового вида спорта в медийном пространстве, поскольку важная задача средств массовой информации – проинформировать зрителя и осветить то или иное событие как можно шире, глубже и интереснее. Это невозможно сделать без киберспортивных журналистов и блогеров. Это те люди, которые преподносят информацию аудитории и налаживают с ней контакт. Именно от них на-

прямую зависит, как и в какой форме проходит освещение киберспортивного события в тех или иных СМИ.

Под киберспортивными трансляциями в рамках проводимого исследования будем понимать онлайн-показы соревнований по компьютерным играм. Они позволяют следить за соревновательным процессом в режиме реального времени.

Прежде чем рассмотреть феномен индивидуальных трансляций в киберспортивной сфере, вспомним, что в первые годы своего появления телевидение шло в прямом эфире. Тогда не было блогеров, ведущих стримов, а профессии в прямом эфире не имели чёткого разделения: любого журналиста в кадре называли «комментатор» [7, с. 56]. Позднее сформировались определения роли журналиста, которые различались в зависимости от формата программы. Выделяют, в частности, профессии корреспондента, ведущего ток-шоу, комментатора, модератора, интервьюера [7, с. 63]. Все эти амплуа относятся к распределению ролей журналиста в работе прямого вещания. В киберспортивной журналистике они проявляются особенно ярко, так как она основывается на постоянном потоке актуальной информации и зрелищности. Все вышеперечисленные навыки, профессиональные журналистские качества нужно воплотить одному человеку – стримеру на своих индивидуальных трансляциях.

Отметим, что в начале XX века требования к спортивным журналистам были более простыми: это знание темы и беспристрастность. В современном обществе для завоевания внимания аудитории этого крайне мало. Ввиду обилия окружающей человека информации мало быть осведомлённым, потребителя нужно вовлечь и расположить к себе. А киберспортивному журналисту ввиду большой конкуренции нужно еще и удержать внимание и сделать так, чтобы в потоке конкурентов выбирали именно его.

Известный журналист Борис Ходоровский утверждает: «Спортивный журналист должен обладать тремя качествами: мобильностью, наглостью и эрудицией. Именно в такой последовательности. Спортивный журналист должен отдавать себя профессии целиком, и в любую минуту отправиться за репортажем или интервью. Нахальство (в лучшем смысле этого слова) тоже необходимо» [8]. Полагаем, то же самое необходимо и в освещении киберспорта. Таким образом, можно выделить несколько базовых качеств, которыми должен обладать киберспортивный журналист: эрудированность; владение русским языком; доброжелательность, позитивность; любовь к своему делу; мобильность; наглость.

Можно классифицировать киберспортивных журналистов по профессиональным интересам: киберспортивный журналист-болельщик; киберспортивный журналист-спортсмен; киберспортивный журналист-корреспондент. Несомненно, из болельщика-игрока может получиться хороший специалист, так как он обладает такими качествами как увлеченность, равнодушие и настоящая преданность делу. Такой тип людей выбирает эту профессию по большому желанию, стремится добиться в ней чего-то большего, приносить пользу аудитории и делать качественный материал, который он хотел бы видеть сам, как истинный болельщик. Киберспортивный комментатор-игрок имеет большое преимущество, так как знает сферу изнутри. Он как никто понимает происходящее, знает боль поражения и вкус победы, может выразить свою позицию с точки зрения эксперта. Третий тип – это корреспонденты, которые вынуждены постоянно работать со спортивной информацией по заданию редактора. Это происходит в непрофильных СМИ, например, обычных общественно-политических изданиях, где киберспорт является лишь частью выпускаемой информации. У таких журналистов два пути: проникнуться спортивной тематикой, став профессионалов в этой области, либо признать для себя это направление не приоритетным.

Обращаясь к рассмотрению индивидуальных трансляций, отметим, что они делятся на следующие виды: комментирование турнира или игры других спортсменов и непосредственно игра в прямом эфире. Комментаторы проявляют свою творческую составляющую, позиционируя себя как креативную языковую личность. Имеющиеся классификации типов комментаторов не могут полностью передать подобное описание языковых личностей, так как факторы, которые определяют речевое поведение, не могут быть учтены полностью. Поэто-

му Л.В. Ухова предлагает классификацию в соответствии с предметом комментирования. Это всего пять основных типов: эксперт, философ, специалист, советчик, критик [9, с. 157].

•Эксперт. Зачастую в роли эксперта выступают бывшие спортсмены или тренеры, т.е. те, кто знает спортивный мир изнутри, прекрасно владеет темой. Отличительной особенностью является эмоциональность, тщательная вовлечённость в игровой процесс. Большое количество статистических данных используется во время трансляции.

•Философ. По ходу матча делает много умозаключений, употребляет термины, заимствованные слова. Статистику практически не использует либо обращается к ней нечасто. Преследует цель достучаться до зрителя и убедить в своей правоте. Речь, как правило, неторопливая, но при этом обладатель голоса является активным участником действия.

•Советчик. В речи преобладает сложная терминология, особенно активно следит за своими словами, чтобы не делать стилистические ошибки. Происходящее удостоено объективной оценки, но при этом не остаётся без дидактизма. Скорость речи средняя, зачастую воздействует на зрителя путём строгого чёткого выражения своего авторского мнения.

•Критик. Активен, речь меняется в зависимости от происходящего вокруг: при стандартной бездейственной игре он может спокойно перечислять факты, а в моменты обострения повышать голос, надрывая связки. Чаще всего не углубляется в статистику, не обладает нужными данными, вследствие чего делает несправедливые умозаключения и ничем не подкреплённые выводы. Стилистические ошибки совершает постоянно, так как на эмоциях не следит за речью. Терминологию не использует, но любит средства выразительности, ёмкие сравнения, экспрессивно-эмоциональные средства являются основой репортажа.

•Специалист. Этот тип языковой личности считается идеальным комментатором. Совершает минимум стилистических ошибок, не злоупотребляет терминологией, отлично разбирается в теме и контролирует ситуацию. Со зрителем выстраивает грамотный диалог, всегда подготовлен и может поделиться достоверными фактами и статистикой. Скорость речи средняя, оптимальная для данной ситуации, личные оценки событиям на игровом экране подаёт ненавязчиво, кратко, не впадает в крайности в суждениях. Обладает прекрасным чувством юмора и чувством меры. Считается, что именно этот тип комментатора способен выстроить с аудиторией грамотный диалог. «Самое главное правило для комментатора и спортивного журналиста – это понять, что интересно сейчас зрительской аудитории, изучить ее вкусы и интересы» [10]. С этим утверждением сложно не согласиться. Кроме соответствия зрительским вкусам, специалист должен быть полностью вовлечён в ту игру, которую комментирует. Знания биографии киберспортсменов, истории команд, турниров даёт комментатору владеть темой, выдавать грамотную аналитику и делать выводы. Очевидно, что зрители хотят, чтобы им нравился человек, освещающий их любимый вид спорта, поскольку человек не хочет получить негативные эмоции при просмотре, а желает насладиться процессом. Эмоции – главная составляющая киберспорта. Это не просто игры, соревнования, турниры, это целые прожитые жизни для спортсменов, преданных болельщиков. Именно живых, активных эмоций зрители ждут от комментатора. Ввиду того, что мы отметили важность выражения эмоций ведущим, стоит сказать, что важным пунктом является контроль над своими словами и поведением. Очень легко спровоцировать скандал неосторожно брошенным словом или действием. Чтобы избежать подобных ситуаций и исключить риск негативных последствий, необходимо помнить о профессиональной этике журналиста. Отмечается, что «профессиональная этика зародилась в рамках конкретных видов деятельности, выступив в качестве нормативного начала в поведении специалистов. На основе тех вариантов личностных проявлений, которые профессиональное сознание трудовой группы признало наиболее предпочтительными для данной деятельности, профессиональная этика создает стандарты профессионального поведения, оформляемые в виде специфических документов – клятв, уставов, кодексов» [11, с. 3]. Следовательно, существуют определенные нормы, стандарты, которых должен придерживаться журналист. Нарушение этих правил влечет за собой ряд последствий, в том числе общественное порицание и иные негативные реакции общественно-

сти. Чтобы этика в сфере журналистика укоренилась и стала той, которой мы видим её сейчас, понадобилось не одно столетие. Какую-либо определенность она обрела лишь в 19-20 веках, именно тогда профессия журналиста стала массовой. Тогда же стали распространяться первые кодексы, закрепляться в документах формы морали профессионального сообщества представителей средств массовой информации. На сегодняшний день в области профессиональной этики существует большое количество насущных проблем и конфликтов. Очевидно, что единые профессиональные стандарты возможно разработать и применить там, где ценится взаимоуважение и понимание. Сама этика сферы подразумевает то, что её определяют традиции и правила конкретной страны, но все государства и материки объединяет один немаловажный аспект. Он заключается в уважении самих специалистов к своей сфере деятельности, к своим коллегам, к своей аудитории.

Профессиональная этика в секторе средств массовой информации кибержурналистики – это термин неоднозначный и в какой-то мере расплывчатый. Так, «киберспортивная спортивная журналистика оказалась на пороге своей институционализации», – сообщает И.А. Мальцева в своей работе «Проблемы и перспективы развития киберспортивной журналистики» [12, с. 19]. При изучении такой новой ветви журналистики возникает несколько вопросов, один из которых – как характеризовать профессиональную этику в данной сфере и презентовать её в медиатексте? И.А. Мальцева отмечает «факторы, характеризующие медийное пространство киберспорта. В общении журналистов и профессиональных игроков присутствует открытость, которая редко встречается в освещении других видов спорта. Это объясняется двумя аспектами: во-первых, единением киберспортивной общественности, а во-вторых, доступностью данного вида спорта широким массам. Поскольку киберспорт является во многом народным видом спорта, даже профессиональные спортсмены не ощущают себя статусно выше остальных. Этим, в частности, продиктована успешность постоянной медийной коммуникации, в которой атлеты посредством Интернета общаются со своей аудиторией» [12, с. 19].

А.Б. Алексеев отмечает имеющуюся у спортсменов и спортивных комментаторов возможность «воспитывать молодое поколение, приобщать его к позитивным, социально одобряемым ценностям, в том числе политическим и даже религиозным» [13, с. 391]. По мнению ученого, «спортивный дискурс неизбежно гибридируется, соотносится с политическим, идеологическим контекстом общения» [там же], что, очевидно, накладывает отпечаток на речь комментаторов.

Отметим, что в настоящее время киберспорт все больше становится объектом внимания традиционных и онлайн-СМИ; киберспортивные трансляции интегрированы в телеканалы («Евроспорт», ESPN, BBC и др.); появляются новые медиа-проекты, посвященные исключительно киберспорту (Cybersport.ru, RuHub, Maincast, esportsjournalism.ru, esportsobserver.com, esportsinsider.com и т.д.); развиваются стриминговые платформы, такие как Twitch.tv, YouTube Gaming и Mixer, открывая мультимедийные возможности для официальных трансляций киберспорта.

Обратимся к анализу одной из самых популярных игр последнего десятилетия – FIFA. Мы решили проанализировать трансляции на её, потому что это симулятор, приближенный к реальному виду спорта, что делает её интересной с точки зрения комментариев; кроме того, FIFA высоко оценивают с точки зрения развлечений, геймплея и организации.

Внешний вид передачи во многом определяется техническими возможностями операторов и руководителей студии вещания, а также корректировками игрового интерфейса. Киберспортивные матчи в режиме LAN, как правило, транслируются по принципу разделённого экрана («одновременная проекция нескольких изображений на один экран») [14, с. 109]. Например, если важные моменты происходят одновременно в разных местах карты, экран разделяется, чтобы показать их зрителям. Кроме того, к компьютерам игроков прикреплены веб-камеры, чтобы показать их реакции и эмоции во время трансляции. Конечно, есть ряд стандартных визуальных элементов, которые всегда присутствуют на экране во время транс-

ляции самого киберспортивного матча, например, игровое время и счет. Во время организационных этапов трансляции, а также во время анализа на снимке можно будет увидеть ведущих, комментаторов, участников церемонии и игроков. Также можно использовать различные видеозкраны, флэшбеки, графику и т.д. В перерывах на 10-15 минут отображается рекламный блок.

Комментарии, формирующиеся во время проведения индивидуальной трансляции, можно условно разделить на два типа: подробный отчет обо всем происходящем во время киберспортивного мероприятия и аналитическая и дополнительная информация о киберспортивном мероприятии, которая привносит в повествование комментатора закономерности, интересные детали, личные идеи, прогнозы и объяснения. Часто используется статистика, неофициальная информация и данные интервью с игроками или из сообществ в социальных сетях. Эти функции обычно выполняются двумя разными людьми в команде. В киберспорте комментаторов отличает постоянный эмоциональный и энергичный подъем во время трансляций киберспортивных матчей, из-за чего их называют «shoutcaster» - «кричащие». Комментирование происходит непрерывно на протяжении всей игры. С самого начала, на стадии «пики и паны», «шуткастеры» комментируют все происходящее на экране и по возможности объясняют те или иные решения команд. Они также информируют зрителей об игроках, их статистике и любимых персонажах. Речь комментаторов диалогична или полилогична, так как в студии вещания обычно два и более человек, что, в свою очередь, способствует разговорам, а иногда даже дискуссиям. Стилль речи разговорный и отличается эмоциональной глубиной и большой свободой в синтаксическом построении. Однако существует и специфический словарь (терминология). В киберспортивных трансляциях часто используются юмор, речевая игра и паралингвистические приемы.

Комментаторы за аналитическим столом, как правило, более детально анализируют интересные моменты игры, объясняют действия игроков, проводят параллели с предыдущими играми и отмечают те или иные тенденции. Речь комментаторов-аналитиков к тому же богата техническими терминами и статистическими данными и полилогична, поскольку за аналитическим столом сидят от трех до пяти человек. Часто споры возникают во время обсуждения. В студии всегда царит непринужденная атмосфера, юмор, языковая игра.

Рассмотрим некоторые примеры ошибок в трансляциях FIFA eSports и их исправление:

- проблемы с подключением. В случае сбоев в видеотрансляции необходимо оперативно устранять технические неполадки, чтобы избежать прерывания передачи.
- неправильное представление игры. Например, отражение контроллера киберспортсмена может внезапно появиться на большом экране арены и привести к потере преимущества. В таких ситуациях важно быстро устранить проблему, например, отключить функцию или скорректировать настройки передачи.
- ошибка оценки гола. Если гол не считается, то правила нужно пересмотреть и при необходимости внести изменения.

Несомненно, важную роль играет платформа, на которой представлен продукт. Комментаторы текстовых трансляций с помощью доступных мультимедийных средств стараются сделать репортаж зрелищнее, интереснее. Телевизионные и стриминговые комментаторы предлагают много эксклюзивной информации, позиционируя ее как полученную от спортсменов, тренеров и прочих влиятельных в киберспортивной сфере фигур.

Таким образом, завершая исследование, отметим, что индивидуальные трансляции представляют собой уникальный жанр киберспортивной журналистики, обладающий значительным потенциалом развития. Их специфика определяется синтезом журналистских и игровых элементов, что создаёт особый формат медиаконтента. Киберспортивная журналистика объединяет элементы других журналистских форматов, формируя уникальное сочетание телевидения, печатных СМИ, радио и интернет-журналистики. Это позволяет в режиме реального времени общаться не только с другими зрителями через чаты, но и с комментаторами и аналитиками через чаты на стримах или через социальные сети, из которых также вы-

ходят темы для обсуждения во время трансляции или на аналитическом форуме. Все это способствует тесному переплетению разных жанров, формированию новых, что делает киберспортивную журналистику мультижанровой. Однако, несмотря на большое жанровое разнообразие, в киберспортивной журналистике доминирует фото- и видеоконтент.

Одним из основных жанров киберспортивной журналистики является индивидуальная онлайн-трансляция (стриминг). Любители видеоигр и киберспорта тратят в среднем около пяти часов в день на трансляции любимых стримеров. Залогом успеха стрима является сам стример, который выстраивает диалог со своей аудиторией и ответственно и творчески формирует подбор и визуальное оформление контента. Официальные киберспортивные трансляции имеют устоявшуюся структуру, predeterminedенную организацией мероприятия и отчасти схожую со структурой многих традиционных спортивных соревнований. Основными структурными элементами киберспортивной трансляции являются: церемония открытия, блок анализа в студии перед игрой, три-пять игр (в зависимости от фазы), блоки анализа между играми и после их завершения церемония награждения и церемония закрытия. Киберспортивные трансляции все чаще становятся телевизионным контентом, а комментарии к онлайн-трансляциям во многом идентичны комментариям к традиционным спортивным трансляциям. Кроме того, трансляции киберспорта более обширны с точки зрения наличия комментариев, поскольку комментатор должен просто понимать все, что происходит на экране, и уметь выбирать основную цель/главного героя, чьи действия привлекают внимание зрителя. По этой причине все комментаторы и аналитики – бывшие игроки той или иной дисциплины. Отметим, что динамичность, уникальность и привлекательность индивидуальных трансляций возникают благодаря самим киберспортивным дисциплинам, в которых существуют определенные правила, постоянно претерпевающие изменения.

Библиографический список

1. Бугакова Н.Б., Осипов В.В. Роль журналистики в киберспорте // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы V Международной научной конференции. Воронеж, 2024. С. 89-91.
2. Бугакова Н.Б., Осипов В.В. Киберспорт в России: становление и развитие // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы IV Международной научной конференции. Отв. редактор С.А. Скуридина. Воронеж, 2023. С. 143-147.
3. Осипов В.В., Бугакова Н.Б. О влиянии киберспорта на духовное развитие детей // Дух, душа и тело в мировой культуре. материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж, 2023. С. 74-76.
4. Бугакова Н.Б., Осипов В.В. Киберспортивный блогинг как феномен современной журналистики // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы III Международной научной конференции. Воронеж, 2022. С. 178-183.
5. Бугакова Н.Б., Осипов В.В. Киберспортивная лексика в современном медиапространстве // Актуальные вопросы развития киберспорта в России. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2022. С. 5-11.
6. Осипов В., Бугакова Н.Б. Особенности блогов о киберспорте // Научно-технические достижения студентов, аспирантов, молодых ученых строительной-архитектурной отрасли. Сборник научных трудов VIII Республиканской конференции молодых ученых, аспирантов, студентов. В 4-х томах. Макеевка, 2022. С. 98-103.
7. Телевизионная журналистика / Г.В. Кузнецов, В.Л. Цвик, А.Я. Юровский. М.: Изд-во МГУ, Изд-во «Высшая школа». 2002. 304 с.
8. Ходоровский Б.: «Нельзя научить человека журналистике, а спортивной – в особенности» [Электронный ресурс]. URL: <https://lenizdat.ru/articles/1076355/> (Дата обращения: 05.04.2025).
9. Ухова Л. В. Языковая личность спортивного комментатора-специалиста // Медиа-

текст как полиинтенциональная система. СПбГУ, 2012. С. 156-159.

10. Новиков Д., Орлов Г. «Удивляюсь, когда кто-то в 25 лет называет себя комментатором» // Информационный портал медиасообщества Северо-Западного региона «Лениздат». 2009. URL: <https://lenizdat.ru/articles/1076938/> (Дата обращения: 10.03.2025).

11. Лазутина Г.В. Профессиональная этика журналиста: учебник и практикум для вузов / Г.В. Лазутина, И.Н. Денисова. 5-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 241 с.

12. Мальцева И.А. Проблемы и перспективы развития киберспортивной журналистики // Международный научно-исследовательский журнал. № 4 (118). С. 19-22.

13. Алексеев А. Б. О самопрезентации в спортивном дискурсе (на примере дискурса бойцов смешанных единоборств) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 387–392. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-4-387-392>.

14. Богуславская В.В., Азизулова А.О., Будник Е.А., Шарахина Л.В. Лингвистическая репрезентация киберспортивного медиасообщества // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 4 (30) С. 104–111.

References

1. Bugakova N.B., Osipov V.V. The role of journalism in eSports // Lingvocultural universals in the world space. Proceedings of the V International Scientific Conference. Voronezh, 2024. Pp. 89-91.

2. Bugakova N.B., Osipov V.V. eSports in Russia: formation and development // Lingvocultural universals in the world space. Proceedings of the IV International Scientific Conference. Responsible editor S.A. Skuridina. Voronezh, 2023. Pp. 143-147.

3. Osipov V.V., Bugakova N.B. On the influence of eSports on the spiritual development of children // Spirit, soul and body in world culture. Proceedings of the I All-Russian scientific and practical conference. Voronezh, 2023. Pp. 74-76.

4. Bugakova N.B., Osipov V.V. Cybersports blogging as a phenomenon of modern journalism // Linguocultural universals in the world space. Proceedings of the III International Scientific Conference. Voronezh, 2022. Pp. 178-183.

5. Bugakova N.B., Osipov V.V. Cybersports vocabulary in the modern media space // Current issues of cybersports development in Russia. Collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference. Ufa, 2022. Pp. 5-11.

6. Osipov V., Bugakova N.B. Features of cybersports blogs // Scientific and technical achievements of students, graduate students, young scientists in the construction and architectural industry. Collection of scientific papers of the VIII Republican Conference of Young Scientists, Graduate Students, Students. In 4 volumes. Makeyevka, 2022. Pp. 98-103.

7. Television journalism / G.V. Kuznetsov, V.L. Tsvik, A.Ya. Yurovsky. Moscow: Moscow State University Publishing House, Higher School Publishing House. 2002. 304 p.

8. Khodorkovsky B.: “You can’t teach a person journalism, especially sports journalism” [Electronic resource]. URL: <https://lenizdat.ru/articles/1076355/> (Accessed: 05.04.2025).

9. Ukhova L.V. Linguistic personality of a sports commentator-specialist // Media text as a polyintentional system. St. Petersburg State University, 2012. Pp. 156-159.

10. Novikov D., Orlov G. "I'm surprised when someone at 25 calls himself a commentator" // Information portal of the media community of the North-West region "Lenizdat". 2009. URL: <https://lenizdat.ru/articles/1076938/> (Accessed: 10.03.2025).

11. Lazutina G.V. Professional ethics of a journalist: textbook and workshop for universities / G.V. Lazutina, I.N. Denisova. 5th ed., corrected. and additional. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 241 p.

12. Maltseva I.A. Problems and prospects for the development of eSports journalism // Inter-

national Research Journal. No. 4 (118). P. 19-22.

13. Alekseev A. B. On self-presentation in sports discourse (on the example of the discourse of mixed martial arts fighters) // Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Philology. Journalism. 2021. Vol. 21, issue. 4. Pp. 387–392. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-4-387-392>.

14. Boguslavskaya V.V., Azizulova A.O., Budnik E.A., Sharakhina L.V. Linguistic representation of the eSports media community // Sign: problematic field of media education. 2018. No. 4 (30) Pp. 104–111.

УДК 808.51

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.025

*Московский международный университет
канд. филол. наук, доцент кафедры рекламы
и связей с общественностью*

Самойленко Н. С.

Россия, г. Москва, +7(960)113-89-80

e-mail: samoilenkons@gmail.com

*Moscow International University Department of
Advertising and Public Relations*

PhD in Philology

Samoilenko N. S.

Russia, Moscow, +7(960)113-89-80

e-mail: samoilenkons@gmail.com

*Воронежский государственный технический
университет*

*канд. филол. наук, доцент кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации*

Сухова К.И.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(950)778-42-24

e-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru

Voronezh State Technical University

PhD in Philology, Associate Professor of the

Department of Russian Language and Intercul-

tural Communication

Sukhova K.I.

Russia, Voronezh, tel. +7(950)778-42-24

e-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru

Н.С. Самойленко, К.И. Сухова

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ЭТИКЕТА В ИТ-КОМПАНИЯХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ УДАЛЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Современные условия труда в сфере информационных технологий характеризуются высокой степенью цифровизации и широким распространением удаленных форм занятости. Это приводит к трансформации традиционных моделей профессиональной коммуникации, в результате чего взаимодействие между сотрудниками все чаще осуществляется посредством онлайн-инструментов. Настоящее исследование направлено на анализ особенностей цифрового делового общения в ИТ-среде и определение ключевых элементов этикета профессиональной коммуникации в дистанционном формате. Эмпирической базой исследования послужили углубленные интервью с ИТ-специалистами из России и Беларуси, в ходе которых были выявлены характерные принципы виртуального взаимодействия, принятые в командах. Основное внимание в статье уделено технике ведения видеоконференций, включая использование камер и микрофонов, организацию рабочего пространства, выбор языка общения, правила речевой инициативы и соблюдение временных рамок. Также рассматриваются технические и этические аспекты цифрового взаимодействия, влияющие на продуктивность и комфорт коммуникации. В работе обоснована необходимость включения данных норм в состав мягких навыков (soft skills) современного специалиста. Предложенные рекомендации могут быть применимы не только в ИТ, но и в других отраслях, где цифровые коммуникации становятся доминирующими. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой типовых регламентов виртуального делового общения для различных профессиональных сфер.

Ключевые слова: цифровая коммуникация, удалённая работа, деловое общение, ИТ-индустрия, видеоконференции, профессиональный этикет, мягкие навыки.

N.S. Samoilenko, K.I. Sukhova

PECULIARITIES OF COMMUNICATIVE ETIQUETTE IN IT COMPANIES IN THE CONTEXT OF REMOTE COMMUNICATION TECHNOLOGIES

In the context of rapid digitalization and the shift of IT industry employees to remote work formats, the importance of effective professional communication in online environments is growing. This article explores the specific features of business interaction in a digital format, using IT teams as a case study. The empirical basis includes in-depth interviews with thirteen IT professionals from Russia and Belarus. The analysis identifies key practices and norms of

virtual communication, including the use of technical tools (messengers, video conferencing platforms), adherence to ethical standards of digital interaction, and organizational aspects of communication in remote settings. Special attention is given to behavioral rules during video meetings: turning cameras and microphones on or off, managing visual backgrounds, avoiding the presence of third parties on screen, following language norms, signaling turn-taking during speech, preparing meeting summaries, and ensuring adequate technical equipment. The study concludes that digital communication etiquette should be included in the soft skills set of modern professionals. The presented recommendations can be adapted for other professional fields where communication is partially or entirely digital. In the future, these findings may form the basis for standardized regulations in digital business communication.

Keywords: digital communication, remote work, business interaction, IT industry, video conferencing, professional etiquette, soft skills.

Современные условия труда предполагают полную либо частичную занятость сотрудников IT-индустрии в дистанционном режиме, вследствие чего профессиональная коммуникация между специалистами осуществляется преимущественно посредством современных технических инструментов онлайн-взаимодействия. Очевидно, что деловая коммуникация обладает долгой и сложной историей, предшествующей ее становлению в дистанционном формате. Так, особенностям делового этикета, культуры речевого поведения, коммуникативным компетенциям (как в очном, так и в дистанционном формате) посвящены труды таких исследователей, как С.А. Скуридина [1], Е.О. Кузьминых, Н.А. Кузьминых [2], Н.Б. Бугакова, Ю.С. Попова, О.В. Сулемина [3] С.А. Шейпак [4], В.И. Гвазава [5], Т.Г. Анистраненко [6] и др. Культуры Следует подчеркнуть, что процессы цифровизации повлияли также на представителей иных профессиональных сфер — начиная от университетских преподавателей и заканчивая кандидатами на вакансии, проходящими отдельные этапы собеседований удаленно.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью формирования полного спектра компетенций в области виртуального профессионального общения среди значительного числа специалистов. Эмпирическая база данной работы представлена образцами коммуникативных процессов внутри IT-сообщества, поскольку специфика форматов цифровой коммуникации проявляется здесь особенно ярко ввиду распространенности удаленной организации труда и соответствующего повышения уровня технической оснащённости рабочих процессов.

Методологической основой изучения послужило проведение серии углубленных интервью с десятью IT-специалистами из России, тремя из Республики Беларусь, направленное на выявление ключевых аспектов профессиональной коммуникации в IT-командах с использованием цифровых платформ и специализированных сервисов.

Исследование позволило сформулировать следующие выводы относительно основных характеристик коммуникационных практик и цифрового инструментария в IT-сфере:

1. Ключевые технические средства коммуникации: основными техническими средствами служат персональные компьютеры и специализированные программы для обмена сообщениями и видеоконференцсвязи. Среди них выделяются мессенджеры общего назначения (например, Telegram), корпоративные платформы для командного общения (Slack, российский аналог «Пачка») и сервисы для видеосвязи (Zoom, МТС Линк, MS Teams).

2. Организационные и технологические аспекты: характеристики профессиональной коммуникации включают ряд специфичных моментов, условно обозначаемых как правила этики цифрового взаимодействия в IT-секторе. Эти элементы касаются различных норм поведения, стандартов передачи сообщений и процедур эффективного пользования инструментами связи, направленные на повышение качества и продуктивности внутрикорпоративного общения.

Основные рекомендации по ведению видеоконференций в среде IT компаний:

1. Использование видеокамер

Камера включается только при необходимости. Обычно камера используется не во всех типах звонков, например, при коротких совещаниях разработчиков включение камеры необязательно. Тем не менее, существуют ситуации, когда заранее согласовано использование визуальной состав-

ляющей или возникает неожиданная потребность в отображении лиц участников. Примером является случай, когда представители заказчика неожиданно подключились к встрече с камерой, тогда рекомендуется также активировать своё изображение.

2. Выключение микрофона при отсутствии речи

Рекомендуется отключать микрофон при молчании, чтобы минимизировать посторонний шум. Даже при наличии автоматической фильтрации фонового звука, общий уровень чистоты эфира существенно повышается, если участники совещания держат микрофоны выключенными вне периода активной речи. Если сотрудник проводит большую часть собрания в роли слушателя, ему целесообразно постоянно держать микрофон отключённым, включая его лишь непосредственно перед выступлением. Переговорные комнаты помогают дополнительно снизить вероятность проникновения сторонних шумов, особенно полезны при длительных выступлениях или ведущих ролях на собрании.

3. Минимизация отвлечений заднего фона

Задний фон, видимый другим участникам видеоконференции, должен быть минимально отвлекающим. Для этого специалист может выбрать тихое рабочее пространство дома или офиса с аккуратным интерьером, воспользоваться функцией размывания фона или применить виртуальную нейтральную картинку. Важно избегать чрезмерно ярких или хаотично организованных элементов окружения, которые могли бы переключить внимание слушателей с основной темы обсуждения.

4. Отсутствие посторонних лиц в поле зрения камеры

Участникам важно следить за отсутствием третьих лиц в кадре, поскольку присутствие незнатных лиц нарушает конфиденциальность информации, передаваемой на совещании. Во-первых, посторонние лица отвлекают внимание коллег и клиентов, во-вторых, они могут создать угрозу безопасности корпоративных данных, если речь идёт о закрытой тематике встречи.

5. Обеспечение понимания всеми участниками используемого языка

Участники международной команды должны выбирать язык, понятный каждому присутствующему на конференции сотруднику. В ситуациях, когда на мероприятии присутствуют носители нескольких языков, предпочтительно вести разговор на общем международном языке, например английском. При представлении материалов, демонстрируемых на экране, важно убедиться, что вся представленная информация доступна для восприятия всеми участниками независимо от родного языка каждого из них.

6. Привлечение внимания собеседников посредством «поднятия руки»

Очевидной особенностью коммуникации с помощью видеозвонков является потеря невербальных каналов коммуникации, что, например, приводит к тому, что не всегда понятно, когда можно продолжить говорить, ориентируясь исключительно на речь говорящего. В связи с этим необходимо следить за речью, чтобы не перебивать, использовать функцию “поднять руку” в программах для донесения дополнительной информации со своей стороны. Если произошла ситуация, при которой собеседник был прерван, широко распространены фразы из разряда “извини, продолжай и так далее”. В связи с описанными выше сложностями удачной альтернативой может послужить комментарий или вопрос в чате видеозвонка, который в последствии будет рассмотрен говорящим или модератором. Допустимым является использование эмоджи, для выражения отношения к освещаемому вопросу. Например, палец вверх – в качестве одобрения реплики говорящего. Палец вниз – в ответе на вопрос все ли понятно и т.д.

7. Четкое придерживание установленных временных рамок

Каждый подобный звонок предполагает то, что он занимает определенный временной слот. Это может быть 15 минут или несколько часов – в зависимости от формата. Однако стоит понимать, что за данным звонком может следовать следующий и крайне важно не задерживать аудиторию. Если тема не была полностью рассмотрена, необходимо запланировать другой звонок. В случае, когда звонок задерживается, участник вправе написать что-то наподобие: «Извините, мне необходимо переключиться на другой звонок». Кроме того, необходимо заранее согласовать тайм-зону, в которой организуется встреча, если удаленная команда находится в разных часовых поясах. Если встреча отменяется или переносится, необходимо прикрепить текстовое обоснование, почему и на

какое время встреча была перенесена. Из вышесказанного следует, что встреча должна четко следовать обнародованной заранее агенде. Не следует пытаться осветить дополнительные вопросы, к обсуждению которых аудитория не была готова. В случае крайней необходимости организатор может спросить аудиторию, возможно ли обсуждение дополнительных вопросов. Если участник встречи задерживается, а встреча уже началась, необходимо отправить сообщение в чат встречи “задерживаюсь на предыдущем звонке, буду через 4 минуты” и т.д. В связи с вышесказанным крайне грубым является факт звонка без предупреждения. Если есть срочный вопрос, который необходимо обсудить, стоит написать сотруднику личным сообщением фразу, например, “Могу ли я набрать?” и при получении утвердительного ответа – позвонить.

8. Отправка резюме встречи

Определенного рода форматы встреч могут предполагать отправку текстового отчета о встрече. Что успели разобрать, какие вопросы были решены и так далее. Это помогает участникам оставаться в контексте.

9. Готовность к тому, что встреча может быть записана

Зачастую такие встречи могут быть записаны. Правилom хорошего тона в этом случае является объявление организатора, перед тем как начать встречу. В свою очередь все участники встречи должны быть готовы к тому, что встреча будет записана.

10. Отключение уведомлений на персональном компьютере

Полученные уведомления на компьютере (в мессенджерах, на электронной почте и т.д.) могут иметь звуковую индикацию, что попадет в эфир. Кроме того, всплывающие окна могут быть видны, если участник встречи демонстрирует экран. Таким образом, уведомления необходимо отключать на время встреч, использовать соответствующий режим “не беспокоить”.

11. Использование адекватного оборудования для видео и аудио

Техническое оборудование (наушники, микрофоны, видеокамеры) должны обеспечить адекватное качество звука и изображения, чтобы всем участникам встречи было комфортно. Минимальным адекватным качеством сегодня считается 720p для картинки, для большинства компьютеров стоит избегать использования встроенного микрофона и внешних гарнитур-наушников с микрофоном. Кроме того, необходимо убедиться, что используется стабильное качество интернета, и соединение не будет разрываться, а значит лучше использовать wi-fi или высокоскоростной мобильный интернет. С техническими рекомендациями можно ознакомиться в инструкциях на официальном сайте поставщиков программного обеспечения. Многие IT-специалисты используют 2й экран, что может быть удобно при том условии, что на одном экране отображаются участники встречи, а на втором – демонстрируемый экран.

Таким образом, выявленные особенности этикета коммуникации для айти специалистов могут входить в так называемый набор софт скилов. Кроме того, данные рекомендации могут быть использованы и в других сферах с частичной дигитализацией коммуникационного процесса. Дальнейшие перспективы исследования могут быть связаны с экспрополяцией полученных результатов и их адаптацией в качестве практических рекомендаций для сотрудников в любых сферах с полной или частичной дигитализацией коммуникационного процесса.

Библиографический список

1. Скуридина С.А. Современный русский язык. Практикум. / С.А. Скуридина. Воронеж, 2023. 76 с.
2. Кузьминых Е.О., Кузьминых Н.А. Лингвистические особенности чат-коммуникации (на материале сообщений в социальной сети вконтакте). / Е.О. Кузьминых, Н.А. Кузьминых. // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы IV Международной научной конференции. Отв. редактор С.А. Скуридина. Воронеж, 2023. С. 277-282.
3. Бугакова Н.Б., Попова Ю.С., Сулемина О.В. Из опыта онлайн-преподавания РКИ на начальном этапе в Воронежском государственном техническом университете. / Н.Б. Бугако-

ва, Ю.С. Попова, О.В. Сулемина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Воронеж, 2022. № 1 (44). С. 44-48.

4. Шейпак С.А. Формы ТЫ/ВЫ обращения во французском корпоративном этикете в сопоставлении с русским. / С.А. Шейпак // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность, 2012. № 2. С. 42-53.

5. Гвазава В.И. Коммуникативная компетентность специалиста сервиса / В.И. Гвазава // Записки Горного института, 2011. Т. 193. С. 111-114.

6. Анистратенко Т.Г. Специфика и деловые стандарты общения в бизнескоммуникации. / Т.Г. Анистратенко // Гуманитарий Юга России, 2019. Т. 8. № 6. С. 114-125.

References

1. Skuridina S.A. Modern Russian Language. Workshop. / S.A. Skuridina. Voronezh, 2023. 76 p.

2. Kuzminykh E.O., Kuzminykh N.A. Linguistic Features of Chat Communication (Based on Messages in the VKontakte Social Network). / E.O. Kuzminykh, N.A. Kuzminykh. // Lingvocultural Universals in the World Space. Proceedings of the IV International Scientific Conference. Responsible editor S.A. Skuridina. Voronezh, 2023. Pp. 277-282.

3. Bugakova N.B., Popova Yu.S., Sulemina O.V. From the Experience of Online Teaching Russian as a Foreign Language at the Initial Stage at the Voronezh State Technical University. / N.B. Bugakova, Yu.S. Popova, O.V. Sulemina // Current issues of modern philology and journalism. Voronezh, 2022. No. 1 (44). P. 44-48.

4. Sheipak S.A. Forms of YOU/YOU address in French corporate etiquette in comparison with Russian. / S.A. Sheipak // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Education issues: languages and specialty, 2012. No. 2. P. 42-53.

5. Gvazava V.I. Communicative competence of a service specialist / V.I. Gvazava // Notes of the Mining Institute, 2011. Vol. 193. P. 111-114.

6. Anistratenko T.G. Specificity and business standards of communication in business communications. / T.G. Anistratenko // Humanitarian of the South of Russia, 2019. Vol. 8. No. 6. Pp. 114-125.

УДК 81'272

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.026

*Воронежский государственный техниче-
ский университет
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
Doctor of Philology, professor
Bugakova N.B.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru*

*Воронежский государственный техниче-
ский университет
студент гр. бЖУР211
Клепов М.Д.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
student of group bZhUR211
Klepov M.D.
Russia, Voronezh, tel. +7-920-406-6287,
e-mail: ya_witch@mail.ru*

Н.Б. Бугакова, М.Д. Клепов

ИНФОРМАЦИОННО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ПОДКАСТ КАК ЖАНР КОНВЕРГЕНТНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Предлагаемое исследование посвящено информационно-развлекательному подкасту как новому жанру современной конвергентной журналистики. Цель исследования – выявление жанровых и содержательных особенностей информационно-развлекательного подкаста, обоснование его влияния на слушателя и медиапространство. Предметом исследования служат подкасты «Трасса 161» и «Хакни мозг» как примеры информационно-развлекательного подкаста. Актуальность исследования обусловлена развитием информационно-развлекательного подкастинга, возрастающим интересом аудитории к жанрам тру-крайм и научпоп, а также отсутствием комплексных исследований в этой сфере. В работе раскрываются основные характеристики данного формата. Научная новизна работы состоит в систематизации характеристик информационно-развлекательного подкаста как самостоятельного жанра конвергентной журналистики, выявлении его отличительных черт и места в современной медиасистеме. В исследовании определены ключевые особенности формата, включая синтез информационной и развлекательной составляющих, персонализацию контента, диалоговый характер подачи материала; выявлены основные функции подкаста: информационная, развлекательная, коммуникативная и социально-креативная. В результате сопоставления двух непохожих направлений информационно-развлекательного подкаста делается вывод о том, что, используя схожие механизмы, можно оказывать различное влияние на аудиторию. Тру-крайм может быть опасен для эмоционального состояния слушателей в долгосрочной перспективе, а образовательный контент имеет только позитивный эффект, вдохновляя на дальнейшее изучение той или иной темы. Оба подкаста опираются на факты, но по-разному взаимодействуют с аудиторией. «Трасса 161» воздействует через эмоции и интригу, а «Хакни мозг» – через логику и практическую пользу. При этом оба представляют информацию слушателю и развлекают его. Данные подкасты являются яркими примерами конвергенции. Они показывают, как аудиоконтент может адаптироваться под разные форматы – от расследования преступлений до объяснения работы мозга. При этом они сохраняют ключевые преимущества подкастов: мобильность, разнообразие контента, доступность, эффект «личного присутствия», информативность.

Ключевые слова: подкаст, конвергентная журналистика, информационно-развлекательный контент, медиаформаты, цифровые медиа, медиакommunikation.

N.B. Bugakova, M.D. Klepov

INFORMATION AND ENTERTAINMENT PODCAST AS A GENRE OF CONVERGENT JOURNALISM

The proposed study is dedicated to the infotainment podcast as a new genre of modern convergent journalism. The purpose of the study is to identify the genre and content features of the infotainment podcast, justify its influence on the listener and the media space. The subject of the study are the podcasts "Route 161" and "Hack the Brain" as examples of infotainment podcasts. The relevance of the study is due to the development of infotainment podcasting, the growing interest of the audience in the true crime and popular science genres, as well as the lack of comprehensive research in this area. The work reveals the main characteristics of this format, its functional features and expressive means. The scientific novelty of the work lies in systematizing the characteristics of the infotainment podcast as an independent genre of convergent journalism, identifying its distinctive features and place in the modern media system. The study defines the key features of the format, including the synthesis of information and entertainment components, personalization of content, the dialogical nature of the presentation of the material; The main functions of the podcast are identified: informational, entertaining, communicative and socially creative. As a result of comparing two dissimilar areas of the infotainment podcast, it is concluded that using similar mechanisms, it is possible to have a different impact on the audience. True crime can be dangerous for the emotional state of listeners in the long term, and educational content has only a positive effect, inspiring further study of a particular topic. Both podcasts are based on facts, but interact with the audience in different ways. "Route 161" influences through emotions and intrigue, and "Hack the Brain" through logic and practical benefits. At the same time, both present information to the listener and entertain him. These podcasts are striking examples of convergence. They show how audio content can be adapted to different formats - from crime investigation to explanations of the brain. At the same time, they retain the key advantages of podcasts: mobility, content diversity, accessibility, the effect of "personal presence", information content.

Keywords: podcast, convergent journalism, infotainment content, media formats, digital media, media communications.

В современном мире слово «подкаст» прочно вошло в обиход пользователей сети Интернет, а само это явление получило широкое распространение во всем мире. Толчок к росту популярности подкастов дала пандемия, обеспечив приток новой аудитории и увеличив время, проводимое людьми в онлайн-пространстве. После 2019-2021 годов многие средства массовой информации запустили собственные проекты в формате подкастов. Истоки подкастинга восходят к традиционному радио, однако в настоящее время, пройдя длительный и многоэтапный период последовательной трансформации, этот вид медиа приобрел собственную форму, каналы распространения и аудиторию. Отметим, что на текущий момент подкасты существуют в разных формах; так, на площадках для прослушивания можно встретить музыкальные, литературные, научные, развлекательные и др. виды подкастов. Некоторые из них становились объектом внимания исследователей. Так, В.Г. Яшвили исследует реализацию культурно-просветительской функции в подкастах [1], А.С. Русяева рассматривает бизнес-подкасты как современный жанр экономического дискурса [2], С.В. Ускова и Д.А. Казаков рассматривают вопросы формирования контента образовательных подкастов российских университетов в сравнении с популярными подкастами блогеров [3] и др.

Предлагаемое исследование посвящено рассмотрению информационно-развлекательных подкастов как одного из жанров конвергентной журналистики. Цель исследования – выявление жанровых и содержательных особенностей информационно-развлекательного подкаста, обоснование его влияния на слушателя и медиaproстранство. Предметом исследования служат подкасты «Трасса 161» и «Хакни мозг» как примеры информационно-развлекательного подкаста. Актуальность исследования обусловлена развитием информационно-развлекательного подкастинга, возрастающим интересом аудитории к жанрам три-крайм и научпоп, а также отсутствием комплексных исследований в этой сфере.

Возникновение информационно-развлекательного формата связано с изменением среды вокруг человека. Новые технологии, способы коммуникации, появление различных социальных сетей – все это способствует информационной перегрузке. Постоянный поток информации из соцсетей приводит к снижению концентрации, усталости и трудностям с отделением важных новостей и фактов от второстепенных и бесполезных. Отметим, что в освещении

щении происходящих ежедневно событий превалирует освещение негативных происшествий. В подтверждение этого приведем пример пандемии COVID-19 в 2019–2020 гг. Постоянный поток информации о росте заболеваемости усугублял и без того подавленное и тревожное эмоциональное состояние людей. Однако важно отметить, что поток пугающих новостей негативно влияет не только на аудиторию, но и на сами издания, которые их публикуют, что зачастую приводит к потере читателей или зрителей. Одним из способов смягчить эффект от переизбытка негативной информации может стать использование информационно-развлекательного формата, поскольку такой контент выполняет рекреативную функцию журналистики: создает условия для отдыха, интересного досуга, приятного времяпрепровождения, снятия усталости и напряжения, восстановления и укрепления душевного покоя и равновесия. Исследователи называют эту функцию гедонистической, развлекательной, функцией релаксации [4, с. 45]. Назначение рекреативной функции заключается в создании комфортных условий для отдыха, уменьшении эффекта усталости и напряжения, стабилизации психологического состояния и, кроме того, в развитии интеллектуальной и мыслительной деятельности, на что напрямую влияет степень художественности и образовательный уровень журналистских материалов [там же, с. 46].

К развлекательному контенту сегодня можно отнести огромное количество форматов: различные обзоры, трансляции компьютерных игр, тру-крайм подкасты, фото с животными и многое другое. Если материалы воспринимаются аудиторией с интересом, эстетическим наслаждением, воодушевлением и радостью познания новой информации, то можно заключить, что контент успешно выполняет рекреативную функцию. Материал, который обладает развлекательными и информационными характеристиками, удовлетворяет как рекреативную потребность, так и потребность в познании, называют инфотейментом. Одна из основных задач таких подкастов – информирование, то есть распространение различного материала (исторические данные, статистика, научные исследования). Однако не менее важной является развлекательная функция: юмор, геймификация и интерактивные элементы делают процесс получения информации менее монотонным, более вовлекающим и продуктивным. Не стоит забывать и про образовательную функцию. Она выполняется, когда материал дает возможность узнавать что-то новое и развивать понимание и знания в самых разных сферах. Помимо этого, данная функция обучает слушателей и удовлетворяет растущую потребность в самообразовании. Функция привлечения внимания реализуется путем внедрения в материал визуальных и звуковых эффектов, правильного структурирования материала, что помогает вызвать интерес у аудитории. Социальное взаимодействие – еще одна важная функция инфотеймента. Суть заключается в том, чтобы дать аудитории возможность взаимодействовать между собой, делиться мнением и идеями. Все эти функции успешно реализуются в информационно-развлекательных подкастах. Таким образом, рассматриваемые подкасты стремятся объединить информационные и развлекательные элементы. Инфотеймент ставит перед собой цель передавать знания, которые могут быть нужными аудитории. Активно используются приемы, удерживающие внимание слушателей и стимулирующие социальное взаимодействие между ними.

Подкастинг как новый формат медиа стал результатом эволюции медиапространства под влиянием конвергенции, возникающей в результате развития цифровых технологий и изменения способа восприятия информации [5]. Подкасты позволяют нам заниматься несколькими делами и потреблять контент на ходу, выигрывая на контрасте с традиционными медиа, которые требуют нашего полного внимания [6]. Зародившиеся в качестве альтернативы радио, подкасты стали самостоятельными медиа, а также инструментом для образования и развлечения.

Предлагаемое исследование рассматривает информационно-развлекательные подкасты на примере тру-крайм подкаста «Трасса 161» [7] и научно-популярного подкаста «Хакни мозг» [8]. Подобный выбор обусловлен, во-первых, репрезентативностью жанров, поскольку тру-крайм и научпоп – два самых популярных направления в подкастинге. Тру-крайм пред-

ставляет собой развлекательно-информационный контент с элементами драмы и саспенса, а научпоп образует слушателей с помощью развлекательной подачи экспертных знаний. Данные жанры охватывают огромную долю аудитории, что дает возможность показать широту влияния подкастинга на социум. Во-вторых, важную роль в выборе этих подкастов в качестве материала для анализа играет социально-культурная значимость. Тру-крайм позволяет осветить влияние криминалистики на общественное восприятие и поднимает вопросы этики журналистики. Научпоп помогает развивать критическое мышление людей и стимулирует интерес к науке среди широкой аудитории. В-третьих, немаловажным считаем производство подкаста. «Трасса 161» использует сторителлинг, звуковые эффекты, в то время как «Хакни мозг» делает ставку на подачу, приглашенных экспертов и юмор. Разница в подаче материала демонстрирует широту художественных и стилистических приемов. Таким образом, выбор подкастов «Трасса 161» и «Хакни мозг» не случаен: они демонстрируют, как подкасты влияют на аудиторию, меняют медиарынок и отражают культурные сдвиги. Анализ таких контрастных жанров помогает понять всю многогранность подкастинга как явления.

Российский подкаст в жанре тру-крайм «Трасса 161» выполнен в формате аудиосериала: он состоит из четырех сезонов, каждый из которых посвящен отдельному криминальному случаю и включает пять эпизодов. Особенность подкаста – смена ведущего в каждом сезоне. Создатели глубоко погружаются в расследование преступления, следят за следствием, проводят интервью с правозащитниками и потерпевшими, чтобы восстановить картину преступления. Выпуски содержат множество диалогов, разговоров с родственниками погибших и свидетелями. Демографические характеристики целевой аудитории данного подкаста следующие: мужчины и женщины в возрасте 20–45 лет, преимущественно жители крупных городов (Москва, Санкт-Петербург, другие города-миллионники), имеющие среднее специальное или высшее образование. Обычно это студенты или работающие молодые профессионалы.

Подкаст «Хакни мозг» – научно-популярный подкаст о мозге, психологии и продуктивности, насчитывающий уже 7 сезонов. Демографические характеристики аудитории подкаста: возраст: 20–45 лет (ядро – 25–35 лет); пол: 55% женщины, 45% мужчины; подкаст востребован в крупных городах (Москва, СПб, Новосибирск, Екатеринбург) среди аудитории преимущественно с высшим или неоконченным высшим образованием (IT-специалисты, маркетологи, менеджеры, студенты (медики, психологи, программисты), предприниматели и самозанятые).

Оба подкаста отражают ключевые особенности современного состояния данного формата. Однако жанровые различия позволяют проследить, как контент адаптируется под разные запросы слушателей.

Подкаст «Трасса 161» является одним из первых тру-крайм подкастов в России и представляет собой своеобразный аудиосериал. На протяжении четырех сезонов расследуются четыре разных криминальных истории: дело Дмитрия Лебеда, серийного убийцы из Абакана, жертвами которого стали как минимум 5 девушек; ангарского маньяка (история о преступлениях, оставшихся без наказания); убийство в Нижнем Тагиле, которое не могли раскрыть 20 лет, а также пропажа двух друзей на трассе между Якутском и Магаданом, где один из них погиб от переохлаждения. Каждый сезон подкаста ведет новый ведущий, он сам изучает и анализирует криминальное дело. Выпуски содержат, в частности, голоса жертв, очевидцев и следователей. Это позволяет слушателю не только разобраться во всех деталях дела, но и услышать всех участников событий. Считаем, что такой способ подачи информации оказывает сильное воздействие на аудиторию. Кроме того, авторы подкаста умело чередуют рассказ о расследовании и вставки интервью с жертвами и участниками событий, что делает их повествование интересным и достоверным. Примечательно, что ведущие строят рассказ объективно, без какого-то оценочного суждения, за исключением моментов, когда описывают свои ощущения от интервью. Авторы намеренно избегают готовых интерпретаций, излагая лишь факты; это заставляет слушателя активно следить за ходом повествования и самостоя-

тельно выстраивать причинно-следственные связи. Также авторы используют музыкальное сопровождение (например, начинают выпуск тревожной, постепенно нарастающей музыкой, поверх которой накладывается отрезок разговора с жертвой; это дополняется такими звуковыми эффектами, как хлопок двери, искажение записи, которые создают «телефонный» эффект). Такие приемы воздействия мгновенно погружают слушателя в дело, создавая «эффект личного присутствия». Эти элементы профессионально создают саспенс – тот самый кинематографический приём, который заставляет сердце биться чаще, пробуждая тревожное ожидание и непреодолимое желание узнать развязку. К числу ключевых стилеобразующих элементов относится и голосовой грим. Благодаря монтажу достигается динамика «кадров», происходит постоянная смена повествования – то от лица ведущего, то от разных участников происшествия. Голосовой грим авторы используют активно, меняя интонацию для придания необходимой эмоциональной окраски. Несмотря на свою тематику, жанр тру-крайм относится к информационно-развлекательному формату, что подтверждается его популярностью.

Инфотеймент может быть разным: в развлекательной форме могут быть поданы как криминальные истории, так и образовательный контент. Исследователи утверждают, что подкасты сегодня также рассматриваются в качестве доступного образовательного инструмента, расширяющего границы методологического аппарата [9, с. 34]. Так, Е.В. Хохлушина считает, что у подкастов есть следующие дидактические свойства:

1. Формат потребления информации. Формат аудио дает возможность получать информацию людям с нарушением зрения, дислексией или другими отклонениями, мешающими потреблению материала визуально. Также этот тип подходит для людей, которые лучше запоминают информацию на слух. Важно отметить, что записанные преподавателем подкасты усиливают ощущение его реального присутствия при дистанционном обучении, что способствует запоминанию.

2. Мультимедийность. Так как подкаст может существовать как в аудио, так и в видео формате, а в нем, в свою очередь, могут присутствовать текст и графические элементы, он с большей вероятностью будет мотивировать к обучению.

3. Интерактивность. Подкасты способствуют развитию у слушателей определенных компетенций: коммуникативных навыков, цифровой грамотности, творческого мышления и способности к сотрудничеству. Кроме того, происходит переход от пассивного потребления информации к ее активному поиску. Подкаст является отличным стимулом к общению в рамках образовательного процесса.

4. Гибкость условий для индивидуального обучения. С помощью подкастов обучающийся может в любом месте и в любое время получить доступ к материалам. Подкасты дают возможность выбирать темы по интересам и создают условия для построения индивидуальной траектории обучения. Кроме того, их легко можно использовать для повторения и систематизации изученных материалов.

5. Доступность. Быстрый доступ к подкастам через платформы и возможность скачивания для оффлайн-прослушивания делают их универсальным образовательным ресурсом [10].

Помимо дидактических свойств, необходимо отметить положительное воздействие на слушателя. Согласно Е.Ю. Петровой, благодаря использованию подкастов сокращается число студентов, которые бросают обучение либо из-за неспособности совместить работу, семью и учёбу, либо в связи с необходимостью траты большого количества времени на дорогу [11, с. 99].

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что подкастинг имеет огромный потенциал для развития в сфере образования. Обучающий материал, который подается в развлекательном формате, способствует лучшему усвоению информации, мотивирует слушателей к развитию и повышает заинтересованность в образовании в целом.

Для анализа данного формата был выбран подкаст «Хакни мозг». В отличие от подкаста «Трасса 161», в «Хакни мозг» нет единой тематики для целого сезона. В выпусках поднимаются такие вопросы: как стать счастливым? Как эффект толпы заставляет нас чувствовать

свои эмоции? Как работает зрение? И видит ли компьютер то же, что и мы? Как наш мозг воспринимает текст? И как мы учим этому компьютеры? Как рождаются идеи? И почему для этого нужно отдыхать, а не работать? Как работает депрессия: симптомы, причины и лечение. Как спорт влияет на наш мозг?

Важно отметить, что создатели подкаста оперируют только фактами. Сценарии выпусков тщательно прорабатываются и проверяются на достоверность, что делает редактуру важной составляющей процесса производства эпизода и позволяет отнести выпускаемый контент к образовательному.

Для более детального анализа был выбран выпуск шестого сезона «Как спорт влияет на наш мозг? И почему мы ходим в фитнес-зал и делаем ставки». Выпуск начинается с небольшого монолога автора, в котором она рассказывает, какие вопросы ставит перед собой и слушателями. Далее начинает играть музыка «победителей», и автор приступает к повествованию об олимпийских чемпионах. В выпуске прослеживается линейный нарратив: рассказ состоит из завязки, развития, кульминации и развязки. Анализируя другие выпуски, можно заключить, что авторы подкаста тщательно проработали не только смысловое наполнение, но и формообразующие средства. На это указывает обилие разнообразной музыки и звуков, которые вплетаются в ткань повествования на протяжении всего подкаста. Например, в одном выпуске был использован звук бегущей крысы и электричества, чтобы создать ассоциацию опытов над ними. К стилиобразующим средствам в данном подкасте можно отнести только интонацию автора, хотя даже это средство не слишком часто используется. Данный подкаст привлекает своей опорой на научные исследования и факты, а задерживает внимание музыкальной составляющей и стилем подачи информации.

Чтобы подробнее проанализировать аудиторию тру-крайм подкастов и их влияние на слушателей, нами было проведено исследование в формате анкетирования. Участниками стали подписчики сообществ ВКонтакте, посвященных подкастам данного жанра. Всего удалось собрать 52 ответа. Исходя из полученных результатов, можно составить подробный портрет типичного слушателя жанра тру-крайм.

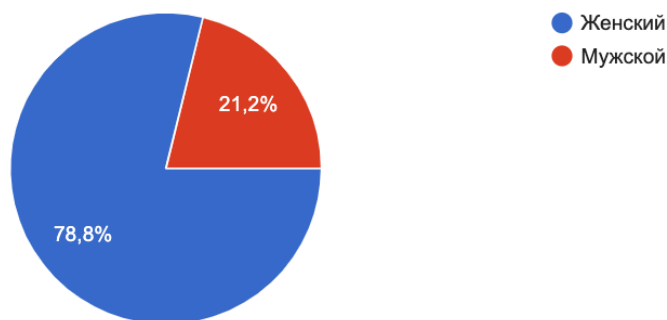

Рис. 1. Разделение аудитории подкастов жанра тру-крайм по полу.

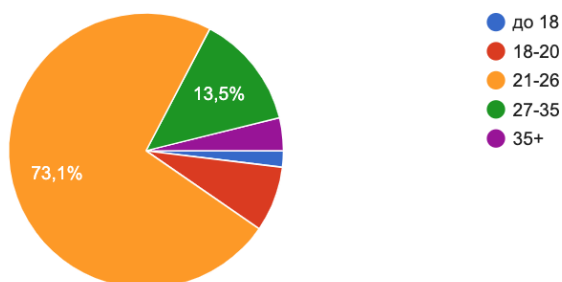

Рис. 2. Разделение аудитории по возрасту.

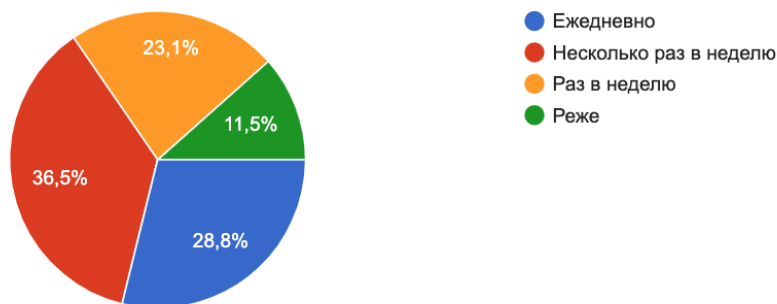

Рис. 3. Разделение аудитории по периодичности прослушивания.

На основании представленных данных можно сделать вывод, что основную аудиторию подобных подкастов составляют преимущественно женщины в возрасте от 21 до 26 лет, на долю которых приходится 73,1% слушателей. Исследование показало, что 28,8% респондентов слушают подкасты ежедневно, а 36,5% обращаются к этому контенту несколько раз в неделю. При этом подавляющее большинство аудитории (65,4%) отдает предпочтение видеоформату, что свидетельствует о важности визуальной составляющей для данной возрастной группы.

Чтобы понять, какое психологическое и эмоциональное воздействие оказывают подкасты жанра тру-крайм на своих слушателей, были заданы следующие вопросы.

Какие тру-крайм подкасты вы предпочитаете?

[Копировать диаг](#)

52 ответа

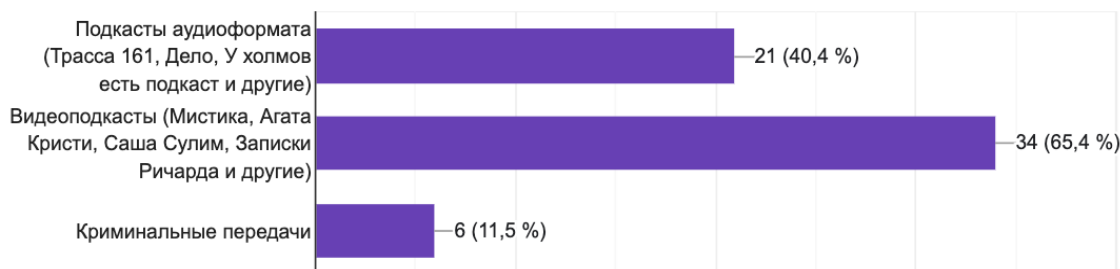

Рис. 4. Распределение по формату подкаста.

Почему вы начали слушать тру-крайм подкасты? (Можно выбрать несколько вариантов)

[Копировать диаграмму](#)

52 ответа

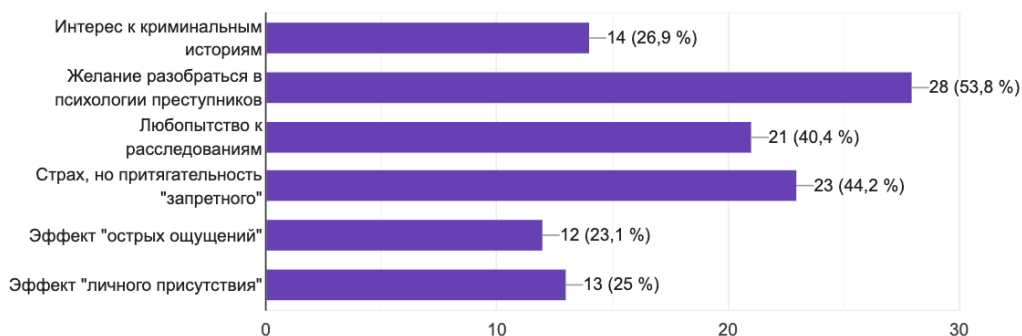

Рис. 5. Распределение по мотивации первого просмотра.

Статистика демонстрирует, что ключевым мотивом для первого прослушивания подкаста послужило желание разобраться в психологии преступников: этот фактор явно преобладает среди прочих. В то же время поиск острых ощущений занимает значительно меньшую долю в предпочтениях аудитории, что указывает на более осознанный интерес слушателей.

Если говорить о факторах, которые удерживают аудиторию и стимулируют регулярное прослушивание, то здесь снова лидирует интерес к психологии жертв и преступников. Слушателей привлекает возможность самостоятельно «раскрыть» дело, что создает эффект вовлеченности. При этом такие аспекты, как подача автора или мелкие детали преступлений, оказываются менее значимыми для слушателей. Чтобы определить, как трю-крайм влияет на психику, были заданы следующие вопросы.

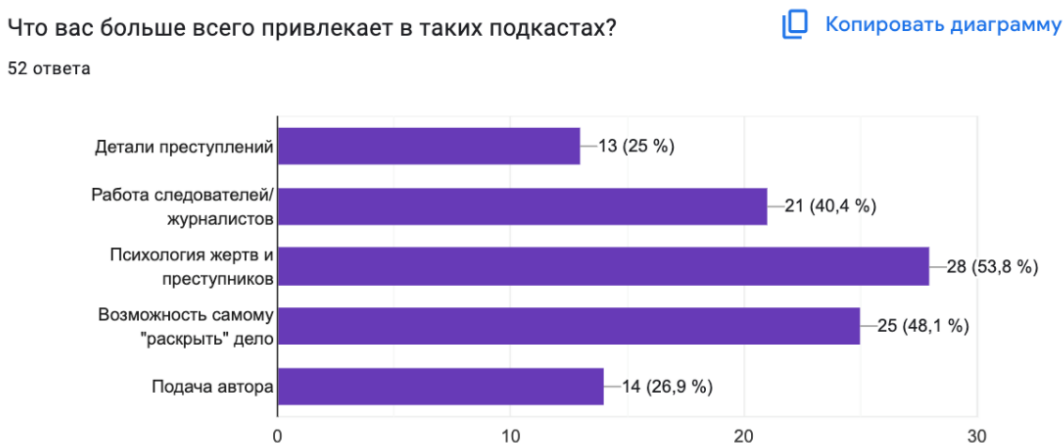

Рис. 6. Распределение по привлекательности подкастов.

Рис. 7. Распределение по эмоциональному отклику у слушателей.

Бывало ли, что после прослушивания вы:

[Копировать диаграмму](#)

52 ответа

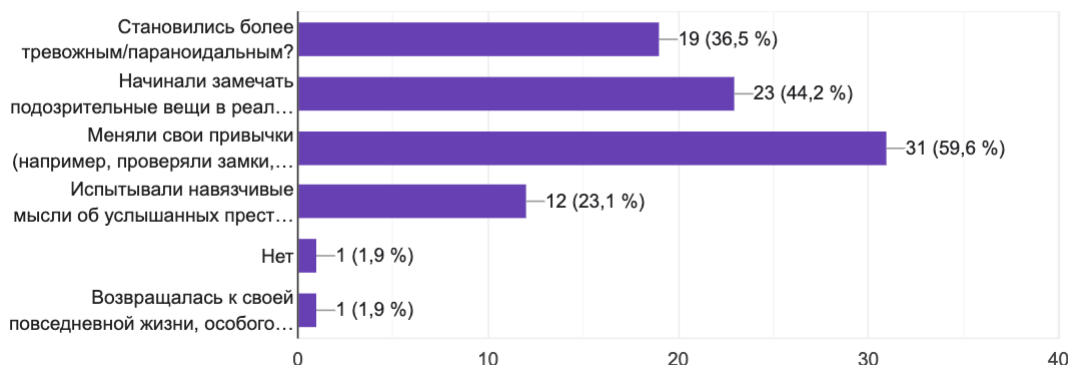

Рис. 8. Распределение по последствиям просмотра.

Как тру-крайм подкасты изменили ваше восприятие преступности?

[Копировать диаграмму](#)

52 ответа

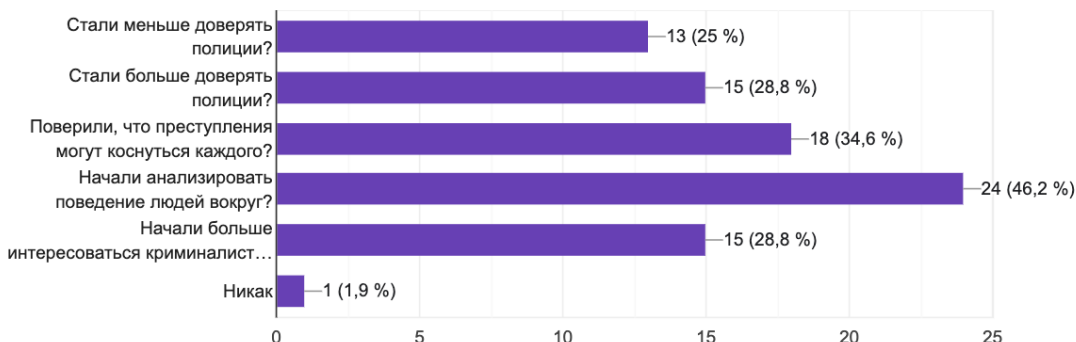

Рис. 9. Распределение по последствиям восприятия.

Ответы респондентов позволяют сделать вывод, что чаще всего слушатели испытывают любопытство и эмоциональное возбуждение. Однако отметим негативное воздействие на эмоциональное состояние. У слушателей повысилась тревога, так как 59,6% респондентов отметили, что стали чаще проверять двери и уделять больше внимания личной безопасности, анализируя поведение окружающих на предмет угроз.

Таким образом, проведенный опрос показал, что тру-крайм не только вызывает яркие эмоции, но и меняет модель поведения человека. Хотя и наблюдается явный перевес аналитического интереса над развлекательным, негативных последствий это не исключает. Сознательный подход к просмотру не защищает респондентов от повышения тревожности.

Очевидно, что в жанре тру-крайм невозможно избежать чувствительных тем – они диктуются реальными событиями. Многие специалисты считают, что тру-крайм контент романтизирует преступников, что может привести к их героизации в глазах аудитории. Именно поэтому практически все подкасты публикуется с пометкой 18+, ведь подобная информация может негативно сказаться на формирующейся психике. Однако считаем важным отметить, что данный формат развивается с соблюдением этических требований. Нейтральная, беспри-

страстная позиция создателей контента, отказ от навязывания оценок и предоставление аудитории возможности самостоятельного анализа свидетельствуют о формировании ответственного подхода к производству тру-крайм подкастов.

Мы можем сделать вывод, что, несмотря на нейтральную позицию повествования авторов и аналитический подход слушателя, тру-крайм может иметь негативные последствия для эмоционального и психического состояния слушателей. Развлекательный подкаст в жанре тру-крайм, также как и фильмы ужасов, необходимо потреблять нерегулярно, чтобы не столкнуться с ростом общей тревожности и недоверия к окружающим.

Анализ научно-популярных подкастов основывается так же на результатах исследования, проведенного в форме анкетирования. Опрос был опубликован в сообществах ВКонтакте, посвященных научно-популярным подкастам. Нам удалось собрать 43 ответа.

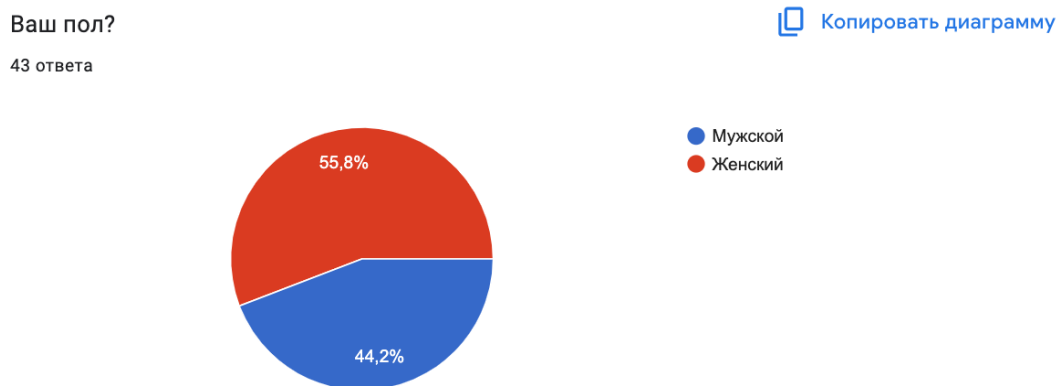

Рис. 10. Разделение аудитории подкастов жанра научпоп по полу.

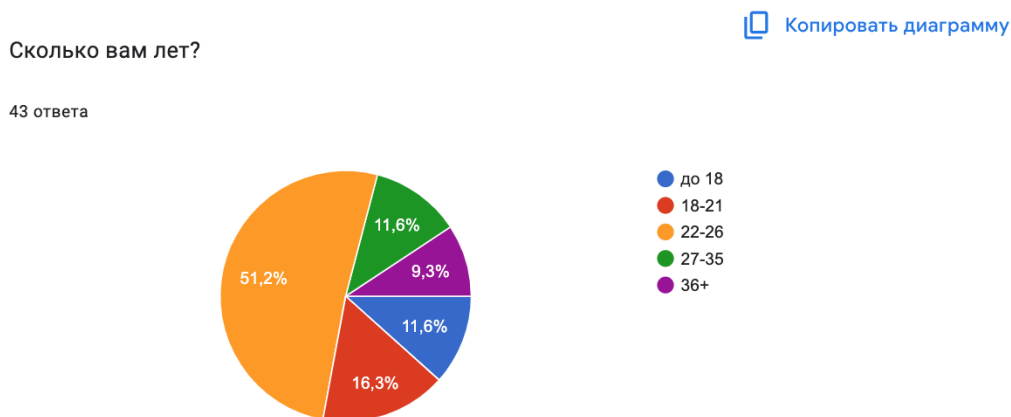

Рис. 11. Распределение по возрасту.

Из анализа вопросов демографического характера мы можем сделать вывод, что женская аудитория несколько превалирует над мужской, а возраст аудитории в основном – 22-26 лет.

[Копировать диаграмму](#)

Какой у вас род занятий ?

43 ответа

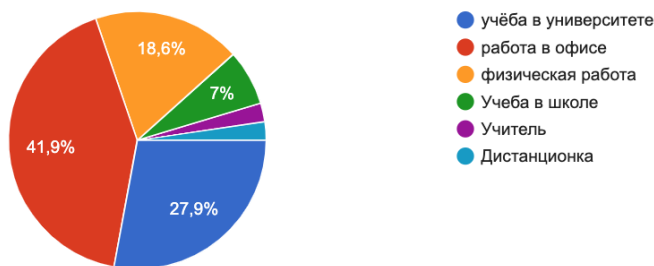

Рис. 12. Распределение по роду занятий.

Большую часть аудитории составляют работающие люди. Студенты и школьники также присутствуют, но их доля значительно меньше.

В ходе исследования были заданы вопросы, чтобы определить интересы аудитории и выявить, почему они выбирают именно этот формат подкастов. По мнению респондентов, наибольший интерес вызывают тема психологии и саморазвития. В то же время основным мотивом для просмотра, по мнению 51,2% респондентов, является легкость восприятия информации.

Оценить эффект от потребления контента научно-популярных подкастов нам помогли ответы респондентов, представленные далее.

[Копировать диаграмму](#)

Какие эмоции у вас вызывает подкаст?

43 ответа

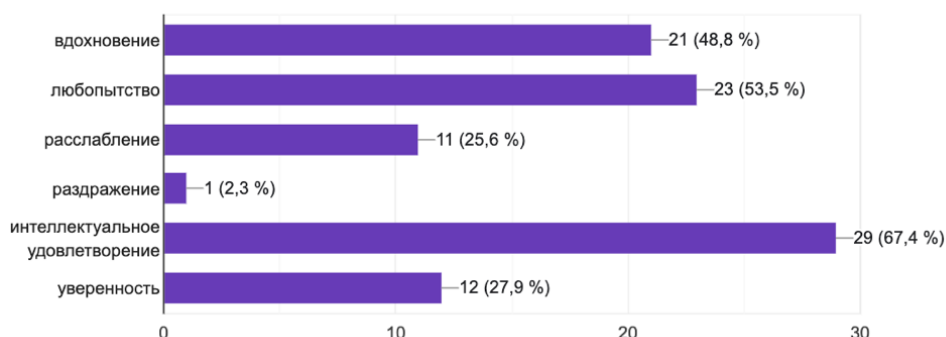

Рис. 13. Распределение по эмоциональному отклику.

Чувствуете ли вы, что после прослушивания подкаста узнали что-то новое?

[Копировать диаграмму](#)

43 ответа

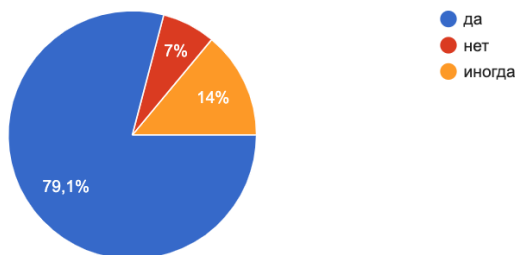

Рис. 14. Распределение по познавательному эффекту.

Побуждает ли он вас к дальнейшему изучению темы (например, поиску книг, статей, курсов)?

[Копировать диаграмму](#)

43 ответа

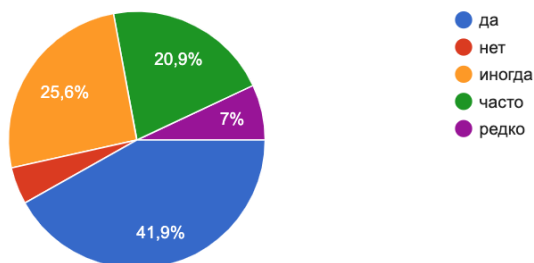

Рис. 15. Распределение по мотивационному эффекту.

Меняет ли подкаст ваше отношение к каким-то темам или взгляды на жизнь?

[Копировать диаграмму](#)

43 ответа

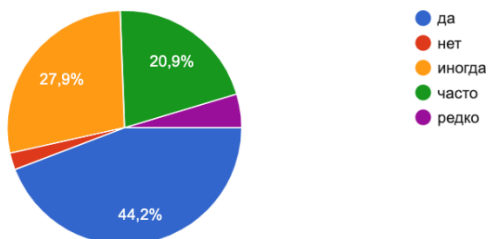

Рис. 16. Распределение по преобразованию мировоззрения.

Данные диаграмм отражают факт положительного влияния подкастов в жанре научпоп на слушателей. В основном (67,4%) испытывают интеллектуальное удовлетворение. А 79,1% опрошенных отмечают, что узнают что-то новое для себя. Приведенная статистика свидетельствует о познавательной ценности научно-популярных подкастов. 87,6% опрошенных подкасты не только передают информацию, но и мотивируют к дальнейшему самостоятельному изучению темы. А 93% даже отмечают, что подкасты меняют их взгляды на жизнь или отношение к определенным темам. Следовательно, мы можем сделать вывод, что образовательные подкасты оказывают положительное влияние на аудиторию, мотивируя потребителей такого контента на поиск знаний, просвещая и вдохновляя на саморазвитие.

Таким образом, сравнивая два столь непохожих направления информационно-развлекательного подкаста, мы можем сделать вывод о том, что, используя схожие механизмы, можно оказывать различное влияние на аудиторию. Трудно-край может быть опасен для эмоционального состояния слушателей в долгосрочной перспективе, а образовательный контент имеет только позитивный эффект, вдохновляя на дальнейшее изучение той или иной темы. Сравнив подкасты «Трасса 161» и «Хакни мозг», можно выделить их сходства и различия. Оба подкаста опираются на факты, но по-разному взаимодействуют с аудиторией. «Трасса 161» воздействует через эмоции и интригу, а «Хакни мозг» – через логику и практическую пользу. При этом оба представляют информацию слушателю и развлекают его. Данные подкасты являются яркими примерами конвергенции. Они показывают, как аудиоконтент может адаптироваться под разные форматы – от расследования преступлений до объяснения работы мозга. При этом они сохраняют ключевые преимущества подкастов: мобильность, разнообразие контента, доступность, эффект «личного присутствия», информативность. Именно это делает их образцовыми примерами в нише информационно-развлекательных подкастов.

Библиографический список

1. Яшвили В.Г. Реализация культурно-просветительской функции в подкастах // Международный научный журнал «Слово в науке», спецвыпуск 2023. С. 28-37.
2. Русяева А. С. Бизнес-подкаст как современный жанр экономического дискурса // Огарёв-online. 2025. Т. 13, № 1. С. 37-43.
3. Ускова С.В., Казаков Д.А. Подкаст как новый феномен образовательной коммуникации: общий анализ факторов содержания, формы и адресата // Сибирский филологический форум, 2025. С. 56-70.
4. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики: Учебник для студентов вузов / 8-е изд., М.: Москва: Аспект Пресс, 2011. 351 с.
5. Бугакова Н.Б., Клепов М.Д. Современная поп-культура как отражение духовности молодёжи (на материале подкастов) // Дух, душа и тело в мировой культуре. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж, 2024. С. 33-35.
6. The impact of podcasts on traditional media [Электронный ресурс] // Podcasting. Режим доступа: <https://www.podcastinc.io/post/the-impact-of-podcasts-on-traditional-media>, свободный (дата обращения: 18.03.2025).
7. Подкаст «Трасса 161» // Яндекс Музыка. Режим доступа: <https://music.yandex.ru/album/8166480>, свободный (дата обращения: 13.03.2025).
8. Подкаст «Хакни мозг» // Яндекс Музыка. Режим доступа: <https://music.yandex.ru/album/19760408>, свободный (дата обращения: 15.03.2025).
9. Загребельный Н.А. Факторы популярности современного подкастинга // Современные медиакommunikационные практики в цифровом мире. Пятигорск, 2024. С. 33-36.
10. Хохлушина Е.В. Подкастинг в обучении: дидактические свойства и функции // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. №4.

11. Петрова Е.Ю. Использование подкастов в образовательном процессе // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2013. С. 96-100.

References

1. Yashvili V.G. Implementation of the cultural and educational function in podcasts // International Scientific Journal "Word in Science," special issue 2023. S. 28-37.

2. Rusyaeva A. S. Business podcast as a modern genre of economic discourse // Ogaryov-online. 2025. T. 13, NO. 1. S. 37-43.

3. Uskova S.V., Kazakov D.A. Podcast as a new phenomenon of educational communication: a general analysis of the factors of content, form and addressee//Siberian Philological Forum, 2025. S. 56-70.

4. Prokhorov E.P. Introduction to the theory of journalism: Textbook for university students/8th ed., M.: Moscow: Aspect Press, 2011. 351 pp.

5. Bugakova N.B., Klepov M.D. Modern pop culture as a reflection of the spirituality of youth (based on podcasts) // Spirit, soul and body in world culture. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh, 2024. S. 33-35.

6. The impact of podcasts on traditional media [Electronic resource] // Podcasting. Access mode: <https://www.podcastinc.io/post/the-impact-of-podcasts-on-traditional-media>, free (access date: 18.03.2025).

7. Podcast «Route 161» // Yandex Music. Access mode: <https://music.yandex.ru/album/8166480>, free (access date: 13.03.2025).

8. Podcast «Hackney Brain» // Yandex Music. Access mode: <https://music.yandex.ru/album/19760408>, free (access date: 15.03.2025).

9. Zagrebelny N.A. Factors of popularity of modern podcasting // Modern media communication practices in the digital world. Pyatigorsk, 2024. S. 33-36.

10. Khokhlushina E.V. Podcasting in training: didactic properties and functions // Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication. 2010. №4.

11. Petrova E.Yu. The use of podcasts in the educational process // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philology. Language theory. Language education. 2013. S. 96-100.

ЯЗЫК СМИ LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 81'282.8

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.027

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации*

Кузьминых Е.О.

Россия, г. Воронеж,

e-mail: elshka-82@yandex.ru,

тел. +7(900) 928-52-23

*Voronezh State Technical University
the chair of Russian language and
cross-cultural communication,
PhD, associate professor*

Kuzminykh E.O.

Russia, Voronezh,

e-mail: elshka-82@yandex.ru,

тел. +7(900) 928-52-23

*Воронежский государственный
технический университет
студентка 4 курса
направления «Журналистика»*

Андреева А.А.

Россия, г. Воронеж

e-mail: andreewaanna56@gmail.com

*Voronezh State Technical University
The faculty of journalism,
4th year student*

Andreeva A.A.

Russia, Voronezh

e-mail: andreewaanna56@gmail.com

Е.О. Кузьминых, А.А. Андреева

ЛЮБИТЕЛЬСКИЕ ОТЗЫВЫ К ЭКРАНИЗАЦИИ М. ЛОКШИНА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» КАК СПОСОБ ЕЕ ОЦЕНКИ

Настоящая статья посвящена изучению любительских отзывов на экранизацию М. Локшина «Мастер и Маргарита» как способа ее оценки. Материалом исследования послужили реакции кинолюбителей на сайте «Киноафиша» на фильм «Мастер и Маргарита». В ходе анализа выявлено соотношение рационального и эмоционального компонентов в непрофессиональных отзывах на фильм и зафиксирована преобладающая роль последнего. Охарактеризована специфика оценки в нейтральных, положительных и отрицательных отзывах на экранизацию М. Локшина «Мастер и Маргарита». Выявлены художественные средства выражения оценки. Определено, что для трансляции эмоциональной реакции на фильм в проанализированных отзывах наиболее часто используется сленговая лексика, графические средства (скобки, смайлики; заглавные буквы, повтор знаков препинания), риторические вопросы и сравнения и т.д. Описаны устойчивые маркеры субъективной оценки экранизации: время, вложенные в производство и потраченные на билет деньги, слезы на глазах, желание пересмотреть фильм и перечитать книгу, апелляция к личному опыту восприятия оригинального произведения и др. Обозначены причины и особенности полярных характеристик, данных экранизации зрителями. Зафиксировано наличие противоположных взглядов на фильм у женщин и мужчин, определены критерии их восприятия данного фильма: женские отзывы часто эмоциональны и содержат больше деталей, изобилуют художественными средствами, ориентированы на диалог с читателем, в них преобладает оценка эстетики фильма, сделан акцент на визуальном впечатлении от картины. В мужских отзывах преобладает оценка его нехудожественной составляющей, описаны технические способы создания фильма: качество съемки, визуальные эффекты, динамика развития сюжета, скорость смены событий. На основе проведенного анализа любительских отзывов к экранизации романа «Мастер и Маргарита» выявлены такие специфические характеристики любительской кинокритики как эмоциональность, являющаяся следствием преобладания субъективных впечатлений над объективным анализом; спонтанность реакции; стилевая неоднородность текстов, субъективность и др.

Ключевые слова: новые медиа, любительская кинокритика, интернет-отзыв, оценка, экранизация, «Мастер и Маргарита».

E.O. Kuzminykh, A.A. Andreeva

AMATEUR REVIEWS ON M. LOKSHIN'S FILM ADAPTATION OF "THE MASTER AND MARGARITA" AS A WAY TO EVALUATE IT

This article is devoted to the study of amateur reviews of M. Lokshin's film adaptation "The Master and Margarita" as a way to evaluate it. The research material was the reactions of film enthusiasts on the Kinoafisha website to the film "The Master and Margarita". The analysis revealed the ratio of rational and emotional components in non-professional reviews of the film and identified the predominant role of the latter. The article describes the specifics of evaluation in neutral, positive and negative reactions to M. Lokshin's film adaptation of "The Master and Margarita". The artistic means of expressing appreciation are revealed. It was determined that slang vocabulary, graphic means (brackets, emoticons, capital letters, repetition of punctuation marks), rhetorical questions and comparisons are most often used in the analyzed reviews to convey an emotional reaction to the film. Stable markers of the subjective assessment of the film adaptation are described: the time invested in production and the money spent on the ticket, tears in the eyes, the desire to review the film and re-read the book, an appeal to the personal experience of perceiving the original work, etc. The reasons and features of the polar characteristics given to the film adaptation by the audience are outlined. The presence of opposing views on the film among women and men is recorded, criteria for their perception of this film are determined: women's reviews are often emotional and contain more details, abound in artistic means, are focused on dialogue with the reader, they are dominated by an assessment of the aesthetics of the film, emphasis is placed on the visual impression of the picture. Men's reviews are dominated by an assessment of its non-fiction component, describing the technical ways of creating a film: the quality of shooting, visual effects, the dynamics of the plot, the speed of change of events. Based on the analysis of amateur reviews and comments on the film adaptation of the novel "The Master and Margarita", such specific characteristics of amateur film criticism as emotionality, which is a consequence of the predominance of subjective impressions over objective analysis; spontaneity of reaction; stylistic heterogeneity of texts, subjectivity, etc. are revealed.

Keywords: new media, amateur film criticism, online review, evaluation, film adaptation, "The Master and Margarita".

Произошедшая в конце XX века цифровая революция привела к появлению новых сетевых и информационных инструментов, изменивших функционирование СМИ и сетевых коммуникаций. Новейший цифровой формат существования средств массовой информации в сети Интернет, а также способ распространения контента и формы коммуникации получили название «новые медиа». Как отмечает С. Г. Носовец, «...ключевой характеристикой, объединяющей весь объем явлений, которые попадают под характеристику “новых медиа”, является их связь с цифровой средой» [1; с. 40]. По мнению Р. Ноймана, «новые медиа» – это «формат существования средств массовой информации, которые постоянно доступны на цифровых устройствах и подразумевают активное участие пользователей в создании и распространении контента» [2]. Таким образом, в рамках «новых медиа» рядовой пользователь сети становится не только потребителем контента, но и его создателем.

Появление «новых медиа» дало возможность широкого освещения различных сторон жизни общества, затронув сферу культуры (в том числе область кино). Поскольку сегодня каждый человек, имеющий выход в Интернет, может стать зрителем любого фильма, а их выбор широк, востребованной оказывается «не столько оценка фильма, базирующаяся на анализе, сколько рекомендация, выраженная количественными характеристиками: мнение большинства, бюджет, место в рейтинге, топе, маркеры реляционных элементов» [3; с. 73]. Согласно наблюдениям А. В. Манаковой, исследовавшей особенности потребления новостей о кино в сети, «при чтении рецензий пользователи отдают предпочтение отзывам обычных зрителей на специализированных сайтах, нежели профессиональных кинокритиков СМИ, что можно объяснить нежеланием читать статьи, созданные критиком, в силу двух причин: восприятие образа кинокритика как человека с высокопарным слогом, не доступным простым читателям, и восприятие статей как заказных от прокатчиков» [4; с. 68]. Можно говорить о том, что любительская критика, становится важным индикатором зрительских предпочтений и позволяет выявить критерии оценки художественных фильмов массовым зрителем.

Особый интерес представляет анализ любительских отзывов об экранизациях литературных произведений, которые неоднозначно воспринимаются и оцениваются потребителем. Это связано с тем, что экранизации литературных произведений представляют собой перевод текста художественного произведения в визуальную форму, который невозможен без трансформации исходного текста, его адаптации и переосмысления. Как следствие, качество получившегося кинопродукта становится причиной дискуссий на специализированных платформах, где любой желающий может разместить рецензию или отзыв, отражающие его субъективное мнение о фильме и дающие оценку. Оценка в отзывах о кинофильмах, как правило, имеет яркую и экспрессивную форму (особенно наглядно это проявляется в непрофессиональных текстах), содержит отсылки к личному опыту, что способствует «формированию пользовательского спроса и созданию доверительного отношения к представленной информации». В научной литературе выделяют несколько видов оценок: «рациональные, эмоциональные и промежуточные эмотивно-интеллектуальные, которые в свою очередь подразделяются на этические, эстетические и функциональные» [5; с. 63].

В качестве материала для анализа в данной работе использованы любительские отзывы об экранизации «Мастер и Маргарита» (2024 г.), для анализа которых нами была выбрана специализированная платформа «Киноафиша», где по данным на 02.05.2025 года фильм набрал 237 отзывов (130 положительных, 87 негативных и 10 нейтральных) [6].

Поскольку фильм М. Локшина вызвал ожесточенные споры среди зрителей, подавляющее большинство отзывов следует отнести к эмоциональным, а треть обозначить как эмотивно-интеллектуальные, где объектом оценки стали «этическая и эстетические стороны фильма».

Большинство нейтральных отзывов принадлежит мужчинам, их особенностью является преобладание рациональной составляющей над эмоциональной оценкой. Зрители, написавшие данные отзывы, получили смешанные впечатления от фильма и не смогли однозначно выделить его положительные и отрицательные стороны: «Всё средне, глаз и душу не цепляет»; «От фильма не осталось ни плохих, ни хороших впечатлений», «Фильм понравился. Снято конечно хорошо, просто отлично. А вот подбор актёров немного не то. А в целом отлично» [6] и т.д.

Основные оценки, преобладающие в данном типах отзывов: «фильм неплохой», «в целом отлично», «зрелищно», «один раз посмотреть можно», «смотреть интересно», «интересная интерпретация», «интересная игра актеров», «фильм с душком» [6]. Наиболее частотным эпитетом, используемым авторами данных отзывов является «интересный». Полагаем, что в большинстве проанализированных контекстов он указывает не на положительные впечатления, а выражает неоднозначное отношение к фильму и отсутствие у критикующего профессиональных навыков, чтобы дать данной экранизации профессиональную оценку.

Эмоциональная часть рассматриваемых отзывов чаще всего содержит указание на следующие недостатки фильма: операторская работа («Такое ощущение что там снимали с функцией на камере, Портретное фото, позади актеров фон постоянно размыт и это просто ужас!!!»), подбор актеров и несоответствие их амплуа роли в фильме («Режет глаза, что Август Диль ну никак не тянет на роль дьявола», «никак не могу отвязаться в своём представлении об Августе Диле - от привязавшегося к нему амплуа гадкого фашиста из "Бесславных ублюдков" Тарантино, где его роль была просто гениальна») [6].

Рациональный компонент включает сопоставление оригинального текста с экранизацией («из минусов - вырезаны в огромном количестве "детали" и добавлены уже "видение" сценаристов, режиссеров»; Если говорить о сюжете - создатель отошёл от романа Булгакова и что называется "проявил авторский вымысел»; Мягко говоря, много отступлений от самого романа М. Булгакова») [6], критику режиссерского восприятия исторических событий и т.д.

Как правило, в рациональной части подобных отзывов авторы пытаются аргументировано размышлять об особенностях фильма, обнаруживая обширный кругозор и знания из истории кино, например: «Есть мелкие ляпы: московские милиционеры в шапках как у английских "бобби";

Понтий Пилат произносит речь наверху "римской" постройки, которая откуда-то взялась в иудейском Ершалаиме»; «Соглашусь с тем что ругают все: из фантастической Москвы сделали Готэм, Коровьев вдруг стал Джокером и Битлджусом»; «амплуа гадкого фашиста из "Бесславных ублюдков" Тарантино» [6].

В тех частях нейтральных отзывов, где появляются отрицательные характеристики экранизации, преобладают ярко выраженные эмоциональные оценки, для ввода которых используется сниженная лексика, просторечные выражения, эпитеты с негативной коннотацией: «работа камеры это просто жесть!!!», «мелкие ляпы», «я думал у меня глаза сломаются от этого», «лихо «превзошел» отвратительный сериал Кары» [6].

Охарактеризовав нейтральные любительские реакции на фильм, перейдем к рассмотрению отрицательных и положительных отзывов.

В качестве наиболее частотных негативных характеристик чаще всего использовали следующие лексемы: «шлак», «уродство», «пошлая китчевая подделка», «примитивный», «галимаття», «отстой», «тухлятина», «шедевр», «омерзительная подделка» [6] и т.д. Стоит отметить, что наиболее частотной формой оценки данной экранизации была лексема «подделка» (в значении ненастоящий, фальшивый). В качестве произведений оригинальных, с которыми сравнивался данный фильм, были использованы текст романа М.А. Булгакова и предыдущие экранизации, наиболее популярным из которых является многосерийный фильм В.В. Бортко, привлечший зрителя полнотой передачи сюжета: «Локшин мизинца Бортко не стоит. Гнусный, бездарный, гунявый бездарь», «После просмотра сериала 2005 года на этот вообще не стоит тратить время», «Если смотрели сериал, то лучше не ходите»). В отрицательных рецензиях многократно упоминается о том, что режиссер («извратил сюжет», «изуродовал произведение», «исковеркал книгу», «От самого великого произведения разве что следы... Примерно, как следы бекона в чипсах с ароматом бекона») [6] Те из зрителей, которые имели представление о желании автора снять фильм «по мотивам», упрекали его в том, что его интерпретация не раскрывает в произведении ничего нового. Стоит отметить, что, давая негативную характеристику фильму, критики-любители апеллировали к авторитету автора художественного текста, обвиняли М. Локшина в неуважении к М. Булгакову: «Тем, кто уважает Булгакова, лучше не смотреть эту галиматю», «Кто любит Булгакова не идите», «Худшей экранизации и трудно представить. Зря потраченное время и деньги. Это не Булгаков. Это полный трэш» [6].

Помимо несоответствия оригиналу в качестве недостатков экранизации были отмечены: атмосфера фильма («мрачный», «гнетущий», «тяжелый», «Не атмосферный: минус вайб»); бюджет (На это было потрачено 1.2 ярда!!!», «Отвратительно, деньги выброшены нашим государством в...»); неполнота и интерпретация сюжета («очень слабый, миниатюрный сюжет», «все скомкано, не раскрыта сюжетная линия», «Ужасно. Сюжет искаверкан»); игра актеров («игра актеров нулевая», «Бесила игра актеров: удивительно по какой причине в принципе талантливые артисты выдают спектр эмоций в стиле сельского любительского театра», игра какая-то неестественная» и т.д.); компьютерная графика. У ряда авторов вызвал возмущение духовно-нравственный посыл фильма, они посчитали, что данная экранизация пропагандирует суицид и оказывает негативное влияние на молодое поколение («Такое прочтение Мастера и Маргариты, Булгакова, Я считаю неприемлемо! Этот фильм несет Пропаганду Самоубийства (суицида)—преднамеренное прекращение собственной жизни. И многие молодые посмотрев фильм, могут неправильно начать относиться к жизни»), а также искажает исторические факты и имеет политический подтекст: («Наша страна – нечто темно-грязное, везде если не разруха, то какая-то незаконченная стройка») [6].

Характерно, что многие авторы непрофессиональных рецензий, отмечая сокращение сюжета книги, говорили о его «затянутости», поэтому критиковали работу сценариста. Одной из причин негативной оценки данной экранизации стало несоответствие ожиданиям, которые были связаны с воплощением фантастической части сюжета, реалий фильма: «Ожидал что либо эффектное, но к сожалению не произвело тех ожиданий»; «Ожидали гораздо лучшего!!!» [6]. По результатам анализа отрицательных отзывов к экранизации романа можно сделать вывод, что зритель не очень

высоко оценил его, поскольку не знаком с биографией М.А. Булгакова, ставшей важной частью сюжета.

Если говорить о положительных отзывах, то здесь наиболее часто при оценке экранизаций использовались такие характеристики как «великолепный», «лучшее прочтение», «прекрасный фильм», «атмосферный», качественно сделанный», «роскошный», «ошеломительный» [6].

В качестве привлекательных моментов фильма в таких отзывах чаще всего называлась эстетика («Фильм снят роскошно. В истории, где участвует Воланд было бы странно обойтись без спецэффектов». «Визуал на уровне, пищать хотелось от качества картинки!!!!»), «Анимация бегемота огонь!»); игра и подбор актеров («Актеры Маргарита и Воланд, их игра понравилась больше всех!» «Мастер и Маргарита в десятку, Цыганов – ироничный, Снегирь тоже точно уловила свою игру»); режиссерская работа («С режиссёрской точки зрения то, как был скомпонован и смонтирован сложный материал романа, – находка. Получилось мощно и красиво») [6]; наличие подтекста и глубина содержания.

Как положительные, так и отрицательные любительские отзывы и рецензии на данную экранизацию содержат устойчивые маркеры субъективной оценки фильма. В отрицательных рецензиях качество фильма оценивалось зря потраченным временем и деньгами, отсутствием желания пересмотреть, способностью досмотреть до конца, наполненностью зала и незаинтересованностью зрителей в происходящем на экране: «Настоятельно не рекомендую тратить время и деньги на просмотр этого фильма», «Ползала сидело уткнувшись в телефоны», «Жаль потраченного времени и денег!», «Стопудово не из тех, что стану пересматривать» и т.д. В положительных отзывах такими маркерами стали желание пересмотреть фильм и перечитать книгу, чтобы по-новому взглянуть на произведение, слезы, появившиеся на глазах, реакции, сопоставимые с восприятием театральной постановки: «Глубокий смысл, прекрасно подобраны актёры! С удовольствием посмотрю ещё раз», «Хотелось кричать браво», «Хотелось аплодировать», «Великолепный роман и великолепная экранизация, непередаваемые эмоции и послевкусие, снова хочется перечитать» [6].

Одной из особенностей непрофессиональных отзывов на данную экранизацию является подчеркивание в них субъективности восприятия за счет акцента на личном впечатлении, которое чаще всего маркируется местоимением «я»: «Я думал у меня глаза сломаются от этого», «у меня фильм оставил недоумение - зачем вообще его снимали»; «Я считаю, что это имеет место быть, так как режиссёр имеет право создавать произведение так, как ему видится...», «Я ждала чего-то грандиозного», «Лично мне не хватило в этом фильме самого М. Булгакова» и т.д [6].

Помимо этого нельзя не отметить, что в любительских отзывах наблюдается и обратная тенденция: желание солидаризироваться с другими зрителями, которые высказывают схожую оценку, что зачастую выражается с помощью местоимения «мы»: «Ходили 3-мя парами - и у всех нас мнение соответствующее одинаковое»; «Как и многие, ушли примерно на середине сего фильма», «Мы с женой провели время чудесно, ни чуть не жалею» [6].

Большинство рассмотренных отзывов содержат яркую эмоциональную оценку, которая транслируется с помощью сленговой лексики: «крипота сплошная, а не фильм» «Что за паль сейчас в кино крутят?», «Я ору»)), такого позора еще нигде не видел». Помимо этого авторы рецензий часто применяют скобки, которые сами по себе негативной и позитивной оценки не несут, но в исследуемых контекстах придают сообщению оттенки сарказма или крайнего восторга; смайлики; заглавные буквы (Так исковеркать хорошее произведение НАДО ЕЩЕ ПОСТАРАТЬСЯ); повтор знаков препинания («Лопни мои глаза!!!!!! Локшин книгу то хоть читал? Что он там наснимал? Такое ощущение, что режиссер подслушал случайно где то в пивной, рассказ одного пьяного, другому! Фильм полное дерьмо!!!!!!); риторические вопросы («О чем этот фильм? Что режиссер хорошего сделал?» и т.д.); образные сравнения («Какая виртуозная работа. Он зазвучал как старинная скрипка, которой натянули современные струны»). Для выражения недоумения часто используется многоточие и парцелляция (Я ушел после первого часа...; Очень. Очень. Будоражающий. Фильм. Я. Еле. Еле. Досмотрел. До. Конца), ироничное отношение выражается при помощи кавычек, меняющих значение слова на противоположное («шедевр») [6] и т.д.

Интересной формой выражения отношения к фильму в непрофессиональных отзывах являются сравнения с кинематографическим эталоном и указание на максимально возможное числовое и знаковое обозначение степени оценки, принятой на специализированных киноплатформах: «фильм чистый Голливуд», «10/10», «пять звезд» [6].

Анализ отзывов и рецензий к данной экранизации показал наличие полярных оценок у представителей противоположного пола. Разница между реакциями мужчин и женщин проявлялась в нескольких категориях: стиль общения, содержательность, темы, эмоциональное воздействие и т.д.

Так, например, при положительной оценке мужчины характеризовали качество анимации и спецэффектов, при отрицательной – сравнивали бюджет фильма и итоговый результат, при нейтральной – уделили внимание режиссерским особенностям восприятия сюжета книги «Мастер и Маргарита» и авторским находкам. Женщины при положительной оценке характеризовали образы героев, при негативной и нейтральной – соответствие фильма тексту.

Проанализировав отзывы и комментарии, принадлежащие женщинам, мы выявили характерные для данной группы зрителей особенности восприятия фильма и его оценки. Оказалось, что девушки оценивают фильм с эстетической точки зрения и акцентируют внимание на визуальном впечатлении от картины. Женские комментарии часто эмоциональны и содержат больше деталей, чем мужские, они используют разнообразные художественные средства при описании реакции на экранизацию и стремятся установить эмоциональную связь с собеседником.

Мужчины при оценке фильма опирались на другие критерии. Оказалось, что для многих мужчин важна динамика развития сюжета, часто они оценивают скорость смены событий, отмечают качество и количество экшн-сцен: «Душный фильм», «Два часа впустую..», «как же нудно и долго всё». В тех отзывах, где присутствовала положительная оценка, мужчины говорили об эстетической составляющей фильма, обозначенной ими лексемой «атмосфера»: «Крутой блокбастер со своей атмосферой и стилем»; «Здорово воссоздали атмосферу прошлых лет» [6] и т.д.

Для мужчин оказался важен не столько сюжет фильма, но, в первую очередь, его техническое исполнение: качество съемки, визуальные эффекты: «Офигенная картинка!! Да и музыка ниче»; «эффекты вау, я впечатлен»; «Музыка кринж, но картинка пойдет»; «Что за крипповые анимации» [6].

Важной особенностью мужских комментариев является то, что в них преобладает оценка его нехудожественной составляющей. Например, довольно большое количество отрицательных мужских отзывов включало в себя политическую оценку экранизации. Так, многие зрители указывали на то, что фильм сделан по западным лекалам. При этом, по мнению зрителей-мужчин, негативной составляющей фильма является его вторичность по отношению к западным кинокартинам: «Уже по трейлеру было понятно, что «картинка» вдохновлена последними фильмами «Гарри Поттера» своей мрачной атмосферой» [6].

Проведенный анализ любительских отзывов на экранизацию романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» режиссера М. Локшина позволил не только выявить ключевые особенности восприятия фильма зрителями, но и обозначить некоторые особенности любительской кинокритики в целом. Несмотря на то, что в части любительских отзывов, как и в профессиональной кинокритике, наблюдается стремление к многоаспектному анализу, присутствуют идеологические и эстетические компоненты оценки, используется профессиональная лексика, большинство из них имеет черты, позволяющие говорить о любительской кинокритике как об особом явлении. Так, в качестве основных характеристик непрофессиональной кинокритики следует назвать:

- эмоциональность – преобладание субъективных впечатлений над объективным анализом;
- спонтанность реакции, проявляющаяся в отсутствии четкой композиции и структуры текст отзыва;
- стилевую неоднородность: в отзывах равноправно присутствуют как профессиональные термины, так и сленговые слова, сниженная лексика и т.д.;

- субъективность – маркерами оценки художественной ценности экранизации являются время, вложенные в производство и потраченные на билет деньги, слезы на глазах, желание пересмотреть фильм и перечитать книгу,

- апелляция к личному опыту восприятия оригинального произведения (знак оценки часто является следствием соответствия/несоответствия экранизации ожиданиям зрителя, обусловленным индивидуальным пониманием сюжета и представлением образов героев).

Критики-любители стремятся подчеркнуть независимость оценки, для чего используют местоимение я, при этом в ряде отзывов наблюдается и противоположная тенденция – стремление солидаризироваться с мнением значимого окружения, данный эффект достигается благодаря использованию различных форм местоимения «мы».

Библиографический список

1. Носовец С.Г. Новые медиа: к определению понятия // Коммуникативные исследования. 2016. № 4 (10). С. 39-47.
2. Никитенко, В. Сравнительный анализ понятий «новые медиа» и «социальные медиа» / Киберленинка : [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-ponyatiynovye-media-i-sotsialnye-media/viewer> (дата обращения: 08.08.2025)
3. Тяжлов Я.И. Актуальные формы медиатекстов, посвященных кино: жанровые и языковые тенденции // Медиалингвистика. 2016. № 2 (12). С. 71-80.
4. Манахова А.В. Особенности потребления новостей о кино в интернете // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2016. № 3. С. 57-69.
5. Кузьминых Е.О., Андреева А.А., Паршикова А.Д. Отражение художественной ценности экранизации романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в интернет-комментариях // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 2(53). С. 61-67.
6. Киноафиша: официальный сайт URL: <https://www.kinoafisha.info/movies/8365280/comments/> (дата обращения - 02.05.2025).

References

1. Nosovets S.G. New media: towards the definition of the concept // Communicative research. 2016. No. 4 (10). P. 39-47.
2. Nikitenko, V. Comparative analysis of the concepts of "new media" and "social media" / Cyberleninka : [website]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-ponyatiynovye-media-i-sotsialnye-media/viewer> (date of request: 08/08/2025)
3. Tyazhlov Ya.I. Actual forms of media texts devoted to cinema: genre and linguistic trends // Media linguistics. 2016. No. 2 (12). P. 71-80.
4. Manakhova A.V. Peculiarities of movie news consumption on the Internet // Vestn. Moscow time. Uni. Ser. 10. Journalism. 2016. No. 3. P. 57-69.
5. Kuzminykh E.O., Andreeva A.A., Parshikova A.D. Reflection of the artistic value of the film adaptation of A.S. Pushkin's novel "Eugene Onegin" in Internet comments // Actual issues of modern philology and journalism. 2024. No. 2(53). P. 61-67.
6. Film poster: official website URL: <https://www.kinoafisha.info/movies/8365280/comments/> / (date of request - 05/02/2025).

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ **EVENTS AND REVIEWS**

УДК 80+82-131

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.028

*Воронежский государственный
технический университет
Доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Ковалева Л.В.
Россия г. Воронеж
e-mail: kafedra_rus@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and cross-
cultural communication
Doctor of Philology,
full professor
Kovaleva L.V.
Russia, Voronezh,
e-mail: kafedra_rus@mail.ru*

Л.В. Ковалева

КОГНИТИВНАЯ ТЕОРИЯ ЯЗЫКА: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ (обзор монографии Л.А. Манерко)

L.V. Kovaleva

COGNITIVE THEORY OF LANGUAGE: PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS AND DIRECTIONS OF RESEARCH (review of L.A. Manerko's monograph)

В 2024 году вышла в свет монография доктора филологических наук, профессора МГУ Л.А. Манерко «Когнитивная теория языка». Свою работу автор начинает с истории становления когнитивной теории языка. Этой проблеме посвящена первая глава монографии. Ученый считает, что когнитивная лингвистика представляет собой особое направление в языкознании, которое занимается не только описанием языка, но исследует процессы протекания познавательной деятельности в мозгу человека в момент его речи. История лингвистики, как считает автор, насчитывает не одно тысячелетие. Еще в античный период философы задумывались, как возникают мысли, как человек познает окружающую действительность. Анализируются высказывания Платона, Аристотеля, Декарта и других философов Античности, которые считали, что постоянный опыт взаимодействия человека с окружающей средой предопределяет природу деятельности мозга как вместиллица знаний.

Английский философ Джон Локк считал, что знания, формирующиеся из непосредственного наблюдения природы, рождаются из ощущений и восприятия внешних чувственных объектов и затем последующей рефлексии в мозгу человека во внутренних (ментальных) операциях. Дж. Локком была подмечена важная мысль, что слова и выражения являются знаками идей, воплощенных в мозгу человека. Американский лингвист П. Хардер называет поворот к когнитивной лингвистике неизведанной перспективой, сочетающейся с тщательной научной точностью. Такое научное движение Л.С. Манерко называет «трансформационным поворотом» [1]. Это послужило развитию новых когнитивных наук – психолингвистика, когнитивная психология, концептология, антропология, область искусственного интеллекта и др. Для когнитивной

стов характерно совершенно иное видение лингвистики, совершенно иное осмысление человеческого познания мира, «пропущенное через мысли и чувства индивида» [2]. Ученые-когнитологи считают, что познавательную функцию мозга необходимо изучать только на основе языка. Особенностью когнитивного направления в языке является междисциплинарность.

Автор монографии останавливается на рассмотрении учения А.А. Потебни, который считал, что «внешняя форма слова проникнута объективной мыслью» [3]. Развитию когнитологии способствовали русские ученые, такие, как Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев.

Рассуждая о когнитивной лингвистике, автор считает, что в нее входит целый ряд различных проблем, например, взаимоотношение языка и мышления, языка и картины мира, языка и сознания, языка и общества, языка и культуры. Еще одна особенность когнитивной лингвистики заключается в том, что без личности не может быть познания окружающей среды. Поэтому ученые считают, что именно личность участвует в познании мира, формирует представление о нем, опосредуемое ментальными процессами при помощи категоризации и концептуализации мира. Ю.Н. Караулов отмечал, что «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [4].

Известно, что человек мыслит концептами. На это указывают как русские, так и зарубежные исследователи. Американские лингвисты Дж. Лакофф и М. Джонсон исследуют процесс концептуализации посредством описания метафор в английском языке. Они приходят к выводу, что развитие познания человека происходит на основе концептуальной метафоры, что открывает новые перспективы в понимании языковой личности, которая раскрывается в процессе коммуникации. [5].

Переход человечества в третье тысячелетие ставит перед учеными новые задачи. Например, такое направление в науке, как синергетика. Данная наука занимается согласованным взаимодействием разных частей при образовании единого целого. Направление «синергетика» возникло в Германии в Штутгартском университете. Разработал ее профессор Г. Хакен. Это слово греческое и означает в переводе на русский язык – соединение, сотрудничество. Е.Н. Князева отмечает, что синергетика вводит новый принцип соединения отдельных частей в целое, тем самым осуществляет более высокий уровень, таким образом осуществляется переход к сверхорганизации [6]. Когнитивная лингвистика так же, как и синергетика, интегрирует знания различных уровней знаний и рассматривает их в связи «человек – объективный мир».

Далее, во второй главе, автор останавливается на понимании категоризации в когнитивной лингвистике. Изучение языковой категоризации – одно из центральных проблем когнитивной лингвистики, которая заключается в существенной связи между тем, что выражено в языке и тем, что скрыто в глубинах сознания [7]. Поэтому можно сказать, что концепт обладает конкретным и абстрактным содержанием. Таким образом, категоризация и концептуализация – явления многоаспектные, включает в себя знания языка и знания окружающей действительности, закрепленной в картине мира. Человек, являясь мыслящим существом, отражая мир в своем сознании, является центром, который воспринимает все, что его окружает, и создает на основе концептуализации картину мира. Американские ученые Р. Джекендофф и Б. Ландау выделяют в мыслительной деятельности несколько основных концептов: thing (объект), event (событие), state (состояние), place (место), path (траектория), property (свойство), amount (количество). Ученые считают, что объект исследования должен рассматриваться прежде всего с геометрических свойств. Они приводят в качестве примера объект самолет, который делится на вертикальную и горизонтальную оси. Если человек находится перед самолетом, то он симметричен. Если же наблюдатель стоит сбоку, то крылья сливаются с самолетом, и он видит продолговатый объект, включающий нос и хвост самолета. Наблюдение возбуждает зрительные нервы, которые формируют концепты. Таким образом, исследования Р. Джекендоффа и Б. Ландау представляют интерес не только для лингвист-

тов, занимающихся в области когнитивной лингвистики, но и для психологов, которые изучают представления и восприятия, происходящих в мозгу человека, постигающего окружающих его объектов [8]. Е.С. Кубрякова отмечает, что «как на основе неких простейших представлений о мире, получивших в языке обозначение ... концептуальная структура начинает исследоваться уже в качестве структуры знания и обогащается по мере осуществления познавательных процессов» [9].

Автор монографии затрагивает вопрос когнитивной семантики, опираясь на функционирование языка в дискурсе и с точки зрения системы представления знания. Когнитивная семантика изучает, как происходят процессы концептуализации и категоризации языка. В связи с этим, изучаются глубинные законы мышления, связанные с психологическими процессами в системе коммуникации. Одним из основных моментов изучения когнитивной семантики стало обращение к образованию метафоры. Известно, что образные выражения служат основой образования метафоры. Ченки писал, что метафора есть «способ думать об одной области через призму другой». Метафора, как указывают ученые, строится на основе аналогии, что дает возможность «увидеть какой-либо предмет или идею как бы в «свете» другого предмета или идеи, что позволяет применить знания и опыт, приобретенные в одной области, для решения проблем в другой области» [10]. Дж.Лакофф приходит при изучении метафоры к выводу, что она не является чисто языковым явлением, а является концептуальным, так как метафора связана с культурно-специфическими моделями и опытом человека. В результате проведенных анализов, исследователи делают заключение, что категоризация и концептуализация являются частью системы знаний человека, рассматриваемой в дуализме «человек - объективный мир» [11].

Автор монографии затрагивает вопрос о «когнитивной карте». Данный термин появился в лингвистике совсем недавно, данная карта очень важна для описания структуры науки. Языковой материал, построенный по принципу когнитивной карты, позволяет рассматривать язык как порождение человеческой мыслью ментальное образование и одну из важнейших систем репрезентации знаний человека.

В третьей главе Л.А. Манерко раскрывает ряд направлений в развитии языка, для чего используются разные методики: теория категоризации, концептуальный анализ, теория концептуальной метафоры, когнитивное картирование и другие. Некоторые из них автор рассматривает подробно. Например, функциональную прагмалингвистику, занимающуюся особенностями построения дискурса. Дискурс, как считает автор, более сложное явление, чем текст. Для анализа дискурса необходимо учитывать замысел говорящего, его интенции, его установки, и тогда можно проникнуть в глубинные смыслы текста. Автор рассматривает также такое направление, как неология. Наука о новых реалиях, которая исследует направления теории номинации, семантику, дискурс. Неология связана с развитием современных социальных отношений, выявлением новой лексики, новых словосочетаний, причиной появления новых языковых средств. Не все новые словарные единицы необходимо включать в словари.

Автор останавливает свое внимание на когнитивной поэтике. Л.А. Манерко считает, что поэтический текст представляет собой особую разновидность художественной литературы, так как поэтический текст отличается спецификой смыслов, чувств и эмоций. Кубрякова рассматривает поэтические тексты с точки зрения результата речемыслительной деятельности, направленную на получение и переработку особого вида информации [12]. На современном этапе большое значение имеет исследование поэтического дискурса, которым должна заниматься, по мнению О.П. Воробьевой, когнитивная поэтика или когнитивная теория изучения литературы. Как отмечает О.П. Воробьева, именно она «служит мощным инструментом раскрытия и объяснения когнитивных процессов и стратегий, лежащих в основе формирования и интерпретации художественного текста как продукта познающего разума» [13].

В 70-х годах XX века тексту было уделено большое внимание. Он рассматривался как завершенность, объективность, литературно обработанность, наличием «лексической, грам-

матической, логической, стилистической связи» [14]. В связи с этим появилось тогда новое направление – лингвистика текста. Сегодня происходит новый поворот в исследовании языка, связанный с разнообразной деятельностью человека и ее влиянием на языковую систему. Речь идет о понятии дискурса как явления, противоположного тексту. Дискурс, по мнению автора, предшествует тексту, что является важным исследованием в области лингвистики дискурса. Изучение дискурса нацелено на выявление цели коммуникации и особенности построения дискурса. К лингвистике дискурса относится также межкультурная коммуникация, взаимодействие людей различных национальностей, разных стран. Изучаются национальные картины мира, репрезентации национального коммуникативного поведения личностей.

Таким образом, дискурс представляет собой комплекс реального речепорождения и в то же время когнитивный процесс выражения, модель ментального пространства. Данную точку зрения разделяли и американские ученые Б. Джозефсон и Д.Блэр: «Наука, имеющая объектом своего изучения естественный язык, должна рассматриваться, по крайней мере, в трех иерархических плоскостях: а) язык и разум (знание) б) знание и структуры сознания (категоризованная информация и концепты), в) информация и знак, не забывая при этом, что адекватное понимание объекта достижимо при целостном подходе к языку» [15]. Текст существует благодаря дискурсу, то есть как результат дискурсивной деятельности человека, потому что, как считает Кубрякова, дискурс – это когнитивное явление. Дискурс включает в себя две важные структуры – когнитивную и коммуникативную, а также ментальную деятельность людей. Существует несколько видов дискурса. Автор рассматривает дискурс художественного произведения как явление подвижное, динамическое, реализуемое уровнем знаний, эмоциями и ценностями. Художественный дискурс учитывает уровень коммуникативной деятельности человека, позволяет обосновать, каким образом писателю удастся отобрать информацию, чтобы распределить ее в тексте, как он связывает между собой языковые средства.

Автор рассматривает также так называемый специальный текст. «Специальный текст – текст, главным содержанием которого являются те или иные теории, факты, сведения, рекомендации отдельных наук и отраслей знания» [16]. Для него характерны логичность, терминологичность, тщательный отбор лексики. Здесь вводится в обиход термин «Специальный дискурс», при котором учитывается сама функция сообщения, когнитивная и коммуникативная функции. Специальный дискурс позволяет убедить читателя в достоверности излагаемых автором позиций. Каждый специальный текст фиксирует определенный уровень познания в конкретной области деятельности человека. Данное мнение подтверждает А.С. Герд, он пишет: «изучение проблемы текстов требует сведений об уровне знаний и картине мира не только у народа, говорящего на языке, но и многих других народов, с которыми народ контактировал в разное время» [16]. Любое содержание специального текста обусловлено когнитивной деятельностью человека. Специальный текст способствует появлению новых видов знаний, понятий и категорий в конкретной области знания. Специализированная коммуникация отличается от других видов коммуникации, так как направлена на улучшение взаимной связи между людьми. Такая взаимосвязь называется оптимизацией, и имеет цель конструировать знания. Знания всегда связаны со знаниями о мире или о языке, или о конкретной коммуникации, и опираются на умения, навыки и опыт человека. Таким образом, учеными доказано, что специальная коммуникация является важным видом общения, так как возрастает необходимость понимания когнитивных и функциональных систем языка с переносом концептов на другой язык посредством сопоставления языков с целью понимания народа другой культуры.

Библиографический список

1. Манерко Л.А. Наука о языке: парадигмы лингвистического знания / Л.А. Манерко. Рязань: Изд-во РГУ имени С.А.Есенина 2006. 216с.
2. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке.: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук, Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560с.
3. Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: Синто, 1993. 191с.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 267с.
5. Jackendoff R. Languages of the mind: Essays on mental representations: The MIT Press, A Brandford book, 1996. 200 p.
6. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизация сложных систем. М.: Наука, 1994.
7. Манерко Л.А. Когнитивная теория языка: философские основания и направления исследований / Л.А. Манерко. М.: Гнозис.2024. 454с.
8. Джекендофф Р. Ландау Б. Объект и его пространственные характеристики // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. Вып.3. М.: Изд-во «Прометей», 2004. С.96-103.
9. Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. М., 1992. С. 4-28.
10. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / под ред. Кибрика. Изд-во МГУ, 1997. С.340-469.
11. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект: сб. перевод с английского и немецкого; сост. В.В.Петров. М.: Изд.группа «Прогресс», 1996. С.143-184.
12. Кубрякова Е.С. Неология: проблемы и перспективы // Проблемы английской неологии: материалы науч. конф., 2002. М.: Изд.МГЛУ, 2002.С.5-11.
13. Воробьева В.П. Художественная семантика: когнитивный сценарий // С любовью к языку: сб.науч. тр. М., Воронеж: ИЯРАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. С.349-384.
14. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 137с.
15. Josephson B.D., Blair D.G. A holistic approach to language. Department report. Cfmbridge Univ., Dept of Phesics, Theory of Condenstnd Matter Group, 1982.
16. Герд А.С. Специальный текст как предмет прикладного языкознания // Прикладное языкознание. СПб: Изд-во С.-Петербургу. ун-та, 1996. С.68-90.

References

1. Manerko L.A. Science of language: paradigms of linguistic knowledge / L.A. Manerko. Ryazan: Publishing house of the Russian State University named after S.A.Yesenin 2006. 216s.
2. Kubryakova E.S. Language and knowledge. On the way to gaining knowledge about language.: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in cognition of the world / Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics, Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 560c.
3. Potebnya A.A. Thought and language. Kiev: Shinto, 1993. 191c.
4. Karaulov Yu.N. Russian language and linguistic personality. Moscow: Nauka, 1987. 267c.
5. Jackendoff R. Languages of the mind: Essays on mental representations: The MIT Press, A Brandford book, 1996. 200 p.
6. Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. Laws of evolution and self-organization of complex systems. Moscow: Nauka, 1994.
7. Manerko L.A. Cognitive theory of language: philosophical foundations and research directions / L.A. Manerko. Moscow: Gnosis.2024 454c.

8. Jackendoff R. Landau B. The object and its spatial characteristics // Actual problems of English linguistics and linguodidactics. Issue 3. Moscow: Prometheus Publishing House, 2004. pp.96-103.

9. Kubryakova E.S. Problems of knowledge representation in modern science and the role of linguistics in solving these problems // Language and structures of knowledge representation. Moscow, 1992. pp. 4-28.

10. Chenki A. Semantics in cognitive linguistics // Fundamental directions of modern American linguistics / ed. Kibrika. Moscow State University Publishing House, 1997. pp.340-469.

11. Lakoff J. Cognitive modeling // Language and intelligence: collection of translations from English and German; comp. V.V.Petrov. Moscow: Progress Publishing Group, 1996. pp.143-184.

12. Kubryakova E.S. Neology: problems and prospects // Problems of English neology: proceedings of the scientific conference, 2002. Moscow: MGLU Publishing House, 2002.pp.5-11.

13. Vorobyeva V.P. Artistic semantics: a cognitive scenario // With love for language: collection of scientific tr. M., Voronezh: IYARAN, Voronezh State University, 2002. pp.349-384.

14. Galperin I.R. Text as an object of linguistic research. Moscow, 1981. 137c.

15. Josephson B.D., Blair D.G. A holistic approach to language. Department report. Cfmbridge Univ., Dept of Phesics, Theory of Condenstnd Matter Group, 1982.

16. Gerd A.S. Special text as a subject of applied linguistics // Applied linguistics. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1996. pp.68-90.

УДК: 82

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.029

*Санкт-Петербургский государственный
медицинский университет им.
И.И. Мечникова
канд. филол. наук, доцент кафедры русского
языка как иностранного
Белова А.В.
Россия, Санкт-Петербург,
тел. +79119447714,
e-mail: ioanna.ventura@gmail.com*

*St. Petersburg State Medical University
named after I.I. Mechnikov candidate
PhD in Philology,
assistant Professor,
Department of Russian as a Foreign Language
Belova A.V.
Russia, Saint-Petersburg,
tel. +79119447714,
e-mail: ioanna.ventura@gmail.com*

А.В. Белова

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ: АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

A.V. Belova

STROKES TO THE PORTRAIT: ALEXANDER PAVLOVICH CHEKHOV

Александр Павлович Чехов, писатель, публицист, мемуарист, старший брат Антона Павловича Чехова, был человеком оригинального склада, со страстной и искренней душой. Полиглот, эрудит, труженик и изобретатель, интересовавшийся практически всем и вся (актерское и переплетное дело, минералогия, химические и физические опыты, история, создание чернил и линолеума, устройство инкубатора для выведения редких пород кур, собирание корпусов для часов (из пробок, веток и пр.), фотография, пломбировка зубов, изучение иностранных языков, кулинария.

Не сделав большой карьеры в литературе (хотя и у него есть ряд талантливых произведений, которые высоко оценивал Антон Павлович и критики того времени), он был прекрасным репортером - быстрым, с легким слогом. Его имя известно потомкам не только в связи с родством с великим русским писателем А.П. Чеховым, но еще и потому, что он является отцом русского актера и режиссера Михаила Чехова, создателя собственной театральной школы. Особую нервность маленького Миши отмечал еще его дядя Антон Павлович и предполагал, что из него выйдет талантливая личность. Склад нервной системы, талант, любознательность, увлеченность, глубина личности - все это, несомненно, было унаследовано сыном от отца, Александра Чехова.

Об актерском таланте Александра Павловича можно прочесть воспоминания современников, которые хранятся в Таганрогском государственном литературном и историко-архитектурном музее-заповеднике: «Он, как и многие школьники, увлекался театром и играл в любительских спектаклях, организованных братом Антоном. Но доводилось ему участвовать и в настоящих представлениях, тайком от гимназического начальства. Однажды старшеклассник, по просьбе актрисы, загримировался под не приехавшего комика Востокова. Публика узнала о замене только после представления. И благодушно заметила: «Здорово, шельма, под Востокова подделался. Из него хороший жулик выйти может...» [1].

Уже ребенком Александр Павлович Чехов был очень любознателен, все хотел попробовать сам. Учитель географии так увлекательно повествовал на уроке о минералах, что Са-

ша и его друзья решили обзавестись собственными коллекциями, и собранные образцы камней бежали показывать географу.

В актовом зале гимназии педагоги читали лекции для всех желающих на всевозможные темы: по истории, физике, химии. Став постарше, Саша старался их не пропускать. Когда при городском четырехклассном училище действовали бесплатные ремесленные курсы, Александр записался туда самым первым, а уже потом - три следующих за ним по старшинству брата. Александр изучал переплетное ремесло.

«В детстве Александр <...> прекрасно собирал электрические батареи и переплетал книги <...> Последний год учебы Александр провел в семье Э.Р. Рейтлингера: способного и словоохотливого ученика пригласили «репетировать детей» директора гимназии» [2; с. 5].

Впереди учеба в Московском университете, сложная семейная жизнь, поиск своего места (работа в таможне, попытки писательства), смерть маленькой дочери, многолетнее репортерство в петербургской газете «Новое время».

Основными источниками для исследования жизни и творчества Александра Павловича Чехова могут служить его письма к брату Антону, его рассказы и статьи в журналах и газетах, дневниковые записи, воспоминания об общем детстве в семье Чеховых. Переписка братьев Антона и Александра Чеховых включает в себя более пятисот писем, около трехсот из них — письма Александра. Безусловно, содержание этой переписки демонстрирует то, что на протяжении всей жизни Антона Павловича его старший брат был верным другом и помощником: «Искренне люблю тебя» [3; с. 835], «Люблю тебя во как, подчас даже тоскую по тебе» [3; с. 837], «Каждая твоя строка - весенний праздник» [3; с. 841]. Именно Александр Павлович стал первым биографом своего знаменитого брата Антона, его воспоминания откровенны и не приукрашивают жизнь маленького Антоши, им веришь. Большинство писем — деловые или личные, в них отображена душевная боль и радости человека, который прожил жизнь трудную, но интересную. Множество занятий, профессий, должностей, сложная семейная жизнь, четверо детей. И творчество во всем. За что бы ни брался Александр Чехов, все он делал с азартом и выдумкой. Письма Александра Чехова оценивались самим Антоном Павловичем как блестящие импровизации и приравнивались им к талантливым литературным произведениям. Они демонстрируют личность незаурядную, эмоциональную, глубоко чувствующую, безусловно талантливую в литературном плане.

Некоторые тексты писем являются зарисовками с натуры или путевыми заметками, записанными жизненными анекдотами, воспоминаниями, т.е. представляют собой художественные тексты, написанные талантливым лингвистом. Они полны различных набросков, сюжетов, пародий, лирических текстов (особенно, когда Ал.П. Чехов вспоминает о детстве). Особенной группой выделяются письма, написанные на латыни:

«Александр отвечал в Москву интереснейшими описаниями своей службы в таможне. В своем письме от 23 ноября 1882 года Александр Павлович рассказывает о событии, отмечаемом местными таможенниками и купцами: «Брате Алтоне! ... опишу тебе два торжества, коих я имел честь быть свидетелем. Одно из сих торжеств – закрытие навигации в нашем порте...» [3; с. 316]. Такому красочному описанию дал высокую оценку Антон Павлович Чехов: «За твое письмо, в котором ты описываешь молебен на палях (с гаттерасовскими льдами) (гаттерасовские льды - из романа Жюль Верна «Путешествия и приключения капитана Гаттераса» - А.Б.), будь я богом, простил бы я тебе все твои согрешения вольные и невольные» [3; с. 332]., будь я богом, простил бы я тебе все твои согрешения вольные и невольные» [3; с. 332].

«Излюбленный жанр Александра Чехова - рассказ или маленькая повесть, основной герой которых - мелкий чиновник или служащий, погруженный в бытовые заботы» [4; с.70].

«Подчеркни ты, сильный образованный, развитой, то, что жизненно, что вечно, что действует не на мелкое чувство, а на истинно человеческое... Ты на это способен... Ведь ты остроумен, ты реален, ты художник. <...> А между тем ты не рожден субъективным писателем... Это не врожденное, а благоприобретенное... Отречься от благоприобретенной субъек-

тивности легко, как пить дать... Стоит только быть почестнее: выбрасывать себя за борт всюду, не совать себя в герои своего романа, отречься от себя хоть на ½ часа» (из письма А.П. Чехова в феврале 1883 г.) [3; с. 332-333]. Александр Павлович отвечал брату: «Ты прав, упрекая меня в том, что все мои действующие лица в рассказах малодушничают и — чиновники. Я слишком глубоко забрался в Азию для того, чтобы знать, что делается в Европе. Газеты доходят на десятый день. Тем из жизни братья невозможно <...> Единственный исход — моя чиновничья среда» [3; с. 392].

«Разносторонние познания, острый ум, знание языков снискали Александру Павловичу уважение всех, с кем ему приходилось встречаться и работать. Он говорил на греческом, латинском, немецком, французском. Финский язык изучил за несколько месяцев в пятидесятилетнем возрасте» [2; с. 5].

Александр Чехов очень много читал, еще будучи гимназистом. Из воспоминаний М.П. Чехова: «Это был впоследствии интереснейший и высокообразованный человек, добрый, нежный, сострадательный, изумительный лингвист и своеобразный философ, Он был литератором и писал под псевдонимом «А. Седой». Благодаря своим всесторонним познаниям он вел в газетах отчеты об ученых заседаниях, и сами лекторы специально обращались перед своими выступлениями к редакторам газет, чтобы в качестве корреспондента они командировали к ним именно моего старшего брата, Александра. Известный А.Ф. Кони и многие профессора и деятели науки часто не начинали своих лекций, дожидаясь его прихода» [5; с. 46].

Эту сферу деятельности отражают и замечания в письмах Александра Чехова к брату Антону Павловичу: «Прощай, брат, некогда. Записался и прозевал время. Надо бежать на заседание технического общества» [3; с. 488], «Сейчас иду в Думу на заседание и по дороге занесу эти строки в ящик курьерского» [3; с. 494].

Не чужд был он и кулинарных увлечений. В 1902 г. Александр Павлович писал двоюродному брату Владимиру: «Опыт с сушеными бавнами и синенькими удался превосходно. Соус вышел великолепный... Я по рецепту Марфы Ивановны засолил одну банку с луком, зеленью и чесноком... Собираю в лесу грибы и приготавливаю — свинушки первый сорт соленые, свинушки первый сорт маринованные, опенки маринованные...». Александр любил приглашать родственников и друзей на угощение [1].

«Ем я синенькие, бавны, красненькие и кабачки. Все это очень вкусно» [3; с. 299], «Какой же таганрожец не объедается бавнами, красными и синими», «Попадешь в Таганрог — сам объешься этого добра и почувствуешь только тогда, когда уже на столе лежать будешь», «Мосевна — чистый бутон. Красных (несмотря на твое предостережение) съедает по пяти в сутки, а синих — по десятку» (Мария Чехова, дочь Александра Чехова — А.Б.) [3; с. 349], «Копаясь в огороде, возвращаю кабачки, синенькие и помидоры» [3; 837] и т. п. И еще об одном оригинальном рецепте читаем в письме 1899-го года: «Завел я себе сифон для домашнего приготовления зельтерской воды, но вместо воды газирую молоко. Хорошо. Одобряю. Окисленное молоко переносится легко» [3; с. 819].

С 1886 года начинается его долгая, почти двадцатипятилетняя, работа в газете А.С. Суворина «Новое время», издававшейся в Петербурге. Александр Чехов прожил здесь до 1913 года, до конца своей жизни. Место издания и адрес редакции — большой общественной, политической и литературной газеты «Новое время»: Санкт-Петербург (Петроград), Невский проспект, дом № 40. Совсем недалеко от редакции был дом Александра Чехова, в котором он прожил дольше всего.

Последний адрес, по которому он жил в Петербурге — Невский (традиционно этот отрезок Невского проспекта от площади Восстания до Александро-Невской лавры зовется петербуржцами Староневским) проспект дом 132, квартира 15 в доме 1877-81 гг. постройки. Этот многоквартирный жилой дом с двумя дворами, соединенными арками, известный под названием «доходный дом», построен в стиле неоренессанс архитектором А.И. Климовым, и имеет свою небольшую историю. Первое упоминание этого адреса можно найти в письме

1893-го года от 17 сентября. И 1894-м году находим упоминание о нем: «Письма пиши в Петербург. Невский, 132, кв.15. Квартира сия осталась на лето за мною» 9 письмо от 18 апреля адресовано Антону Чехову). У Александра Павловича в этом доме на втором этаже была просторная квартира: «Квартира в 5 комнат» [3; с. 818], «Есть мягкая мебель, письменный стол, бархатный диван и прочие удобства, добытые упорным честным трудом» [3; с. 822]. Жил он здесь до 1900 года. В ней проживали вместе с Александром Павловичем его жена Наталья Александровна, теща, трое сыновей, прислуга. В подъезде, где он жил, находилось всего 6 квартир.

Позже он переезжает в Удельную, где построил дом: «Дача в Удельной двухэтажная (4 комнаты там)», - напишет он брату Антону в 1899 году [3; с. 819]. Об этом загородном доме так вспоминала его племянница Евгения Сахарова (дочь Михаила Павловича Чехова): «Однажды отец взял меня с собою в Удельную, и помню, как я была удивлена: в комнатах домика дяди Саши не было ничего, кроме железных кроватей с тощими матрацами, стола и нескольких венских стульев». Жизнь в последние годы была у Александра Чехова непростой, он мало зарабатывал, выпивал, жил один после разрыва с женой.

Александр Чехов именуется себя «скоропандентом» [3; с. 792], работает много, сильно устает: «Тебе не приходится сидеть за письменным столом по 10 часов в сутки и писать из-за пятака такие вещи, которые тебе не симпатичны, но нужны г. Суворину для газеты» [3; с. 781], «Беспросветная переутомительная работа из-за пятака <... > Работаю анафемски много, но мзды получаю мало, т. к. от старости стал работать втрое медленнее» [3; с. 795] (из письма 1899 г.). Днем он работает в редакции газеты «Новое Время», ночью пишет рассказы и фельетоны. Желание уехать из Петербурга на юг не сбудется: «Вне Питера я хлеба не зарабатываю. Такова планида» [3; с. 800]. «У доброго господина Суворина зарабатываю весьма мало: молодежь - ей же честь, место и поклонение, - забивает меня по закону Мальтуса, как оно и должно быть» [3; с. 843], - напишет он в письме к брату Антону Павловичу в 1903 году. В газете его публикуют все реже и реже (так, например, за период 1903-1906 гг. в газете «Новое время» напечатана 1 статья).

«Чтобы в беллетристике терпеть возможно меньше неудач или чтобы последние не так резко чувствовались, нужно побольше писать, по 100-200 рассказов в год. В этом секрет», - напишет Александр Павлович в письме к брату Антону Чехову в 1899 году.

«Не став великим писателем, как его брат, Александр Павлович Чехов, тем не менее, оставил свой след в истории. Он был очень разносторонней и в то же время противоречивой личностью. Ему великолепно удавались путевые заметки. Он увлекался философией, писал на исторические темы. Своим читателям он мог просто и доходчиво объяснить содержание выступлений на какой-нибудь научной конференции. Зная о пожарном деле не понаслышке (в газете «Новое время» за ним закрепили публикации о пожарах), Александр Павлович в 1892 году пишет книгу «Исторический очерк пожарного дела в России» [6; с. 258].

«Страдая от пагубной привычки к спиртному, он будет бороться с ней, поймет, что это болезнь и ее можно лечить. В 1897 году выйдет его книга «Алкоголизм и возможная с ним борьба» [6; с. 258]. Весь свой жизненный опыт Александр Павлович попытается увековечить в помощь и назидание потомкам, каждая строчка, написанная им, будь то брошюра или текст письма к брату имплицитны, даже свой дневник он адресует детям «В назидание детям, Коле, Тосе и Мише, после моей смерти».

Имя Александра Чехова — связующее звено между двумя гениями: братом Антоном Чеховым и сыном Михаилом Чеховым.

«Когда-то Александр Чехов принес в редакцию газеты «Сын Отечества» словарь, где о нем написали: «Брат предыдущего», так как составители поместили статью об Антоне Чехове раньше. Так и остался он для современников «Братом предыдущего». Но даже они не смогли рассмотреть grimасы судьбы, когда после своей смерти, он стал «Отцом следующего» [6; с. 259]. Из четверых детей Александра Павловича только Михаил Чехов сумел проявить свои способности и стал известен. «Что это за ребенок, Александр понял сразу, но, по-

хоже, любить его, обожаемого матерью, обласканного окружающими, у отца не было сил. Да и сердце его больше отзывалось на обиженных судьбой» [3; с. 23].

«Еще при жизни Александра Павловича Миша поступит в театральную школу Петербургского Малого (Суворинского) театра (1907 г.) и в 1912-ом году будет приглашен К.С.Станиславским в Московский Художественный театр. В дальнейшем, играя в МХАТе, он станет известным актером. В 1928 году эмигрирует из СССР. Будет выступать на сценах европейских драматических театров. В 1939 году Михаил Александрович переедет в США, где создаст свою актерскую школу и напишет книгу «О технике актера». Многие голливудские звезды пройдут через школу Михаила Чехова, и будут называть ее «кузницей театральных талантов». Но ничего этого Александр Павлович не увидит. Врачи обнаружат у Александра рак горла. Возможно, пагубная привычка к сквернословию сыграла с ним злую шутку, и он будет медленно и мучительно угасать. Пережив Антона на девять лет, Александр Павлович Чехов умрет 17 мая 1913 года в 9 часов утра и будет похоронен в Санкт-Петербурге на Литераторских мостках» [6; с. 259]. «Александр Павлович Чехов пережил брата Антона Павловича на девять лет. За это время он написал интереснейшие воспоминания о знаменитом брате Антоне Павловиче, успел порадоваться первым успехам младшего сына Михаила Александровича» [2; с. 5].

Глубокие душевные отношения, связывавшие братьев Антона и Александра Чеховых на протяжении сорока лет, свидетельства которых подробно и честно запечатлены в их переписке, стали, думается, подарком судьбы и удачей для обоих. Если вспомнить дату рождения Александра и Антона Чеховых, то становится ясно, что их мужская дружба смогла состояться и благодаря влиянию свойств личности, которые описаны в астрологических портретах Льва и Водолея: харизматичного с сильным характером оптимиста и неординарного интеллектуала. Безусловно, с научной точки зрения источник далеко не бесспорный, но все же он дает возможность также подтвердить очевидные факты — братья Чеховы оба были крайне заинтересованы в общении и взаимодополняли друг друга. Антон Павлович был замечательным слушателем и оказывал психологическую поддержку Александру Павловичу, который в свою очередь способствовал проявлению эмоций и приданию уверенности в себе у младшего брата» («Я никогда не нравился себе. Я не люблю себя как писателя» читаем в письме А.П. Чехова к А.С. Суворину, или «Вопрос «кто я?» и по сие время остается для меня открытым» - из письма к старшему брату, 1888 год).

«Быть может из-за того, что Александр растрачивал свой талант по частям, он так и не напишет своего главного произведения. А может его разносторонность и есть главный труд всей жизни. Все может быть» [6; с. 258]. И жизнь Александра Чехова, возможно, заключалась не только в том, что он был вынужден постоянно бороться со своими пороками и пробовать себя в различных областях, являя пример жизни обычного одаренного человека, у которого оказался гением брат Антон Чехов. Именно старший брат смог стать своеобразным трамплином и оставаться собеседником, доверенным лицом, другом и близким человеком на протяжении всей жизни Антона Павловича. Кто знает, может быть это и была самая важная духовная роль Александра Чехова, и именно в этом проявился его главный талант.

Библиографический список

1. Старший брат. Дню рождения Александра Павловича Чехова посвящается (1855 — 1913) [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL.: https://tgliamz.ru/news/?ELEMENT_ID=3291 (дата обращения 19.05.2024)
2. Шапочка Е. «Выбивайся наружу, на свет!» Таганрогская правда. 2015. 26 августа. С.5.
3. Александр и Антон Чеховы. Воспоминания. Переписка // Под ред И.Н. Сухих. Сост.,подг.текста и коммент. Е.М. Гушанской, И. С. Кузьмичева. М.: «Захаров», 2012. 960 с.
4. Смирнов А. В. Александр Чехов - таможенник // Вехи Таганрога. 2006. № 30. С. 70-

74.

5. Чехов М. П. Вокруг Чехова. М.: Московский рабочий, 1964. 368 с.

6. Смирнов А.В. Таможенник Чехов (Служба в Санкт-Петербургской сухопутной таможне и Новороссийской таможне) // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. №3 (37) 2010. С.240-259.

References

1. Older brother. Dedicated to the birthday of Alexander Pavlovich Chekhov (1855 - 1913) [Electronic resource]: Access mode: URL.: https://tgliamz.ru/news/?ELEMENT_ID=3291 (access date 05/19/2024)

2. Shapochka E. "Get out into the light!" Taganrog truth. 2015. August 26. S.5.

3. Alexander and Anton Chekhov. Memories. Correspondence // Edited by I. N. Sukhikh. Comp., preparation of text and commentary. E.M. Gushanskaya, I. S. Kuzmichev. M.: "Zakharov", 2012. 960 p.

4. Smirnov A.V. Alexander Chekhov - customs officer // Milestones of Taganrog. 2006. No. 30. P. 70-74.

5. Chekhov M.P. Around Chekhov. M.: Moscow worker, 1964. 368 p.

6. Smirnov A.V. Customs officer Chekhov (Service in the St. Petersburg land customs and Novorossiysk customs) // Scientific notes of St. Petersburg named after V.B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy. No. 3 (37) 2010. P. 240-259.

УДК 81

DOI 10.36622/2587-9510.2025.58.3.030

*Воронежский государственный технический университет
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
Doctor of Philology, professor the Department of Russian Language and cross-cultural communication
Bugakova N.B.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru*

*Воронежский государственный технический университет
доктор филологических наук,
заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-404-0448
e-mail: saskuridina@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
Doctor of Philology,
Head of the Department of Russian Language and cross-cultural communication
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-404-0448
e-mail: saskuridina@yandex.ru*

Н.Б. Бугакова, С.А. Скуридина

**ИТОГИ IV ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «ДУХ, ДУША И ТЕЛО В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ»
(ВОРОНЕЖ, ВГТУ, 10 СЕНТЯБРЯ 2025 Г.)**

N.B. Bugakova, S.A. Skuridina

**RESULTS OF THE IV ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL
CONFERENCE "SPIRIT, SOUL AND BODY IN WORLD CULTURE"
(VORONEZH, VSTU, 10th SEPTEMBER, 2025)**

10 сентября 2025 года на базе гуманитарного факультета Воронежского государственного технического университета прошли заседания IV Всероссийской научно-практической конференции «Дух, душа и тело в мировой культуре», организованной кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации. В конференции приняли участие российские ученые – лингвисты, литературоведы, культурологи, преподаватели-практики, педагоги, журналисты, философы, историки, специалисты в области рекламы и др. – сфера научных интересов которых связана с теоретико-методологическими и прикладными проблемами филологии, журналистики, рекламы, межкультурной коммуникации.

Работа конференции велась по следующим направлениям: дух, душа и тело в русской и мировой культуре; дух, душа и тело в журналистских и рекламных медиатекстах и др.

Целью конференции являлось обсуждение взаимодействия духа, души и тела с точки зрения лингвистики, литературы, медиа, философии и пр. Обширная география конференции обусловлена актуальной проблематикой, включающей разные аспекты триады дух-душа-тело. Прозвучали доклады ученых из многих городов России: Якутска, Самары, Краснодар,

Ярославля, Белгорода, Липецка, Воронежа, Алчевска, Казани и др. Отдельно отметим исследования коллег из других стран – Индонезии, Беларуси [1; 2].

В исследованиях, представленных на конференции, рассматривалось функционирование как триады дух, душа и тело, так и отдельных ее элементов, в русской и мировой культуре, русской и зарубежной литературе, в контексте философской рефлексии. Часть докладов, прозвучавших на конференции, были посвящены репрезентации заявленной триады в медиатекстах.

Доклады, посвященные рассмотрению триады дух, душа и тело в русской и мировой культуре, отличались широтой рассмотрения проблематики и были посвящены анализу лексем «душа» в якутских фразеологизмах [3], эпитетации духа в поэзии М. Цветаевой [4], рассмотрению духовных мотивов в литературных произведениях декабристов [5], выявлению способности говоров Воронежской области отражать дух жителей современной деревни [6], конвергенции духа, природы и художественных образов в концептосфере К.Г. Паустовского [7], словообразовательной парадигме производящей основы -душ- в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» [8]. Доклады, посвященные рассмотрению триады дух, душа и тело в журналистских и рекламных медиатекстах, были направлены на рассмотрение интерпретации понятий «дух» и «душа» в медиатекстах патриотической направленности [9], анализ морально-нравственного аспекта в медиапродуктах жанра тру-крайм [10], определение роли СМИ в снижении уровня тревожности среди населения и их влияние на душу человека [11], рассмотрение этики документальной фотографии с целью обозначения права на изображение страданий и его духовное измерение [12], выявление формирования духовной связи между артистом и его фанатами в социальных медиа [13] и др. Кроме того, выполненные в рамках подготовки к конференции исследования были посвящены соревновательному духу в мировом спорте. Отдельно отметим работы, анализирующие в рамках тематики конференции фольклор: так, Н.И. Файзуллина и И.В. Полякова посвятили свое исследование русским народным загадкам о жизни и смерти [14], М.В. Новикова, А.В. Титова и А.А. Козлова оценивали духовную трансформацию Кота Баюна в современных медиареалиях [15], Д. Канунников и Е.М. Карманов рассмотрели отражение духовной составляющей в трансформационном образе Домового. Отдельные исследования оценивали уличную культуру с точки зрения духовности [16].

Отметим работы, посвященные реализации духа, души и тела в русской и зарубежной литературе и анализирующие духовное пробуждение через творческий процесс в современной русской поэзии [17], духовные коннотации прецедентных имен [18], рассматривающие духовную антропологию в раннем творчестве Ф.М. Достоевского [19], выявляющие семантический потенциал библониима А. Платонова «Неодушевленный враг» [20], рассматривающие метафизику души в военной прозе А. Платонова [21] и др.

Материалы конференции будут опубликованы в сборнике научных работ по итогам конференции «Дух, душа и тело в мировой культуре», которая проводится кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации ежегодно. Подобная периодичность обусловлена интересом к актуальной тематике конференции, большим количеством интересных докладов, которые представляются на конференцию учеными из разных городов России и других стран.

Библиографический список

1. Карташова Е.Н., Сити А. Женский образ в рекламе индустрии красоты в России и Индонезии // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 65-68.
2. Шуманская О.А. Глагол «дышать» как средство олицетворения в произведениях русских поэтов 20-го века // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы IV Всероссийской

ской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 157-159.

3. Винокурова Н.И. Лексема «душа» в якутских фразеологизмах // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 45-49.

4. Губанов С.А. Эпитетация Духа в поэзии М. Цветаевой // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 55-58.

5. Ковалева Л.В. Духовные мотивы в литературном творчестве декабристов // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 72-77.

6. Недоступова Л.В. Дух нижедевицких скупопотуданцев (на материале народной речи) // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 101-105.

7. Мартынова Е.М. Конвергенция Духа, природы и художественных образов в концептосфере К.Г. Паустовского // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 91-94.

8. Скуридина С.А. Лексема *душа* и ее дериваты как доминанты создания образа старшего брата в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 135-139.

9. Байбатырова Н.М. Интерпретация понятий «ДУХ» и «ДУША» в медиатекстах патриотической направленности // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 14-18.

10. Саратова М.В., Деревцова И.А. Морально-нравственный аспект в медиапродуктах жанра тру-крайм // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 121-126.

11. Бугакова Н.Б., Федюнина Н.А. Роль СМИ в снижении уровня тревожности среди населения и их влияние на душу человека // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 22-26.

12. Казанцева А.Д., Новикова М.В. Этика документальной фотографии: право на изображение страданий и его духовное измерение // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 61-65.

13. Сабина Д.А., Кузьминых Е.О. Формирование духовной связи между музыкальным исполнителем и его фанатами в социальных медиа // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 117-121.

14. Файзуллина Н.И., Полякова И.В. Народные загадки о душе, жизни и смерти человека // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 146-149.

15. Козлова А.А., Титова А.Д., Новикова М.В. Духовная трансформация Кота Баюна в современных медиареалиях // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы IV Всерос-

сийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 77-80.

16. Скуридина С.А., Новиков Д.В. Уличная культура: от вандализма к духовности // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 126-130.

17. Кормилаева А.А. Мотив духовного пробуждения через творческий процесс в современной русской поэзии (на материале стихотворений П. Барсковой, О. Чухонцева, М. Степановой) // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 83-87.

18. Кузьминых Е.О., Михнова Л.А. Духовные коннотации прецедентного имени «Папа Карло» в современном газетном дискурсе // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 87-91.

19. Меринов К.А. Христианская антропология в раннем творчестве Ф.М. Достоевского // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 94-97.

20. Бугакова Н.Б. Семантический потенциал библониима А. Платонова неодушевленный враг // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 30-34.

21. Бугакова Н.Б., Черных Д.А. Метафизика души в военной прозе А. Платонова (на примере рассказа «Взыскание погибших») // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 26-30.

References

1. Kartashova E.N., City A. Female image in advertising of the beauty industry in Russia and Indonesia // Spirit, soul and body in world culture: materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: FSBEI HE "Voronezh State Technical University," 2024. Pp. 65-68.

2. Shumanskaya O.A. The verb "breathe" as a means of personification in the works of Russian poets of the 20th century // Spirit, soul and body in world culture: materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: FSBEI HE "Voronezh State Technical University," 2024. Pp. 157-159.

3. Vinokurova N.I. Lexema "soul" in Yakut phraseological units // Spirit, soul and body in world culture: materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: FSBEI HE "Voronezh State Technical University," 2024. Pp. 45-49.

4. Gubanov S.A. Epitheting of the Spirit in the poetry of M. Tsvetaeva // Spirit, soul and body in world culture: materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: FSBEI HE "Voronezh State Technical University," 2024. Pp. 55-58.

5. Kovaleva L.V. Spiritual motives in the literary work of the Decembrists // Spirit, soul and body in world culture: materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: FSBEI HE "Voronezh State Technical University," 2024. Pp. 72-77.

6. Nedostupova L.V. The spirit of the Nizhnedevitsky Skupopotudans (based on the material of folk speech) // Spirit, soul and body in world culture: materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: FSBEI HE "Voronezh State Technical University," 2024. Pp. 101-105.

7. Martynova E.M. Convergence of Spirit, nature and artistic images in the concept sphere of K.G. Paustovsky // Spirit, soul and body in world culture: materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: FSBEI HE "Voronezh State Technical University," 2024. Pp. 91-94.
8. Skuridina S.A. The lexeme "soul" and its derivatives as dominant elements in the creation of the image of the elder brother in F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" // Spirit, soul and body in world culture: materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: FSBEI HE "Voronezh State Technical University," 2024. Pp. 135-139.
9. Baibatyrova N.M. Interpretation of the concepts of "SPIRIT" and "SOUL" in patriotic media texts // Spirit, soul and body in world culture: materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: FSBEI HE "Voronezh State Technical University," 2024. Pp. 14-18.
10. Saratova M.V., Derevtsova I.A. Moral and moral aspect in media products of the tru-kraim genre // Spirit, soul and body in world culture: materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: FSBEI HE "Voronezh State Technical University," 2024. Pp. 121-126.
11. Bugakova N.B., Fedyunina N.A. The role of the media in reducing the level of anxiety among the population and their impact on the human soul // Spirit, soul and body in world culture: materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: FSBEI HE "Voronezh State Technical University," 2024. Pp. 22-26.
12. Kazantseva A.D., Novikova M.V. Ethics of documentary photography: the right to depict suffering and its spiritual dimension // Spirit, soul and body in world culture: materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: FSBEI HE "Voronezh State Technical University," 2024. Pp. 61-65.
13. Sabinina D.A., Kuzminykh E.O. The formation of a spiritual connection between a music performer and his fans in social media // Spirit, soul and body in world culture: materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: FSBEI HE "Voronezh State Technical University," 2024. Pp. 117-121.
14. Fayzullina N.I., Polyakova I.V. Folk riddles about the soul, life and death of man // Spirit, soul and body in world culture: materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: FSBEI HE "Voronezh State Technical University," 2024. Pp. 146-149.
15. Kozlova A.A., Titova A.D., Novikova M.V. The spiritual transformation of Cat Bayun in modern media galleries // Spirit, soul and body in world culture: materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: FSBEI HE "Voronezh State Technical University," 2024. Pp. 77-80.
16. Skuridina S.A., Novikov D.V. Street culture: from vandalism to spirituality // Spirit, soul and body in world culture: materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: FSBEI HE "Voronezh State Technical University," 2024. Pp. 126-130.
17. Kormilaeva A.A. The motive of spiritual awakening through the creative process in modern Russian poetry (based on the poems of P. Barskova, O. Chukhontsev, M. Stepanova) // Spirit, soul and body in world culture: materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: FSBEI HE "Voronezh State Technical University," 2024. Pp. 83-87.
18. Kuzminykh E.O., Mikhnova L.A. Spiritual connotations of the precedent name "Papa Carlo" in modern newspaper discourse // Spirit, soul, and body in world culture: Proceedings of the IV All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. Pp 87-91.
19. Merinov K.A. Christian anthropology in the early works of F.M. Dostoevsky // Spirit, soul, and body in world culture: Proceedings of the IV All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. Pp. 94-97.

20. Bugakova N.B. The Semantic Potential of A. Platonov's Biblionym "Inanimate Enemy" // Spirit, Soul, and Body in World Culture: Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. Pp. 30-34.

21. Bugakova N.B., Chernykh D.A. Metaphysics of the Soul in A. Platonov's War Prose (Based on the Story "Recovery of the Dead") // Spirit, Soul, and Body in World Culture: Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. Pp. 26-30.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;
- 3) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);
- 4) название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 8) библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67], [2; т. 3, с. 4–6]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

Гуманитарный институт филиала
Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск,
тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Institute of Humanities of Northern
(Arctic) Federal University named after
M.V. Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk,
tel. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег... (200-250 слов).

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, признаки образа, ...

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, ...

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесполуденной страны* [1]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания его современники и исследователи творчества, в т. ч. Л.Я. Гинзбург [2].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (дата обращения – 15.05.2019).
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.

References

1. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (accessed – 15.05.2019).
2. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 3 (58) 2025

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 31.10.2025. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 27,3. Усл. печ. л. 28,7. Тираж 28 экз. Заказ № 244
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84